U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PG3122236

Book _____

YUDIN COLLECTION

Shcherbina, Nikolaĭ Fedorovich
Polnoe sobranie sochineniĭ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. Ѳ. ЩЕРБИНЫ.

Стихотворенія. — Новогреческія мелодіи. — Пѣсни о природѣ. — Ямбы и элегіи. — Пѣсни Русскаго на чужбинѣ. — Эпиграммы. — „Сонникъ Русской Литературы". — Доморощенные наброски русскаго лѣнивца и ипохондрика у себя и заграницей. — Сатирическая лѣтопись.

1841—1869 гг.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке),
по фонтанкѣ № 99.
1873.

PG3361
.S38
1873

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Н. Ѳ. Щербина и его сочиненія. XXIII

I.

I. Южная ночь. — (1843 г.*) 6
II. Идиллія. — (1851 г.) 5
III. Сапфо́. — (1852 года) 1
IV. Тѣнь. — (1852 г.) 4
V. Женскія рѣчи. — (1853 г.). 3
VI. Невольная Вѣра. — (1844 г.) 18
VII. Вѣнки. — (1852 г.) . . . . . —
VIII. Загорѣвшая дѣвушка. Идиллія. — (1851 г.) . . 7
IX. Пиръ. — (1850 г.) 9
X. Весенняя пѣсня. — (1850 г.) 10
XI. Желанье. — (1852 г) 11
XII. Герой. I—II. (1846 г.). 12
XIII. Волосы Береники. (Посвящается кн. А. Д. О.) I—IV. — (1853 г.) 13
XIV. Вакханка. — (1852 г.) 17
XV. Стыдливость. — (1847 г.). 19
XVI. Въ деревнѣ. — (1847 г.) . . . . . —
XVII. Купанье. — (1847 г.) 20
XVIII. Дѣтская игра. — (1846 г.) 21
XIX. Плачущей у гробницы. — (1847 г.) . . . . . —
XX. Осенняя элегія. — (1851 г.) 22
XXI. Диѳирамбы. I—II. — (1850—1852 г.) 23

*) Порядокъ расположенія пьесъ въ оглавленіи указанъ Щербиною. —

XXII. Статуѣ Елены. — (1846 г.) 25
XXIII. *«Ложе изъ лилій и розъ приготовилъ тебѣ я»* (1851 г.) 26
XXIV. Эллада. — (1846 г.) 28
XXV. Мигъ. — (1846 г.) 29
XXVI. Два титана: Океанъ и Прометей. — (1851 г.) . —
XXVII. Женщина. — Идиллія. — (1853 г.) 30
XXVIII. Гермесъ-привратникъ. — (1846 г.) 31
XXIX. Воспоминаніе. — (1853 г.) 32
XXX. Скрываемая страсть. — (1844 г.) 33
XXXI. На зарѣ. — (1851 г.). . . . . —
XXXII. Танталъ. — (1845 г.) 35
XXXIII. Уединенье. — (1842 г.) 36
XXXIV. Свиданье. — (1844 г.) . . . . . —
XXXV. Письмо. — (1847 г.) 37
XXXVI. Въ портикѣ. — (1846 г.) . . . . . —
XXXVII. Туника и поясъ. — (1847 г.) 38
XXXVIII. Ваятель и натурщица. — (1847 г.) 39
XXXIX. Пѣсня у Тенара. — (1847 г.) 40
XL. Просьба художника. — (1847 г.) 41
XLI. Epicedium. — (1843 г.) . . . . . —
XLII. Афродитѣ-Ураніи. — (1846 г.) 43
XLIII. Софокловой Антигонѣ. — (1846 г.) . . . . . —
XLIV. Изъ Бакхилида. — (1847 г.) *Переводъ* 44
XLV. Дѣвушкѣ. (34-я ода Анакреона). — (1844 г.). *Переводъ* 44
XLVI. Тимонъ Аѳинскій. — (1846 г.) 45
XLVII. Незнакомка. — (1848 г.) 46
XLVIII. Чувство Художника. — (1852 г.) . . . . . —
XLIX. Весталка. — (1853 г.) 47
L. Ѳессалійская идиллія. — (1843 г.) 48
LI. Ифигенія въ Тавридѣ. — Лирическая сцена. — (Посвящается памяти матери и брата; — 1852 г.) 49

Послѣсловіе и примѣчанія къ «Ифигеніи въ Тавридѣ». — (1852 г.) 62
LII. Идеалы. — (1852 г.) 68
LIII. Иронія въ Искусствѣ. — (1852 г.) 69
LIV. Плачущей дѣвушкѣ. (Въ альбомъ кн. Е. Н. В. 1852 г.) 70
LV. Скульптору. — (1851 г.) 71
LVI. И. К. Айвазовскому. — (1852 г.) 72
LVII. Древняя колонна. — (1844 г.) . . . . . —
LVIII. Творчество. — (1846 г.) 74
LIX. Концертъ. (А. П. К.). — (1847 г.). 75
LX. Поэту. — (1845 г.) 76
LXI. Жизнь и искусство. — (1847 г.) . . . . . —
LXII. Красавицѣ. — (1853 г.) 77
LXIII. Стихъ. — (1845 г.). 78
LXIV. Предъ древней статуей. — (1851 г.) 79
LXV. Дѣвочки. — (1853 г.) 80
LXVI. Предъ статуей Венеры Таврической. — (1852 г.) 81
LXVII. Моя Богиня. — (1851 г.) 82

II.

I. Сила пѣсни. — (1843 г.) 83
II. Айлуда. — (1856 г.) 84
III. Дѣвушка у Харона. — (1854 г.) *Подражаніе Ново-греческому.* (Посвящается гр. Анастасіи Ив. Толстой) 86
IV. Телонія. — (1843 г.) 88
V. Умирающій матросъ. — (1843 г.) 89
VI. Воспоминаніе. — (1844 г.) 91
VII. Отплывающему. — (1843 г.) 92

III.

I. Природа. — (1851 г.) 93
II. Нимфа Вьюги. — (1856 г.) 94
III. Notturno. — (1846 г.) 97
IV. Просьба Весны. — (1854 г.) 98
V. Зимнее чувство. — (1846 г.) 100
VI. Голосà ночи.— (1854 г.) 101
VII. Лѣсъ. — (1853 г.) 103
VIII. Отрада Осени. — (1854 г.) 105
IX. Симпатіи. — (1852 г.) 106
X. Даръ Прометея. I—II. — (1842 г.) 107
XI. Жизнь. — (1847 г.) 108
XII. Счастье. (Л. С. П.) — (1848 г.) 109
XIII. Сказки. — (1843 г.) . . . . . —
XIV. *** *Чѣмъ я больше знаю...* — (1848 г.) 111
XV. Уженье. (А. Н. М.)—(1854 г.) 112
XVI. Утреннее впечатлѣніе. — (1854 г.) 114
XVII. Предсмертное чувство. I, II, III. — (1844 г.) . 115
XVIII. Узникъ.—(1851 г.) 117
XIX. *Наши очи малы...* — (1848 г.) 118
XX. Монологъ на высотѣ.—(1854 г.) . . . . . —
XXI. Мысль о смерти.—(1844 г.) 120
XXII. Туча.—(1846 г.) . . . . . —
XXIII. Пустыня.—(1847 г.) 121
XXIV. *** *И здѣсь, и тамъ, и далѣе гробница*—(1846 г.) —
XXV. Болѣзни.—(1845 г.) 122
XXVI. Сердцу.—(1846 г.) 123
XXVII. Утро въ горахъ Фокиды. — (1851 г.) . . . . . —
XXVIII. Земля. — (1854 г.) 125
XXIX. *** *Когда въ высокія минуты бытія*—(1848 г.) 126
XXX. Мысль и дѣло.—(1854 г.) . . . . . —

XXXI. *Не въ вёдро-ль тихое на ясной глади водъ....*— (1847 г.) 127
XXXII. Ночь и день. — (1854 г.) 128
XXXIII. Міръ. — (1850 г.) 130
XXXIV. Пѣсни міра. — (1854 г.) 131
XXXV. Подозрѣніе. — (1854 г.) 133
XXXVI. Свиданье съ моремъ.—(1843 г.) . . . . . —
XXXVII. Передъ бурей.—(1852 г.) 135
XXXVIII. Весенній гимнъ.—(1852 г.) 136
XXXIX. Природѣ.—(1854 г.) 138

IV.

I. Современная Дума.—(1848 г.) 139
II. Человѣку.—(1848 г.) 140
III. Женщинѣ —(1848 г.) 141
IV. Въ обществѣ.—(1845 г.) 143
V. Поэтамъ.—(1856 г.) 145
VI. Ямбъ.—(1848 г.) 147
VII. Нашъ Демонъ.—(1855 г.) 148
VIII. Къ Поэту.—(1855 г.) 149
IX. Битва —(Октавы). — (1856 г.) 150
X. Послѣ бала. — (1849 г.) 156
XI. Поколѣнію. — (1848 г.) 158
XII. Пѣсня Прометея. — (1848 г.) 159
XIII. Современная Вакхическая пѣсня.—(1843 г.) . 170
XIV. Признаніе Пророка. — (1845 г.) 162
XV. Солнцу.—(Памяти кн. А. И. М.)—(1853 г.) . 163
XVI. Свѣтъ.—(1852 г.) 165
XVII. Иронія. — (1843 г.) 166
XVIII. Будущее.—(Посвящается М. П. К.)—(1849 г.) 167
XIX. Путешествіе въ Грецію.—(1853 г.) 168

XX. Пѣсня Вѣка.—(1848 г.) 169
XXI. *** *Когда давно съ креста изрѣчено прощенье.....* 170
XXII. Желанье.— (1848 г.) 171
XXIII. Миньйонѣ.—(1854 г.) 172
XXIV. Слово юношѣ. — (1856 г.) 173
XXV. Оправданіе. — (1848 г.) 174
XXVI. Болѣзнь. — (Н. Д. Х.) — (1853 г.) 175
XXVII. Поэтъ. — (1852 г.) 176
XXVIII. Смерть весны.—(1859 г.) 178
XXIX. Бальныя грёзы.—(Октавы).—Посвящено А. Ѳ. К.—(1856 г) . . . . . —
XXX. Тосты. — (1855 г.) 182

Новогреческія пѣсни.—Историко-критическое изслѣдованіе и переводы образцовъ пѣсень. — (1843 г.) . 183

V.

I. Hôtel «la Sirena» въ Сорренто. — (Неаполь 8 мая 1861 г.) 231
II. На островѣ—(Лондонъ, 4 августа, 1861 г.). . 234
III. Гладіатору въ Капитоліи. — (Римъ, 14 мая 1861 г.) 234
IV. Лѣто на островѣ Уайтѣ.— (Вентноръ, 7 іюля 1861 г.) 235
V. Переѣздъ черезъ границу.—(Берлинъ, 14 марта 1861 г.). 236
VI. Въ Трибунѣ.—(Флоренція, 1861 г.). 237
VII. Симплонская дорога.—(Бригъ, въ Швейцаріи, 7 іюня 1861 г.) 238

VIII. Бельведеръ.—(Римъ, 18 мая, 1861 г.) 239
IX. Въ уединеніи.—(Вилла у Лаго Маджіоре 1861 г.) 240
X. Пѣсня ратникамъ Московскаго ополченія.—(1855 г.) 242
XI. Великая панихида. — (Изъ Челяковскаго, съ Чешскаго) 244
XII. Йово и Мара. — (Сербская народная поэма 1860 г.). 245

VI.

I. Тишина. — (1846 г.) 261
II. Встрѣча. — (1848 г.) 262
III. *** *Когда любовь моя смущаетъ ваше счастье.*—(1843 г.) . . . . . —
IV. O Rimembranza! — (1846 г.) 263
V. Примиренье. — (1848 г.) 264
VI. *** *Созданье милое! Мнѣ грустно за тебя.*—(1844 г.) . . . . . —
VII. Дубъ и Ліана. — 1846 г. 265
VIII. Notturno. (1851 г.) 266
IX. Миньйонѣ. (М. П. К.) — (1854 г.). 267
X. Безмолвіе. — (1853 г.) 268
XI. Въ Альбомъ С. А. С-вой. — (1856 г.). . . . 269
XII. *** *Не внемлешь ты сужденьямъ свѣта.*—(1851 г.) 270
XIII. Человѣкъ поколѣнія 272

VII.

I. Альбомъ Иппохондрика: собраніе эпиграммъ, ксеній, ямбовъ и всякаго сатирическаго школьничества.

I. Expiatio. — (1863 г.) 277
II. Аттестаты студіозусамъ семинаріи. I. — II. — (1841 г.) 279
III. Сказаніе о нѣкоемъ боголюбивомъ юношѣ Тертіи. (1855 г.) 287
IV. Таганрогскимъ грекамъ. Ямбъ—(1843 г.) . . . 289
V. Выдержки изъ книги, подъ названіемъ: «Мечты и звуки». — (1846 г.) 290
VI. Современная поэзія. — Пародія. — (1850 г.). 292
VII. Эпитафія русскому купцу.—(1851 г.). 292
VIII. Двойное горе. — (У гроба Гоголя, 21-го февр. 1852 г.) 293
IX. Хвалебная пѣснь блаженному борзописцу NN, литературы ради юродивому. — (1852 г.). . . 294
X. Въ часовнѣ Иверской. — (1853 г.) 295
XI. Физіологія Новаго Поэта.—Фельетонъ въ стихахъ. — (1853 г.) 295
XII. Превращеніе Ѳаддея въ Новаго Поэта. (Дополненіе къ «Овидіевымъ превращеніямъ»). . . 297
XIII. Напутственное посланіе къ нѣкоему безсребреннику и Московскому книгочію, отправляющемуся на казенный счетъ изучать Монголовъ на мѣстѣ. — (1854 г.) 299
XIV. Послѣ чтенія одной «Эллегіи-Оды-Сатиры».—(1854 г.). 300
XV. Автору «Всевозможныхъ Пустячковъ». (1854 г.) 302

XVI. Четверостишіе, сказанное близорукой завистью (1853 г.) 302
XVII. Всеобщій благопріятель.—(1854 г.) 303
XVIII. Загадка.—(1855 г.) . . . . . —
XIX. *** *Вико правъ! Въ круговращеньи....*—(1855). 304
XX. По взятіи Севастополя. — (1855 г.) . . . . . —
XXI. Эпиграммы: 1. «*Ты гимны воспѣвалъ. ...*» 2. «*Льстивый рабъ, судьбой забытый...*» (1854—1855 г.) 305
XXII. Автору «Книги Печалей» (Н. В. Сушкову.—1855 г.) 306
XXIII. Астрономическая проблема. — (1854 г.) . . . —
XXIV. По поводу одной оплеухи.—(1856 г.) 308
XXV. «Москвитянинъ».—(1841—1856 г.) 308
XXVI. «Русская Бесѣда».—Посвящается Аполлону Григорьеву (1857 г.) 309
XXVII. *** *Не уколола никого.*—(1857 г.) . . . . . —
XXVIII. Новое слово.—1857 г.) 310
XXIX. «Молва».—(1857 г.) 310
XXX. Въ альбомъ ребенка.—(1857 г.) . . . . . —
XXXI. Общій Другъ.—(1858 г.) 311
XXXII. Кто Онъ?—(1858 г.) . . . . . —
XXXIII. Н. В. Бергу и другимъ нѣмцамъ-славянофиламъ.—(1858 г.) 312
XXXIV. Московскимъ Краснымъ.—(1858 г.) . . . . . —
XXXV. Невозможность эпиграммы.—(1858 г.) . . . 313
XXXVI. Молитва современныхъ Русскихъ писателей.—(1858 г.) . . . . . —
XXXVII. Журналъ «Весельчакъ». — (1858г.) 314
XXXVIII. Петербургъ. — (1858 г.) . . . . . —
XXXIX. Четверостишіе исключеннаго семинариста. — (1859 г.) . . . . . —
XL. Фигура поправленія. 1. Объ одномъ критикѣ. 2. Еще о томъ же критикѣ. — (1859 г.) . . . 315

XLI. *** *Хоть теперь ты экс-писатель.*—(1859 г.). 316
XLII. Русская Исторія. (Посвящается отечественнымъ дѣятелямъ, 1859 г.) 316
XLIII. Эпитафія А. А. Григорьеву. — (1859 г.) . . . 317
XLIV. Roma l'Antica. (Отрывокъ изъ «Одиссеи послѣдняго сумасброда», 1859 г.). . . . . —
XLV. Ужасающая догадка. — (1859 г.). 318
XLVI. *** *Пугая стаю ястребиную* — (1859 г.) . . —
XLVII. Доморощенный либерализмъ. — (1859 г.). . . —
XLVIII. Издателямъ «Искры». — (1859 г.) 319
XLIX. *** *У русской гласности прося*.....—(1859 г.). —
L. Любовная пѣсня Дикокаменной Киргизки, пропѣтая Н. А. Сѣверцову. — (1859 г.) . . . —
LI. Отвѣтъ Грека на эпиграмму Русскихъ.—(1859 г.) 321
LII. *** *Либерализмъ онъ внесъ и въ руки* — (1860г.) —
LIII. Предъ памятникомъ Петру I. — (1859 г) . . —
LIV. Реформа Петра I. — (1860 г.). 322
LV. Рнѳмы. — (1860 г.) . . . . . —
LVI. *** *О, еслибъ также вдохновенно въ стихахъ ты взятки обличалъ.* — (1860 г) 322
LVII. *** *О, еслибъ также вдохновенно ты казнокрадовъ обличалъ*....— (1859 г.) 323
LVIII. Отвѣтъ на тупую эпиграмму.—(1859 г.) . . . —
LIX. Экспромтъ.—(1860 г.) 324
LX. Мы. — (1860 г.) . . . . . —

II. Сонникъ современной русской литературы, расположенный въ алфавитномъ порядкѣ и служащій необходимымъ дополненіемъ къ извѣстному Соннику Мартына Задеки . . . . . 325—336

III. Формулярный списокъ о службѣ нѣкоего титулярнаго литератора и піиты.—(1858 г.). . 337

IV. Доморощенные наброски русскаго лѣнивца и ипохондрика.—(1857—1867гг.)

I. Портреты русскихъ писателей въ журналѣ «Сынъ Отечества.» 339
II. О вредѣ и опасности журнала «Москвитянинъ» для народнаго здравія въ государствѣ.—(1856 г.) 340
III. Изъ будущаго учебника Исторіи Русской Литературы. 342
IV. Русское горе. 343
V. Комета и комедіи . . . . . —
VI. Самое точное философическое опредѣленіе, что такое человѣкъ?—(1859 г.). 344
VII. Гегелическая призрачность.—(1859 г.) 346
VIII. Еще анекдотъ о П. Л. Кисельниковѣ.—(1861 г.) 351
IX. Литературный слухъ объ изданіи энциклопедическаго лексикона-чудовища.—(1859 г.) . . . 352
X. Образчикъ статьи въ энциклопедію.—(1851 г.) 356
XI. Финансовая замѣтка.—(1861 г.) 356
XII. Потасовка.—(1861 г.) 357
XIII. Эпическое начало въ народѣ и стрѣльба въ этотъ эпосъ.—(1861 г.) 358
XIV. Опредѣленіе любви.—(1861 г.) 359
XV. Современный эпосъ.—(1862 г.) 359
XVI. Парадоксы.—(1861—1862 г.г.) 361
XVII. Пѣсня для простонародныхъ школъ: «Russisches Schülerlied» 363
XVIII. Еще открытіе! 366
XIX. Меню обѣда въ русскомъ національномъ и архаическомъ вкусѣ, который хотѣлъ дать М. П. Погодинъ Славянамъ. (31 мая 1867 г.) 367
XX. Свобода . . . . . —

V. Путевыя наброски за границей русскаго мечтателя и ипохондрика.—(1861 г.) . . . . 369—388

VI. Сатирическая лѣтопись. Ямбы, ксеніи и эпиграммы.

I. Эпиграфъ къ повѣстямъ NN и къ новой «Сѣверной Пчелѣ». — (1861 г.) 391
II. На кончину газеты «Вѣкъ». (1861 г.) 392
III. Эпитафія.—(1862 г.) . . . . . —
IV. Про современное.—(1862 г.) 393
V. Редактору NN.—(1862 г.) 394
VI. Графу Межеумкову-Безразсудко.—(1862 г.) . . —
VII. Нигилистамъ.—(1862 г.) . . . . . —
VIII. Театральное извѣстіе.—(1862 г.) 395
IX. Нынѣшніе преступники.—(1863 г.) 396
X. *** *Я тебѣ твое значенье....*(1863 г.) 397
XI. *** *Краснотой своей ливреи....*(1864 г.) . . . —
XII. Н. А. Сѣверцову въ Киргизію. (1864 г.) . . . —
XIII. Отчего я не женюсь.—Элегія.—(1865 г.) . . 398
XIV. И. С. Аксаковъ.—(1865 г.) . . . . . —
XV. Москва 25 сентября въ «Днѣ».—(1865 г.) . . 399
XVI. *** *Собой забавную нелѣпость...*(1865 г.) . . 399
XVII. Французская революція на русскій ладъ.—(1866 г.) . . . . . —
XVIII. Sapienti sat. — Подражаніе Фету. (1866 г.) . . 400
XIX. Современное ожиданіе.—(1867 г.) 401
XX. «Смерть Іоанна Грознаго» на сценѣ (1867 г.) . —
XXI. Земская Реторика.—(1867 г.) 402
XXII. Послѣ чтенія Исторіи.—(1867 г.) . . . . . —
XXIII. Графу Межеумкову-Безразсудко.—(1867 г.) . . 403
XXIV. Европа и мы.—(1867 г.) . . . . . —
XXV. Рецензія.—(8-я книжка «Русскаго Вѣстника» 1867 г.) 404

XXVI. Русская Идиллія.—(1867 г.). 404
XXVII. Изъ одной проповѣди.—(1867 г.). 405
XXVIII. Наше богатство.—(1867 г.) . . . . . —
XXIX. Ильѣ—(Экспромтъ, 1867 г.) . . . . . —
XXX. Стихи, сказанные въ сновидѣніи.—(1867 г.) . 406
XXXI. Наше время.—(1867 г.) . . . . . —
XXXII. Новое назначеніе.—(1867 г.). 407
XXXIII. Вопль Ѳ. И. Тютчева.— (1867 г.). 408
XXXIV. Отечественный почетъ.—(1867 г.) . . . . . —
XXXV. Замѣтка ретрограда—пессимиста.—(1867 г.) . —
XXXVI. Современная Элегія.—(1867 г.) 409
XXXVII. Тарифная Коммиссія.—(1868 г.) 410
XXXVIII. Членамъ-фритрёдерамъ Тарифной Коммиссіи.—(1867 г.). . . . . —
XXXIX. Теперь.—(1867 г.) . . . . . —
XL. *** *Ихъ двое будутъ всѣмъ въ литературѣ править*....(1867 г.). 411
XLI. Эпиграмма на самого себя.—(1867 г.) . . . . —
XLII. Наши Титаны.—(1867 г.) . . . . . —
XLIII. Японской Академіи Наукъ по избраніи ею новаго члена.—(1868 г.) . . . . . —
XLIV. Редакторамъ «Искры».—(1868 г.). 412
XLV. Исходъ.—(1868 г.) . . . . . —
XLVI. Святые Безсребренники.—(1868 г.) 412
XLVII. Пустыня.—(1868 г.). 413
XLVIII. *** *Какъ всякій мѣдный лобъ*.....—(1868 г.). . . —
XLIX. По прочтеніи IV-го тома «Война и Миръ».—(1868 г.). . . . . —
L. Замѣтка.—(1868 г.) . . . . . —
LI. *** *Чуждъ интриги и обмана*....(1868 г.). . . . 414
LII. Признаніе П. И. Якушкина.—(1868 г.). . . . . —
LIII. *** *Бѣдняковъ все слышу клики я*....—(1868 г.) —
LIV. Причина пьянства.—(1868 г.). 415
LV. Двѣ Ектеніи.—(1868 г.). . . . . —

LVI. Замѣтка.—(1868 г.) 415
LVII. Судебная реформа.—(1868 г.) 416
LVIII. Замѣтка.—(1869 г.) . . . . . —
LIX. Насмѣшнику.—(1869 г.) 417
LX. Адвокату *⁂*—(1869 г.) . . . . . —
LXI. Литія по усопшемъ рабѣ божіемъ *⁂*.—(1869 г.). 418
LXII. *⁂* *Россійской пустотѣ, фразёрству Петрограда*....(1869 г.) . . . . . —
LXIII. Газетѣ.—(1869 г.) 419
LXIV. Петербургская журналистика.—(1869 г.) . . . . —
LXV. Проэктъ о кочевникахъ.—(1869 г.) . . . . . —
LXVI. Юношамъ - членамъ Славянскаго Комитета—(25 марта 1869 г.) 420

Приложенія:

I. «Сонникъ современной Русской Литературы», дополненія и варьянты по списку 1856 г. 423
II. Варьянты къ стихотвореніямъ Н. Ѳ. Щербины, изд. 1857 г. 430
III. Эпиграммы передѣланныя для печати въ 1859 г. 431
IV. Письма Н. Ѳ. Щербины къ Ѳ. Б. Миллеру. 1859 г. 434
V. Списокъ эпиграммъ Н. Ѳ. Щербины непомѣщенныхъ въ это собраніе его сочиненій. (1859 — 1869 г. г.) 438

Н. Ѳ. ЩЕРБИНА.

1821 — 1869.

I.

«Я, Николай Щербина, происхожу, съ отцовой стороны, изъ дворянъ Харьковской губерніи, а съ материнской— изъ дворянъ Войска Донскаго. Родился 2-го декабря, 1821-го года, въ степномъ помѣстьѣ матери своей, Грузко-Еланинскомъ (Міусскаго округа), въ землѣ Войска Донскаго, находящемся въ 60-ти верстахъ отъ города Таганрога.

«Съ 8-ми-лѣтняго возраста началъ постоянно жить съ родителями въ Таганрогѣ, и обучался въ тамошнемъ училищѣ и гимназіи. Будучи еще гимназистомъ, я напечаталъ первое свое стихотвореніе («Къ морю») въ журналѣ «Сынъ Отечества» 1838 года, № 10. — Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ поѣхалъ учиться, частнымъ образомъ, въ Москву, а оттуда въ Харьковъ, гдѣ, чрезъ четыре года поступилъ въ университетъ. По тяжелымъ житейскимъ обстоятельствамъ, въ которыя впали мои родители, я вынужденъ былъ выдержать экзаменъ на учителя и преподавать въ деревняхъ у помѣщиковъ. По временамъ возвращался въ Харьковъ и занимался преподаваніемъ въ женскихъ пансіонахъ. Въ это время

я печаталъ свои стихотворенія въ мѣстныхъ литературныхъ сборникахъ и въ нѣкоторыхъ столичныхъ журналахъ, а также и статьи въ прозѣ *).

«Переѣхавъ въ 1849 г. изъ Харькова въ Одессу, я издалъ тамъ собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ: «Греческія Стихотворенія». Эта книга была благосклонно принята и публикою, и критикою, и доставила мнѣ извѣстность. Въ Одессѣ же я былъ представленъ Л. С. Пушкинымъ, братомъ поэта, князю П. А. Вяземскому. Изъ Одессы я отправился въ Москву, въ 1850 году, гдѣ опредѣлился на государственную службу—въ московское губернское правленіе, въ должность помощника редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Въ Москвѣ же занимался преподаваніемъ дѣвицамъ изъ высшаго тамошняго общества; участвовалъ въ журналѣ «Москвитянинъ» и печаталъ стихотворенія въ разныхъ петербургскихъ журналахъ; собиралъ и запи-

---

*) Таковы, между прочимъ, стихотворенія: «Клефты» (От. Зап. 1841 г.); «Ночь въ Венеціи» и «Эллада» (Москвитянинъ 1845 г.). Въ издававшемся тогда украинскомъ литературномъ сборникѣ «Молодикъ» (изд. Бецкаго, вышло 2 кн.) помѣщено довольно много стихотвореній Щербины — нѣкоторыя съ его подписью, другія — подписаны псевдонимомъ. Къ тому-же времени (1843 г.) относится статья Щербины въ прозѣ: «Новогреческія пѣсни», съ переводомъ въ ней въ прозѣ-же 44 пѣсень. Изъ петербургскихъ журналовъ особенно много печаталось соч. Щербины въ журналѣ «*Современникъ*». Такъ, въ немъ были, между прочимъ, помѣщены слѣдующія его произведенія: Дополненіе къ греческимъ стихотвореніямъ (шесть стихотвореній) Томъ XXII. Слов. 141.—Эпилогъ къ греческимъ стихотвореніямъ. XXIII. Слов. 5. — Счастье. Стихотвореніе. XXII. Слов. 43. — Свиданье съ моремъ. — «Я не прошу покоя у судьбы». XXV. Слов. 115. — Музамъ. — Notturno. XXVI Слов. 141. — Послѣ бала. — Нашъ геній. Т. LVII. и друг.

сывалъ съ устъ простонародья русскія народныя пѣсни въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

«Переѣхавъ (въ мартѣ 1855 г.) изъ Москвы въ Петербургъ, я поступилъ вновь на службу—по министерству народнаго просвѣщенія—чиновникомъ особыхъ порученій при товарищѣ министра, князѣ П. А. Вяземскомъ, и былъ дѣлопроизводителемъ одного еврейскаго ученаго комитета.

«Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ мною изданы: 1, Полное собраніе моихъ стихотвореній, въ 2-хъ томахъ (С.п.б. 1857 г.) 2, «Сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи», и 3, «Пчела», сборникъ для народнаго чтенія и употребленія—при народномъ обученіи; этой книги напечатано въ 1869 г. *третье* изданіе. Кромѣ того, я печаталъ статьи въ журналахъ и отдѣльными брошюрами, по части простонароднаго образо́ванія. Во французскомъ журналѣ «Le Nord» помѣщена мною статья о медали въ память «19 февраля 1861 года, исполненной графомъ Ѳ. П. Толстымъ. Путешествовалъ по Европѣ и помѣщалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» свои путевыя письма и стихотворенія, а также и въ «Днѣ».

«Въ настоящее время (1869 г.) находится у меня ненапечатаннымъ довольно большое собраніе сатирическихъ стихотвореній.

«Мною пожертвовано двѣ тысячи экземпляровъ моей народной книги «Пчела» на бѣдныя сельскія школы, учрежденныя при церковныхъ приходахъ, на сумму 2,225 рублей; также пожертвовалъ я эту же книгу во всѣ воскресныя простонародныя школы при духовныхъ семинаріяхъ; ее-же пожертвовалъ и на славянъ.

«При новомъ преобразованіи министерства народнаго просвѣщенія я остался за штатомъ; былъ годъ

безъ мѣста; потомъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и вскорѣ прикомандированъ къ главному управленію по дѣламъ печати, для составленія «Обозрѣнія русскихъ газетъ и журналовъ», представляемаго ежедневно Его Величеству Императору. Во время этой послѣдней службы, я заболѣлъ (въ 1864 г.) тяжкою хроническою болѣзнію, но должность свою, однако, продолжалъ исполнять неукоснительно, какъ-бы былъ совершенно здоровымъ (1869 г.)

«Еще я писалъ, по порученію Академіи Наукъ, критическіе разборы сочиненій, поступающихъ на Уваровскія преміи, и былъ награжденъ за это Академіею, которая присудила мнѣ золотую медаль. Кромѣ того, я писалъ критическія статьи и рецензіи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Болѣзнь моя продолжается болѣе четырехъ лѣтъ.....“

Апрѣль 1869 г.
Петербургъ.

Николай Щербина.

Приведенная автобіографическая записка составлена Щербиною за нѣсколько дней до его мучительной кончины: онъ умеръ 10 апрѣля 1869 года, отъ задушенія-наростомъ въ горлѣ.

Смерть Щербины была скоропостижная. Друзья и врачи давно совѣтовали ему оставить Петербургъ, вредно дѣйствовавшій на здоровье и переселиться на югъ Россіи, но поэтъ, хотя и сознававшій, что это необходимо, медлилъ оставить городъ, гдѣ ему всетаки жилось лучше, чѣмъ въ провинціи. Наконецъ въ 1868 году, черезъ одного изъ своихъ друзей, онъ сталъ хлопотать о зачисленіи его въ штатъ генералъ-губернатора Новороссійскаго края въ Одессу. Князь Вяземскій принялъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ изъявилъ полную готовность испол-

нить желаніе поэта. Щербина уже сбирался уѣхать изъ Петербурга. 10-го апрѣля 1869 г. его осмотрѣли извѣстнѣйшіе хирурги, изъ которыхъ Е. И. Богдановскій предложилъ ему тутъ-же сдѣлать операцію: вставить въ разрѣзъ горла дыхательную трубку и затѣмъ вырѣзать полипъ, начинавшій его душить. Щербина не согласился на это, подшучивая надъ страстью хирурговъ—рѣзать. Весь этотъ день онъ провелъ въ обычныхъ занятіяхъ, читая и занимаясь служебной работой. Отдалъ также, по совѣту докторовъ, наставленіе своему слугѣ что̀ дѣлать, еслибы съ нимъ начался припадокъ удушенія. Еще въ 10 ч. утра онъ говорилъ со слугою, а въ $10^1/_2$ вбѣжалъ къ слугѣ, въ кухню, уже безъ голоса, показывая знаками, что съ нимъ началось удушье.... Потомъ онъ бросился въ спальню, упалъ на кровать и черезъ нѣсколько минутъ умеръ. Слуга привезъ докторовъ черезъ часъ, когда всѣ средства къ оживленію были уже напрасны. Умеръ онъ въ домѣ Карачарова, близь Владимірской церкви, въ Поварскомъ переулкѣ, въ крошечной квартирѣ четвертаго этажа, наполненной только шкапами съ книгами. Тѣло его погребено на старомъ кладбищѣ александро-невской лавры, гдѣ погребено нѣсколько извѣстныхъ литературныхъ дѣятелей. На югѣ Россіи остались у него родные братъ и сестра.

II.

Щербина—поэтъ антологическій и въ этомъ родѣ можетъ смѣло стать на ряду съ лучшими поэтами, вдохновенными красотами древняго міра, начиная съ Шиллера и кончая А. Майковымъ. Бабка Щербины, со стороны матери, была природная гречанка, пріѣхавшая изъ Мореи въ Таганрогъ, въ царствованіе Екатерины II. Съ

семи лѣтъ отправленный въ Таганрогъ учиться, будущій поэтъ попалъ тамъ въ колонію грековъ, и ознакомился съ ихъ преданіями и языкомъ. Въ тамошней гимназіи Щербина ревностно занимался греческимъ языкомъ и бралъ частные уроки, чтобы изучить произведенія древней Эллады. Подъ этими впечатлѣніями классическаго міра, тринадцати лѣтъ, онъ написалъ свою первую поэму «Сафо», уничтоженную имъ въ послѣдствіи Съ „греческими стихотвореніями“ поэтъ явился впервые и передъ публикой, произведя на нее сильное впечатлѣніе. Журналы 1850 года отозвались объ нихъ съ большою похвалою. *А. В. Дружининъ* — въ «Современникѣ» (кн. VI), *А. Майковъ* — въ «Отечественныхъ Запискахъ» (кн. VI.) *Сенковскій* — въ «Библіотекѣ для тенія» (кн. VIII.), а также журналы »Москвитянинъ». и «Сынъ Отечества» — встрѣтили чрезвычайно сочувственно молодого поэта. И дѣйствительно: сильный и звучный стихъ, пластичность образовъ, картинность выраженій въ этихъ стихотвореніяхъ замѣчательны въ высшей степени. Стоитъ вспомнить его: «Сапфо», «Идиллія» «Южная ночь», «Загорѣвшая дѣвушка», «Пиръ», «Невольная вѣра», «Эллада», начало «Ифигеніи въ Тавридѣ», чтобы убѣдиться, что такой гармоническій стихъ не часто встрѣчается въ русской поэзіи. Къ лучшимъ изъ этихъ пьесъ покойный знаменитый художникъ графъ Ѳ. П. Толстой составилъ превосходные рисунки, помѣщенные въ Иллюстраціи 1857 года. Стихотворенія Щербины проникнуты такимъ знаніемъ древняго міра, что навсегда останутся образцами въ нашей поэзіи.

Отъ древнихъ эллиновъ поэтъ перенесъ свою симпатію и къ новѣйшимъ грекамъ; онъ передалъ въ стихахъ и прозѣ лучшія изъ новогреческихъ пѣсень и, разобралъ критически ихъ значеніе. Еще въ своихъ

антологическихъ произведеніяхъ Щербина высказывалъ пантеистическія мысли, перемѣшанныя съ ученіемъ современнаго раціонализма, и это направленіе, въ соединеніи съ стремленіями къ идеалу устройства общественной жизни и, возникающаго отъ этого, негодованія къ современнымъ недостаткамъ и неправдамъ, сильнѣе всего высказывается во всѣхъ послѣдующихъ его стихотвореніяхъ, и въ особенности «Пѣсняхъ о природѣ» и «Ямбахъ и Элегіяхъ». Явившіяся въ 1857 году, въ собраніи его стихотвореній, пьесы этого «гражданскаго» направленія обратили на себя вниманіе энергическимъ стихомъ и неподдѣльнымъ вдохновеніемъ. Журналы отозвались о музѣ Щербины еще съ бо̀льшимъ сочувствіемъ.

Такъ въ III-й книгѣ «Современника» 1857 г. о сочиненіяхъ Щербины помѣщена замѣчательная рецензія *).

---

*) Авторъ этой статьи замѣчаетъ, что «уже небольшой по объему сборникъ стихотвореній, изданный г. Щербиною въ 1850 году, показалъ въ немъ поэта съ замѣчательнымъ талантомъ. Многія изъ послѣдующихъ пьесъ его были прекрасны,—но извѣстность г. Щербины мало возвышалась до того, когда начали появляться его «Ямбы». Благородная мысль, одушевлявшая эти пьесы, живо вызывала сочувствіе каждаго порядочнаго человѣка». — Признавая Щербину — «человѣкомъ истинно-даровитымъ»—и полагая, что «если такой талантъ не сдѣлаетъ всего, что̀ можетъ сдѣлать, то это будетъ уже потерею для литературы»— критикъ находилъ, что «Щербина стѣсняетъ себя или принужденностью формъ или принужденностью тона—и боится отдаться естественному влеченію своего таланта». — Подтвердивъ это положеніе и указавъ на односторонность музы Щербины, критикъ «Современника» приводитъ примѣры нѣкоторыхъ слабыхъ стихотвореній Щербины; затѣмъ, въ доказательство силы таланта этого поэта указываетъ на слѣдующія пьесы: «Дѣвушка у Харона, новогреческая пѣсня» (въ настоящемъ изд. стр. 86); «Просьба Весны» (стр. 98); «Земля» (стр. 125); «Notturno» (стр. 97). «Такія

В. Ѳ. Коршъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», *В. Р. Зотовъ* въ «Сынѣ Отечества,» *И. Л.* въ «Библіотекѣ для чтенія» отдали также въ своихъ статьяхъ полную справедливость поэту. Стихи эти повторялись вездѣ и получили громкую извѣстность, особенно: «Голоса ночи», «Ночь и день», «Женщинѣ», «Въ обществѣ», «Поэту», «Битва», «Послѣ бала», «Пѣсня Прометея», «Современная вакхическая пѣсня», «Пѣсня вѣка», «Оправданіе», «Болѣзнь» и нѣкоторыя другія. Если-бы Щербина написалъ только эти пьесы, да поименованныя выше греческія стихотворенія, то и тогда бы онъ занялъ почетное мѣсто въ исторіи русской поэзіи....

Щербина любилъ русской народъ и видѣлъ необходимость его развитія въ практическомъ, реальномъ направленіи. Это доказываютъ труды его по составленію для народа полезной книги, которая могла-бы его учить и въ тоже время развивать его занимательными разсказами.

Еще въ 1861 году, въ «Отечественныхъ Запискахъ» онъ печаталъ свой «опытъ о книгѣ для народа», по образцу которой составилъ въ послѣдствіи свою «Пчелу», не вполнѣ практическую и недостигающую своей цѣли, но всетаки книгу далеко не безполезную. О томъ, какъ онъ заботился познакомить западную Европу съ русскимъ народомъ и его пѣснями свидѣтельствуютъ его путевыя замѣтки (см. въ этомъ изд. стр. 369—388).

вещи—замѣчаетъ критикъ «Современника»: можетъ писать только человѣкъ съ истиннымъ и сильнымъ талантомъ,—а въ томъ, что г. Щербина обладаетъ талантомъ, никогда не сомнѣвался никто изъ людей, внимательно изучавшихъ его произведенія». («Современникъ». 1857 г., томъ LXII, библіогра Ф. стр. 1—19).

III.

Предчувствуя близкую кончину, Н. Ѳ. Щербина тщательно озаботился подготовкою къ изданію полнаго собранія своихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ.

Исполненіемъ воли и желанія покойнаго является настоящее изданіе: оно напечатано по экземпляру — изданныхъ Щербиною стихотвореній въ 1857 году, но весьма значительно дополненныхъ и исправленныхъ авторомъ; затѣмъ присоединены, также по собственноручнымъ указаніямъ покойнаго, нѣкоторыя его статьи въ прозѣ и впервые напечатано большое собраніе сатиръ, эпиграммъ, ксеній, ямбовъ, анекдотовъ, замѣтокъ и курьезовъ.

Собраніе сатирическихъ и шутливыхъ произведеній Щербины уцѣлѣло въ одномъ большомъ альбомѣ въ листъ, и въ записной объемистой книжкѣ, въ 8-ю долю. Обѣ рукописи, въ особенности первая, тщательно подготовлены покойнымъ Щербиною къ изданію и помѣщены въ указанные имъ отдѣлы настоящаго посмертнаго собранія его сочиненій.

Собраніе сочиненій Н. Ѳ. Щербины, въ этомъ изданіи, раздѣлено самимъ авторомъ на слѣдующіе отдѣлы:

I. Въ первой отдѣлъ вошло шестьдесятъ семь стихотвореній (стр. 1—82).

II. Во второмъ отдѣлѣ помѣщено семь стихотвореній: «Новогреческія мелодіи» (стр. 83—92).

III. Третій отдѣлъ составляютъ — «Пѣсни о природѣ», тридцать девять стихотвореній (стр. 93—138).

IV. Въ четвертый отдѣлъ вошли Ямбы и элегіи, тридцать стихотвореній. (стр. 139—182).

Какъ дополненіе и весьма существенное разъясненіе стихотвореній I, II и IV отдѣловъ — авторъ ввелъ въ собраніе поэтическихъ сочиненій обширную свою статью, особое изслѣдованіе, въ прозѣ, «о Новогреческихъ пѣсняхъ» (стр. 183 — 230). Это изслѣдованіе значительно исправлено и передѣлано самимъ Щербиною, съ каковыми измѣненіями оно и напечатано.

V. Въ пятый отдѣлъ «Русскія пѣсни на чужбинѣ» вошло девять стихотвореній, написанныхъ въ бытность автора за границей въ 1861 г. Въ этотъ же отдѣлъ авторъ помѣстилъ: «Пѣсня ратникамъ Московскаго ополченія» (1855 г.), «Великая панихида» (съ Чешскаго), и «Йово и Мара,» прекрасная сербская народная поэма, съ примѣчаніями (стр. 231 — 260).

VI. Шестой отдѣлъ состоитъ изъ тринадцати стихотвореній, (стр. 261 — 272).

Большинство стихотвореній первыхъ шести отдѣловъ, написаны Щербиною въ періодъ времени съ 1843 по 1856 годъ; къ послѣдующему времени съ 1857 по 1869 г. относятся лишь нѣкоторые его переводы и переложенія поэтическихъ произведеній западно-славянской литературы, и русскія пѣсни на чужбинѣ (1861 г.)

VII. Седьмой, обширнѣйшій, отдѣлъ въ настоящемъ изданіи составляютъ впервые появляющіяся въ печати, хотя весьма давно извѣстныя въ обществѣ по рукописнымъ спискамъ,— сатирическія произведенія Щербины. Сюда принадлежатъ:

1) «Альбомъ Ипохондрика: собраніе эпиграммъ, ксеній, ямбовъ и всякаго сатирическаго ералаша и школьничества, — принадлежащее (какъ назвалъ себя Щербина):—греку Николаки Омега». Въ альбомъ вошло семьдесятъ шутливыхъ и сатирическихъ произведеній Щербины 1841—1860 гг., изъ которыхъ многія, какъ

мы сказали выше, давно уже разошлись въ обществѣ въ многочисленныхъ рукописныхъ спискахъ и въ такихъ же сборникахъ.

Авторъ хотѣлъ напечатать «Альбомъ ипохондрика» еще при жизни, но изданіе это почему-то тогда не состоялось, хотя въ его бумагахъ сохранился даже списокъ альбома, одобренный цензурой къ печати еще въ 1859 году.

Вотъ предисловіе къ нему, тогда-же написанное Щербиною:

«Редакція пріобрѣла этотъ «Альбомъ» отъ таганрогскаго грека Николаки Омега, уѣхавшаго на дняхъ, и, какъ кажется, навсегда въ Аркадію—отчизну его предковъ.

«Разсматривая «Альбомъ», мы нашли, что бо́льшая часть помѣщенныхъ въ немъ эпиграммъ и другихъ сатирическихъ пьесокъ взята изъ литературнаго быта Москвы и Петербурга послѣдняго десятилѣтія. (1849—1859).

«Видно, что господину Омега близко знакома закулисная сторона нашихъ литературныхъ и журнальныхъ кружковъ и что онъ внимательно слѣдилъ за явленіями текущей словесности.

«Лучшихъ, или болѣе интересныхъ, по содержанію, пьесокъ «Альбома Ипохондрика» пока неудобно печатать по разнымъ причинамъ. Въ этомъ случаѣ, мы беремъ изъ него нѣсколько эпиграммъ, а также извлеченія и отрывки, иногда съ необходимыми измѣненіями.

«Собственно говоря, г. Николаки Омега, казалось, несовсѣмъ охотно рѣшился отдать его въ-печать въ такомъ видѣ. Онъ говоритъ, въ письмѣ своемъ къ намъ, что его эпиграммы могутъ быть вполнѣ понятны только людямъ болѣе или менѣе соприкосновеннымъ литературѣ или-же меньшинству публики особенно интересующейся нашимъ литературнымъ міромъ во всѣхъ подробностяхъ его обстановки». 9 октября, 1859 г. С.-Петербургъ.

Въ послѣдствіи, въ 1863 году — Щербина вновь намѣревался напечатать свое собраніе эпиграмъ и шу-

токъ и написалъ къ нему предисловіе «Expiatio», которое помѣщено въ настоящемъ изданіи на стр. 277.

«Сохраняю нѣсколько эпиграммъ потому,—говоритъ между прочимъ авторъ въ своемъ «Expiatio»—«что онѣ были относительной правдой души моей въ извѣстный моментъ, хотя между правдой души и объективной истиной нерѣдко бываетъ огромное разстояніе.—Онѣ тогда были не болѣе, какъ лирической вспышкой отъ извѣстнаго рода современныхъ впечатлѣній, разговоровъ, взглядовъ литературныхъ кружковъ и т. п.».

«Альбомъ Ипохондрика» переданъ въ настоящемъ изданіи вполнѣ, но мы признали необходимымъ почти вездѣ опустить имена лицъ, къ которымъ относилась та или другая эпиграмма (стр. 273—324).

2) «Сонникъ современной Русской литературы» (1857 г.) напечатанъ (на стр. 328—338) съ небольшими сокращеніями, отмѣченными въ подлинникѣ самимъ авторомъ.

«Сонникъ» этотъ давно извѣстенъ въ обществѣ по весьма значительному числу разошедшихся съ него списковъ. Лучшій изъ нихъ — со многими поправками самого *Щербины*—сохраняется у *В. Р. Зотова*. Изъ этого списка мы приводимъ варьянты и дополненія — въ приложеніяхъ (стр. 423—430).

Любопытно, что Щербина въ 1858 или въ 1859 году намѣревался самъ издать свой «Сонникъ» и уже написалъ къ нему предисловіе въ высшей степени желчное, бранное и если не совсѣмъ несправедливое, то исполненное крайнихъ преувеличеній; оно помѣщено, какъ курьезъ, въ приложеніяхъ къ настоящему изданію. (стр. 423—425.

3) «Доморощенные наброски русскаго лѣнивца и ипохондрика» 1857—1867 г.г. (стр. 339 — 368). Это замѣтки, наброски, шутки — изъ записной книжки покойнаго, изъ которой однако, въ настоящемъ изданіи,

воспроизведены лишь нѣкоторые отрывки; прочія же мѣста, какъ совершенно необдѣланныя, черновыя и заключающія въ себѣ слишкомъ рѣзкія, притомъ не столько остроумныя, сколько злыя и преувеличенныя нападки на современныя поэту явленія русско-общественной жизни и литературы, оставлены въ рукописи.

4) «Путевые наброски русскаго лѣнивца и ипохондрика во время поѣздки за границу въ 1861 г.» (стр. 369—388)

и 5) «Сатирическая лѣтопись: ямбы, ксеніи и эпиграммы». Въ эту «лѣтопись» вошло шестьдесятъ шесть сатирическихъ произведеній Щербины 1861 — 1869 гг. (стр. 389—420).

При печатаніи «Лѣтописи», также какъ и «Альбома ипохондрика», опущены имена лицъ и кромѣ того тридцать восемъ эпиграммъ оставлено въ рукописи*).

Относительно «Сатирической лѣтописи» вообще нельзя не замѣтить, что на ней вполнѣ отразилось то тяжкое, болѣзненное состояніе, въ какое впалъ Щербина за нѣсколько лѣтъ до своей кончины. Всегда желчный, впечатлительный, въ послѣдніе годы своей жизни, онъ впадалъ по временамъ въ совершенное озлобленіе; во всемъ, что совершалось вокругъ него, поэтъ видѣлъ только однѣ дурныя или смѣшныя стороны, крайности и увлеченія. Щербина никакъ не хотѣлъ понять, что увлеченія вполнѣ естественны въ молодомъ обществѣ, только что вышедшемъ изъ желѣзныхъ пеленъ долголѣтней неподвижности и переживавшемъ въ истекшее десятилѣтіе многознаменательныя коренныя реформы всего государственнаго и общественнаго строя.

---

*) Перечень не вошедшихъ въ это изданіе 38-ми эпиграммъ помѣщенъ въ *приложеніяхъ*, стр. 439.

Раздраженіе поэта объясняется многими причинами: неудовлетворенное, болѣзненно развитое самолюбіе, — тяжкая нужда—изъ которой Щербина вышелъ лишь незадолго до кончины,—а всего болѣе тягчайшая, неизлечимая болѣзнь, все это вмѣстѣ, за нѣсколько лѣтъ до кончины, настроило его умъ и воображеніе самымъ мрачнымъ образомъ. Въ слабыхъ лучахъ свѣта и свободы— въ концѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ оживившихъ русскую мысль и русскую печать — «лѣнивцу и ипохондрику», какимъ называлъ себя Щербина,—мерещились кровавые призраки революціи и онъ нападалъ на нихъ съ желчью и сарказмомъ. Тѣмъ не менѣе сатирическія произведенія пера Щербины и изъ послѣдняго, вполнѣ печальнаго въ его жизни періода, не лишены нѣкотораго значенія: въ нихъ замѣтны, хотя иногда крайне преувеличенныя, комическія или темныя стороны современныхъ ему общественныхъ явленій....

Портреты Щербины помѣщены въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ» 1858 г., въ «Иллюстрированной Газетѣ» 1869 г., въ «Всемірной Иллюстраціи» 1869 г., № 18, и въ «Портретной Галлереѣ» изд. Мюнстера, съ біографическими статьями о поэтѣ, (въ «Портретной Галлереѣ» авторъ, между прочимъ, приписалъ Щербинѣ стихи Мея!)

«Воспоминанія о Щербинѣ» Ольги Н. были напечатаны въ «Зарѣ» 1870 г. № 5. Обстоятельные некрологи помѣщены въ «Голосѣ» (1869 г. № 106, статья Г. П. Данилевскаго), въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Петербургской Газетѣ», «Сѣверной Пчелѣ», «Днѣ» (органъ евреевъ) и «Одесскомъ Вѣстникѣ». Въ засѣданіи славянскаго комитета, 27-го апрѣля 1869 г., Т. И. Филиппов прочелъ свою статью «въ память Н. Ѳ. Щербины».

Н. Ѳ. Щербинѣ.

Вполнѣ понятно мнѣ значенье
Твоей болѣзненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Предъ идеаломъ красоты.....

Такъ узникъ Эллинскій порою,
Забывшись сномъ среди степей,
Подъ Скивской вьюгой снѣговою,
Свободой бредилъ золотою,
И небомъ Греціи своей.

Ѳ. Тютчевъ.

1857 г.

Donc il fallait, pour que l'humanité arrivât à la complète harmonie de ses fonctions, que la chair et la matière fussent réhabilitées.

L. R.

Sur des pensers nouveaux faisons des vers antiques
André Chenier.

I

I.

Сапфо.

Не могу, о, мать родная
Въ руки взять веретена,
Какъ бывало, распѣвая,
Въ виноградникѣ пряла я,
И пряла я не одна!

Онъ всегда бывалъ со мною,
Онъ готовилъ пряжу мнѣ,
И пушистою щекою
На плечо мое съ мольбою
Прилегалъ наединѣ....

Не могу, моя родная,
Бросить нити въ челнокѣ,
На коврѣ изображая,
Какъ царевна Навзикая
Моетъ пурпуръ на рѣкѣ.

Не стучится гость желанный
Въ портикъ сада моего.
Не идетъ онъ, долго жданный....
Мой вѣнокъ благоуханный
Вянетъ ночью безъ него.

Я давно съ нимъ не сидѣла,
Вкругъ него я не вилась,
И давно ему не пѣла,
Какъ Бедтянка Семела
Ложу Зевса отдалась;—

А теперь я пѣснь иную,
Одинокая пою,
Пѣсню грустную такую,
Что я плачу и тоскую
Въ ночь безсонную мою.

Гесперъ всѣмъ приноситъ счастье
На серебряныхъ лучахъ:
Яркій пламень сладострастья,
Иль сердечное участье
Зажигаетъ онъ въ очахъ;

На покой зоветъ въ ложницу
Мужа съ юною женой,
Возвращаетъ съ поля жницу
И кудрявую ягницу
Съ луга влажнаго домой...

Я-жъ мечусь по изголовью,
И—мнѣ грезится—звѣзда
Облилась и свѣтитъ кровью: —
Я одна съ моей любовью
Благамъ Геспера чужда;

А его нетерпѣливо
Ждетъ соперница моя,—
Но не съ граціей стыдливой,
Не съ уловкой прихотливой,
Какъ ждала когда-то я!

Не умѣетъ такъ прекрасно
Грудь она полураскрыть,
И подъ ритмъ живой и страстный
(Какъ привыкла я всечасно)
Рѣчь восторга говорить.

Въ пляскѣ бѣшено-игривой
Незнакома тайна ей —
И небрежно и красиво
Бросить вѣтру для извива
Складки туники своей.

II.

Женскія рѣчи.

Говори, ни на мигъ не смолкая,
Безконечно, мой другъ, говори:
Насъ заставитъ молчать, разлучая,
Суета восходящей зари!...

Ужъ отъ моря несется прохлада,
Ужъ блѣднѣетъ звѣзда за звѣздой,
И роса на кистяхъ винограда, —
Мы разстанемся скоро съ тобой!..

И ползутъ по колоннамъ туманы,
Поднимаясь клубами съ ручья,
Раскрываютъ свой вѣнчикъ ліаны,
Просыпается пѣснь соловья...

Не убьемъ-же напрасно минуты
Безъ восторженныхъ мыслей и словъ!
Не спѣши торопливо ко сну ты:
Ихъ такъ много обманчивыхъ сновъ!

Мнѣ потребна въ такія мгновенья
Та мелодія женскихъ рѣчей,
Что мнѣ въ душу вливаетъ забвенье
Всѣхъ текущихъ безжизненныхъ дней.

Поняла ты, что я негодую
Отъ избытка широкой любви
На неправду и мелочь людскую, —
Примиренье ко мнѣ призови!...

Но остались намъ только мгновенья
До лучей повседневныхъ зари...
Изливай мнѣ на раны цѣленье:
Говори, говори, говори!

О, мой другъ! Такъ любовь угасаетъ,
Мимолетная юности дочь,
Какъ предъ нами теперь отлетаетъ
Эта ночь, невозвратная ночь!

III.

Тѣнь.

Ярко на пирѣ веселомъ горѣли лампады;
Прелести женъ полногрудыхъ онѣ освѣщали:
Юношамъ много завѣтной и тайной отрады
Въ тьмѣ вожделѣнной безсонныхъ ночей обѣщали.
Но предъ одной красотою въ смущеньи стоялъ я,
Чуждою власти Гимена и власти Киприды;
Весь созерцанье, безмолвно и жадно внималъ я
Рѣчи ея равнодушной и полной обиды.
Тѣнь отъ лица моего трепеща упадала
На бѣлизну ея груди упругой и снѣжной:
Грудь на волненьи своемъ мою тѣнь колыхала, —
Будто колышется тучка на зыби прибрежной...

О, не бѣги отъ меня! О, побудь же со мною!...
Хоть на мгновенье продли мои сладкія муки!
Ты какъ раба оковала меня красотою...
Сжалься: — къ тебѣ простираю моленья и руки!
Пусть погоститъ у тебя хоть на грѹди прекрасной
Легко-трепещущей тѣни моей отраженье: —
Правда-ль, что было-бы дерзко желать и напрасно
Въ сердцѣ желѣзномъ твоемъ промелькнуть на мгновенье?...

Искры любви изъ тебя мнѣ извлечь невозможно:
Но предъ тобой безкорыстно склоняю колѣни,
Зная, что всякая страсть иль больна или ложна,
Зная, что чувства — лишь мимобѣгущія тѣни.

IV.

Идиллія.

О, не тронь её, 'Аркасъ, молю я:
То въ роспуколкахъ розовый кустъ...
Не спали-же огнемъ поцалуя
Этой утренней свѣжести устъ!

Ей природа и мать, и игрушка,
Для нея чуть блеснула весна—
Пусть-же бѣгаетъ въ волю рѣзвушка,
Пусть, болтая, хохочетъ она.

Еще ягода эта не спѣла,—
Въ ней и соковъ пурпуровыхъ нѣтъ,
И на туникѣ дѣвственно-бѣлой
Лишь цвѣтовъ да кустарниковъ слѣдъ.

Она съ братомъ-малюткой играетъ,
У нея столько дѣтскихъ затѣй,
Что не видитъ она и не знаетъ
Ни желаній твоихъ, ни страстей.

Передъ нею дрожишь ты и млѣешь,
И, краснѣя, смущаешься ты...
Что-же дѣтски любить не умѣешь
Это дѣтство ея красоты!

Жди... Настанетъ пора золотая,
И созрѣетъ желаемый плодъ:
Своей тяжестью вѣтку склоняя,
Онъ въ корзину Киприды падётъ.

V.

Южная ночь.

На раздольи небесъ свѣтитъ ярко луна,
И листки серебрятся оливъ;
Дикой воли полна,
Заходила волна,
Жемчугомъ убирая заливъ.

Эта чудная ночь и темна, и свѣтла,
И огонь разливаетъ въ крови;
Я мастику зажгла,
Я цвѣтовъ нарвала: —
Поспѣшай на свиданье любви!...

Эта ночь пролетитъ, и замолкнетъ волна
При сіяньи безстрастнаго дня,
И, заботой полна,
Буду я холодна:
Ты тогда не узнаешь меня!...

VI.

Вѣнки.

Въ толпѣ межъ юношей прошелъ я незамѣтно,
И взоръ красавицы далёкъ былъ отъ меня,
Тотъ взоръ, что для другихъ свѣтился такъ привѣтно,
Похожій на разсвѣтъ безоблачнаго дня...
И грустно стало мнѣ, и свой вѣнокъ поэта
Я сбросилъ съ головы и въ прахѣ растопталъ:
Томимый завистью и страстію согрѣтый,
Лишь адонисова вѣнка я пожелалъ...
И лавръ воителя съ гражданственной оливой
Безъ смысла, блѣдные, цвѣли передо мной,
Незамѣчаемы Кипридой горделивой...
Я обнаженною поникнулъ головой.

Но ожилъ снова я съ зеленою весною,
И пѣсни новыя народу я сложилъ:
То ихъ гармоніей, то нѣгой и тоскою
Непобѣдимую нежданно побѣдилъ...

И вотъ ужъ спитъ она, мнѣ на руки склоняся,
Ея усталая прохлады проситъ грудь;
Пурпурная заря надъ моремъ разлилася;
Взирая на неё, не смѣю я дохнуть...
По складкамъ полога пробрался лучъ денницы,
Играя и скользя по груди молодой,
То золотомъ лился на длинныя рѣсницы,
То тѣнью упадалъ подъ выпуклой красой:
Тогда въ душѣ моей желаніе иное,
Желанье новое я страстно ощущалъ
И недовольствіе какое-то больное...
Опять я свой вѣнокъ поэта изорвалъ,
И плакалъ какъ дитя, безсильно и напрасно
Желая Фидія вѣнокъ себѣ стяжать...
Я чувствовалъ тогда, что этотъ мигъ прекрасный
Лишь мраморъ да рѣзецъ способны передать.

VII.

Загорѣвшая дѣвушка,

Идиллія.

Хлѣбородной нивы жницы!
Какъ сіяютъ предо мной
Въ золотыхъ волнахъ пшеницы
Ваши бронзовыя лицы
Загорѣвшею красой!

Вотъ, съ корзиной винограда,
Отъ подругъ вдали, одна,
Этихъ волнъ земныхъ наяда,
Дикой гордости полна...

И опущены рѣсницы
На загаръ ея ланитъ,
Закрывая блескъ денницы.
Чорныхъ глазъ стыдливой жницы
И хариты изъ харитъ...

Солнце! вѣтеръ! вы счастливы:
Слѣдъ вашъ видѣнъ на поляхъ,
Слѣдъ любви на злакахъ нивы
И у дѣвы горделивой
На щекахъ и на плечахъ.
Ваши страстныя желанья
На лицѣ у красоты
Пыломъ жаркаго лобзанья —
Смуглымъ цвѣтомъ разлиты:
А мечты мои и грёзы,
И безсонницы ночей,
И признанія, и слёзы
Безъ слѣда прошли у ней!...

Но, исполненный прохлады,
Вѣтеръ всѣхъ счастливѣй насъ,
Что за тунику наяды,
Испивая всѣ отрады,
Онъ пропархивалъ не-разъ;
Я-жъ цѣной моей печали
Не осмѣлился-бъ желать
И ремни ея сандалій
Раболѣпно развязать.

VIII.

Лиръ.

На пурпурныхъ мы ложахъ сидѣли,
Разсыпàли намъ женщины ласки,
Іонійскія пѣсни мы пѣли
И милетскія слушали сказки.
Ужъ не-разъ разносился въ амфорахъ
Оживляющій сердце напитокъ,
И въ немолчныхъ шумѣлъ разговорахъ
Откровеній веселыхъ избытокъ;
И блистали свѣтильники пира,
И туманъ благовоній носился...
Издали намъ послышалась лира,
И серебряный голосъ разлился.

Колыхаяся въ легкихъ движеньяхъ,
Въ полубѣгѣ или въ полупляскѣ,
Выступали подъ тактъ пѣснопѣнья
Плясуны, скоморохи и маски.
Съ ними мальчикъ явился прекрасный,
Будто Эросъ — цитерскій малютка:
Онъ то пѣлъ, то плясалъ онъ такъ страстно,
То шутилъ граціозною шуткой...

«Что̀ ты спряталъ на грудь подъ гиматій?...
Что̀ такъ выпукла грудь молодая!...
Онъ, клянусь я, рожденъ для объятій...
Онъ-бы твой былъ женихъ, Навзикая!...
Или спряталъ ты кисть винограда?...
До тебя — призываю Зевеса! —
Красоты не видала Эллада,
Не писала рука Апеллеса!
Осязать ее просятся руки,
И желаютъ глаза осязанья!...
Мнѣ съ тобою и Тантала муки,
И боговъ золотыя желанья!»

— «О, невѣрный, холодный, жестокій!
Разлюбилъ ты свою Автоною...

Цѣлый годъ я жила одинокой:
Цѣлый вѣкъ не видалась съ тобою.
Я къ толпѣ скомороховъ пристала,
Не боялась глухой этой ночи...
Наконецъ-то тебя увидала! —
Не насмотрятся жадныя очи,
Не налюбится сердце съ тобою!
Я не мальчикъ.... Сними мой гиматій:
Посмотри на свою Автоною...
Я хочу поцѣлуевъ, объятій!...»
. . . . . .

IX.

Весенняя пѣсня.

Всё, сокрытое въ нѣдрахъ творенья,
Все душѣ отвѣчаетъ на зовъ;
Изъ земли возникаютъ растенья,
Пробуждаются струны пѣвцовъ...

И въ груди такъ легко и отрадно!...
Безконечно хотѣлъ-бы я жить,
И, весной упиваясь жадно,
Я хотѣлъ-бы лишь пѣть да любить!

И у лона жены русокудрой,
Молодой, полногрудой жены
Наслаждаться бесѣдою мудрой,
Увѣнчавшись цвѣтами весны.

На неё, какъ на образъ природы
Горячо и разумно взирать: —
Съ нею воздухъ, свѣтила и воды
Будутъ мыслью и страстью дышать...

Иль подъ говоръ ея тихострунный
Всё дремать, не смыкая очей,
Иль заснуть, и косой златорунной
Свои вѣки закрыть отъ лучей.

X.

Желанье.

О, прости моему невниманью!...
Ты цалуешь меня горячо:
Твоему я не вторю желанью,
Наклонившись къ тебѣ на плечо...
Не смущай меня словомъ упрёка,
Подозрѣньемъ ревнивымъ не мучь,
И, повѣрь, что люблю я глубоко,
Что я чувствомъ высокъ и могучъ;
Но, любя ненасытно и страстно,
Когда сердце тобою полно,
Отгонять я стараюсь напрасно
Одну мысль и желанье одно!...
И — какъ это безумно желанье!...
Наслаждаясь твоей красотой,
Испивая весь нектаръ лобзанья,
Я своей недоволенъ судьбой:
Я хочу тогда юности вѣчной
И безсмертья хочу я тогда...
О, цалуй-же меня безконечно: —
Зацалуй мою грусть навсегда!...
Я въ смѣшныхъ изливаюсь проклятьяхъ:
Гимномъ жизни ты ихъ заглуши...
О, сжимай меня въ страстныхъ объятьяхъ,
И желанье мое задуши!

XI.

Герой.

I.

Лежу я на полѣ широкомъ
Въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ полевыхъ,
Забытый завистливымъ рокомъ
И злобой согражданъ моихъ...

Какъ сладко на перси природы
Приникнуть усталой главой!
Здѣсь царствуетъ геній свободы,
Сюда пріютился покой...

Вотъ пчелы роятся надъ тминомъ,
Корзины плетутъ пастухи,
Бѣлѣютъ стада по долинамъ,
И пахарь поётъ у сохи.

Мнѣ слышится пѣснь Теокрита
Сквозь грёзы спокойнаго сна...
Здѣсь прошлая жизнь позабыта,
Здѣсь жизнь настоящимъ полна.

II.

Заснулъ я въ тѣни сикоморы:
Но видѣлъ ущелія скалъ;
На нихъ опиралися горы,
Орелъ надъ горами леталъ,

И грозныя тучи носились,
И буря ревѣла въ горахъ,
И гибкою тростью клонились
Столѣтніе дубы во прахъ...

И жаждалъ иной я свободы,
И жаждалъ иного вѣнца
Въ объятіяхъ бурной природы,
На лонѣ Зевеса-отца...

XII.

Волосы Береники. *)

Посв. Кн. А. Д. О.

Invita: o regina, tuo de vertice cessi,
Invita: adjuro teque tuumque caput.
Catullus.

I.

Блещутъ новыя свѣтила
Краше всѣхъ свѣтилъ ночныхъ:
Ихъ Киприда помѣстила
Въ хоръ созвѣздій золотыхъ.

Превратили въ звѣзды боги
Прядь волосъ земной жены;
Новымъ блескомъ ихъ чертоги
Въ небесахъ озарены.

То любовь супруги страстной
Тамъ безсмертіемъ горитъ,
И съ эѳира ночью ясной
Намъ о страсти говоритъ...

---

*) Береника, жена Птоломея - Эвергета, отправлявшагося въ Азію для завоеваній, дала обѣтъ богамъ отрѣзать свои волосы имъ въ жертву, если мужъ ея возвратится побѣдителемъ,— что и исполнилось. Волосы были положены въ храмѣ Венеры-Зефириты: но жрецы сказали, что они ночью исчезли изъ храма, и Кононъ, знаменитый александрійскій астрономъ, вѣроятно, по наущенію жрецовъ, объявилъ, что открытое имъ въ это время новое созвѣздіе—волосы Береники, превращенные богами въ звѣзды, подобно вѣнку Аріадны.—Въ сочиненіяхъ Катулла находится прекрасное стихотвореніе «De coma Berenices». Ученые утверждаютъ, что оно переводъ изъ греческаго поэта Каллимаха, воспѣвшаго апотеозу волосъ своей граціозной царицы.— Эта пьеса не дошла до насъ въ подлинникѣ.

Кто-же любящая эта?...
Пусть всѣ знаютъ, что она
Птоломея-Эвергета
Русокудрая жена.

II.

Я лежу ночной порою
У потока на травѣ,
Весь очами и душою
Въ лучезарной синевѣ.

Я на лонѣ мирной страсти,
Мысли сердца полонъ я;
Красотѣ въ объятья власти
Отдана душа моя:

Вижу яркій образъ всюду
И прекрасныя черты...
Я всегда поэтомъ буду
И любви, и красоты!

Вамъ, художники другіе, —
Горе дня и ложь людей,
Вамъ — мечтанія больныя,
Стонъ и жалобы страстей!

То моя отвергла лира,
Что проходитъ съ каждымъ днемъ,
Что изгонится изъ міра
Вѣчной правды торжествомъ....

Вѣрьте, молча я страдаю,
И больнѣй страдаю васъ,
Сокрушаюсь, наблюдаю
Каждый жизни нашей часъ:

Но того, что недостойно
Я искусству не даю,
И въ душѣ горячкой знойной
Зло безъ образовъ таю.

III.

Рѣчь веду я со звѣздами,
Говорю свои имъ сны,
И любуясь волосами
Эвергетовой жены...

И они съ небесъ запѣли
Пѣсню жалобы своей:
Ихъ мелодіи летѣли
Съ неба золотомъ лучей.

IV.

«Возліянья и обѣты
Отъ земли несутся къ намъ,
Мы величіемъ одѣты,
Жены, дѣвы и поэты
Причисляютъ насъ къ богамъ.

Намъ въ эѳирѣ неотрадно
Семизвѣздіемъ сіять,
Гдѣ сіяетъ Аріадна,
Упиваться славой жадно,
Ѳиміамы обонять:

Съ головы холодной сталью
Мы какъ жертвы снесены
Береникиной печалью,
И такой безмѣрной далью
Отъ нея отдѣлены....

О, зачѣмъ любимъ тобою
Мужъ воитель Птоломей!...
Онъ досталъ себѣ войною
Плѣнницъ съ новою землею, —
Но цѣно́й твоихъ кудрей...

Какъ ты руку погружала
Въ нашу мягкую волну,
Насъ роскошно умащала,
Мелко въ косы заплетала
Отходившая ко сну!

Наполнялась вся палата
Благовоніемъ отъ насъ,
Оттѣняли мы когда-то,
Лоснясь масломъ аромата,
Снѣгъ чела и краски глазъ...

Но преступною женою
Предъ Искусствомъ стала ты,
Разлучая насъ съ собою,
И разбивъ своей рукою
Стройность женской красоты...

Преклони-жъ боговъ слезами,
Даромъ жертвы дорогой,
Чтобъ съ падучими звѣздами
Мы скатились волосами
Надъ твоею головой.

Чтобы мы не раздѣляли
Въ небѣ любящихъ друзей:
Чтобъ, какъ прежде, заблистали,
И свѣтить-бы рядомъ стали
Оріонъ и Водолей».

XIII.

Вакханка.

Ты жаркія страсти скрываешь
Подъ гордо-холодной осанкой:
Казаться Діаной желаешь,
Когда рождена ты вакханкой...
Не вѣрю, что бурей желаній
Въ груди твоей сердце не бьётся:
Я вижу, какъ жажда лобзаній
На губкахъ зоветъ и смѣётся.
Восторги болѣзненно пышутъ
На этомъ румянцѣ широкомъ,
Изъ глазъ они льются, и дышутъ
Горячимъ дыханья потокомъ,
Трепещутъ въ прерывистой рѣчи,
Въ движеньи, рукахъ и осанкѣ,
И полныя смуглыя плечи
Тебѣ измѣняютъ, вакханкѣ...
Весеннею нѣгою ночи
Притворству разставлены сѣти...
Давно говорятъ наши очи: —
Съ тобой мы далёко не дѣти!...
Я смѣло раскрою объятья,
И знаю, — ты примешь ихъ жадно...
Какъ стану тебя цѣловать я,
Глядѣть на тебя ненаглядно!...

. . . . . .
. . . . . .

XIV.

Невольная вѣра.

Какъ я радъ, что оставилъ Акрополь!
Тамъ лишь башни висятъ надо мной.
Да лепечетъ безтѣнная тополь,
Да летаютъ щуры надъ стѣной;
Мнѣ и слышать, и видѣть докучно,
Какъ сова-мышеловка поётъ,
Какъ ворота скрипятъ однозвучно,
И змѣя по цитернѣ ползётъ...
Но въ лѣсу, но средь поля — иное...
Я не-въ-силахъ, друзья, разсказать!...
Здѣсь отрадно воскресло былое,
Осѣнила меня благодать...
Здѣсь меня обнимаетъ природа,
И все тихо, покойно кругомъ...
Только слышишь: — свобода, свобода!
Пролепечетъ листокъ съ вѣткомъ.
Мѣдяница, повиснувъ на вѣткѣ,
Померанецъ лѣниво сосётъ.
Не бояся ни змѣя, ни сѣтки,
Соловей беззаботно поётъ.
Надо мною склонилась олива,
Льютъ прохладу съ утёса ключи,
И горятъ разноцвѣтнымъ отливомъ
На волнахъ голубого залива
Заходящаго солнца лучи.
И бросаютъ развалинъ колонны
На холмы свою длинную тѣнь,
И мою полусонную лѣнь
Освѣжаютъ росой анемоны...

Я всему здѣсь повѣрить готовъ,
Въ этомъ чудномъ жилищѣ боговъ,
Подсмотрѣвъ, какъ клонились діаны,
Будто смятыя ножкой Діаны,
Пробѣжавшей незримо на ловъ...

Я всему здѣсь повѣрить готовъ!

XV.

Стыдливость.

Я лукаво смотрѣлъ на неё,
Говорилъ ей лукавыя рѣчи,
Пожирая глазами ея
Неприкрытыя бѣлыя плечи.
Я её не любилъ; но порой,
Когда, взоръ свой склоняя стыдливо,
Грудь и плечи дрожащей рукой
Одѣвала она торопливо
И краснѣла, и складки одеждъ
Такъ неловко она разбирала,
И, готовая пасть изъ-подъ вѣждъ
На рѣсницу, слезинка дрожала,
И аттическій звукъ ея словъ,
Какъ на лирѣ струна прерывался,
Развязаться былъ поясъ готовъ,
И нескоро камей замыкался:
Въ этотъ мигъ всѣ движенья ея
Какъ невольникъ безмолвно слѣдилъ я,
И полно было сердце моё...
Въ этотъ мигъ безпредѣльно любилъ я!

XVI.

Въ деревнѣ.

Какъ-то привольнѣй дышать мнѣ подъ этимъ живительнымъ небомъ
Какъ-то мнѣ лучше живется въ тиши деревенской:
Гаснутъ мечты честолюбья, тревожные сны улетаютъ;
Мыслей о будущемъ нѣтъ,—настоящимъ я полонъ.
Будто младенецъ прильнулъ я къ широкому лону природы,
Съ нею живу, ея тайнымъ велѣньямъ послушный:
Музамъ я утро свое посвящаю, вставая съ Авророй;
Знойнаго полдня часы провожу подъ намётомъ

Темнопрохладныхъ деревъ, и на ложѣ забывчивой нѣги
Сладко дремлю я, вкусивши здоровыхъ и сытныхъ
Блюдъ деревенскихъ, облитыхъ крѣпительной влагою Вакха.
Ночью я весь отдаюсь Афродитѣ-богинѣ:
Полною чашей восторги любви испиваю во мракѣ;
Тонутъ уста мои въ жаркихъ устахъ Левконои,
Руки по мрамору тѣла скользятъ, красоты ощущая
Гибкаго стана и груди упругой и полной.

XVII.

Купанье.

Вечеромъ яснымъ она у потока стояла,
Мóя прозрачныя ножки во влагѣ жемчужной;
Струйка воды ихъ съ любовью собой обвивала,
Тихо шипѣла и брызгала пѣной воздушной...
Кто-бъ любовался красавицей этой порою,
Какъ надъ потокомъ она будто лотосъ склонилась,
Змѣйкою станъ изогнула, и бѣлой ногою
Стала на черный обрывистый камень, и мылась,
Грудь наклонивши надъ зыбью зеркальной потока,
Кто-бъ посмотрѣлъ на неё, облитýю лучами,
Или увидѣлъ, какъ страстно, привольно, широко
Прядали волны на грудь ей толпами,
И, какъ о мраморъ кристаллъ, разбивались, блѣднѣя:
Тотъ пожелалъ-бы, клянусь я, чтобъ въ это мгновенье
Въ мраморъ она превратилась какъ мать-Ніобея,
Вѣчно-бъ здѣсь мылась грядущимъ вѣкамъ въ наслажденье.

XVIII.

Дѣтская игра.

Дѣти рѣзвятся, бросая свой маленькій дискъ по дорогѣ;
Личики свѣтлы у нихъ и румяны, подъ туникой ножки
Живо бѣгутъ, и, колеблясь зефиромъ, по мраморной шейкѣ
Черныя кудри струятся; смѣются уста ихъ и глазки.
Рады они и хохочутъ въ безумномъ весельи, малютки:
Весело имъ, что кузнечику ножки они оборвали...
Прыгать съ дороги въ пшеницу ужъ больше не станетъ,
Дѣти себѣ разсуждаютъ, смѣяся отъ чистаго сердца.
Чуждый товарищъ, стоялъ я межъ ними, и слёзы смочили
Старыя вѣки мои, и на сердцѣ теплѣй становилось:
Дѣтямъ завидовалъ я съ умиленіемъ полнымъ отрады;
Годы сѣдые хотѣлось мнѣ сбросить и юностью милой
Снова зажить, и безпечно рѣзвиться, какъ прежде рѣзвился.

Долго я грезилъ такимъ сновидѣньемъ, когда-жъ пробудился
Стали мнѣ милы прожитыя лѣта, и дороги стали
Жизнію опытъ стяжанный и свѣточъ высокаго знанья...
Гордо вѣнецъ свой колючій на лобъ обнаженный,
Крона косою изрытый опять я надвинулъ, и молча
Въ путь свой собрался... но—стыдно признаться—съ печальною думой.

XIX.

Плачущей у гробницы.

Что ты рѣжешь для этой могилы
Благовонныя пряди кудрей,
Перси, полныя женственной силы,
Надрываешь рыданьемъ надъ ней!

Къ-чему эти печальныя платья,
Къ-чему ликъ свой прекрасный терзать,
И горячія жизни объятья
На безжизненный трупъ расточать!

Ты рвала дорогія одежды,
Красоту свою страшно кляла:
Но еще впереди есть надежды,—
Ихъ могила не всѣ унесла...

И что̀ въ ней тебѣ, въ этой гробницѣ,
Безотвѣтной на звучный твой зовъ,
Тебѣ, пламенной страсти царицѣ
И земному подобью боговъ!

Поспѣши ей отдать возліянья,
Её плачемъ обычнымъ почти;
Схорони тамъ на-вѣки страданья,
И отъ смерти ты къ жизни иди,

Гдѣ отвѣтъ есть на радость и горе
Въ дуновеньи нѣмомъ вѣтерка
И въ немолчно-враждующемъ морѣ,
И въ роскошномъ дыханьи цвѣтка...

Поспѣшай-же творить возліянья:—
Слышишь, въ городѣ хоры поютъ,
И поютъ, что мгновенно страданье,
Что отъ слёзъ тебя пѣсни зовутъ...

XX.

Осенняя элегія.

Жарко-блестящее солнце, помедли!... Зачѣмъ оставляешь
Эти счастливыя страны, все ниже и ниже
По небу нашему ходишь: не такъ, какъ бывало весною,
Прямо надъ нами горѣло, и долгое утро
Съ долгимъ сіяющимъ днемъ выводило съ собою изъ моря...
Иль тебѣ милы песчаныя степи Ливійцевъ!...
Будто-бы лучше ихъ мѣдное небо, чѣмъ небо Эллады,
Гдѣ твои сестры-красавицы вѣчно сіяютъ:

Кассіопея алмазная и Андромеда златая...
На небосводѣ ливійскомъ Центавръ или Гидра
Могутъ-ли встрѣтить тебя, какъ царя подобаетъ—съ любовью!
Не покидай насъ, отрадно свѣтящее солнце!
Вотъ ужъ и падаютъ желтые листья съ печальныхъ растеній,
И виноградъ уже блѣкнетъ, и сокъ свой теряетъ,
Сыростью въ воздухѣ пахнетъ, и изморозь утромъ на дёрнѣ;
Вѣтеръ порывистый съ воемъ тоскливымъ и свистомъ
Прахъ подымаетъ клубами, иль съ юга намъ дождь нагоняетъ,
Иль того хуже, что пасмурно-сѣрымъ и хмурымъ
Дѣлаетъ наше весёлое небо...

О, доброе солнце!
Ты хоть для милой моей погостило-бъ подольше:
Скоро польются дожди, а тамъ придутъ за ними морозы,—
Будетъ, бѣдняжка, она въ епанчу шерстяную
Прятать лицо свое бѣлое, носикъ очертанный стройно,
Иль одѣвать непрозрачною, грубою тканью
Полнолилѣйный, но зябкій, трепещущій въ холодѣ локоть...
И не увижу я долго всѣхъ прелестей этихъ;
Негдѣ, притомъ, и видаться намъ будетъ въ такое ненастье...
Не покидай насъ, отрадно-свѣтящее солнце!
Съ нами останься, пока я въ любви ей откроюсь:
Лѣтомъ еще и въ любви не успѣлъ я открыться...

XXI.

Диѳирамбы.

I.

Сладка мнѣ любовь за волненья,
Чѣмъ движется сердце мое;
Люблю ея всѣ опасенья
Заботы и тайны ея!

Минутой запретнаго счастья
Хочу насладиться какъ тать,
И въ бурную пору ненастья
Подругу во тьмѣ ожидать...

А этотъ прерывистый шопотъ,
Пожатье дрожащей руки,
Упрямство и ласка, и ропотъ,
Уста на лилѣяхъ щеки,

И ихъ поцалуи безъ звука,
И трепетъ боязни за звукъ,
Къ восторгамъ ведущая мука,
Покой исходящій изъ мукъ,

Незримо-летящее время
И каждый считаемый мигъ: —
Не въ нихъ-ли скрывается сѣмя
И жизни, и пѣсенъ моихъ?...

Не въ нихъ-ли отрада забвенья
Вседневности грустной людей,
Что сердцу куётъ оскорбленья
Житейской неправдой своей?...

II.

Наполнимъ-же звонкія чаши, Никоя,
Душистымъ наксосскимъ виномъ!
Тебя ожидалъ съ нетерпѣньемъ давно я...
Возляжемъ на ложе вдвоемъ.

На это пурпурное шитое ложе
Мы бросимся жадно съ тобой,
И пестро-златистая барсова кожа
Обниметъ насъ тёплой волной!...

Пусть наши сердца загорятся, забьются,
Взволнуется юная кровь,
И крѣпко уста поцалуемъ замкнутся,
И вздохомъ раскроются вновь...

Мы будемъ, восторговъ забывчивыхъ полны,
Въ истомѣ и въ сладкой борьбѣ,
И, слившись, двѣ бѣлыя груди, какъ волны,
Взаимно утонутъ въ себѣ...

Дай страсти, Киприда, дай больше мнѣ страсти,
Восторговъ и жара въ крови:
Всего-жъ не предай одуряющей власти
Больной и безумной любви...

Но пусть я спокойно, свѣтло и здорово
Предстану предъ жертвенникъ музъ, —
Да снова скрѣпится, да здравствуетъ снова
Труда съ наслажденьемъ союзъ!

XXII.

Статуѣ Елены.

Стою какъ рабъ предъ дивнымъ изваяньемъ,
Проникнутый нѣмымъ очарованьемъ;
Едва дыша, взираю на черты
Возвышенной античной красоты.

Скажите мнѣ, — кто дерзкій тотъ художникъ,
Что божество съ Олимпа къ намъ низвёлъ,
Которому вселенная треножникъ
И блескъ небесъ достойный ореолъ?..
Не тукъ тельцовъ, не свѣтлый тукъ елея
Обычный даръ на алтарѣ твоёмъ,
Но человѣкъ восторгомъ пламенѣя,
Блаженствуя, приносится на нёмъ...
Какòй Паросъ твой мраморъ возлелѣялъ?
Ктò Прометей, воздвигнувшій твой ликъ,
Чтобы на всё онъ жизнію повѣялъ,
Чтобы во всё магически проникъ?
Какàя мысль чело его палила,
Какъ на тебя рѣзецъ онъ свой вознёсъ,
И кàкъ она его не сокрушила,
И надъ тобой онъ скòлько пролилъ слезъ?...
Но долу ты свои склонила очи...
Не подымай, молю, ихъ на меня! —
Подъ ними всѣ сокрылись тайны ночи
И весь огонь тропическаго дня.

Въ нихъ блещетъ всё прекрасное природы,
Въ нихъ міръ души съ природою сліянъ,
Въ нихъ озера недвижимыя воды
И бурею изрытый океанъ...

Стою какъ рабъ предъ дивнымъ изваяньемъ,
Проникнутый нѣмымъ очарованьемъ;
Едва дыша, взираю на черты
Возвышенной античной красоты.

XXIII.

* * *

Ложе изъ лилій и розъ приготовилъ тебѣ я,
Розы и лиліи эти покрывъ живописно
Тканью пурпурной, обшитой кругомъ бахрамою...
Бросься на мягкое свѣжедушистое ложе,
Бросься, какъ рѣзвый ребёнокъ, и дѣтскія рѣчи
Смѣхомъ обычнымъ своимъ прерывай граціозно.
Жарко тебѣ... Я достану воды изъ цитерны,
Я оболью тебя влагою Зевса прохладной...
Стану смотрѣть ненасытно, какъ струйки и капли
Будутъ по тѣлу скользить, обвивая любовно
Станъ твой и плечи, и груди, и всю тебя, нимфа!
Только условье одно предлагаю за это. —
Вдругъ вавилонскихъ одеждъ, персепольскихъ сандалій,
Тирскихъ запястій—всѣхъ этихъ прикрасъ безобразныхъ
Не надѣвай ты, пока не изсохнетъ на тѣлѣ
Капля за каплей, которыя выпьетъ самъ воздухъ...
Да и къ-чему-жъ измочить дорогія одежды!...
Другъ мой! Хочу посмотрѣть я глазами поэта,
Какъ отдѣляется выпукло тѣло отъ ложа,
Какъ этотъ пурпуръ волнистый отдѣлится ярко
Отъ бѣлизны легкопѣнной скульптурнаго тѣла...

Душно тебѣ,— и я вижу, что хочешь облиться
Свѣжей водою: но только условіе наше

Твёрдо держи... а не то̀ — изорву я одежды,
И, по колючимъ кустамъ разметавши запястья,
Брошу сандальи въ ручей... Но не вѣрь мнѣ:—шучу я...

Въ это мгновеніе смертный, тебя созерцая,
Какъ олимпійцы блаженные станетъ блаженнымъ...

О, хорошо намъ!... Не правда-ли? Яворъ столѣтній
Сѣнью прохладной раскинулся густо надъ нами,
Такъ-что едва пробивается солнце сквозь зелень;
Мягкое ложе; на немъ возлежитъ аѳинянка,
Бѣлые члены раскинувъ изящно, привольно,
Какъ ей удобнѣй и какъ ей внушаетъ природа.
Возлѣ насъ портикъ, а въ портикѣ видимъ картину
Славнаго мастера Аттики нашей прекрасной.
Солнце её освѣщаетъ такъ ясно, что видно
Даже отсюда всю строгость рисунка, замѣтны
Мелочи всѣ и подробности всѣ обстановки.
Статуи грацій и музъ у колоннъ размѣстились,
И улыбаются нашему счастью оттуда...

Небо Эллады, какъ-будто-бы та́я надъ нами,
Смотритъ сквозь воздухъ пахучій на насъ, издалёка.
Это Эгейское море, слегка подымаясь,
Тихо поётъ про себя безконечную пѣсню..
Видится, плаваетъ островъ зеленый на морѣ,
Будто зеленый корабль, и, намъ кажется, хочетъ
Къ гавани нашей пристать, и принесть намъ въ подарокъ
Сладкія фиги свои и миндаль съ виноградомъ...

Вотъ, посмотри-ко на сѣверъ: — лиловыя горы,
Бѣловершинныя скалы и мраморъ утёсовъ...

Что́-же забылъ про тебя я, о, богъ вѣчно-юный,
Вакхъ-Діонисъ!... Принесу поскорѣе амфору
Съ чистымъ ѳазосскимъ виномъ, и съ подругой немного
Выпьемъ мы, чтобъ поддержались подольше весёлость,
Живость въ умѣ да и въ тѣлѣ пріятная свѣжесть...

Нимфа, богиня, подруга, малютка, Никòя!
Чтобы дополнить еще наслажденіе наше
Жизнью, искусствомъ и всей красотою созданья:
Буду играть я на флейтѣ лидійскія пѣсни,

Буду читать я творенья Хіосскаго старца...
Но передъ тѣмъ воздадимъ мы богамъ благодарность
За два равно намъ любезные, сладкіе дара:
Первый нашъ гимнъ мы споёмъ жизнедавцу-Зевесу,
Гимнъ-же второй Прометею за пламя искусства.

XXIV.

Эллада.

Окружена широкими морями,
Среди оливъ покоится она,
Развалина, покрытая гробами,
Въ ничтожествѣ великая страна.

Я съ корабля сошелъ при блескѣ ночи,
При ропотѣ таинственномъ валовъ...
Горѣла грудь, въ слезахъ кипѣли очи:
Я чувствовалъ присутствіе боговъ...

И видѣлъ я усыпанный цвѣтами,
Рельефами покрытый саркофагъ:
Въ нихъ граціи поникли головами
И Аполлонъ, и вѣчно-юный Вакхъ;

А въ гробѣ томъ красавица лежала
Нетлѣнная, печальна, но ясна...
Казалося, она не умирала,
Казалося, безсмертной рождена...

И пѣснь ея носилась надъ могилой,
Когда уже замолкнули уста; —
И всё вокругъ собой животворила
Усопшая во гробѣ Красота.

XXV.

Мигъ.

Чудный былъ вечеръ весенній. Ужъ солнце въ волнахъ потонуло
Искрились тихія волны, и западъ въ послѣднемъ сіяньи
Медленно гаснулъ надъ ними, и Гесперъ уже теплился ярко.
Робкой стопой среброногая дѣва-Селена изъ тучки
Въ темнолазурное поле небесъ выходила.

Всё было тихо, прохладно, темно́ и прозрачно подъ небомъ;
Небо съ землей и съ душой человѣка дышало одною
Сладкой гармоніей, будто-бы звучною грудью одною...
Счастливы мы, что живемъ, что родились, друзья-человѣки!...
Горе нежившимъ и горе отжившимъ!

XXVI.

Два титана.

(Океанъ и Прометей).

Ты разлился безконечно
Крѣпко-грудый Океанъ,
Злое думающій вѣчно,
Вѣчно ропчущій Титанъ!
Власть твоя сильна отъ вѣка,
И идетъ изъ рода въ родъ:
Но предъ мыслью человѣка
Поблѣднѣетъ и падётъ...

Необузданная сила!...
Не склонюсь я передъ ней:
Пусть гордится, какъ могила,
Что такъ много поглотила
Мощно-мыслившихъ людей!

Есть другой титанъ могучій,
Твой соперникъ, Океанъ!
Раненъ молніей гремучей,
На скалѣ, покрытой тучей

Зевсомъ скованный Титанъ.
У него живой любовью
Сердце страстное полно,
Истекающее кровью,
Крѣпко мыслію оно...
И не можетъ Дій суровый
Навсегда, на-вѣкъ замкнуть
Въ некрушимыя оковы
Адамантовую грудь!

Онъ, всемірной власти полный,
По валамъ твоимъ пройдётъ,
И рукой своей объ волны,
Твой трезубецъ разобьётъ.

XXVII.

Женщина.

(Идиллія).

Онъ.

Въ полдень скрываюсь отрадно
Въ широколиственной сѣни,
Воздухъ вдыхая прохладный
Въ сладкой, забывчивой лѣни.
Камень лежитъ красносѣрый,
Мхомъ онъ обросъ надъ потокомъ:—
Здѣсь я встрѣчаюсь съ Неэрой
Какъ-то всегда ненарокомъ...
Гдѣ ты, желанная, гдѣ ты?
Страстно тебя призываю...
Пѣсни мной всѣ не допѣты:
Ихъ еще много я знаю...

Она.

Сердце вѣщуетъ мнѣ что-то,
Бьется и дышетъ тревожно...
Въ немъ ожиданья забота:—
Сердцу не ждать невозможно!...

Я начала-бъ съ поцалуя...
Но не придётъ, не придётъ онъ!...
Все-жъ сомнѣваюсь и жду я...
Слышется шелестъ... Ахъ! Вотъ онъ...

Онъ.

Что-жъ далеки мы признанья,
Робкимъ смущеньемъ объяты?
Полонъ я былъ ожиданья:—
Встрѣчи-ль обычной ждала ты?...

Она.

Матери ягодъ въ кошницу
Здѣсь по-пути набрала я,
Въ поле гоняя ягницу...
Здѣсь никого не ждала я.

XXVIII.

Гермесъ-привратникъ.

Въ портикъ меня пропусти благосклонно, всевидящій Гермесъ
Сторожъ дверей, неизмѣнный покоя жильцовъ охранитель,
Хищниковъ хитрый ловецъ, сберегатель богатыхъ стяжаній,
Мирно меня пропусти въ гинекей Каллигены прекрасной!...
Гермесъ, не воръ я ночной, но я рабъ Афродиты-богини,
Страстно-любимой тобою сестры!... Ничего не возьму я:
Даже и сéрдца, что билось когда-то въ груди моей жаркой,
Что я оставилъ у ногъ Каллигены, съ собой не возьму я...
Тамъ, на пурпурномъ одрѣ карѳагенскомъ она ожидаетъ
Часа свиданья и треплетъ въ досадѣ собачку, и будитъ
Спящихъ на арфѣ, любимцевъ своихъ, голубей сицилійскихъ.
Перлы срываетъ съ прически, и мнётъ на груди воспаленной
Юныя розы, и слушаетъ что-то, и смотритъ на двери.

Я не возьму ничего изъ хранимаго дома тобою:
Въ немъ я оставлю еще и надежды свои, и желанья,
Лучшіе помыслы сердца, радости всѣ и мученья...
Сжалившись, Гермесъ кивнулъ головой благосклонно и въ портикъ
Робко взошелъ я... За мною послышался Гермеса хохотъ.

XXIX.

Воспоминаніе.

Люблю я край заброшенный и дикій,
Гдѣ вьётся по скаламъ ползучій виноградъ
Съ побѣгами плюща, съ кудрями повилики:
Тамъ въ сумерки прозрачныя глядятъ,
Таинственно-знакомые мнѣ лики,
И грустенъ ихъ краснорѣчивый взглядъ.

Всё, что́ меня съ младенчества плѣняло,
Въ чемъ видѣлъ я родство съ моей душой,
Гдѣ сердце послѣ бурь житейскихъ отдыхало—
О, Грецiя, всё связано съ тобой!
Мнѣ дорого въ тебѣ воспоминанье,
Какъ назарѣ открылъ мои глаза
Внезапный лучъ начальнаго сознанья,
И вырвалась болѣзненно слеза...
Разладъ души съ общественнымъ застоемъ,
Съ текущимъ днемъ тогда я ощущалъ;
Являться стала мысль то съ холодомъ, то съ зноемъ,
И первые стихи невольно я слагалъ.

Прими-же мой привѣтъ отъ любящаго сына!...
Хоть ты разсѣялась, какъ мимолётный сонъ,
И въ край чужой пошла твоя Аѳина,
Покинувъ свой завѣтный Парѳенонъ;
Но мысль твоя не умерла съ тобою,
И завѣщала намъ въ наслѣдье столько благъ;
Вѣка бѣгутъ отъ ней какъ побѣжденный врагъ,
И юность говоритъ съ завистливой тоскою —
Что наша жизнь предъ смертію такою!

XXX.

Скрываемая страсть.

Ты недоступна была, какъ богиня Діана,
Робкій мой взоръ ты встрѣчала и гордо, и строго.
Я трепеталъ за себя и любви я боялся...
Больно мнѣ стало за чувство, высокое чувство,
Что ты сердечнымъ привѣтомъ почтить не хотѣла.
Думы мои и мечтанія страсти безплодной,
Эти цвѣты, что взрастилъ я въ безсонныя ночи,
Ты, не замѣтивъ, прошла невниманьемъ жестокимъ.

Пальцы твои тетрахорда случайно коснулись:
Пламенемъ страстные звуки меня охватили,
И разлились ароматомъ любви благовонной...
Звуки тебѣ измѣнили, и ты измѣнилась:
Взоры горѣли твои, и роскошныя кудри
Падали мнѣ на плечо, и уста дорогія
Слиться хотѣли, я видѣлъ, съ моими устами.
Силился я отомстить тебѣ взглядомъ холоднымъ,
Взглядомъ презрительно-гордымъ, какъ слѣдуетъ мужу...
Но предъ тобою невольно я палъ въ обожаньи,
Страстно цалуя, моля о любви униженно.

XXXI.

На зарѣ.

Я не знаю другого моленья,
Не скажу я другого привѣта:
Сохрани на лицѣ выраженье,
Что похоже на небо разсвѣта,
Полузрѣлыхъ красотъ очертанье,
Полудѣтскихъ рѣчей лепетанье!

О, сестра и подруга Авроры!
Не у ней-ли румянецъ взяла ты,
Не у звѣздъ-ли похитила взоры,
Что таинственнымъ свѣтомъ богаты?...
Все велѣніямъ жизни послушно:
Только ты къ нимъ одна равнодушна.

На тебя я гляжу молодѣя...
Для меня ты богиня Природы,
И, здоровьемъ ея пламенѣя,
Ты полна ея дѣтской свободы..
Ты и свѣта, и тѣни сіянье,
И покой, и тревога желанья!

Эпизодъ Одиссеи читалъ я, —
Ты его полюбила, и пѣла...
Но поэму когда-бъ созерцалъ я
Твоего олимпійскаго тѣла:—
Какъ художникъ, весь пылъ наслажденья
Испыталъ-бы я въ эти мгновенья...

Отчего-же стыдливости краской,
Твои смуглыя щёки покрыты,
И за ласку не платишь мнѣ лаской?...
Отвѣчай на призывъ Афродиты,
На стремленья души молодыя:
Да законы исполнятся Дія!

XXXII.

Танталъ.

Съ трепетомъ юнаго сердца мучительно-сладкимъ,
Ждалъ я мгновенья, когда моя милая скажетъ
Слово «люблю», чтобъ вкусить обаянье блаженства
Первому мнѣ на землѣ далекó отъ Олимпа...

Дій всемогущій, каратель дѣтей Прометея!
Дерзкому сыну его ты прости; онъ подумалъ:
Дій не блаженъ, не извѣдавъ верховнаго блага,
Дій никогда не услышитъ въ надзвѣздныхъ чертогахъ
Музыки слова «люблю», чтобы музыкой этой
Вѣчно дышать въ упоеніи вѣчныхъ восторговъ.

Съ трепетомъ юнаго сердца мучительно-сладкимъ,
Жду я мгновенья, когда моя милая скажетъ
Слово признанья въ любви, вожделѣнное слово...
Катятся слезы, и сердце горитъ ожиданьемъ...
Слушаю сердцемъ и слухомъ:— она говоритъ мнѣ «люблю»...

Дій всемогущій, каратель дѣтей Прометея!
Ты наказалъ меня: муки отца земнородныхъ
Сносны предъ мукой моею... Чтó коршунъ! чтó цѣпи!...
Знай, для любви и для счастья мнѣ нужно безсмертья:
Вѣчности счастіе проситъ, вѣчности требуетъ жизнь...
Эта тяжелая мысль надо мной тяготѣетъ,
Сердце грызетъ, какъ змѣя, отравляетъ блаженство...
Я не безсмертенъ, Зевесъ...
Но зачѣмъ я, Зевесъ, не безсмертенъ?..

XXXIII.

Уединенье.

Струями звонкими по рощѣ разливаясь,
Мой слухъ лелѣяли напѣвы соловья;
Проснулась лебедей прибрежная семья:
Она внимала имъ, задумчиво плескаясь
Въ нѣмыхъ волнахъ уснувшаго ручья.
Одежды разметавъ, Хіотка молодая
Пришла ко мнѣ неслышною стопой;
Вздымалась грудь ея нагая,
И кудри сыпались каштановой волной.
На гибкій станъ прозрачные покровы
Накинула красавица слегка.
Моей руки коснулася сурово
Ея дрожащая горячая рука...

Зачѣмъ слѣдишь меня, Хіотка молодая!
Несносенъ мнѣ ревнивый твой укоръ:
Я здѣсь веду спокойный разговоръ
Съ природой мирною, пѣвцу весны внимая,
И жаждетъ звуками и вѣткомъ дохнуть
Паѳосскимъ пламенемъ истерзанная грудь...

XXXIV.

Свиданье.

Страстно просилъ я безсмертныхъ боговъ олимпійскихъ
Дать мнѣ минуту, одну-лишь минуту свиданья
Съ чудно-прекрасною смертною дѣвой. Настало
Это мгновенье. Увидѣвъ ее, у безсмертныхъ
Началъ просить я, чтобъ мигъ вожделѣнный свиданья
Въ вѣчность продлили они. Красоту моей милой
Я созерцалъ, и, какъ Танталъ, все жаждалъ и жаждалъ,
Въ очи ей глядя, лобзая, томяся и плача,
Въ очи глядѣть ей, лобзать и томиться, и плакать...

XXXV.

Письмо.

Я теперь не въ Аѳинахъ, мой другъ:
Въ беотійской деревнѣ живу я.
Мнѣ за лѣнью писать недосугъ...
Не подъ портикомъ храма сижу я,
Не гляжу на кумиры боговъ,
Не гляжу на Зевксиса картины:
Я живу подъ наметомъ дубовъ,
Средь широкой цвѣтущей долины;
Я забылъ объ истмійскихъ вѣнкахъ,
Агоры мнѣ волненія чужды;
Какъ до пыли у васъ въ городахъ,
Мнѣ въ народномъ избраньи нѣтъ нужды.
Будто въ море я весь погруженъ
Въ созерцанье безбрежной природы
И въ какой-то магическій сонъ,
Полный жизни, ума и свободы.
Здѣсь отъ рѣчи отвыкли уста:
Только слухомъ живу я, да зрѣньемъ...
Красота, красота, красота! —
Я одно-лишь твержу съ умиленьемъ.

XXXVI.

Въ портикѣ.

— Вспомни, Теано, ту пору, когда утомившись
Жаромъ весенняго солнца и долгой прогулкой,
Въ портикѣ сѣлъ отдохнуть я съ тобою!...
Намъ были видны оттуда и гермесовъ рядъ безконечный,
И агора съ суетливой толпою, и храмы...
Вспомни, что ты говорила, гетера!

—«Пахнутъ чудесно твои умащенья, мой милый,
Слившись съ моими, и я ихъ впиваю
Въ трепетѣ сладкомъ, въ забывчивой нѣгѣ,
Лежа головкой на персяхъ твоихъ млечно-пѣнныхъ,
Близко устами къ устамъ и къ очамъ недалеко...
Что́-же припомнить могу я въ такія мгновенья! —
Нѣтъ ни грядущаго, нѣтъ ни былого въ блаженствѣ...
Не прерывай его: я такъ блаженна!...»

. . . . . .

XXXVII.

Туника и поясъ.

Te, dea, te fugiunt venti, te nubilia coeli
Adventumque tuum; tibi suaves daedala tellus
Summittit flores! tibi rident aequora ponti,
Placatumque nitet diffuso lumine coelum.
Lucretius.

Въ тотъ часъ, какъ изъ пѣны жемчужной
Въ волнахъ Красота родилась,
И влажною грудью воздушно
Надъ моремъ она вознеслась,
Богиня, въ боязни стыдливой,
Красы не скрывала своей
Подъ складкой одежды ревнивой,
И поясъ не нуженъ былъ ей;
Прозрачныя капли сіяли
Какъ перлы у ней на грудяхъ,
Недвижимо волны лежали,
И каждый онѣ цаловали
Богинею пройденный шагъ.
Лилейной ступила ногою
На берегъ кремнистый она:
И берегъ покрылся травою
Зыбучею будто волна.
Какъ слѣдъ у нея подъ ногами

Мгновенно ростились цвѣты,
И львы преклонялись главами,
Не смѣя коснуться очами
Возникшей изъ водъ Красоты.
На все она дѣтски взирала,
И мирно все было предъ ней:
Стыдливыхъ смущеній не знала
Въ красѣ безмятежной своей...

Но, въ сонмѣ боговъ, Афродита
Предстала богиней иной:
Властительной думой повита,
Блистающей гордой красой,—
И туника станъ покрывала,
И поясъ сжималъ ея станъ...
Богиня предчувствіемъ знала,
Что даръ всепобѣдный ей данъ,
Что, мыслью сгорая одною,
Падутъ предъ ея красотою
Дикарь безобразный Гефестъ,
Губитель, Арей безсердечный
И Бахусъ, сей юноша вѣчный...
Ей нужны покровы и цестъ!

XXXVIII.

Ваятель и натурщица.

Свѣтлымъ, правдивымъ художника взоромъ окинь, Аѳинянка,
Статую эту... Я знаю, что ты согласишься со мною:
Скажешь, что правъ онъ, художникъ, созданьемъ своимъ недовольный...
Правда-ль, богиню мою какъ вакханку одѣлъ я безвкусно,
Даже ее безобразно одѣлъ я?—Гармонію линій
Чуднаго тѣла богини разстроили эти покровы?
Правда-ль, неловко на сгибъ ея легкаго стана упали
Этихъ тяжелыхъ одеждъ переломы, и въ складкахъ волнистыхъ
Скрыта отъ взоровъ прекрасная выпуклость бедеръ и лядвій?...
Кажется, будто собою насильно стѣснили застежки

Вольное груди ея очертанье, и будто сдержали
Пылкій, широкій размѣтъ чародѣйныхъ движеній богини...
Грубыя складки сокрыли досадно-ревнивою тѣнью
Лучшіе перлы красы и высокаго полные смысла...

Сбрось-же, красавица, сбрось, умоляю, одежды и поясъ!
Прелестямъ тѣла они безобразіе, а не прикраса...
Что́ ты стыдишься напрасно!... Оставь предразсудки и мнѣнья
Суетно-глупой толпы предъ лицомъ человѣка-поэта!...
Что́ ты ему созерцать позволяешь лишь-только отдѣльно
Части прекраснаго тѣла... Зачѣмъ-бы тебѣ не явиться
Творческимъ взорамъ его въ наготѣ нестыдливой и чистой!...
Только порокъ-лишь стыдится, скрываясь отъ яснаго свѣта...
Иль тебѣ больно, что драхмой наемщицы бѣдной
Я заплатилъ за безцѣнность, твою красоту покупая?...
Въ жизни намъ должно разумно мирить все земное съ небеснымъ,
Должно равно уважать намъ потребы Олимпа и дола...
Разоблачись предо мною, и примешь ты плату безсмертья,
Плату изъ всѣхъ дорогую...

О, какъ ты чиста непорочно
Разоблачись! и я срѣжу со статуи этой одежды:
Первую мысль измѣнивъ—изваять красоту Аѳродиты,
Я изваяю, тебя созерцая, нагую Діану—
Дѣвственность въ блескѣ своей чистоты не стыдливой.

XXXIX.

Пѣсня у Тенара.

Не боялся-бъ я власти Плутона,
И легко-бъ мнѣ проститься съ землей!...
Безъ проклятья, безъ страха и стона
Я-бъ оставилъ Коцитъ за собой:

Еслибъ зналъ, что не духи, не тѣни
Въ безвозвратномъ аидѣ живутъ,
Что со мною въ подземныя сѣни
Всѣ земныя желанья сойдутъ,

Что земной оболочкой прекрасной
Тамъ очертаны прелести женъ,
Что тамъ юность горитъ неугасно,
И лучъ жизни на-вѣки зажженъ...

XL.

Просьба художника.

О, не стыдись, не бойся, не краснѣй
Своихъ одеждъ изорванныхъ и бѣдныхъ:
Отъ пурпура и льна не будешь ты милѣй,
Не нужно лиліи для персей темноблѣдныхъ...

Боишься-ль ты, что я не полюблю
Твою красу подъ этой епанчою?...
О, нѣтъ, дитя!... Но я тебя молю
Художника восторженной мольбою:

Полна невинности, явись ты предо мной,
Чтобъ не была ничѣмъ краса твоя покрыта,
Какъ вышла нѣкогда богиня-Афродита
Изъ пѣны волнъ, блистая наготой.

XLI.

Epicedium.

Тѣ-жъ соловьи и тотъ же садъ,
Съ деревъ несется ароматъ,
Мастика каплетъ и мелисъ
Зазеленѣлъ, и разрослись
Моей заботою цвѣты;
Платана влажные листы
Прохладой сладкою манятъ,
Храня невидимыхъ дріадъ

Отъ зноя жаркою весной;
Ручей студеною водой
Въ лучахъ какъ радуга горитъ,
Спадая звучно на гранитъ...
Все то-же небо, та-жъ весна,
Горячей юности полна,
Все тѣ-же думы у людей:
Лишь новая въ душѣ моей,
Досель мнѣ чуждая печаль...
И плакать хочется, и жаль
Тревожить воплемъ въ мирный день
Мою возлюбленную тѣнь.

Я буду плакать про себя,
И на холоднаго тебя
Польются пламенныя слёзы,
Какъ на листки увядшей розы
Напрасно падаетъ роса...
Но теплая моя слеза
Въ холодномъ сумракѣ могилы
Не возмутитъ тебя, мой милый!

Доску надгробную твою
Плющомъ зеленымъ обовью,
Разсыплю пурпуръ я и злато,
Зажгу куренья аромата,
Вѣнками розы молодой
Я кипарисъ украшу твой.
Съ себя сорву я украшенья:
Я буду вся печаль, моленье...
И проведу я ключъ воды
Къ твоимъ стопамъ, чтобъ утромъ ты
Смывалъ въ струяхъ прохладно-чистыхъ
Могильный прахъ съ кудрей волнистыхъ...
А я, какъ сторожъ гробовой,
Какъ памятникъ передъ тобой,
Я буду, преклонивъ колѣни,
Ждать появленья милой тѣни.

XLII.

Аѳродитѣ-Ураніи.

Доступно все, что свѣтло и высоко
Моей душѣ, поникшей въ пустотѣ:
Къ ничтожеству презрѣнье въ ней глубоко
И безпредѣльно въ ней служенье красотѣ.
Въ священномъ трепетѣ восторга подхожу я
Предъ жертвенникъ богини красоты,
Духовные плоды ей робко подношу я
И сердца чистаго нетлѣнные цвѣты.
Не благъ себѣ просить предсталъ я предъ богиней...
Нѣтъ! силою невѣдомой предъ ней
Поверженъ я, какъ грѣшникъ предъ святыней,
Чтобъ на нее взирать въ восторгѣ, безъ рѣчей!

XLIII.

Софокловой Антигонѣ.

Судилъ тебѣ рокъ непреклонный
Подъ бурями жизни разцвѣсть,
И розы любви благовонной
Подъ своды аида унесть...

И эти роскошныя розы
У насъ не распустятся вновь:
Росили ихъ жгучія слезы
И грѣла не паша любовь.

Зачѣмъ ты взяла ихъ съ собою!
Но мы недостойны любви:
Мы бросили грязью земною
На чистыя розы твои,

И стали мы жадной толпою
Лобзать на груди красоты
Облитые пѣной морскою
Паѳосской богини цвѣты.

XLIV.

Изъ Бакхилида.

Честный приходитъ къ хозяину гость и стоитъ на порогѣ;
Тою порою готовится скромная трапеза въ домѣ.
Рѣчью такою встрѣчаетъ хозяинъ пришедшаго гостя:
«Честные съ честными любятъ дѣлиться бесѣдой...
Нѣтъ у насъ цѣлыхъ быковъ угостить дорогого намъ гостя,
Нѣтъ ни аметоръ золотыхъ, ни ковровъ нѣтъ пурпурныхъ;
Мы только можемъ ему предложить свою теплую душу,
Сладкую музыку, Вакха напитокъ прохладный и вкусный
Въ нашихъ простыхъ беотійскихъ сосудахъ...»
И гость благодарный,
Брашенъ касаясь свободной рукою, привѣтныя рѣчи
Молвитъ хозяину, сытныя снѣди вкушаетъ...

XLV.

Дѣвушкѣ.

(XXXIV ода Анакреона).

Зачѣмъ бѣжишь ты отъ меня,
Когда съ тобой встрѣчаюсь я,
И, на зарѣ своей весны,
Боишься мудрой сѣдины?...
Или, зачѣмъ не любишь ты
Огня и жизни въ старикѣ?...
Вглядись, какъ много красоты
Въ благоухающемъ вѣнкѣ,
Гдѣ возлѣ яркихъ розъ видна
Лилѣй сребристыхъ бѣлизна.

XLVI.

Тимонъ Аѳинскій.

Все идетъ, и проходитъ чредой...
Я одно за другимъ пережилъ:
Не по-днямъ, по-часамъ предо мной
Шире кругъ становился могилъ.

Ненавижу я жизнь и людей:
Міръ гробовъ меня обнялъ всего;
Межъ людьми и душою моей
Будто общаго нѣтъ ничего...

Но зачѣмъ-же ночною порой
Я бываю вниманія полнъ,
Когда шепчется вѣтеръ съ травой,
Или всплески мнѣ слышатся волнъ?

Но зачѣмъ-же я взоромъ слѣжу
За полетомъ могильной совы,
И при мѣсяцѣ жадно гляжу
На сіянье волнистой травы,

И гляжу на огонь свѣтляка,
Что̀ зажегся, какъ-будто въ отвѣтъ
Той звѣздѣ, что̀ блеститъ съ далека,
На привѣтъ посылая привѣтъ?...

И люблю, когда, двигаясь, тѣнь
Оживляетъ волшебно траву...
Нѣтъ! Не твой я, могильная сѣнь:
Я живу, я живу, я живу!

XLVII.

Незнакомка.

Какъ люблю я встрѣчаться порою,
На зарѣ, средь цвѣтущихъ полей,
Съ незнакомкой моей молодою
И не видѣть старухи при ней!...

И зачѣмъ она вмѣстѣ гуляетъ
Со старухой сѣдой иногда:
Ея видъ красоту оскорбляетъ,—
Мнѣ за молодость грустно тогда!

Меня мыслью смущаетъ ужасной
Преходимость всего подъ луной, —
Что природа скелетъ безобразный
Облекаетъ на мигъ красотой...

XLVIII.

Чувство художника.

Зачѣмъ-лишь подъ пологомъ ночи
Могу я тебя ожидать,
Уста и ланиты, и очи
Украдкой во тьмѣ цаловать!...

Красавица! Сердцу обидно
Въ высокихъ стремленьяхъ его,
Что оку во мракѣ не видно
Ни мысли чела твоего,
Ни какъ ты прекрасна въ смущеньи—
Въ стыдливости женской своей,
И въ каждомъ воздушномъ движеньи
Въ порывѣ невинныхъ затѣй...

Молчитъ подъ ревнивою мглою
Языкъ всечарующихъ глазъ:
Слѣпцомъ я томлюсь предъ тобою,
Ропщу и... цалую сто разъ!

XLIX.

Весталка.

— «Другъ! Мой возлюбленный другъ, отпусти, умоляю!
Скоро Діана взойдетъ, полноликая дѣва,
Зорко подсмотритъ мой путь запоздалый и скрытный:
Взоромъ прозрачно-лучистымъ она проникаетъ
Все сокровенное ночи, и людямъ освѣтитъ
Тайну запретной любви для погибели нашей...

Что-же ты держишь такъ крѣпко меня за одежды!
Должно во храмъ мнѣ спѣшить потаенной тропою:
Можетъ погаснуть огонь безъ меня предъ кумиромъ...
Знай: — я погибла тогда!... Отпусти-жъ благодушно,
И отпусти, навсегда распростившись со мною»...

— Хоть на мгновенье продли ты свиданіе наше!...
Иль ты не любишь меня!... О, когда-бы любила,
То позабыла-бъ и вестинъ огонь, и Діану...
Бѣдна ты душой и восторгами страсти,
Сколько богата роскошной своей красотою.

— «Нѣтъ! Ты не знаешь меня, и слѣпою любовью,
Грубой любовью прозрѣть неспособенъ мнѣ въ душу...
Я ухожу, и прощаюсь на-вѣки съ свиданьемъ!
Этихъ немногихъ минутъ для меня ужъ довольно:
Въ нихъ полнота бытія разцвѣла и созрѣла
Цвѣтомъ возможнаго счастья, мелькнувшаго счастья;
Ихъ не изжить мнѣ во всю мою жизнь остальную,
Въ нихъ бытія моего и конецъ, и начало!»

L.

Фессалійская идиллія.

«Виноватъ, признаюсь, Зоя!...
Оботри кудрями слезы...
У вершины Ахелоя,
На горѣ пасутся козы».

— Правда-ль это?... Но далеко
Надо мнѣ идти на гору...
Мать осталась одинока,
И боюсь я въ эту пору:

Ночью тамъ блуждаютъ духи,
Ходитъ волкъ, чекалка рыщетъ,—
Да и жаль моей старухи,
Что меня напрасно ищетъ...

«Виноватъ, прости мнѣ, Зоя!
Стадо выгналъ я на гору,
Чтобъ къ вершинѣ Ахелоя
Намъ идти въ ночную пору».

— Еслибы не ты, мой милый...
Мой остеръ кинжалъ широкій:
Но нѣтъ воли, но нѣтъ силы
Наказать тебя, жестокій!...

«Тише, воды Ахелоя!...
На щекахъ зардѣлись розы...
Ты въ любви призналась, Зоя!—
Обманулъ я... Дома козы».

LI.

Ифигенія въ Тавридѣ.

ЛИРИЧЕСКАЯ СЦЕНА.

(посвящается памяти матери и брату).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

Ифигенія, дочь аргосскаго царя Агамемнона, жрица Таврической Артемиды.

Хоръ греческихъ женщинъ, прислужницъ при храмѣ.

(Дѣйствіе на полуостровѣ Таврическомъ, въ странѣ Тавроскиѳовъ).

Сцена предъ портикомъ храма Артемиды, на утесистомъ берегу Эвксинскаго Понта. Вдали Таврическіе горы и лѣса. На сценѣ Ифигенія и Хоръ.

Ифигенія.

У прибоевъ я чуждаго моря стою...
Непривѣтно холодное море!
Я печальную пѣсню пою,
Вспоминаю отчизну мою,
И твержу я: — О, горе мнѣ! горе!

Занесло меня, юную птичку, сюда,
На утесы дыханье борея,
Оторвавъ отъ родного гнѣзда...
Я аргосскаго неба звѣзда,
Я отцовскаго сада лилѣя!

И рабыней у варваровъ царская дочь!...
Здѣсь другіе и люди, и море,
И страшна здѣсь туманная ночь...
Я не въ силахъ судьбы превозмочь,
И твержу я: — о, горе мнѣ! горе!...

А когда-то, а когда-то
Я цвѣла въ тѣни дворца,
Гдѣ колоннами богата
Золоченая палата
Скиптроноснаго отца,
Гдѣ стоятъ боговъ кумиры,
И несутся звуки лиры
Вдохновеннаго пѣвца...

Помню — то давно бывало —
Какъ я съ матерью вдвоемъ
Ткать любила покрывала
И на нихъ изображала
Олимпійцевъ челнокомъ.

Пробудившись, грудь и вѣжды
Освѣжала я водой,
И ходила мыть одежды
Вешней утренней зарей.

Легкокрылою ногою
Зыбкихъ водъ касалась я,
И Инахъ (1) передо мною,
Волнъ одѣтый чешуею,
Пресмыкался какъ змѣя,
Обвивая пѣной ясной
Полноту ноги прекрасной,
А потомъ и всю меня...

Я съ подругой хохотала
Надъ любовью старика,
Мячикъ на воду бросала,
И его намъ подавала
На хребтѣ своемъ рѣка.

Наши рѣзвыя затѣи
И на днѣ, и на волнахъ,
Какъ любовникъ Галатеи (2),
Полюбилъ сѣдой Инахъ.

Въ царскій пиръ, на праздникъ Геры —
Было то давно, давно! —
Въ ладъ подъ звуки лирной мѣры,
Наливала я въ кратеры
Старцамъ Аргоса вино,
Мудрой рѣчи ихъ внимая,
И кудрей ихъ лобызая
Серебристое руно.

Царь-отецъ мой горделиво
На меня имъ указалъ,
И красѣ моей стыдливо,
Дѣтскихъ дней порѣ счастливой,
Богомольно возліялъ:

И слезою умиленья
Просвѣтлѣли ихъ черты,
И раздались пѣснопѣнья
Въ честь богини-Красоты...

Не правда-ли,— эта волна голубая
Несется изъ родины милой?...
И, кажется, чайка морская,
Надъ нею летя и рыдая,
Мнѣ пѣснію вторитъ унылой...

О, еслибъ ты, чайка, была въ Арголидѣ,
И видѣла брата-Ореста,
Печально пропѣвъ Тиндаридѣ, (3)
Что я въ отдаленной Тавридѣ
Осталась безбрачной невѣстой!

Не вѣдаютъ Греки мои, что жива я,
И жрицей въ скалахъ Кіанеи... (4)
Но плачетъ-ли матерь родная,
Клянетъ-ли жену Менелая, (5)
Пергамъ сокрушили-ль Ахеи (6)?...

Лети, и скажи ей, что дочь твою мнимо
Отецъ ея предалъ закланью:

Богиней — для смертныхъ незримо —
Она спасена невредимо
На жертвенникъ брошенной ланью...

Но здѣсь безъ надеждъ, безъ друзей и отрады,
И въ рабствѣ у скиѳа Тоанта (7),
Гдѣ бьется волна въ Симплегады, (8)
Живетъ далеко отъ Геллады
Спасенная жертва Калханта...

И скиѳскій обычай должна исполнять я:
На жертву должна Артемидѣ,
При воплях и стонахъ проклятья
Священную кровь проливать я
Гелленовъ, приставшихъ къ Тавридѣ!

Не слышать мнѣ радостныхъ пѣсней Гимена,
И, чуждая ложу двойному,
Изною средь вѣчнаго плѣна,
И новыхъ героевъ колѣна
Не дамъ я державному дому!

Не слышу здѣсь рѣчи и гимновъ Геллады,
Я съ прошлымъ въ нѣмомъ разговорѣ...
Такъ пойте-жъ, Эвксина наяды,
Таврическихъ дебрей цикады:
О, горе! о, горе! о, горе!...

Хоръ,

Отпрыскъ розы, гордость дома
Внука Леды (9) — ты раба!
На зарѣ тебѣ знакома
Всеразящая судьба...

Силѣ вѣчнаго закона
Покоряясь предъ тобой,
Дій, величье бросивъ трона,
На твое склонился-бъ лоно
Многодумной головой.

За красу жены-Елены
Встали распри и борьбы:
И Азійцы (10) и Геллены
Ждутъ рѣшенія судьбы...

И за насъ сіянье стали
Побагровѣло-бъ порой,
Греки-бъ пѣсни намъ слагали,
А тебя-бы называли
Олимпійскою женой...

Ифигенія.

Въ нашемъ горѣ — прочь гордыня! —
Будь смиреніемъ горда;
Будь рабынею рабыня,
Въ униженіи чиста.

Вспомнимъ, дѣвы, какъ Латона (11)
Гордость смертныхъ низвела!...
Не боговъ въ величьи трóна, —
Пастуха Эндиміона (12)
Артемида избрала...

Нѣтъ!... Пойте, подруги, мнѣ пѣсню печальную:
Душа на плачевный настроена ладъ,
Какъ вспомню въ чужбинѣ я родину дальнюю,
И на море жадныя очи глядятъ!...

О, пойте, подруги, мнѣ пѣсни мученія,
Тѣ пѣсни, что любитъ подземный Аидъ:
Въ ихъ звукахъ таится зерно облегченія,
И будто съ печалью печаль говоритъ!

(Пауза).

Этою ночью я видѣла сонъ; —
Много я въ грёзахъ страдала!
Страшно и ясно мнѣ видѣлся онъ...
Солнцу его разсказала. (13)
Снилось мнѣ, будто-бы въ царствѣ отца
Я межъ подругъ разцвѣтаю,

И у преддверій родного дворца
Въ дискъ быстробѣжный играю.
Хохотъ нашъ звонкій идетъ по рѣкѣ:
Нимфы ему отвѣчаютъ,
Скрывшись въ осокѣ отъ насъ вдалекѣ,
На рѣку насъ вызываютъ.
Вдругъ застонала земля подо мной,
И затряслась, задрожала...
Вижу я, рушится домъ нашъ родной:
Крыша съ карнизомъ упала,
Сдвинувшись съ крѣпкихъ высокихъ столповъ.
Груды развалинъ лежали: —
Въ нихъ красоты первобытной слѣдовъ
Очи мои не узнали....
Только осталась колонна одна,
И возвышалась надъ прахомъ;
Какъ-то печально стояла она,
Вкругъ ея вѣяло страхомъ:
И капитель той колонны моей
Русыя кудри вѣнчали,
Вопли, какъ смертные вопли людей,
Нѣдра ея потрясали...
Кажется, будто она приняла
Голосъ и видъ человѣка;
Жрицей богини я къ ней подошла:
Жертву узнала въ ней — Грека...
Жертву свою я невольно должна
Вспрыснуть водой очищенья,
Смерти обречь... О, для этого сна
Нѣтъ и у Леты забвенья!
Знайте, ряды крѣпкозданныхъ столповъ,
Отчаго дома опоры —
Племя мужей и могучихъ сыновъ...

(Указываетъ хору на храмъ).

Храма раскройте затворы,
И поспѣшимъ возліянья творить,
Мертвымъ отдать приношенья...
Я по колоннѣ могу объяснить
Смыслъ моего сновидѣнья!...

(Съ воплемъ).

Брата смерть меня лишила...
Нѣтъ Ореста! Брата нѣтъ!...
Вижу, вотъ она, могила,
Вотъ жестокой Парки слѣдъ!

Плачемъ, плачемъ, плачемъ, дѣвы,
Срѣжемъ роскошь нашихъ косъ!
Подъ могильные напѣвы
Пусть потоки льются слезъ.

(Опускаетъ на лицо покрывало, и, тихо рыдая, стоитъ опершись на жертвенникъ. — Хоръ раздѣляется на двѣ половины).

1-й Полухоръ.

Сокрушился домъ Атрида,
Палъ танталовъ домъ...
Подъ десницею Кронида
Все проходитъ сномъ!

Тѣнью все мимобѣгущей
На землѣ идетъ....
Носитъ смерть въ груди живущій:
Вѣчно міръ живетъ.

Развѣ ты не сонъ прекрасный?
Развѣ мы не сонъ?—
Здѣсь лишь радость ненапрасна,
Не безсмысленъ стонъ.

И не плачь такъ горько, дѣва!
Пусть нашъ гаснетъ родъ:
Сѣмя новаго посѣва
Послѣ насъ взойдетъ....

2-й Полухоръ.

Далека отъ утѣшенья
Рѣчь холодная твоя,

Не уснетъ подъ это пѣнье
Душу рвущая змѣя.

Правду разума не любитъ
Человѣкъ — дитя скорбей...
Насъ Судьба родитъ и губитъ:
Ей игрушка жизнь людей!

Въ этой пѣснѣ нѣтъ цѣленья:—
Ею горя ты не множь!...
Все у смертныхъ заблужденье:
Нынѣ — правда, завтра — ложь.

Нѣтъ!... Страданье любитъ слезы
И сочувствіе людей,
И младенческія грёзы...

(Указывая на Ифигенію).

Мы заплачемъ вмѣстѣ съ ней!

Ифигенія.

Пусть онъ пріймetъ благосклонно
Возліянье этихъ слезъ,
Многохолмный, многоконный,
Вѣчнопамятный Аргосъ!

Не дождаться мнѣ возврата
Въ вожделѣнный домъ родной,
Не видать могилы брата,
Умереть въ землѣ чужой!

Предъ лицомъ его гробницы
Мнѣ одеждъ не разорвать,
И надъ нею голубицей
Я не буду ворковать.

И любимую тѣнями
Не оставлю я на ней,
Орошенную слезами,
Прядь отрѣзанныхъ кудрей! (14)

2-й Полухоръ.

Пѣсню отвѣтную, пѣснь вопіющую
Мы запоемъ тебѣ, дѣва!
Тѣни родныя изъ ада зовущую,
Пѣсню иного напѣва,

Чуждую музамъ и лиры созвучію,
Близкую сердцемъ болящимъ,
Пѣсню споемъ твоему злополучію,
Милую пѣсню скорбящимъ...

О, теперь твой братъ далеко,
Въ царствѣ мрака и тѣней,
И его не видитъ око
Нашихъ плачущихъ очей!...

И Аргосъ теперь — могила,
И въ Аргосѣ счастья нѣтъ!
Парка жадная скосила
Лучшій молодости цвѣтъ!

И его не видятъ взоры
Феба яснаго лучей,
Златопурпурной Авроры
И серебряныхъ ночей.

Смертью сомкнутыя вѣжды
Не откроются въ пыли
За предѣлами Надежды —
За предѣлами земли.

Отсіяла незамѣтно
Дома царскаго звѣзда,
Закатилась беззавѣтно,
Невозвратно, навсегда!...

1-й Полухоръ.

Жизнь... то плодъ, гдѣ зрѣя сладость
Заглушаетъ горькій ядъ...
Отдадимъ мы жизни—радость,
Смерти—почесть и обрядъ!

Мы безсильны предъ Судьбою...
Будемъ жить... О, будемъ жить!
Ни слезами, ни тоскою
Намъ безсмертья не купить!

И себѣ въ успокоенье
Да познаемъ мы законъ:
Жизни — вѣчное волненье,
Вѣчно-мирный смерти сонъ.

Ифигенія *(плача)*.

Все погибло!... Я — жертва страданія вѣчнаго.
Отнялъ все у меня безъ возврата
Плутонъ!
Соутробнаго мнѣ и сомлечнаго
Никогда не увижу я брата...
О, сонъ!

За Коцитомъ мой братъ среди мрака глубокаго...
Понесись, полети туда, стонъ мой,
Гдѣ онъ,
Въ подземелья Эреба далёкаго,
И скажи, какъ я стражду... О сонъ мой!
О, сонъ!

1-й Полухоръ.

Навожденія Гекаты (15)
И несчадья нѣдръ земныхъ,
Сны обманами богаты,
И измѣнчивъ образъ ихъ,
Данный адскими богами...
Что-жъ тревожишься ты снами?

Ифигенія.

Не прервете слёзъ теченія
Доброй силой вашихъ словъ!...
Говорятъ, — дано цѣленіе
Милосердіемъ боговъ:
Горечь слёзъ — намъ облегченіе,
Забытье—въ истомѣ сновъ.

1-й Полухоръ.

Чтобъ продлилась жизни сладость,
Боги горемъ насъ дарятъ...
Отдадимъ мы жизни — радость,
Смерти — почесть и обрядъ!

(Ифигенія приготовляетъ возліянія тѣни брата и приношенія богамъ Аида.— Два полухора соединяются въ одинъ хоръ, который въ это время поетъ „гимнъ Смерти“).

Хоръ.

(гимнъ Смерти) (16).

Внемли намъ, внемли намъ, царица людей,
Конецъ всего сущаго въ мірѣ!
Подъ мощною властью твоей
И то, что есть долу, и то, что въ эфирѣ...

О, Смерть! ты для всѣхъ безпристрастна равно,
Ты всѣхъ примиряешь собою;
Тебя никому не дано
Склонить приношеньемъ, слезой и мольбою!

Въ тебѣ на землѣ разрѣшенье всему,
Всѣ жизни загадки ты знаешь,
Издревле къ концу одному
Рожденное жизнію ты направляешь.

Тебя умоляемъ мы: позже прійди
Сомкнуть намъ усталыя вѣжды,
Дай радости намъ впереди,
Но лучше дай вѣчный свѣтильникъ Надежды...

И долгую жизнь намъ, и старость пошли
Въ довольствѣ, въ блаженномъ покоѣ:
Но юность намъ дольше продли,
Чтобъ отдали юности все молодое!

Ифигенія *(творя возліянія.)*

Смолкните, вопли страданья,
Гнитесь на землю, колѣни!...
Братъ мой! Прійми возліянья —
Жертву возлюбленной тѣни.
Перси земли увлажаю
И молокомъ, и водою,
Вакховы соки мѣшаю
Съ влагой пчелы золотою. (17)
Все посвящаю я Аду,
(Гдѣ ничему нѣтъ возврата,)
Все, что приноситъ отраду,
Тѣни усопшаго брата!

(Взявъ священные сосуды, Ифигенія идетъ во храмъ, и, уходя, говоритъ хору)

Я сокроюсь подъ сѣнію храма,
Гдѣ все вѣетъ отрадой и миромъ...
О, я много сожгу ѳміама,
Много слезъ я пролью предъ кумиромъ!

(Уходитъ).

Хоръ.

Здѣсь боговъ о счастьи просятъ!...
Имъ противенъ этотъ храмъ:
Люди жертвы здѣсь приносятъ
Неугодныя богамъ...

(Указывая на храмъ и лежащую подлѣ него груду костей).

Безобразная божница,
Черепа̀ и прахъ людей,
И безсмысленныя лица
Этихъ скиѳскихъ дикарей
Возмущаютъ ежечасно
Наше чувство глубоко:

И летитъ къ странѣ прекрасной
Память сердца далеко,
Гдѣ теперь другое время,
Гдѣ на небѣ такъ свѣтло,
Въ землю брошенное сѣмя
Яркимъ цвѣтомъ возрасло;
Гдѣ природа прихотлива,
Хитроуменъ человѣкъ;
Въ полѣ пальма и олива, —
На горахъ холодный снѣгъ,
Гдѣ, цвѣтя, лѣса Геллады
Шлютъ богамъ свой ароматъ
И даютъ сердцамъ отрады
Виды храмовъ и палатъ.
Циклопическія зданья (18)
Поражаютъ робкій взоръ
И воздушныя сліянья
Съ облаками синихъ горъ...
Пина стройная и тополь
Къ небесамъ летятъ стрѣлой,
И облитъ Микенъ Акрополь
Блѣдно розовой зарей...
Тамъ немрачны сами боги,
Населяя свѣтлый храмъ,
И привѣтны, и не строги,
И доступные мольбамъ,
И не слышатся тамъ стоны,
Въ храмахъ радость разлита
И дорической колонны
Красота и простота...
И метоны у триглифовъ (19)
Чистымъ мраморомъ блестятъ —
Изваяніями грифовъ;
На ступеняхъ статуй рядъ,
И, какъ поясъ, стоколонный
Перистиль (20) обводитъ храмъ,

(Пауза).

Смолкни пѣсня!... Отдаленной
Не видать Геллады намъ!

(Выходитъ за ограду храма).

ПОСЛѢСЛОВІЕ
и
Примѣчанія къ «Ифигеніи въ Тавридѣ»

Предлагая своимъ читателямъ пьесу: «Ифигенія въ Тавридѣ» — опытъ въ объективномъ лиризмѣ, авторъ счелъ необходимымъ объяснить эту сцену, которая, по его понятіямъ, составляетъ законченное цѣлое, какъ воспроизведеніе извѣстнаго момента въ жизни Ифигеніи, время пребыванія ея въ Тавридѣ до отплытія съ братомъ Орестомъ на родину.

Для поясненія содержанія прилагается буквальный переводъ перваго монолога изъ Эврипидовой трагедіи «Ифигенія въ Тавридѣ», въ которомъ Ифигенія знакомитъ зрителей съ своимъ прошедшимъ и настоящимъ:

«Пелопсъ, сынъ Тантала, пришедши къ Пису, чрезъ быстроту своихъ коней вступаетъ въ бракъ съ дочерью Ономая, отъ которой Атрей родился. Атреевы же сыновья—Менелай и Агамемнонъ. Отъ послѣдняго родилась я (*Ифигенія*), Тиндаровой дочери дочь (т. е. Клитемнестры). Меня изъ-за дѣла Елены заклалъ отецъ (какъ онъ, ошибаясь, думаетъ) въ жертву Артемидѣ, у тѣхъ пучинъ, которыми Эврипъ приводитъ въ круговратное движеніе синее море, вздымая его частыми вѣтрами въ славныхъ изгибахъ Авлиды, куда флотъ въ тысячу кораблей привелъ царь Агамемнонъ, желая, чтобы Ахеи стяжали прекраснопобѣдный вѣкокъ иліонскій, и намѣревался отмстить, въ угоду Менелаю, за насильственно расторгнутый бракъ Елены.

Но случилось страшное безвѣтріе.

Дѣло дошло до гаданій по жертвамъ, и сказалъ Калхантъ (*жрецъ прорицатель*) такое слово. — «О, властвующій надъ войскомъ Геллады, Агамемнонъ! И не думай отъ этой страны отчалить кораблей до тѣхъ поръ, пока Артемида (*Діана*) не получитъ закланную твою дочь Ифигенію; оттого, что ты далъ нѣкогда обѣтъ: то, что тебѣ принесетъ съ собою годъ самаго прекраснаго, отдать въ жертву свѣтоносной богинѣ (*т.-е. Артемидѣ, Діанѣ*)... Ты знаешь: — дочь родила тебѣ въ твоемъ домѣ супруга твоя Клитемнестра (эту пальму красоты мнѣ онъ отдалъ). Ее то тебѣ слѣдуетъ принести въ жертву»...

И меня ухищреніями Одиссея отняли у матери, какъ будто-бы для брака съ Ахилломъ. По прибытіи въ Аллиду, меня несчастную подняли высоко надъ костромъ и мечомъ умертвили... Но похитила меня Артемида, давши Ахеямъ вмѣсто меня лань, и, пославши чрезъ свѣтлый эеиръ, переселила меня въ эту землю Тавровъ, гдѣ надъ страною у варваровъ царствуетъ варваръ Тоантъ, который, имѣя ногу быструю, какъ крыло птицы, снискалъ это имя по скорости своихъ ногъ, и онъ поставилъ меня жрицею въ этомъ храмѣ. Оттого-то по законамъ, которые любитъ богиня (по законамъ праздника, въ чемъ прекрасно одно только имя... о прочемъ-же умалчиваю, страшась богини) я приношу въ жертву—по обычаю еще и прежде существо-

вавшему въ городѣ — каждаго Геллѣнскаго мужа, который только ступитъ на эту землю. Я начинаю жертвоприношеніе: ужасное-же закланіе совершаютъ другіе внутри этого царственнаго чертога богини *(т. е. храма)*»

Ифигенія въ Тавридѣ, трагедія Эврипида.—
Стих. 1—41.

Строгое соотношеніе между метромъ и содержаніемъ въ греческой трагедіи, гдѣ каждое состояніе духа принимаетъ особенный свойственный ему ритмъ въ стихѣ, каждый оттѣнокъ чувства и мысли переходитъ въ соотвѣтствующій его свойствамъ размѣръ, авторъ, по мѣрѣ возможности, соображаясь съ духомъ новаго искусства, характеромъ нашего языка и стопосложенія, старался перенести въ свою сцену, что читатели могутъ замѣтить по его техническимъ пріемамъ въ переходахъ отъ одного метра къ другому, въ извѣстномъ расположеніи частей въ строфѣ, въ разстановкѣ созвучій и въ теченіи стопъ.

Въ Эврипидовой «Ифигеніи въ Тавридѣ», въ пѣснѣ хора, начинающейся съ 392 стиха, идетъ одинъ извѣстный метръ и одно расположеніе стиховъ въ строфахъ и антистрофахъ: но онъ вдругъ перемѣняется, принимая ритмъ марша во 2-ой антистрофѣ, начиная отъ стиха 456, когда хоръ, увидѣвъ идущихъ къ храму, въ сопровожденіи стражи, плѣнниковъ—Ореста и Пиллада, говоритъ:

«... Но вотъ двойники, связанные вмѣстѣ по рукамъ узами — новая добыча богини... Молчите, подруги!... Уже близко подходятъ ко храму обреченные на жертву Геллены» и проч.

(Стих. 456 — 460).

Такимъ образомъ, въ своей «Ифигеніи», въ строфахъ, начинающихся стихомъ:

«Все погибло!.. Я — жертва страданія вѣчнаго...»

авторъ предположилъ себѣ составить стихъ, сообразный стону и плачу женщины — миріологу, такъ-называемому въ просторѣчіи причитанію (женщинъ), чему есть примѣры въ Иліадѣ, въ другихъ произведеніяхъ древней литературы и въ народныхъ пѣсняхъ нынѣшнихъ грековъ.

Печальный разсказъ, сопровождаемый слезами, и жалобы Ифигеніи переданы здѣсь особеннымъ стихомъ—элегическимъ метромъ, въ которомъ всѣ стихи женскіе съ тремя созвучіями въ окончаніяхъ, изобилующіе короткими слогами: подобнымъ размѣромъ передавалось у грековъ это-же чувство и состояніе души.

Междометія φεῦ, φεῦ,— οἴμοι, и т. п. (увы, увы мнѣ! и проч.),

такъ часто встрѣчающіяся въ греческихъ трагедіяхъ, которыя иногда одни составляютъ цѣлый стихъ, авторъ позволилъ и себѣ употребить, замѣнивъ ихъ междометіями: о, горе мнѣ! горе!

Онъ также предположилъ себѣ составить нѣчто похожее на строфу и антистрофу древней трагедіи, или лирики, по крайней мѣрѣ, нѣчто могущее, нѣкоторымъ образомъ, ей соотвѣтствевать въ новомъ искусствѣ, что̀ служило-бы хоть извѣстному раскату, расположенію и теченію стиховъ для бо̀льшаго благозвучія и разнообразія. Каждая строфа его раздѣляется на три неравныя части, или куплеты: первый куплетъ состоитъ изъ 8-ми строкъ, второй-изъ 5-ти, и третій-изъ 4-хъ строкъ, съ извѣстнымъ расположеніемъ мужескихъ и женскихъ стиховъ, тройныхъ созвучій и проч. Эти строфы идутъ начиная отъ стиховъ:

«А когда-то, а когда-то
Я цвѣла въ тѣни дворца...»

до слѣдующей за ними перемѣны метра.

Хоръ въ этой сценѣ, составляя одно цѣлое, раздѣлился потомъ на два полухора, когда идея, имъ выражаемая, распалась на двѣ своихъ стороны. Въ религіозномъ чувствѣ, во время жертвоприношенія Смерти, онъ соединился опять въ одинъ хоръ, удерживая это соединеніе и при воспоминаніи о родинѣ въ послѣдней своей пѣснѣ.

Соображаясь съ предпосланною этой сценѣ мыслью автора читатель, вѣроятно, оправдаетъ въ своихъ художественныхъ соображеніяхъ частыя перемѣны метра, или повтореніе въ родѣ слѣдующаго:

«*Брата* Смерть меня лишила!
Нѣтъ Ореста, брата нѣтъ!»

и почему именно словомъ братъ начинается стихъ, при переходѣ въ другой метръ.

Еще нужно замѣтить, что авторъ старался, по мѣрѣ возможности, избѣгать частаго употребленія греческихъ собственныхъ именъ, миѳовъ и разныхъ деталей греческой древности, пользуясь въ гелленизмѣ однимъ только общечеловѣческимъ, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстнымъ, нечуждымъ намъ и непротиворѣчущимъ характеру и техникѣ новаго искусства, также и для того, чтобы это не могло вредить впечатлѣніямъ читателя, часто отвлекая его отъ пьесы къ примѣчаніямъ.

При глубокомъ внутреннемъ содержаніи драмы нашего вре-

мени, ей, можетъ быть, недостаетъ только, для полноты и совершенства художественности, того строгаго соотношенія между идеею и формою во всѣхъ ея самомалѣйшихъ оттѣнкахъ, той, такъ сказать, виртуозности формы, которыми богата драма грековъ. Можно полагать, что подобное дѣло въ новой драмѣ предстоитъ будущему драматическому генію.

Извѣстно, что лирическая поэзія грековъ по преимуществу находится не у лирическихъ поэтовъ, а у греческихъ трагиковъ, въ ихъ хорахъ, принимая, по самой сущности драматическаго искусства, объективный характеръ.

Опытъ въ подобномъ родѣ лирики представляетъ «Ифигенія въ Тавридѣ», предлагаемая теперь суду читателей.

---

1) Инахъ, рѣка въ Арголидѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ богъ той рѣки, отецъ извѣстной нимфы Іо.
2) Галатея, нимфа, въ которую былъ влюбленъ циклопъ Полифемъ, и которая платила ему за страсть равнодушіемъ. — Смотр. XI идиллію Теокрита.
3) Тиндарида, т.-е. дочь Тиндара — Клитемнестра — мать Ифигеніи.
4) Кіанея, значитъ то же, что и Симплегады, и происходитъ отъ слова Κυανὸς — голубой. Подробно о Кіанеѣ можно читать въ поэмѣ Аполлонія Родосскаго подъ названіемъ: «Походъ Аргонавтовъ», во 2-й пѣснѣ, гдѣ описывается, какъ Аргонавты перешли опасныя скалы Кіанеи и пристали къ острову Θиміадѣ, — въ орфической «Аргонавтикѣ» и въ «Аргонавтикѣ» римскаго поэта Валерія Флакка. — Книга IV, стих. 637—666.
5) Елена, жена спартанскаго царя, за которую, по преданію, возгорѣлась троянская война.
6) Ахеи — Греки. Такъ они большею частію называются въ Иліадѣ.
7) Тоавтъ, царь Тавровъ, или Тавро-Скиѳовъ, древнихъ обитателей Тавриды. — Въ IV книгѣ исторіи Геродота подъ названіемъ: «Мельпомена», гдѣ описываются разныя племена Скиѳовъ, въ § 103 говорится о человѣческихъ жертвахъ, которыя Тавро-Скиѳы приносили своей богинѣ-дѣвственницѣ изъ тѣхъ иностранцевъ, Грековъ по преимуществу, которыхъ непогода или кораблекрушеніе прибивали къ берегамъ Тавриды.

8) Симплегады — произведеніе фантазіи Грековъ, страшныя скалы на какомъ-то далекомъ морѣ, безпрестанно расходящіяся и сталкивающіяся, окруженныя бурными пучинами, водоворотами и всѣми ужасами.

9) Леда, жена Тиндара, царя Спарты, прекраснѣйшая изъ женщинъ, которую любилъ Зевсъ подъ видомъ лебедя. Елена, Клитемнестра, Кастеръ и Поллуксъ — дѣти ея отъ Зевса.

10) Азійцы — Трояне. Такъ они называются иногда у греческихъ писателей, равно какъ называются еще Фригійцами и Дарданцами.

11) Латона, мать Аполлона и Артемиды. Разгнѣванная на Ніобею, имѣвшую прекрасныхъ дѣтей, которыхъ красоту она ставила выше красоты Аполлона и Артемиды, Латона велѣла дѣтямъ своимъ поразить стрѣлами дѣтей Ніобеи.— Боги, сжалившись надъ несчастіемъ и страданіями Ніобеи, превратили ее въ камень.

12) Эндиміонъ, юноша-пастухъ, котораго любила Діана-дѣвственница.

13) У греческихъ женщинъ былъ обычай разсказывать свои сновидѣнія солнцу. Объ этомъ обычаѣ упоминается въ эврипидовой «Гекубѣ» и «Ифигеніи въ Тавридѣ», также и въ софокловой «Электрѣ».

Этотъ сонъ взятъ изъ Эврипида. Вотъ буквальный переводъ его изъ эврипидовой трагедіи «Ифигенія въ Тавридѣ»:

Казалось мнѣ во снѣ, будто я, оставивъ эту страну (*Тавриду*), живу въ Аргосѣ, и покоюсь посреди дѣвъ, и что хребетъ земли потрясся отъ землетрясенія. Я выбѣжала, и, стоя внѣ дома, увидѣла падающій карнизъ дворца и рушащуюся крышу, низринутую съ высокихъ столбовъ... Видѣлось мнѣ, что одна только оставалась колонна отъ отцовскаго дома. Съ ея капители спускались русые волосы, и приняла она голосъ человѣка... Я-же, соблюдая свою обязанность губительницы чужеземцевъ, стала омывать его, какъ обреченнаго на смерть, и плакать...» и проч.

14) Въ знакъ печали и жертвы мертвому, у Грековъ было въ обычаѣ отрѣзывать локонъ волосъ и класть на могилѣ.

15) Сны, по вѣрованію Грековъ,—порожденія адскихъ (подземныхъ) боговъ, выходящія изъ бездны и нѣдръ земли, исчадія темной ночи, навожденія мрачной богини Гекаты, которую иногда смѣшиваютъ съ Діаной.

16) Гимны, приписываемые Орфею. Эти орфическіе гимны написаны почти каждому изъ боговъ. Мотивъ одной изъ этихъ молитвъ авторъ воспроизвелъ въ своемъ Гимнѣ Смерти.

17) Жертва богамъ мертвыхъ, возліяніе, приношеніе мертвецамъ, состояли изъ мучной лепешки, смѣшанной съ медомъ, вина, воды и молока.

18) Зданія, сооруженіе которыхъ преданіе приписываетъ циклопамъ, наприм. стѣны города Микенъ. ихъ акрополь (цитадель), ворота, сокровищница Атридовъ. Стѣны этихъ зданій сложены изъ камней огромнѣйшей величины. — Развалины ихъ и теперь видны въ Пелопонесѣ.

19) Триглифы и метопы — части дорическаго фриза, или поля между архитравомъ (эпистилемъ) и карнизомъ, Триглифы утверждены въ надстолпіи на верхней линіи архитрава. Они подпираютъ края потолка и составляютъ нѣчто похожее на продолженіе колонны. Образуя отверстія, они открываютъ внутренность храма.

Метопы, это — отверстія между спускомъ потолка, архитравомъ и триглифами. Метопы служили въ храмахъ вмѣсто оконъ, какъ доказалъ извѣстный берлинскій архитекторъ Бёттихеръ.

Грифы, какъ архитектурные орнаменты, употреблялись чаще на храмахъ Аполлона и Геры, божествъ покровительственныхъ Аргоса — родины Ифигеніи.

20) Перистиль — рядъ колоннъ, окружающій всѣ стороны зданія, параллельный стѣнамъ его, что составляетъ какъ-бы галлерею вокругъ зданій, поддерживаемую множествомъ колоннъ.

LII.

Идеалы.

Прекрасное — такая-же чудная и высокая сила, какъ истина и правосудіе.

Клаузенъ.

Своею ревностью докучной
Не возмущай мнѣ ясныхъ дней:
Средь этой жизни однозвучной
Ихъ мало въ памяти моей!
Единство стройное я знаю
Въ разнообразьи красоты,
И какъ художникъ я срываю
Вездѣ, гдѣ только обрѣтаю,
Искусству свѣжіе цвѣты.

Незрѣлость формъ полуразвитыхъ,
Печали блѣдность на лицѣ
И пухъ ланитъ, зарей облитыхъ,
Родятъ сострастіе въ пѣвцѣ...
Горятъ-ли краскою стыдливой
Въ смущеньи дѣтскія черты,
Иль блещетъ строгость горделивой,
Себя сознавшей красоты,
Иль эта грація движеній,
Иль обаяніе рѣчей: —
Ужель пройдутъ безъ впечатлѣній
Въ душѣ восторженной моей!

О, не ревнуй, когда люблю я
Прекрасный міръ, что внѣ меня:
По идеалѣ все тоскуя,
Родные образы ловлю я
Во тьмѣ ночей и въ свѣтѣ дня...
Я къ нимъ влекусь, я ихъ лобзаю:
Въ нихъ раздробленное мое
Въ себя я сердцемъ принимаю —
Свое дополнить бытіе.

LIII.

Иронія въ искусствѣ.

Орицаньемъ и ложью глубоко
Возмущенъ, негодуетъ поэтъ,
Указуя искусствомъ далеко
Между тьмою мерцающій свѣтъ...
И, въ пылу раздраженнаго чувства,
Недовольствія мукой томимъ,
Онъ раждаетъ созданье искусства,
Свое чадо вручая другимъ...
И такой полнотою блаженства,
И отрадной такой тишиной,
Углубляясь въ его совершенства,
Проникается смертный порой...

Но открылъ я въ часы просвѣтлѣнья,
Что въ спокойномъ твореньи пѣвца
Затаилися всѣ оскорбленья
И всѣ боли и вопли отца,
И сказался въ немъ, будто ошибкой,
Безобразію жизни упрёкъ,
И, съ таинственно-горькой улыбкой,
Въ немъ художникъ сокрыться не могъ.

Въ размышляющій мигъ наслажденья,
Созерцая кумиры боговъ,
Я прочувствовалъ грусть впечатлѣнья,
Какъ отъ прерванныхъ радостныхъ сновъ;
Мнѣ казалось, съ насмѣшкой упрёка
Изваянья слѣдили за мной,
И надъ нашею долей жестоко
Издѣвались они межъ собой.

LIV.

Плачущей дѣвушкѣ.

(Въ альбомъ Кн. Е. Н. В.)

Чувство грудь тебѣ вздымало,
За слезой текла слеза,
Будто въ лиліяхъ играла
Утра вешняго роса.

Будто Граціи Печали
И невинный дѣтскій стыдъ
Предо мною превращали
Въ розы лиліи ланитъ...

Ты головку опустила,
Отуманивъ блескъ очей,
И лицо твое покрыла
Прядь волнистая кудрей...

А художникъ любовался
И печалью, и тобой...
Въ этотъ мигъ въ немъ зарождался
Образъ близкій, но другой:

Видѣлъ онъ, какъ при восходѣ
Первыхъ утреннихъ красотъ
На прозрачномъ небосводѣ
Тучка легкая идётъ.

LV.

Скульптору.

Какъ у себя я въ твоей мастерской, о, ваятель-художникъ!
Какъ-то привольно душѣ межъ боговъ и героевъ;
Молодъ я сердцемъ тогда, говорю откровенныя рѣчи,
Къ дѣтству людей возвращаюсь, сближаюсь съ природой.

Какъ ты искусно поставилъ свою Афродиту и Вакха
Въ зелени темной плюща между гроздій и миртовъ!...
Кажется, будто Киприда ко мнѣ простираетъ объятья,
Въ полномъ блистаньи своей красоты всепобѣдной;
Хочетъ сойти съ пьедестала и Вакхъ-Діонисъ вѣчноюный,
Дружески руку пожать мнѣ, привѣтствуя юность,
Что низошла на меня въ созерцаньи твоихъ изваяній...

Сколько спокойствія въ этихъ сіяющихъ лицахъ,
Сколько довольства и жизни, себя навсегда уяснившей!...
Добрый художникъ! Я знаю, что близокъ ты къ музамъ:
Имъ помолись за меня,—да пошлютъ мнѣ покой и довольство
Въ душу больную, въ изрытое ранами сердце,
Да утолю я на вѣки немолчно-зовущую жажду
Къ истинамъ міра, да вижу я все безъ страданій,
Мудро на лонѣ покоясь ничѣмъ несмущаемой мысли.

LVI.

И. К. Айвазовскому.

Волны по манію кисти твоей животворной
Гордо, какъ холмы, встаютъ серебримы луною,
Иль, затаивши дыханье, прилягутъ покорно...
Я-же, увидѣвъ безбрежную даль предъ собою,
Крѣпкою грудью хрустальную зыбь разбиваю,—
И остается далеко за мною Таврида:
Смѣло я въ каменный Аргосъ свой путь направляю
Въ слѣдъ за Орестомъ и юною дщерью Атрида... *)
То волшебствомъ я какимъ-то къ утесу прикованъ,
И предо мною гекзаметромъ волны стремятся,—
Будто стихомъ Одиссеи мой слухъ очарованъ...
Долго хотѣлъ-бы душою я такъ забываться?...
Вѣрю,—изъ пѣны тѣхъ волнъ Красота выходила!..
Можно-ль изъ нихъ не родиться Красавицѣ вѣчной?...
Счастливъ я:—эта живая вода утолила
Страстную жажду мою къ красотѣ безконечной!

LVII.

Древняя колонна.

Сижу подъ цвѣтущей мастикой,
Склонившись на мраморъ колонны,
Разбитой грозой и вѣками.
Мнѣ кажется, будто колонна
Глядитъ съ укоризной на время,
Что шло и проходитъ надъ нею,
Глядитъ на людей съ укоризной:
Они съ высоты пьедестала
Ей пасть допустили на землю;
И только-лишь плющъ прикрываетъ

---

*) Ифигеніей.

Своею зеленой одеждой
Ея красоту вѣковую
Отъ взоровъ людей равнодушныхъ,
Отъ гибельныхъ временп взоровъ.

Досадно и грустно мнѣ стало.
Я бросилъ на базисъ колонны
Пурпурный вѣнокъ олеандра...
Но вѣтеръ изъ миртовыхъ кущей
Дохнулъ, и развѣялъ далёко
Мой даръ, красотѣ принесенный.

Досадно и грустно мнѣ стало:
Нарѣзалъ я листьевъ аканѳа,—
Аканѳы прикрыть капители:
Но мраморъ ея украшеній
Покрыла семья скорпіоновъ...

Надъ теменемъ бѣлымъ утёса
Горѣло вечернее солнце,
И падало свѣтомъ волшебнымъ
На груды развалинъ, на море,
На дальнія горы и рощи.
Вились надъ моею колонной
Прозрачно-лазурныя тѣни,
И лучъ догаравшій струился
По мраморнымъ рёбрамъ колонны.

LVIII.

Творчество.

— Когда къ тебѣ слетаетъ вдохновенье, —
Привѣтливо толпа поэту говоритъ, —
Какое чувствуетъ душа волненье,
Какой восторгъ въ душѣ твоей горитъ?...
Скажи, какимъ огнемъ твои пылаютъ очи,
Что говорятъ твои пѣвучія уста?
Во свѣтѣ-ль дня, или во мракѣ ночи
Съ тобой бесѣдуетъ богиня-Красота?
Дрожишь-ли весь, сильнѣе-ль сердце бьётся,
Когда на землю ты низводишь небеса,
И огненный твой стихъ какимъ потокомъ льётся,
Вѣщая истины святыя словеса?...
— Нѣтъ! не тогда восторгомъ я пылаю,
Въ мгновенья творчества блаженствомъ не горю:
Когда свой стихъ возвышенный слагаю
Съ холоднымъ разумомъ я братски говорю...
Не зная никакихъ безумныхъ вдохновеній,
Спокоенъ я и сердцемъ, и душой,
И безъ смѣшныхъ возгласовъ и движеній
Съ-разсчетомъ вывожу я строку за строкой.

. . . . . .

Но въ тѣ, ни для кого незримыя, мгновенья,
Межъ невнимательно-безчувственной толпой,
Восторгу предаюсь, иль, полонъ сокрушенья,
Гляжу вокругъ себя всезрящею душой,
И чувствую въ груди зародыши творенья.

LIX.

Концертъ.

(А. П. К.)

То, что смутно, непонятно
Говорило мнѣ порой,
Что минутой благодатной
Пролетало надо мной,
Что въ душѣ зарыто было,
Какъ въ землѣ талантъ раба,
Что въ разцвѣтѣ подавила
Гнётомъ тягостнымъ судьба, —
И когда ужъ гасло чувство,
Мракъ носился надъ душой:—
Это все лучомъ искусства
Къ жизни вызвано тобой...

Осязательно и ясно
Изваялъ въ душѣ моей
Этотъ сердца голосъ страстный
Все несознанное въ ней.

То, что въ ней неуловимо,
Безразлично, глубоко,
Что незнаемо, незримо,
Близко намъ и далеко:
То художника рукою
Царству мысли отдано,
То изъ хаоса тобою
Въ стройный міръ возведено.

LX.

Поэту.

О, не проси покоя у судьбы,
И не ищи того, что называютъ счастье:
Но ты желай и мира, и борьбы,
И ясныхъ дней, и мрачнаго ненастья,
Чтобъ въ дѣйствіи твой духъ перегаралъ,
И, погрузясь въ пучину треволненій,
Оттуда-бъ мысль живую доставалъ,
Какъ новый перлъ для новыхъ поколѣній.

Для блага зло ниспослано судьбою:
Мы властны зло для блага побѣдить...
Пусть жизнь и свѣтъ суровою зимою
Твои цвѣты усѣютъ охватить:
Изъ холода ты можешь вынесть чувство,
И чувствомъ мысль холодную согрѣть,
Ее облечь въ твореніе искусства,
И надъ людьми той мыслью прогремѣть.

LXI.

Жизнь и искусство.

Вижу васъ, юныя дѣвы, на праздничномъ пирѣ:
Въ легкопрозрачныя ткани одѣты вы стройно;
Дышетъ отъ васъ ароматъ дорогихъ умащеній,
Очи горятъ и высокою страстью, и мыслью.
Перлами блещутъ запястья, кораллы на шеѣ
Спорятъ съ кораллами губокъ душистыхъ и жаркихъ.
Жемчугомъ косы у васъ перевиты, и жемчугъ,
Лучшій еще несравненно, улыбка намъ кажетъ.
Звуки оркестра, напѣвы и рѣчи, и пляска,
Юную душу чаруютъ невольнымъ соблазномъ...

Кажется, вѣчно желалъ-бы остаться на пирѣ
Музыкѣ вашихъ привѣтовъ внимать непрестанно,
Ваше дыханье впивать, и смотрѣть безконечно,
Ненасытимо и страстно на прелести ваши.
Въ эти мгновенья чужда тебѣ зависть къ блаженству
Жителей неба:—безсмертья ихъ только хотѣлъ-бы!...
. . . . . .
. . . . . .
Но не внимай легковѣрно словамъ моимъ, смертный!
Будь неприклоненъ душой для мірскихъ искушеній:
Праздникъ мгновенно пройлетъ, и сокроются дѣвы...
Въ буднишней жизни ты ихъ красоты не узнаешь.
Холодъ житейскихъ волненій скуетъ твою душу,
Мелкія придутъ заботы о хлѣбѣ вседневномъ;
Старость недуги съ собой принесетъ и печали...
Все разрушается, все измѣняетъ въ подлунной.
Только искусство тебѣ никогда не измѣнитъ,
Только въ искусствѣ таится прямое блаженство,
Только въ искусствѣ обѣщанный людямъ Элизій.

LXII.

Красавицѣ.

Я стремлюсь вѣчно-юной душою
И всѣмъ сердцемъ къ твоей красотѣ:
Въ ней сказалася жизнь предо мною
Въ безграничной своей полнотѣ.

Не могу я безъ слезъ умиленья,
Безъ восторговъ взирать на тебя:
Ты родникъ моего вдохновенья, —
И могу-ли я жить не любя!...

Ты поэма въ вѣнцѣ совершенства,
И природа твой мудрый поэтъ,
Ты вливаешь мнѣ въ сердце блаженство,
Въ мою душу прозрѣнье и свѣтъ.

Поражаетъ меня сочетанье
И теченіе линій въ тебѣ,
Безразличное красокъ сліянье
Въ незамѣтной для ока борьбѣ.

И мелодія духа разлита
Многозвучно въ тѣлесныхъ чертахъ,
И, сіяніемъ страсти повита,
Говоритъ и трепещетъ въ глазахъ...

Предъ тобою и мысли, и чувства
Мнѣ хотѣлось-бы въ мраморъ облечь:
Я ищу для созданій искусства
Осязаемо-зримую рѣчь...

Пусть невѣжда ихъ дерзко обидитъ,
И каменьями броситъ въ меня:
Онъ въ ихъ чувственномъ тѣлѣ не видитъ
Сокровеннаго мысли огня...

Во плоти ихъ исканіе духа
Въ неразъятномъ сліяніи съ ней
Недоступно для грубаго слуха
И темно для незоркихъ очей.

LXIII.

Стихъ.

Пусть будетъ стихъ его понятенъ и высокъ,
И блещетъ всѣхъ лучей сліяніемъ чудеснымъ;
Да примирится въ немъ все дольнее съ небеснымъ
Да будетъ онъ межъ насъ какъ признанный пророкъ:
Чтобъ мощной мыслію, какъ дланію Зевеса,
Собою обнялъ онъ весь безграничный міръ,
Чтобъ въ звукахъ зрѣли мы прозрачныхъ какъ эѳиръ
И мраморъ Фидія, и краски Апеллеса.

LXIV.

Предъ древней статуей.

Эти груди, плечи, руки,
Если можешь ты облечь
Въ ярко-видимые звуки,
Въ осязаемую рѣчь,
Если созданное стройно
Праксителевымъ рѣзцомъ
Передашь, его достойно,
Твердо-мраморнымъ стихомъ,
Просвѣтленный наслажденьемъ
Камень дышущій лица,
Груди страстное волненье —
Изваяніе рѣзца
Передашь инымъ ваяньямъ —
Слова мощнаго огнемъ.
Породнивъ своимъ созданьемъ,
Всѣ сольешь искусства въ немъ:
Я тогда въ тебѣ поэта
Не задумаюсь признать...
Силы духа, бога свѣта
На челѣ твоемъ печать...
Жизни каждое явленье
Возведешь до красоты,
И величію творенья
Дашь ты образъ простоты.

LXV.

Дѣвочки.

Дѣвочки любятъ меня, и со мною какъ съ ровней играютъ.
Дѣтскія тайны свои довѣряютъ мнѣ такъ простодушно,
Ставятъ игрушки онѣ предо мною, и, хвастаясь ими,
Каждой игрушки исторію мнѣ говорятъ преподробно:
Кто и когда, и за что подарилъ имъ какую бездѣлку...

— «Знаешь-ли, что... Прочитай намъ стихи свои: ты ихъ читаешь
Старшимъ сестрамъ... мы тебя ужъ давно попросить собирались...
Также и мы любопытны, какъ старшія наши сестрицы».
Эту забавную просьбу умѣлъ отклонить я искусно,
Рѣчь заведя объ игрушкахъ, и новыя игры устроивъ;
Былъ я рѣзовъ и находчивъ, смѣялся ребяческимъ смѣхомъ.
Дѣвочки, много болтая со мной, о стихахъ позабыли;
Но пробудили онѣ не совсѣмъ-то веселыя мысли
Въ сердцѣ болящемъ моемъ, и я думалъ, дѣтей забавляя: —
Дѣти! Искусство — слеза недовольства насущною жизнью,
Голосъ прозрѣнія въ лучшую жизнь съ полнотой ея стройной,
Страстная жажда вездѣ и всегда, и во всемъ совершенства,
Вопли любви неизвѣданной нами и нами просимой,
Первое чадо разсудку и сердцу знакомаго горя,
Первый младенческій крикъ въ человѣкѣ родившейся мысли,
Слово потребъ вопіющихъ, потребъ безконечнаго духа...
Знайте, искусство — ужъ это несчастіе наше, о дѣти!...
Вы-же, малютки, живете въ довольствѣ созвучья съ природой,
Въ свѣтлой охранѣ ея, подъ крыломъ ея дѣвственно-теплымъ,
Счастливы тѣмъ, что вамъ чуждо искусство, а съ нимъ и страданье,
Чужды вамъ слезы тоски по возникшемъ въ душѣ идеалѣ...
Такъ не просите-жъ, чтобъ я прочиталъ вамъ печальныя пѣсни!
Глядя съ участьемъ на васъ, одного я желаю: пусть долго
Будутъ стихи мои вашей блаженной душѣ недоступны...

LXVI.

Предъ статуей Венеры таврической.

Ты когда-то жила межъ людей,
И заснула ты мраморнымъ сномъ;
Съ красотой безотцвѣтной твоей
Разрушительный Кронъ незнакомъ...
И не властно во-вѣкъ надъ тобой
Безобразіе дряхлыхъ сѣдинъ;
Тебѣ жизнь мелочною борьбой
На чело не нагонитъ морщинъ...
Не коснется тебя никогда
Сокрушающей смерти рука!...
Ты блаженна, что ты молода
И отъ нашихъ скорбей далека...
И художникъ, въ печали своей,
Когда сердцемъ болящимъ страдалъ
Надъ нестройною жизнью людей,
Твой чарующій ликъ изваялъ,
И онъ вѣрилъ: придутъ времена —
Все, что въ духѣ безплотно живетъ,
Будто грезы роскошнаго сна,
Въ повседневную жизнь перейдетъ...

Да надъ этою мыслью его
Замолчитъ и прервется мой стихъ:
Это свѣтъ бытія моего,
Это перлы желаній моихъ!

LXVII.

Моя богиня.

Медленно кончивъ свои умащенья, ты вкусныя блюда
Въ зелени сочной поставь, обложи ихъ искусно цвѣтами,
Въ сребренный кубокъ налей искрометную кровь винограда:
Звонкій тотъ кубокъ украшенъ любимымъ моимъ барельефомъ,
Гдѣ Діонисъ, какъ душа вѣчноюнаго міра, представленъ...
Будемъ гармоніей духа и тѣла съ тобой наслаждаться!...
Вѣрь мнѣ, одна безъ различія жизнь, и людей, и природы:
Всюду единая царствуетъ мысль, и душа обитаетъ
Въ глыбахъ камней бездыханныхъ и въ радужныхъ листьяхъ растеній...
Нѣтъ для меня, Левконоя, и тѣла безъ вѣчнаго духа,
Нѣтъ для меня, Левконоя, и духа безъ стройнаго тѣла!
Умственнымъ взоромъ гляжу я на образъ жены полногрудой,
Въ выпуклыхъ линіяхъ формъ, изваянныхъ богиней-Природой,
Душу и цѣлую жизнь, и поэму созданья читаю...
Не упрекай-же меня, что я къ тлѣну и праху привязанъ,
Не упрекай за стихи, гдѣ я думы свои изливаю!...
Иль ты не знаешь, что я поклоняюся новой богинѣ,
Къ музамъ причисливъ ее, и назвавши ее Софросиной:
Эту богиню я къ жизни и къ пѣснямъ своимъ призываю...
Пусть, какъ сатиръ осклабляясь, невѣжда смѣется надъ нею:
Смѣхъ его — лучшій ему приговоръ...
Но спѣши, о подруга!
Сытныя снѣди принесть и весельемъ кипящія вина,
И ароматы, и мудраго мужа Платона творенья.

II

НОВОГРЕЧЕСКІЯ МЕЛОДІИ.

I.

Сила пѣсни.

«Славнымъ виномъ на прощанье,
Кипрскимъ виномъ напою...
Выпей за наше свиданье,
Выпей за удаль свою.
Кубокъ возьмешь на дорогу:
Будешь меня вспоминать;
Стану молиться я Богу,
Стану тебя ожидать...»

— Старыя пѣсни люблю я,
Старую пѣсню запой...
Голосъ ихъ — звукъ поцалуя,
Рѣчи ихъ льются рѣкой.
Хочется пѣсней разлуки
Тяжесть души облегчить,
Звуками плакать, и въ звуки
Горе любви перелить...
Пой! — ужъ пора намъ проститься:
Рогъ капетана трубитъ...

«Страшно мнѣ въ пѣснѣ излиться:
Съ пѣсней душа улетитъ».

II.

Айлуда. *)

Есть домикъ въ лѣсу, за горою,
Съ разрушенной кровлей, безъ оконъ...
Но нашихъ красавцевъ собою
Прельстилъ и завлекъ онъ.

А въ домикѣ, будто ошибкой,
Сіяніе утра и ночи:
Оттуда алѣетъ улыбка,
И искрятся очи...

Рабовъ, иль сералей высокихъ
Ты хочешь, айлуда дубравы,
Алмазовъ-ли, странъ-ли далекихъ,
Забвенья, иль славы?

Ты видишь, я статенъ и молодъ:
Люби меня адской душою, —
Мнѣ люди навѣяли холодъ
Съ тяжелой тоскою.

Безъ подвиговъ мнѣ до могилы
Пути протянулись большіе;
Я трачу богатыя силы
На битвы пустыя..

И скромно безвѣстному счастью
Пріюта нигдѣ не сыщу я...
По свѣту съ ненужною страстью,
Какъ призракъ, брожу я...

---

*) *Айлуды*, по повѣрью нынѣшнихъ Грековъ, существа въ родѣ сербскихъ вилъ или Ореадъ и русалокъ, обитающія въ дикихъ и пустынныхъ мѣстахъ, у рѣкъ, горъ и ущельевъ.

А тамъ, у тебя изумруды
Колеблются въ полѣ травою;
Ручей твой обрамили руды
Каймой золотою;

И вѣтеръ тамъ музыкой вѣетъ,
По струнамъ цвѣтовъ пробѣгая;
Восторгами таетъ и млѣетъ
Тамъ жизнь молодая;

И смотрятъ веселыя лицы
Съ больной незнакомы слезою,
Поютъ тамъ и вѣщія птицы,
Кружась надъ водою.

Соткавши изъ радугъ полóтна,
Подъ ихъ расписными шатрами
Почіешь ты въ нѣгѣ дремотной
Съ твоими духами.

Клубятся надъ ними видѣнья
И тайны незримаго міра;
Существъ вы слѣдите движенья
На звѣздахъ эѳира.

Забывши одежды, съ купанья
Подруги твои молодыя
Несутся на радость свиданья
Подъ сѣни густыя,

И пляску заводятъ съ духами; —
А мѣсяцъ, нечуждый ихъ счастью,
Объемлетъ ихъ груди лучами,
Сгараемый страстью;

И жаръ ихъ, и жажду лобзаній
Порой прохлаждаютъ фонтаны,
Да трепетъ предсонныхъ желаній
Скрываютъ платаны...

Цалуй меня, демонъ прекрасный!
Такъ сладокъ твой ядъ поцалуя, —
Пусть въ жизни кипучей и страстной,
Забывшись, умру я...

III.

Дѣвушка у Харона.

(Посв. Гр. Настасіи Ивановнѣ Толстой.)

— «Хорошо вамъ, горы, счастье вамъ долины:
Вы себѣ живете безъ тоски-кручины!
Вѣчно вы цвѣтете, нѣтъ для васъ Харона!
Какъ и вы, цвѣла я, роза Киѳерона,
Любовалась также утренней зарёю,
А меня скосила смерть своей косою...
Безъ меня на свѣтѣ все живетъ и дышетъ,
И меня не знаетъ, и меня не слышетъ!
Тамъ зазеленѣло Божіей весною,
И луга запахли молодой травою;
Ярко запестрѣли всѣ поля цвѣтами,
И холмы покрылись бѣлыми стадами;
Въ густотѣ дубровы, солнцемъ непалимый,
Паликаръ гуляетъ съ дѣвушкой любимой,
И, цалуя жадно ей уста и плечи,
Говоритъ онъ милой золотыя рѣчи;
Мать красивой дочкѣ расточаетъ ласки,
Бабушка-старушка сказываетъ сказки...
О, когда бы можно, вѣчно бы жила я,
Какъ ребенокъ съ куклой съ жизнію играя...
Еслибъ наши клефты въ адъ сюда попали, —
Вѣрно-бъ и съ Харономъ въ битвѣ совладали;
Жалобною рѣчью я-бъ ихъ ублажила,
И, ласкаясь къ храбрымъ, такъ бы говорила:

«Я въ жилищѣ смерти выплакала очи,
Въ холодѣ могильномъ, средь подземной ночи.
Здѣсь темно и тѣсно... Зрѣнье проситъ свѣта,
Сердце проситъ ласки, а душа — привѣта...
Клефты-паликары! убѣгу я съ вами
Въ край, гдѣ льется воздухъ свѣтлыми струями,
Гдѣ раздолье жизни, гдѣ толпятся люди,
Гдѣ любить приволье лебединой груди;
Я хочу утѣшить мать мою въ печали,
Я хочу, чтобъ сестры слезъ не проливали,
Чтобъ не горевали неутѣшно братья,
И свою Зоицу приняли-бъ въ объятья...»

— Не крушись, Зоица, по роднымъ напрасно:
Имъ живется сладко, весело и ясно!...
На землѣ, подруга, все тебя забыло!
(Такъ, вошедши, Десна къ ней заговорила).
Отъ людей къ Харону нынѣче отошла я,
И тебя лишь годомъ дольше прожила я...
Видѣлась недавно я съ твоей роднею:
Всѣ они довольны, счастливы судьбою...
Братья... да и сестры, позабывъ печали,
У сосѣда Лàмбро на пиру плясали,
Бабушка болтала подъ окномъ съ кумою,
И своей хвалилась давней стариною,
Мать все хлопотала о невѣстѣ сыну:
О тебѣ-жъ, бѣдняжка, не было помину!

IV.

Телонія. *)

Дыша прохладой на потокъ,
Дремалъ душистый вѣтерокъ,
И, олеандръ въ густые своды
Сокрывъ трепещущія воды,
Цвѣты румяные ронялъ
На переливистый кристаллъ.
Рѣзвилась ласточка порою
Надъ тиховодною рѣкою,
И грудью бѣлою своей
Касалась голубыхъ зыбей...
А воздухъ, воздухъ благодатный...
Струею жарко-ароматной
Онъ хочетъ страсть свою вдохнуть
Въ мою измученную грудь.
Когда таинственные звуки
Несутся стройно въ вышинѣ:
Я слышу въ нихъ печаль разлуки,
Тоску по горней сторонѣ....

Но отчего была печали
Душа усталая полна,
Когда тѣ звуки пролетали?...
Я знала, въ нихъ неслась она —
Душа малютки безъ названья,
Перелетѣвшей въ міръ страданья
Непогруженною въ купель —
Христовой жизни колыбель!...

Ко мнѣ, ко мнѣ, родные звуки!
Навѣйте вновь былыя муки:
Въ васъ жаждетъ горестная мать
Младенца милаго обнять!

---

*) Телонія—душа неокрещеннаго младенца, умершаго до крещенія. Сказка этого повѣрья почти таже, что у Малороссіянъ *о Мавкахъ*.

Несется изъ владѣній ада
Изъ мрака смерти и грѣховъ
Въ толпѣ невидимыхъ духовъ
Мое дитя, моя отрада...

Ко мнѣ, дитя, летп ко мнѣ!...
Но звукъ печальный пролетаетъ,
И въ безотвѣтной вышинѣ
Далёкимъ эхомъ замираетъ.
Въ тотъ часъ на сердцѣ пустота,
Въ душѣ безстрастный холодъ вѣетъ;
Слеза подъ сердцемъ заперта,
И чувство теплое нѣмѣетъ...
Но вдругъ нежданно пролетитъ
Знакомый звукъ, и прозвучитъ
Печалью знаемой когда-то, —
Разбудитъ старыя мечты, —
И въ сердцѣ нѣтъ ужъ пустоты:
Оно печалію богато.

V.

Умирающій матросъ.

— Много-ль морей облетала ты, бѣлая лебедь,
Много-ль корветъ и фелукъ ты видала на морѣ?
«Черный корабль я видала подъ флагомъ багровымъ; *)
Сталъ онъ на якорь отъ нашего берега близко.
Старый сѣдой капитанъ, напѣвая молитвы.
Плакалъ, и плакали съ нимъ молодые матросы,
Стоя вокругъ паликара, какъ ты молодого.
Прелестью глазъ и кудрей прихотливой волною
Схожъ паликаръ на тебя, свѣтлоокая дѣва.
Руки скрестивъ на груди, и на грудь головою
Тихо склонившись, сказалъ капетану сѣдому,
Юнымъ матросамъ сказалъ онъ послѣднее слово: —

*) Признакъ пиратскаго судна.

«Прожилъ я на морѣ лучшіе юные годы,
На морѣ взросъ и родился. Пѣвучія волны
Сонъ навѣвали, колыша мою колыбельку.
Много извѣдалъ я на морѣ чернаго горя,
Много на немъ я извѣдалъ и радостей свѣтлыхъ.
Мирное зрѣлище волнъ неподвижныхъ и неба,
Ярко облитое свѣтомъ пурпурнаго утра,
Богу меня научило молиться и плакать.
Первой, послѣдней любовью любилъ я на морѣ,
Встрѣтивъ на немъ-же прекрасную, добрую Зою;
Дружбу, вы знаете сами, узналъ я межъ вами.
Богъ посѣтилъ меня раннею смертью на морѣ...
Мирно, друзья, умираю, но грустно разстаться
Съ моремъ и съ вами, и съ бѣдною Зоей-спроткой!
Выройте, братья, могилу у берега моря,
Камнемъ прибрежнымъ мою вы покройте могилу:
Здѣсь я услышу порою матросскую пѣсню,
Серцу знакомое *Элія-леза!* *) услышу...
Будутъ бесѣдовать шумныя волны со мною,
Тусклыя очи, нѣмыя уста освѣжая,—
Вѣсточку мнѣ принесутъ о родныхъ и знакомыхъ:
Станетъ теплѣе холодному сердцу въ могилѣ...
Плакать придетъ на могилу печальная Зоя:
Тихія волны подѣлятся съ нею печалью, —
Легче ей на сердцѣ станетъ, и я успокоюсь...»

«Что ты дрожишь и блѣднѣешь, красавица-Зоя,
Смотришь безумно и рвешь дорогія одежды?...
Бѣдная Зоя! Несчастная Зоя!»

---

*) Восклицаніе матросовъ при подыманіи тяжестей: якорей, канатовъ и т. п.

VI.

Воспоминаніе.

Я помню, какъ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ
Холодное чело твое вѣнчали,
Какъ на груди твоей цвѣты завяли;
Какъ много выплакалъ я слёзъ...

И убѣжалъ далеко я отъ милой...
Скажи, взросъ твой юный кипарисъ,
И капли слезъ цвѣтами-ль разрослись
У мрамора твоей могилы?

Я, говорятъ, на чуждомъ берегу
Тебя забылъ... но вѣрь: тобой любимый,
Тобою полнъ, тобой путеводимый,
Тебя забыть я не могу!

Я помню все, души моей свѣтило!
Мгновенный слѣдъ твой въ мірѣ не исчезъ: —
Все лучшее земли, все свѣтлое небесъ
Твой милый образъ сохранило.

VII.

Отплывающему.

Корабль готовъ; шумятъ вѣтрила,
Распущенъ флагъ земли родной...
Ты ѣдешь, братъ, и что̀ мнѣ мило
Увозишь ты на-вѣкъ съ собой!
Что̀ ждетъ тебя подъ небесами
Родимой Греціи твоей?...
Ея любуясь красотами,
О бѣдной участи моей
Ты вспомни, братъ, и пожалѣй...
Прошу тебя, пришли съ дороги
Мнѣ горсть земли, земли родной:
Въ часы душевныя тревоги
Я окроплю ее слезой.
Взгляни на гробъ Агамемнона
Въ его пустынной наготѣ,
И у колонны Парѳенона
Пропой ты пѣсню Красотѣ;
Къ моимъ друзьямъ зайди въ Востицу,
Скажи, что ихъ цалую я: —
Но, братъ... сосѣдку Фотиницу
Ужъ не цалуй ты за меня!

La nature est l'idée sous forme d'exteriorité.

A. Ott.

I.

Природа.

Привѣтъ мой, весна!... Я съ тобою
Опять, какъ дитя, заживу
Всей жизни моей полнотою,
Увижу я сны на-яву...

Согрѣется воздухъ, и воды
Съ холмовъ бѣлоснѣжныхъ польются,
И тайныя струны природы
На струнахъ души отзовутся:

Тогда я познаю глубоко,
Что плоть я отъ плоти ея,
Что я не живу одиноко,
И вся она лоно моё...

Мнѣ будутъ сестрою и братомъ
И роза, и вѣтеръ, и море:
Одна напоитъ ароматомъ,
Другіе умчатъ мое горе.

Сродство и единство созданья
И мудрость его простоты
Внесу я въ свой умъ и познанья,
Въ искусство—его красоты...

Предъ блещущимъ ликомъ природы
Всё мрачное духа — далёко:
Всё ясно, какъ тихія воды,
Кристальныя воды потока; —

И ложны предъ нею страданья,
Болѣзненъ путь жизни людей...
Разсѣйся-жъ, о, мракъ отрицанья,
Въ душѣ обновлённой моей!

II.

Нимфа вьюги.

Поздней ночью буря встала,
Поднялась, ревя, мятель,
И повсюду наметала
Многоснѣжную постель.
Мнѣ слѣпящей пылью снѣга
Влажно очи порошитъ;
Истомленная отъ бѣга,
Тройка медленно бѣжитъ...

Но, классическія грёзы,
Грёзы вѣчныя людей!
Васъ питаютъ и морозы
Бѣдной родины моей;
Вамъ такая-же подруга,
Какъ аттическая ночь,
Наша сѣверная вьюга,
Дочь Гекаты, мрака дочь...

Ѣду я... передо мною
Нимфа Вьюги возстаётъ,
И надъ снѣжной пеленою
Всё кружится да поётъ...
А когда сквозь прахъ сыпучій,
Сквозь лохмотья бѣлыхъ тучъ,

На покровъ полей зыбучій
Броситъ мѣсяцъ блѣдный лучъ, —
Бѣломраморной рукою
Нимфа въ даль меня манитъ,
И хохочетъ надо мною,
И рыдаетъ, и грозитъ...
Вдругъ по прихоти игривой,
Иней съ дерева стряхнётъ,
И всего меня шутливо
Льдомъ колючимъ обольётъ,
Иль къ устамъ моимъ коснётся
Поцалуемъ мертвеца,
Иль унылою зальётся
Пѣснью русскаго пѣвца;
То статуей ледяною
Всторонѣ стоитъ она,
И холодной красотою,
Непреклонная, полна;
То меня охватитъ страстно,
Токомъ бури обовьётъ, —
И, безчувственно-прекрасна,
Въ пляскѣ съ вихремъ отойдётъ...
Но развѣетъ шаловливо
Вѣтеръ тунику у ней, —
Нимфа спрячется стыдливо
Въ волны снѣжныя полей;
И опять изъ-за берёзы
На меня она глядитъ, —
Вѣтру буйному сквозь слёзы
Рѣчь упрёка говоритъ...
Но, глядишь, на волкѣ смѣло
Нимфа скачетъ предо мной,
И его по шерсти бѣлой,
Гладитъ ласково рукой,
И улыбкой открываетъ
Рядъ роскошныхъ жемчуговъ,
Волшебствомъ ея сзываетъ
Хоръ полуночныхъ духовъ;
Къ нимъ, средь воя и круженья,
Пристаютъ толпой тѣней,

Въ странныхъ образахъ, видѣнья
Знойной юности моей—
Что̀ любимо было мною
И желаемо давно,
Что̀ развѣнчано судьбою,
Что̀ въ душѣ погребено...
Это всё̀ подъ гулъ ненастья
Въ хоръ одинъ слила она,
Совершенствъ, Любви и Счастья,
Безтѣлесная Жена,
Мыслью созданная ясной
Въ царствѣ духа моего,
И потребой сердца страстной,
И провидѣньемъ его...

Но, вотъ, вижу я въ мятели
Мой родной, мой старый домъ,
Гдѣ, со мной играя, пѣли
Мнѣ о будущемъ моёмъ,
Гдѣ мнѣ няня говорила
Сказки русской старины,
Съ колыбели пріучила
Золотые видѣть сны...

И дрема̀ съ высотъ слетаетъ
Тихо на душу мою:
Нимфа Вьюги напѣваетъ
Въ полѣ — «баюшки-баю...»

III.

Notturno.

Ароматной весеннею ночью
Я на небо гляжу ненаглядно...
Когда море, уснувшею мочью,
Такъ прекрасно, такъ мирно-отрадно,
Когда слышу, какъ злакъ прозябаетъ,
И какъ пьётъ онъ дыханіе ночи: —
Тебя сердце мое призываетъ,
Тебя видятъ во-всёмъ мои очи...
Будто смотришь ты тѣми звѣздами,
Будто дышешь дыханьемъ природы,
Разцвѣтаешь ночными цвѣтами,
Населяешь и воздухъ, и воды.

Когда слышу вечерніе звуки,
Тѣ, что льются, что въ воздухѣ таютъ,
И таинственно съ счастіемъ муки
И съ покоемъ тревогу мѣшаютъ:
Тогда, кажется, будто незримо
Ты ко мнѣ издалёка несёшься...
Будто чую—промчалася мимо,
Будто пламенемъ по́-сердцу льёшься...
Что́-жъ родного, скажи мнѣ, сокрыто
Въ этой ночи и въ звукахъ съ тобою,
И какая струна у нихъ слита
Съ моимъ сердцемъ, съ моею судьбою?...

IV.

Просьба весны.

На-прощаньи пѣвцу говорила,
Отлетая надолго, весна: —
О, поэтъ мой, тебя я любила,
Я была и тепла, и ясна...

Разстаюся я съ милой землёю,
Мнѣ такъ долго ея не лобзать,
Не лелѣять своей теплотою,
И цвѣтущихъ красотъ полнотою
Мнѣ ея головы не вѣнчать!

Покидаю я женщинъ прекрасныхъ
И ласкаемыхъ мною дѣтей —
Для ночей безразсвѣтно-ненастныхъ,
Для холодныхъ, безсолнечныхъ дней...

И не будутъ, роскошными снами
Упиваясь блаженно, они
Пробуждаться и спать съ соловьями, —
Покидаю я ихъ сиротами...
Замѣни имъ меня, замѣни!

Разлучиться мнѣ горько съ землёю...
Но, поэтъ мой, я въ сердцѣ твоёмъ
Неразлучной живу красотою,
И твоимъ пламенѣю стихомъ:

Я оставлю въ немъ звуки и краски,
И мой свѣтъ, и мою теплоту,
Вѣтерка перелётныя ласки,
И потоковъ журчащія сказки,
И луной разлитую мечту.

Какъ померкнетъ сіянье лазури,
Какъ поблёкнутъ безъ жизни поля,
Да завоютъ холодныя бури,
Да одѣнется въ саванъ земля —

Мой избранникъ, людей утѣшая,
Возроди меня въ пѣсняхъ своихъ,
Чтобъ предъ ними опять разцвѣла я,
Благовонна, свѣжа, молодая,
Въ трепетаньи стиховъ золотыхъ...

Но, весеннее счастье зимою
Разливая межъ братьевъ людей,
Надѣли имъ возлюбленныхъ мною,
Всѣхъ обильнѣе, женъ и дѣтей,

Чтобъ я въ пѣснѣ твоей зеленѣла,
Согрѣвая озябнувшій лѣсъ,
На снѣгахъ-бы цвѣтами пестрѣла,
Наливалась въ колосья и зрѣла,
И сіяла-бы съ зимнихъ небесъ;

Чтобы всё, забывая морозы,
Погрузилось въ знакомые сны,
Въ ароматныя майскія грёзы,
Въ обаянье волшебной весны...

И подъ власть твоего вдохновенья
Всё отдастся, поэтъ-чародѣй,
И, внимая словамъ пѣснопѣнья,
Отъ земли моего удаленья
Не замѣтитъ никто изъ людей;

Имъ прольюся я полною чашей
Изъ искусныхъ художника рукъ,
Имъ я буду и лучше, и краше,
Облеченная въ образъ и звукъ.

V.

Зимнее чувство.

Болѣе всего я люблю домъ, гдѣ блещетъ
очагъ, когда Зевсъ сыплетъ снѣгомъ
Изъ Гомерическихъ Сти[illegible]

Какъ хорошо на сѣверѣ порою,
Въ уютной комнатѣ, съ подругой молодою,
Когда, дыша отрадной теплотой,
Открытъ каминъ, и уголь золотой,
Подёрнутый перловою золою,
Чуть рдѣетъ: такъ, подъ кожей молодою,
Подъ кожей бѣлою, подъ дѣвственнымъ пушкомъ,
Румянецъ кажется дрожащимъ огонькомъ.
Намъ пѣсню самоваръ шумливую заводитъ;
Вечерніе часы неслышимо уходятъ
За книгою любимою въ рукахъ,
За разговорами о милыхъ пустякахъ,—
И женственной красы исполненныя рѣчи,
Пурпурныя уста и снѣговыя плечи
Зовутъ меня лобзать подругу въ тишинѣ...
Какъ хорошо и какъ отрадно мнѣ!...
А вьюга на дворѣ реветъ и злится,
И путникъ, заблудясь, за жизнь свою боится,
И снѣгомъ бьетъ ему въ усталые глаза:
Всё бѣло вкругъ него—земля и небеса;
Не слышенъ лай собакъ изъ-за дали туманной,
Не виденъ огонекъ спасительно-желанный...
Но мнѣ такъ хорошо въ пріютномъ уголкѣ
Отъ всѣхъ опасностей, отъ горя вдалекѣ.

. . . . . .

И въ этотъ часъ уже не снится мнѣ
На полуостровѣ, въ любимой сторонѣ,
Колонна, статуя, полуденная роза:
Въ поэзію мятели и мороза
Я нѣгой сѣверной волшебно погруженъ,
И снится мнѣ иной роскошный сонъ.

VI.

Голоса ночи.

Тихо бреду по широкому полю
Лѣтнею ночью прохладной,
Воздухъ впивая живительный въ-волю,
Жаждой исполненъ отрадной.

Братской всемірной бесѣдѣ я внемлю...
Всё говоритъ предо-мною:
Падаютъ рѣчи съ эѳира на землю,
Льются лучистой рѣкою;

Просятъ у звѣздъ позолоты и краски
Зрѣющій колосъ и слива,
Ловятъ Ночныя Красавицы ласки
У вѣтерка шаловливо...

А подъ горою бесѣдуютъ воды
Съ вѣтками ивъ и съ камнями;
Шепчутся тайно древесные своды,
Держутъ совѣтъ съ облачками...

Слышу, кузнечиковъ пѣсня живая
Мелкою дробью несётся,—
И угадалъ я, той пѣсни внимая,
Что́ и о чемъ имъ поётся.

Пѣли кузнечики:—«красное лѣто
Вслѣдъ улетитъ за весною;
Жить намъ покуда-лишь поле согрѣто
Ризой хлѣбо́въ золотою...

Счастливы темныя сосны и ели—
Вѣчно онѣ зеленѣютъ;
Гибели имъ не приносятъ мятели,
Смертью морозы не вѣютъ!»

Новая пѣсня изъ рощи несётся,
Смѣлостью звуковъ блистаетъ,
И перекатными трелями льётся—
То соловей распѣваетъ:

«Жизнь хороша!... но не долго живу я...
Пѣть мнѣ хотѣлось бы вѣчно!
Съ розой родился и съ розой умру я,
Жаждая жить безконечно...

Всё для людей! Имъ и долгіе вѣки,
Пѣснь соловья и поэта,
Небо и горы, и рощи, и рѣки
Въ перлахъ и въ золотѣ свѣта.»

Пѣсня другая въ саду раздаётся,
Трель соловья прерывая,—
Это и громко, и стройно несётся
Грустная пѣсня людская:

«Волосы наши кудрями развиты....
Время пошлетъ имъ сѣдины;
Этотъ румянецъ, зажегшій ланиты,
Скоро погасятъ морщины....

«Ты только счастливъ своею безсмѣнной
И несходящей весною,
Ты только вѣченъ, румянецъ вселенной,
Въ небѣ горящій зарёю!»

VII.

Лѣсъ.

Въ зелени тёмной дремучаго лѣса брожу одинокій:
Тысячи радужныхъ красокъ, играя, горятъ на закатѣ;
Золотомъ каплютъ онѣ на верхушки кудрявыхъ деревьевъ,
Свѣтлой струёй извиваясь, окрайны вѣтвей пробѣгаютъ,
И въ промежуткахъ стволовъ разливаются розовымъ полемъ.
Странные, смутно-знакомые звуки несутся изъ чащи,
Звуки, похожіе больше на тишь разлитую повсюду...
Только порой подъ ногами моими трава шевелилась,
Ящерицъ быстро-скользившихъ слѣды отъ меня укрывая;
Прыткій кузнечикъ звенѣлъ въ кочедыжникѣ гдѣ-то, и часто
Пѣсню свою прерывалъ. — Пробѣжавшему легкому вѣтру
Разомъ всѣ листья, спѣша, говорили, и вдругъ замолкали.
Воздухъ прохладно-густой, испареньями травъ напоённый,
Страстно дышалъ на ночные цвѣты; тяготѣя надъ ними,
Чашечки ихъ расширялъ, и садился росой ароматной;
Въ свёрнутыхъ листьяхъ растеній покоился жукъ изумрудный;
Влаги росистой боясь, мотылёкъ испещренный скрывался
Въ желтой пыли лепестковъ, колыхаясь, какъ въ люлькѣ ребёнокъ.
Льютъ надо-мною зеленыя слёзы свои непрестанно
Вѣтви плакучихъ деревьевъ, и, кажется, между собою
Перешептнулись кусты обо мнѣ, осторожно, съ украдкой....

Этотъ языкъ безпредѣльной, никѣмъ неизвѣданной жизни,
Слуху невнятною рѣчью своею, наводитъ на душу
Образовъ много незримыхъ и много нѣмыхъ ощущеній,
Проситъ отвѣта себѣ, и къ своей пріобщаетъ бесѣдѣ. .
Носишь какого-то міра иного присутствіе въ сердцѣ....
И разлился онъ, тотъ міръ, за тобой, предъ тобой, надъ тобою,
Обнялъ всецѣло тебя, и содѣлалъ своимъ гражданиномъ;
Кажется будто отжившія всѣ существа воплощенно
Зажили вновь, и витаютъ, тебя окружая собою,

Будто тѣ близкія души, что ты схоронилъ и оплакалъ,
Прежнимъ участьемъ полны и любовію прежней согрѣты,
Плачутъ теперь надъ тобой, и живого хотятъ разговора.
Видится этой порою, въ туманѣ таинственной грёзы,
Будто-бы даже и то, что еще никогда не рождалось
Въ-явѣ живетъ, облекаясь въ какой-то сверхчувственный образъ.
Дремлющій воздухъ наполненъ вокругъ существами, которыхъ
Зрѣнье и слухъ не уловятъ, но чуютъ душевныя струны...
Связь ихъ съ собой постигаешь, но дать имъ отвѣта не можешь:
Мысль не слагается въ рѣчь, не находишь имъ должнаго слова,—
И отрѣшаешься весь отъ оковъ тяготѣющихъ плоти.

Ощупью въ мірѣ блуждая, томясь, и невѣдѣньемъ боленъ,
Къ вамъ я довѣрчивымъ сердцемъ, пытливой душою взываю,
Сонмы незримыхъ существъ! Разскажите, откройте мнѣ тайны
Вашего міра, всѣ тайны того, что не вижу, не слышу,
Не осязаю, но чувствую смутнымъ души ощущеньемъ...
Грустно ходить мнѣ во тьмѣ, тяжело мнѣ и горько незнанье
Близкаго сердцу, родного душѣ, что её окружаетъ...
О, просвѣтлите-же полнымъ сознаніемъ умъ мой и сердце:
Да заживу я свѣтло и здорово, какъ мнѣ подобаетъ.

VIII.

Отрада осени.

И сѣрое небо люблю я порою
Съ осеннимъ холоднымъ и вѣтренымъ днёмъ,
Когда облака безконечной грядою
Отвсюду находятъ и краплютъ дождёмъ;

Когда, полумракомъ небесъ окруженный,
Отъ всѣхъ удаляюсь я съ милой моей,
Внимая бесѣдѣ ея благосклонной,
Лилѣйныя ручки цалуя у ней...

И такъ хорошо тогда это ненастье,
И холодъ такъ тепелъ и сладокъ вдвоёмъ,
Что, кажется, будто отрада и счастье
Шумятъ, и спадаютъ, и льются дождёмъ!

Чѣмъ день разольётся сѣрѣй и темнѣе,
Тѣмъ ярче весеннее небо очей;
Чѣмъ вѣтеръ повѣетъ въ окно холоднѣе,
Тѣмъ жарче дыханіе милой моей...

Пусть желтые листья, опавши, летаютъ,
Пусть старческій видъ на поблёклыхъ поляхъ:
Роскошно ея красоты разцвѣтаютъ,
И юность играетъ румянцемъ въ щекахъ...

Я вѣрю, что осень на міръ не сходила,
И осени нѣтъ для души молодой,
Что только природа весну намъ смѣнила
Другою—духовной и лучшей весной.

IX.

Симпатіи.

Вся жизнь человѣческая имѣетъ нужду
въ ритмѣ и гармоніи.
«Протагоръ» Платона.

Вечеромъ миръ низлетаетъ на землю...
Дѣвственно-ясенъ румянецъ заката;
Грежу я, чувствую, мыслю и внемлю:
Всюду я радостно вижу иль друга, иль брата.

Птицы заснули на вѣткахъ древесныхъ,
Въ сонъ погрузилась семья насѣкомыхъ,
Много зажглося въ пространствахъ небесныхъ
Звѣздъ, мнѣ, изъ ранняго дѣтства, родныхъ и знакомыхъ.

Дремлютъ цвѣты въ вѣткѣ благодатномъ,
Сны свои мнѣ говорятъ и мечтанья
На языкѣ ароматовъ понятномъ —
Рѣчью одною изъ тысячъ рѣчей мірозданья.

Грёзы свои распѣваетъ цикада —
Ей, наклонившись, колосья внимаютъ:
Весело прыгаетъ рѣзвое стадо —
Имъ потревожены, пташки пугливо порхаютъ.

Стройная музыка тайно сокрыта,
Всё проникая въ подлунной собою, —
То, что сіяніемъ солнца облито,
Что освѣщается томно Діаной ночною.

Звукомъ отвѣтнымъ всему пламенѣлъ я,
Жаждая въ общей гармоніи слиться;
Страстно душою прозрѣвшей летѣлъ я
Въ вѣчное лоно любви міровой погрузиться.

Чувствомъ широкимъ тогда обнимаю
Сродную жизнь и стремленье всѣхъ сущихъ,
Маленькій міръ ихъ любви открываю
Въ сердцѣ летающихъ, въ крошечной груди ползущихъ.

Всё, что цвѣтетъ и ползетъ, и летаетъ
Долю имѣетъ свою въ наслажденьи,—
Всё и заботы, и радости знаетъ,
Мчится и тонетъ со мною въ житейскомъ волненьи.

X.

Даръ Прометея.

I.

Лишь заалѣется надъ синими горами,
И отблескъ зарева падетъ на облака,
Блистая легкими, прозрачными струями,
Въ зеленыхъ берегахъ уляжется рѣка,
Отъ долгаго труда, отъ зноя, истомленья,
Спѣшу я броситься на мягкій дернъ луговъ,
Душою отдохнуть въ тиши уединенья,
Забыть и горести, и сладости трудовъ,
Забыть людей, отвергнувшихъ природу,
Природой брошенныхъ въ невѣдомую тьму,
Желавшихъ покорить творенія свободу
Искусству слабому, болящему уму...

II.

Когда мы приняли огонь самосозданья,
Природа спрятала въ свою нѣмую грудь
И тайны ясныя, и легкія познанья,
И терніемъ усыпала нашъ путь...
И блѣденъ пламенникъ блестящій Прометея,
И сталъ ужъ онъ примѣтно догорать,
И мало силъ у насъ, и нѣтъ у насъ елея
Божественный свѣтильникъ поддержать.

XI.

Жизнь.

Вѣрю, я безсмертенъ!
Въ атомахъ вселенной
Я ужъ зарождался,
Съ вѣчной жизнью Бога,
Въ Божьей мысли жилъ я...
Жизненная влага
И пылинки персти
Первыхъ дней созданья
Слиты въ этомъ тѣлѣ...
И ужель не буду
Въ мірѣ вѣчно жить я,
Съ этимъ вѣчнымъ міромъ —
Образомъ Всевѣчной,
Некрушимой Мысли?
Развѣ заронился
Втунѣ хоть единый
Солнца лучъ на землю?—
Или не возникъ онъ,
Въ ней преображенный,
Цвѣтомъ ароматнымъ
Въ изумрудныхъ листьяхъ?
Иль, въ дыханьи зноя,
Съ чашечки рацзвѣта,
Не упалъ на землю
Радужною пылью,
И съ землей не слился
Въ вѣчныхъ превращеньяхъ?...

XII.

Счастье.

(Л. С. П.)

Благодарю судьбу за бури и борьбы,
За счастья мигъ, за долгое страданье,
И лишь могу просить я у судьбы
Единаго безбрежнаго познанья.
Я убѣжденъ,—есть счастіе одно,
Высокое, далекое, прямое —
Вмѣстить въ себѣ той истины зерно,
Что облеклось въ созданье міровое...
Какъ человѣкъ, могу его искать,
Какъ онъ, я не могу имъ насладиться:
Но сладко жить, отрадно мнѣ страдать
Лишь для того, чтобы къ нему стремиться.

XIII.

Сказки.

Tout est bien, sortant des mains de l'Auteur des choses, tout dégénère entre les mains de l'homme.

J. J. Rousseau.

Странно! малюткой,
Скучно мнѣ было за сказками няни:
Сказки тѣ были всё-только о людяхъ,
То о разбойникахъ, то о колдуньяхъ.
Что-то влекло меня въ темную рощу
Слушать, какъ шепчется что-то въ вѣтвяхъ.
Сердце мое трепетало боязнью, —
Сердце любило такую боязнь,

Я понималъ тотъ таинственный шопотъ...
Вамъ передать я его не могу:
Мысли мутятся и слово нѣмѣетъ.
Часто любилъ я смотрѣть на рѣку,
Слушая музыку хоровъ незримыхъ.
Въ очи мнѣ прямо, участья полны,
Водные духи сквозь волны смотрѣли...
Вѣтеръ, колыша тростникъ надъ водой,
Мнѣ напѣвалъ колыбельную пѣсню,
Полную чуднаго смысла: его
Бѣдный языкъ и холодный разсудокъ
Высказать вамъ не съумѣютъ, но сердце
Ясно его понимаетъ и помнитъ...

Годы иные настали, и, старецъ.
Я не забылъ эти дѣтскія сказки:
Въ шумѣ-ль нестройномъ народныхъ собраній,
Въ битвахъ-ли жаркихъ, въ покоѣ-ль безстрастномъ,
Или въ порывахъ вакхическихъ мысли,
Какъ-то невольно приходятъ на память
Старыя дѣтскія сказки природы,
Міромъ забытыя...

Стройныя сказки!

XIV.

* *
*

Чѣмъ я больше знаю,—
Больше знать я жажду;
Въ правдѣ почиваю,
Подъ сомнѣньемъ стражду.

Теплотой дыханья
Истина вселилась
Въ тѣло мірозданья,
Тайно въ немъ сокрылась.
Счастье въ ней таится —
Наша цѣль отъ вѣка:
Страстно къ ней стремится
Помыслъ человѣка...
Безконечность—знаю —
Жизнью не измѣрю:
Всё-жъ её пытаю, —
Вѣрю и не вѣрю...

Духа совершенство,
Безъ границъ познанье:
Вотъ мое блаженство,
Вотъ мое страданье!

XV.

Уженье.

(А. Н. М.)

Долго сидѣлъ я подъ ивой, растущей надъ заводью синей,
Длинную бросивъ лесу на едва-трепетавшія зыби.
Но поплавокъ мой докучно стоялъ на водѣ, и ни разу
Въ темную глубь отъ очей не скрывался. Пугливая рыба
Тою порой не клевала. Склонялося солнце къ закату;
Вѣтеръ, подобно ползущимъ змѣямъ, шелестилъ по осокѣ;
Ивы плакучей сребристые листья, какъ малыя дѣти,
Надъ головою моей лепетали невнятныя рѣчи.
На̀ воду глядя разсѣянно, я погрузился въ мечтанья,
И про-себя напѣвалъ я какую-то странную пѣсню,
Пѣсню безъ словъ, безъ конца и безъ явственно-слышимыхъ звуковъ.
Время текло незамѣтно, и сталъ я слѣдить съ увлеченьемъ
Всё за одной бѣлопѣнной волною, игравшею съ солнцемъ.
Плавно катилась волна, и, привѣтливымъ видомъ сіяя,
Ближе ко мнѣ подходила, и рѣчь говорила такую: —

«Здравствуй, родной мой и кровный! Да юные дни твои длятся...
Что-жъ не даешь ты отвѣта, и будто меня ты не знаешь...
Я... это я въ тайникахъ заповѣдныхъ души зарождаю
То непонятное, смутное чувство, что́ вѣетъ въ нихъ пѣснью,
Неуловимою грубымъ оковамъ сознанья и слова.
Такъ, какъ и ты, я жила, и была молода́, и любила,
Стройно-одѣтая пылкою кровью и плотью прекрасной:
Дѣдамъ твоимъ пролила я дыханіе сладостной жизни.
Шло непрестанное время, и годы смѣнялись годами:
Съ ними забыло меня, и не знаетъ мое поколѣнье;
Но, недовѣдома вамъ, говорю я таинственно съ вами.
Ходомъ временъ измѣненной частицей витая въ стихіяхъ,
Медленно я прохожу нескончаемый рядъ превращеній:

Въ камнѣ твердѣю, огнемъ разгораюсь, иль влажусь водою,
То затаённою каплею въ жилахъ твоихъ обращаюсь.
Глазъ моихъ отблескъ далекій, когда-то блиставшихъ страстями,
Свѣтитъ въ глазахъ у тебя, и румянецъ мой, съ жизнью угасшій,
Нѣжнымъ оттѣнкомъ еще отраженъ у тебя на ланитахъ...
Вѣрь мнѣ, живешь ты моею любовью, забытой вѣками...
Въ этой волнѣ бытія моего заронились останки:
То чародѣйно они привлекали твой взоръ и вниманье,
И глубоко-сокровенныя струны души пробуждали...
Вотъ я, родною волной обнимаю теперь твои ноги,
Пѣной жемчужной дроблюсь, и опять я въ пространствѣ теряюсь...»

Вѣтеръ прошелъ по осокѣ, и пѣла мнѣ тихо осока: —
«Утромъ-ли яснымъ, иль въ вечеръ весенній, горящей зарею
Любишь сидѣть ты подъ этою ивой, глядишь на осоку,
И погружаешься въ думы, любовнымъ горя созерцаньемъ.
Сладко-унылая музыка сердце твое наполняетъ, —
Но никогда не спросилъ ты объ этой задумчивой грусти...
Соки и краски мои я изъ нѣдра земли собираю,
Гдѣ твои предки почіютъ, и ими питаюсь и движусь...
Не оттого-ль ты ко мнѣ неотступно влечешься душою,
Съ жаднымъ сострастіемъ родственно внемлешь мелодіи листьевъ,
Въ мигъ, когда вѣтеръ по мнѣ пробѣгаетъ, какъ-будто по струнамъ,
Въ часъ, когда солнце на мнѣ отражаетъ свой пурпуръ заката,
Трепетнымъ золотомъ тёмную зелень мою окаймляя?...»

Тутъ поплавокъ мой недвижный мгновенно во глубь погрузился,
Дёрнуло сильно лесу... и, какъ призракъ, разсѣялись грёзы.

XVI.

Утреннее впечатлѣніе.

Разцвѣтшей зарёю
Сокровищъ разсыпано много:
Всё тонетъ въ лучахъ предо мною...
Я чую прозрѣвшей душою
Повсюду живущаго Бога...

И ликъ міроздавья
Мнѣ плотію духа прекрасной
Является въ перлахъ сіянья —
Средь пѣсенъ, любви, ликованья,
Съ улыбкою женственно-ясной.

Я, жаждая тѣни,
Спущуся въ долину глубоко,
Гдѣ бродятъ, скрываясь, олени,
Отдаться и грёзамъ, и лѣни,
Подъ лепетъ вѣтвей и потока...

И тихой стопою
Я буду на горы взбираться:
Боюсь раздавить я ногою
Червя, что̀ ползётъ подъ травою
Сіяньемъ тепла наслаждаться;

Исполненъ вниманьемъ
Для всякой летающей крошки,
И, груди сдержавъ колыханье,
Въ себя не втяну я дыханьемъ
Въ лучахъ затерявшейся мошки.

XVII.

Предсмертное чувство.

I.

Чувствую, силы мои,
Юныя силы слабѣютъ;
Слышу, холодную руку
Смерть положила на сердце,
Страстное сердце мое...

Что-же, разлитая всюду,
Царствуетъ жизнь предо мною,
Всё проникая собой?

Что-же нигдѣ я въ природѣ
Образа смерти не вижу?...

Я оглушенъ, ослѣпленъ дифирамбомъ
Вѣчно стремящейся жизни,
Вихремъ ея увлекаемъ,
И отстаю я отъ хора людей
Въ этомъ вакхическомъ бѣгѣ, средь кликовъ,
Плясокъ и пѣсенъ...
Я изнемогъ, задыхаюсь...
Палъ я на землю...
Теряюсь
Въ лонѣ безбрежнаго міра,
Будто въ туманѣ,
Будто въ чаду опьяненья...

Это-ль?... такъ это-ли смерть,
Зевсъ-міродержецъ,
Жизни безсмертный отецъ?

II.

Съ юга лазурнаго вѣетъ
Зноемъ и легкой прохладой,
Вѣетъ какою-то нѣгой
Съ неба и съ моря, и съ горъ
По небу тучка несется,
Пахнетъ дождемъ благовоннымъ...
Скоро сквозь яркое солнце
Перлы дождя упадутъ:
Перси земли растворятся,
Жизненной влаги напьются...
Вижу,—зеленыя перси
Рдѣютъ багрянцемъ цвѣтовъ.

III.

Хоть-бы пожить мнѣ весною!...
Чую, какъ сердце забилось...
Выйду въ широкое поле,
Лягу на мягкую травку,
Буду на ясное небо,
Буду на море смотрѣть.
Много есть жизни въ природѣ,
Жизнь я займу у природы:
Буду открытою грудью
Воздухъ весенній вшивать.

XVIII.

Узникъ.

Черныя стѣны суровой темницы
Сырость одѣла, покрыли мокрицы;
Падаютъ ѣдкія капли со свода...
А за стѣною ликуетъ природа.

Куча соломы лежитъ подо мною;
Червь её точитъ. Дрожащей рукою
Сбросилъ я жабу съ нея... а изъ башни
Видны и небо, и горы, и пашни.

Вырвался съ кровью изъ груди холодной
Вопль замиравшій неслышно, безплодно;
Глухо оковы мои загремѣли...
А за стѣною малиновки пѣли...

Вотъ-когда смерти впервые хочу я,
Мыслью далеко отсюда лечу я: —
Вижу себя на конѣ и на полѣ,
Чую себя я на-волѣ, на-волѣ...

Солнце горитъ на небесной лазури;
Тучка несется—предвѣстница бури,
Бурямъ готовятся дубы къ отпору,
Внемлю я тайному волнъ разговору.

Чайки кружатся надъ моремъ стадами,
Плавно летаютъ орлы надъ скалами...
Здѣсь, на раздольи и въ эти мгновенья,
Какъ-бы я умеръ въ пылу изступленья!

Вашей мнѣ жизни ужъ больше не надо:
Въ смерти своя есть и жизнь, и отрада —
Въ лонѣ природы, въ борьбѣ и волненьяхъ,
Въ страстныхъ, вакхическихъ міра стремленьяхъ.

XIX.

* *
*

Наши очи малы,
Велика природа;
Ихъ погаситъ время,
Но она безсмертна.

Наши очи малы:
Но безбрежность міра
Мѣряютъ собою,
И въ себѣ вмѣщаютъ.

Наша жизнь лишь-только
Вѣчности мгновенье:
Мы-жъ, порой, въ мгновенье
Проживаемъ вѣчность...

XX.

Монологъ на высотѣ.

Мы убѣжали, подруга, съ тобою,
И отъ гонителей нашихъ далёко...
Этотъ утесъ, гдѣ скользимъ мы ногою,
Подъ облаками, надъ бездной морскою,
Поднятъ волканомъ подземнымъ высоко.

Страшно, какъ бросишь нечаянно взоры
Съ выси на долъ, на ущелья, на море...
Видишь-ли, ниже насъ тянутся горы:
Ихъ водопады, долины и боры
Тонутъ, сливаясь въ далекомъ просторѣ?..

Бѣлая точка дрожитъ надъ волнами:
Парусъ-ли это, иль чайки летаютъ?..
Какъ чешуёю, блеститъ гребешками,
Съ гуломъ раздолье морское подъ нами,
Пятнышкомъ чернымъ дельфины всплываютъ...

Ласточекъ гнѣзда, иль хижины это
Робкой семьей за обрывомъ таятся?...
Всё въ полосахъ отдаленье одѣто,
Будто разлитыхъ по скатертямъ свѣта:
Не облачка́-ль тамъ тѣнями ложатся?

Люди снуютъ тѣ, иль пташки летаютъ?
Пчелы-ль несутся густыми роями?...
Слышишь ли, камни, катясь. упадаютъ,
Эхомъ пещеры полётъ ихъ встрѣчаютъ?...
Сдвинулъ я въ бездны тѣ камни ногами.

Холодъ не сходитъ отсюда и лѣтомъ,
Здѣсь голова человѣка кружится;
Солнце горитъ ослѣпительнымъ свѣтомъ:
Здѣсь хорошо развѣ-только поэтамъ,
Гдѣ мы трепещемъ, боясь оступиться...

Что тогда наши мечты, упованья,
Всё, чѣмъ мы жили, дышали съ тобою,—
Счастіе наше и наши страданья,
Горе разлуки и радость свиданья,
Если скользнемъ мы нетвердой стопою!...

Мы преходящія духа явленья:
Всюду-жъ предъ нами царитъ его вѣчность;
Жизни всемірной мы только мгновенья,
И испугала намъ душу и зрѣнье
Ждущая насъ поглотить безконечность.

XXI.

Мысль о смерти.

Страшна мнѣ смерть!... Не отъ сомнѣнья,
Не отъ невѣдѣнья страшна...
Хоть ложной жизни обольщенья,
Ея ничтожность и волненья
Собою сокрушитъ она:—

Но всё-жъ я смерти не желаю...
Я жить хочу, хочу я жить:
Я убѣжденъ, и сердцемъ знаю,
Что быть отраднѣй, чѣмъ не быть!

XXII.

Туча.

Туча весною проходитъ по ясному небу;
Дождь изъ эѳирныхъ высотъ проливаетъ на землю,
Силы свои истощая, и жизнь отдавая
Жаждущимъ дѣтямъ ей чуждаго дольняго міра...

Туча, завидно твое назначенье на небѣ!
Долу оно непонятно, иль, можетъ быть, чуждо:
Мнѣ-же завиденъ понятно твой жребій высокій,
Жребій страдальца за благо людей—Прометея...

XXIII.

Пустыня.

Проснулся я:—вокругъ меня пустыня
Безъ выхода и безъ конца лежитъ...
Смирилася души моей гордыня,
И ропотъ на устахъ засохнувшихъ молчитъ.
Здѣсь не́-на-чѣмъ глазамъ остановиться:
Они теряются въ безцвѣтной пустотѣ;
Здѣсь небо мѣдное не свѣтитъ и не тмится,
Въ немъ мѣста нѣтъ надеждѣ и мечтѣ.
На мой призывъ никто не отзовётся;
Здѣсь эхо умерло, и мысли чуждъ полётъ,
Здѣсь даже надо мной и врагъ не посмѣётся,
И тяжкій смерти вздохъ безъ звука здѣсь пройдётъ.

XXIV.

* *
*

И здѣсь, и тамъ, и далѣе гробница:
То по слѣдамъ племенъ разросся рядъ могилъ...
Изъ книги тайнъ здѣсь выпала страница.
. . . . . .
Довольно! — Мы почти всё разгадали:
Намъ вѣдомо, что міръ переживётъ
И то, что мы вѣками созидали,
И насъ самихъ, и нашихъ думъ полётъ...
Но не грусти, что червь тебя изгложетъ
Въ ничтожествѣ и прахѣ, человѣкъ!...
Что было разъ, того не быть не можетъ,
Что создано, то создано на-вѣкъ.

XXV.

Болѣзни.

Nul homme n'a le droit d'avoir un secret.
George Sand.

Изъ-за деревъ румянится закатъ,
И сумерки задумчиво висятъ
Во глубинѣ небесъ.
Затеплилась звѣзда высоко надо мной,
Одѣлась даль туманной пеленой, —
Вдали чернѣетъ лѣсъ...

И мыслію несуся я туда,
Гдѣ загорѣлася вечерняя звѣзда,
Гдѣ на небѣ заря
Красуется отливами огней,
И каждый мигъ становится темнѣй,
Медлительно горя...

Но отчего на сердцѣ тяжело,
И смутное желанье налегло
На молодую грудь?
Но отчего я чувствую сильнѣй,
Что я теперь не съ милою моей,
Что одинокъ мой путь?...

Всѣ тайны я, какъ внутренній недугъ,
Хочу тебѣ повѣдать, милый другъ,
Природѣ ихъ раскрыть,
Затѣмъ, что тайнъ и болей нѣтъ у ней:
Тѣ тайны — гной отъ язвъ души моей, —
Мнѣ должно ихъ цѣлить...

И мрачный лѣсъ всё мрачное зоветъ,
Что искони такъ сердце бережетъ,
Въ чемъ высказаться жаль...
О, въ этотъ часъ я всё-бы вамъ открылъ —
И какъ я жилъ, и что я пережилъ,
И всю мою печаль!

XXVI.

Сердцу.

Звѣздное небо въ окошко мнѣ видно,
Видно оттуда уснувшее море; —
Сердцу печально и сердцу обидно:
Въ немъ не заснуло тревожное горе...

Что-жъ ты завидуешь, сердце, покою!
Смерть подъ цвѣтами въ покоѣ таится:
Жизни дыханье съ тобой, за тобою
Пламенемъ пышитъ и бурею мчится...

XXVII.

Утро въ горахъ Фокиды.

Блѣднорозовый свѣтъ на востокѣ,
И блеститъ надъ горами денница,
Отражаяся въ каждомъ потокѣ;
Облачковъ собралась вереница;
По ущельямъ пары заклубились,
На утёсахъ орлы пробудились...
На заливъ Альціонъ,
На оливковый лѣсъ,
На громады колоннъ
Льются краски небесъ;
Звученъ воздухъ, звучна
На приморьѣ волна
По зарѣ:
Но звончѣй
Мой ручей
На горѣ...

По тропинкѣ поднялся я въ гору:
Въ отдаленьи—Эгейскія воды...
Нѣтъ преграды пытливому взору...
Широко̀ мнѣ на лонѣ природы!
Острова зеленѣютъ садами,
Да несутея валы за валами...
И надъ гребнями скалъ,
Надъ гранитомъ гробницъ,
Я едва различалъ
Стаи бѣлыя птицъ...
Еще мигъ, — и горитъ
И волна, и гранитъ.
На поляхъ
Еще тѣнь:
Вижу день
На горахъ...

Но нѣтъ милой подруги со мною,
И зовутъ её рощи и горы:
Освѣти ихъ твоей красотою,
О, соперница юной Авроры!...
Говорятъ мнѣ и небо, и воды,
И я музыку слышу природы.
Я въ оркестрѣ міровъ
Слышу голосъ родной,
Полонъ дѣвственныхъ сновъ,
Я покоюсь душой:
Но въ душѣ у меня
Много струнъ и огня...
Вотъ и онъ
Возстаётъ
Изъ-за водъ,
Аполлонъ!

XXVIII.

Земля.

Ты помнишь ли случай, родная?...
Когда я малюткой была,
Въ саду, межъ цвѣтами летая,
Меня укусила пчела.

Какъ палецъ мнѣ жало палило,
И слёзы ручьями текли —
На палецъ ты мнѣ положила
Щепотку холодной земли...

И боль оттого унялася,
И радостно видѣла ты,
Какъ я побѣжала, рѣзвяся,
За бабочкой пёстрой въ кусты...

Пора наступила иная,
И боль загорѣлася вновь...
Боюсь я признаться, родная,
Что жалитъ мнѣ сердце любовь!

Но тѣмъ-же и этой порою
Ты можешь меня изцѣлить:
Холодной могильной землёю
На-вѣки мнѣ сердце покрыть.

XXIX.

* *
*

Когда въ высокія минуты бытія
Внимаетъ умъ сердечнымъ убѣжденьямъ,
И открывается всему душа моя,
Восторженнымъ полна ясновидѣньемъ:
Тогда однимъ живущимъ существомъ
Я вижу міръ передъ собою,
И многое сливается въ одномъ,
И дышетъ общею душою;
Тогда бездушное живетъ подобно мнѣ,
И, кажется, ничто не жить не можетъ,
И вѣчно міръ растетъ въ своей веснѣ,
И ничего въ немъ время не изгложетъ...

XXX.

Мысль и дѣло.

Въ трудахъ уставшій и разбитый,
Душой задумчивой моей
Я слышу смѣхъ и лепетъ, слитый
Съ игрой безсмысленной дѣтей:
Я не горжусь тогда собою,
Что много мыслилъ я и жилъ,
И что извѣданное мною
Я въ душу кладомъ положилъ...
Нѣтъ, предо мной тогда малютка
Во всемъ величіи ростетъ,
И болтовня его, и шутка
Сокрытой мыслію цвѣтётъ.
Всё, что исполнилъ я, блѣднѣло

Предъ этой дѣтской простотой:
Я—ограниченное дѣло,
Онъ—мысль съ безбрежной широтой,
Всего зародышъ и начало...
Еще грядетъ его пора:—
Таитъ онъ сѣмя идеала,
Возможность счастья и добра.

XXXI.

* * *

...И поэтъ, когда онъ рождаетъ стихи, долженъ рождать ихъ въ радости: иначе, какъ онъ, болѣзненно возмущаясь самъ въ себѣ, могъ-бы очаровывать другихъ.
Эврипидъ въ „Просительницахъ“.

Не въ вёдро-ль тихое на ясной глади водъ
Рисуются деревъ прибережныхъ вершины
И солнцемъ облитóй небесъ лазурный сводъ,
И флаги малые и мачты-исполины:—
И не душѣ-ль моей, когда она чиста,
Спокойна и чужда смущенія и горя,
Доступна высшихъ чувствъ и мыслей красота,
Не въ ней-ли міръ рисуется, какъ въ морѣ?...

Что-жъ видно въ немъ, когда мятежный ураганъ
Изроетъ грудь его глубокими браздами,
Надъ зеркаломъ зыбей опустится туманъ,
И илъ смѣшается съ кипящими волнами:—
Какая-жъ мысль въ душѣ томящейся моей,
Иль чувство свѣтлое способны зародиться,
Среди болѣзненныхъ волненій и страстей
Какая истина въ ней можетъ отразиться!

XXXII.

Ночь и день.

Всё людей враждебной силой
Сторожитъ во тьмѣ ночной;
Ночь какою-то могилой
Тяготѣетъ надо мной.

Въ сердцѣ робость и сомнѣнья
Непонятныя живутъ,
И безумныя видѣнья —
Сонной мысли порожденья —
Въ немъ чудовищно растутъ...

И предъ нами, и за нами
Всё угрозами полно;
Намъ незримыми врагами
Всё вокругъ населено.

Разумъ спитъ тогда глубоко,
Силы чувствъ въ бреду больномъ:
Насъ тревожитъ шумъ потока,
Слышимъ въ вѣтрѣ голосъ Рока,
Ждемъ засады за кустомъ.

Мы, томяся заблужденьемъ,
Отъ невѣденья больны,
Будто тайнымъ навожденьемъ
Въ этотъ часъ ослѣплены.

То, что мы любили, зная,
Что намъ близко было днёмъ,
Одѣваетъ тѣнь ночная,
Душу слабую пугая,
Въ немъ скрывающимся зломъ...

Но какъ міру улыбнётся
Свѣтоносный Аполлонъ,
Въ нашихъ жилахъ разольётся
Благодатный утра сонъ...

И, облитые лучами,
Позабывши мракъ и тѣнь
Съ ихъ боязнью и мечтами,
Мы прозрѣвшими очами
Вожделѣнный встрѣтимъ день...

И съ природой стихъ привѣта
Принесетъ ему поэтъ:
«Люди созданы для свѣта
Людямъ сроденъ только свѣтъ!...

Трезвыхъ чувствъ и думы здравой
Въ блескѣ дня исполненъ духъ:
Въ немъ, далекъ отъ лжи лукавой,
Торжествуетъ величаво
Зоркій умъ и чуткій слухъ...

Здравствуй, день! среди сіянья
Бодро насъ къ труду зови,
Озаряя свѣтомъ знанья,
Правдой мысли и любви.»

XXXIII.

Міръ.

Небо глубокое,
Полное мглы голубой,
Полное звѣздъ золотыхъ!

Небо далёкое,
Весь я теряюсь душой
Въ безднахъ твоихъ!...

Свѣтомъ міровъ облитой,
Весь я природой объятъ, —
Волны со мной говорятъ,
Бури мнѣ пѣсни поютъ,
Травы цвѣтущія льютъ
Свой для меня ароматъ...
Слышу, какъ звѣзды текутъ,
Слышу, какъ ползаетъ гадъ...
Ты безконечна,
Жизнь міровая!
Стройная вѣчно,
Вѣчно младая
Въ тѣлѣ созданья
Мысль разлитая...

Смолкните-жъ, стоны страданья,
Жалобный вопль человѣка!
Нѣтъ въ мірозданіи горя:
Горе — то призракъ отъ вѣка
Созданный вольно тобой,
Гдѣ утонулъ ты, какъ въ морѣ,
Ложной носимый судьбой
И истомленный борьбой.

Слейся съ широкой природой,
Слейся душою и тѣломъ
Полной здоровья свободой,
Мыслью и дѣломъ...
Смертный!
Пойми, и прими
Жизнь горячо, но разумно,
Страсти больныя уйми, —
И перестанешь, въ сознаньи,
Во всеуслышанье, шумно
Плакать о мнимомъ страданьи,
Плакать, какъ плакалъ ты вѣчно
О преходящемъ, ничтожномъ,
Ложно блестящемъ конечномъ,
Иль на землѣ невозможномъ.

XXXIV.

Пѣсни міра.

Міръ Божій и простъ, и чудесенъ,
И много въ груди его пѣсенъ,
И вѣчная жизни весна
Въ нёмъ солнцемъ любви зажжена....

Я слышу, какъ страстныя розы
Свои мнѣ вечернія грёзы
Душистымъ дыханьемъ поютъ,
И будто свиданія ждутъ.

Я вижу въ разливѣ сіянья,
Серебреныхъ струнъ трепетанья:
Ихъ мѣсяцъ художникъ провелъ
Съ небесъ на мечтающій долъ;

Своею волшебной рукою
Онъ ихъ навязалъ предо мною
На горы, лѣса и цвѣты,
Играя на нихъ съ высоты; —

И утренній воздухъ пѣвучій,
Средь свѣжихъ, здоровыхъ созвучій,
Торжественной пѣснью плывётъ,
И къ бодрому дѣлу зовётъ....

Но пѣсню зналъ я иную,
Изъ сердца въ глаза пролитую,
Ту пѣсню, что льется изъ глазъ,
Какъ тайныя чары на насъ....

Въ ней чувства глубокаго сила
Игрою лучей говорила, —
И пѣсня нѣмая очей
Была мнѣ понятнѣй рѣчей:

И разомъ въ той пѣснѣ сказалось,
Чѣмъ сердце всю жизнь наполнялось, —
Открылись сокровища слёзъ
И мысли, и пламенныхъ грёзъ.

Ея озаренный душою,
Весь міръ, обновясь предо мною,
Казался мнѣ пѣсней одной,
Меня охватившей собой.

1854.

XXXV.

Подозрѣніе.

Что́ ты къ этой звѣздѣ привязалась
Всей довѣрчивой дѣтской душой!
Ты, очей не сводя, любовалась
До разсвѣта избранной звѣздой.

Въ простодушныхъ своихъ изліяньяхъ,
Я боюсь, — не сказала-ль ты ей
О моихъ откровенныхъ признаньяхъ,
О любви безразсудной моей...

И звѣзда твоя вѣрно болтлива:
Разговоръ ея льется въ лучахъ, —
И ей милъ нашъ ручей говорливый,
Порожденный снѣгами въ горахъ.

Про любовь — какъ гулялъ я съ тобою —
Прожурчалъ намъ недаромъ ручей,
Серебримый твоею звѣздою,
Ироническихъ много рѣчей.

1854.

XXXVI.

Свиданіе съ моремъ.

Я ребенкомъ разстался съ тобою;
Отъ тебя я далеко блуждалъ;
Проходили года̀ надо мною:
Я душой и годами мужалъ....
И средь радостей, думъ и страданья
Вспоминалъ тебя съ дѣтствомъ порой,
И какъ жаждалъ тогда я свиданья,
Вѣчно-шумное море, съ тобой!

Подъ твоею громадною властью
Я взлелѣянъ, повитъ и вскормлёнъ:
Я въ часъ бури взволнованъ былъ страстью,
Былъ покоемъ твоимъ усыпленъ;
Прояснялся я робкой душою
Передъ ясной твоей тишиной,
И склонялся во прахъ предъ тобою,
Когда спорило шумно съ грозой....

И вотъ наше свиданье настало:
На твоемъ берегу я стою,
И что̀ прежде меня волновало,
Не нисходитъ на душу мою,
И себя предъ тобой не узналъ я....
Я великъ и могучъ, я—иной,
Но всё темъ-же тебя увидалъ я.
Ты всё то-же, я выросъ душой,
Ты всё тожъ, какъ въ началѣ созданья,
Когда первый ты видѣло вѣкъ,
И младенцемъ безъ мысли и знанья
Поражонъ былъ тобой человѣкъ....

Я смѣюся надъ мощью твоею,
Я стопами топчу твою грудь,
И желѣзной рукою моею
Къ тебѣ въ сердце прорѣзалъ я путь.
Ты въ борьбѣ вѣковой отступило
Передъ зрѣющей мыслью моей,—
Такъ и ложь, и безумная сила
Ей уступятъ, склонясь передъ ней.

1848.

XXXVII.

Передъ бурей.

Горы висятъ надъ равнинами,
Зелень темнѣетъ луговъ;
Тамъ, между горъ, надъ долинами,
Тянется рать облаковъ.
Въ нашемъ покоѣ не слышенъ намъ
Грома далекій раскатъ,
Лишь на утесѣ возвышенномъ
Стаями чайки кричатъ....
Но изъ ущелій зіяющихъ
Ринется буря на насъ,
Въ сладкой тиши отдыхающихъ
Въ знойный полуденный часъ.
Все, что мы пòтомъ ли, кровію,
Мыслью добыли себѣ,
Съ нашей надеждой, любовію,
Сгибнетъ въ стихійной борьбѣ:
Вопли, проклятья, рыданія
Море собой заглушитъ,
Насъ и всѣ наши страданія
Сила въ ничто обратитъ....
Мало-ль такою-же силою
Стерто и дѣлъ, и умовъ,
Мало-ли ранѣней могилою
Вѣщихъ задавлено словъ!...
Этой же силой безумною
Люди являлись не разъ,
Славой увѣнчаны шумною,
Встрѣчены пѣсней отъ насъ....

1852.

XXXVIII.

Весенній гимнъ.

Сладко на солнцѣ дремлю я,
Слышу паденіе водъ,
И надо мною, ликуя,
Пташекъ поетъ хороводъ.
Легкое вѣтра дыханье
Всюду несетъ ароматъ,
Воздухъ исполненъ сіянья,
Пестрыя мушки жужжатъ.
Кудри деревъ разцвѣтаютъ
Роскошью бѣлыхъ цвѣтковъ,
Пчелы надъ ними летаютъ
Въ желтой пыли лепестковъ.
Чашей сребристой—лилѣя,
Жукъ изумрудомъ блеститъ;
Сѣть паутины, бѣлѣя,
Въ зелени темной виситъ.
Быстро по сучьямъ взбѣгаютъ
Ящерицъ рѣзвыхъ семьи,
И, шелестя, пропадаютъ, —
Будятъ меня въ забытьи....

Я подъ крыломъ у природы
Чистъ и безскорбенъ живу,
Полнъ первобытной свободы;
Все мнѣ какъ сонъ на яву.
Встрѣтилъ я душу родную,
Тщетно исканную мной,
Встрѣтилъ ее, отлитую

Въ образъ весны молодой....
Слился я съ нимъ, и не знаю: —
Въ воздухѣ-ль, въ сердцѣ-ль тепло?
И у себя не пытаю:
Въ небѣ, въ душѣ ли свѣтло?...

О, Міродержецъ! Отрадно
Стройность въ душѣ ощутить...
Дай же мнѣ долго и жадно
Жизни до дна не допить!

1852.

XXXIX.

Природѣ.

Я не скажу, природа, предъ тобою,
Что духомъ я, какъ мощью, одаренъ:
Ты женщина, — сильна ты надо мною,
И сердцемъ я покоренъ и влюбленъ!...

Чужда намъ власть,—и только между нами
Невольно цѣпь любви проведена:
Несусь къ тебѣ я страстными мечтами,
А ты ко мнѣ отзывчьями полна.

Румянецъ мой—отъ твоего лобзанья,
Въ моихъ глазахъ лучи твои горятъ,
Мнѣ грусть несутъ осеннихъ бурь стенанья,
И радуетъ весенній твой нарядъ.

Моей душѣ и чувству непонятно,
Что человѣкъ властитель надъ тобой....
Нѣтъ! Надо всѣмъ царишь ты всеобъятно
Чарующей своею красотой.

Такъ нѣкогда прекрасная Омфала
Героя шерсть заставила сновать,
И та рука веретено держала,
Что гидръ и львовъ привыкла поражать.

1854.

Современная дума.

Когда Твое царство, Спаситель,
Въ величьи съ небесъ низойдётъ
Въ юдольную нашу обитель,
И всюду блаженство прольётъ?...
Мы-сами его отдалили,
Желанное царство Христа,
И сколько мы зла совершили
Подъ чистой бронёю креста!
Для чувства корыстно-земного
Купались мы въ братней крови
Во имя Предвѣчнаго Слова,
Во имя Верховной Любви.
Мы слово Небесъ толковали
Въ угоду мірской суеты,
Потóмъ мы его осмѣяли...
Но благъ нескончаемо Ты,
И судъ Твой среди испытаній
Невидимо благо творитъ,
И въ воплѣ глубокихъ страданій
Намъ голосъ души говоритъ: —

Отъ знанья пришли мы къ сомнѣнью,
И раненой пали душой,
Мы знаньемъ дойдемъ къ примиренью,
И къ жизни родимся иной...
Тогда Твое царство, Спаситель,
Въ величьи съ небесъ низойдётъ
Въ юдольную нашу обитель,
И всюду блаженство прольётъ;
Всѣ люди тогда будутъ братья,
Довольные должной судьбой,
И мысли единой объятья
Всю землю обнимутъ собой...

1848.

II.

Человѣку.

Какъ высокó твое, о человѣкъ, призванье—
Отъ лика Божія на землю павшій свѣтъ!
Есть всё въ твоей душѣ, чѣмъ полно мірозданье,
Въ ней всё нашло себѣ созвучье и отвѣтъ.
Въ гармонію міровъ прозрѣлъ ты мысли окомъ,
И всё согрѣлъ своимъ ты внутреннимъ огнёмъ,
Исполненный, какъ міръ, ничтожнымъ и высокимъ,
Ты гордо примирилъ ихъ въ существѣ своёмъ.
И собираешь ты разбросанныя знанья,
И мудро связь даешь законамъ естества,
И всѣ твои могучія созданья
Просвѣтлены участьемъ Божества...
Но отчего, скажи, семьѣ твоихъ собратій
Чужда гармонія, объемлющая міръ?—
Средь разногласія желаній и проклятій
Свой жизненный вы празднуете пиръ...
И прочныхъ нѣтъ у васъ законовъ и свободы,
И вы враждуете, смиряя океанъ,
И, цѣлость находя въ безбрежіи природы,

Свой разбиваете общественный органъ.
За мысль незрѣлую, или за призракъ счастья
Вы расточительно пролить готовы кровь,
Твердя, что ко всему исполнены сострастья,
И что произвела всё сущее Любовь...

Смотри, какъ на небѣ течетъ порядокъ вѣчный,
Неизмѣняемо идетъ за вѣкомъ вѣкъ,
Единство царствуетъ въ природѣ безконечной: —
Въ одной твоей семьѣ смятенье, человѣкъ!

1848.

III.

Женщинѣ.

Какъ надъ тобою посмѣялась
Твоя жестокая судьба!
Какая жизнь въ удѣлъ досталась
Тебѣ, царица и раба!

Ты стала, средь мгновенной власти,
Мишурнымъ блескомъ облитóй,
Игрушкою нужды и страсти,
Не человѣкомъ, не женой...

И, на колѣняхъ предъ тобою,
Страдая, плача и любя,
Мужчина съ жаркою мольбою
Цѣпями путаетъ тебя.

Свое призванье ты забыла
Для грёзъ дремоты вѣковой,
И новая, живая сила
У міра отнята съ тобой.

Предъ всякой ложью и тщетою,
Какъ предъ кумиромъ пала ты,
И пустоцвѣтною красою
Взросла на почвѣ суеты.

Твое святое назначенье —
Нашъ геній изъ пелёнъ пріять.
Направить душу поколѣнья.
Отчизнѣ гражданъ воспитать...

И струнъ въ тебѣ сокрыто много:
Подъ райской музыкою ихъ
Намъ облегчилась-бы дорога
Въ тяжелыхъ странствіяхъ земныхъ.

Ты сердца чуткаго прозрѣньемъ
Тѣ правды можешь угадать,
Которыхъ намъ ни размышленьемъ,
Ни долгой жизнью не дознать...

Я вѣрю, что настанетъ время
Тебѣ вознесться межъ людей,
И сбросить вѣковое бремя
Съ судьбы таинственной своей, —

И новой мыслью, новой страстью,
Огнемъ, любовью, красотой
Подвинуть міръ въ путяхъ ко счастью,
И взволновать его застой.

1848.

IV.

Въ обществѣ.

Si mon vers est trop cru, si sa bouche est sans frein
C'est qu'il sonne aujourd'hui dans un siècle d'airain.
A. Barbier.

Смотрю, такъ важно и такъ чинно
Собранье пестрое шумитъ:
Одинъ о чемъ-то говоритъ,
И разговоръ заводитъ длинный,
Другой боится проронить
Его безсмысленное слово,
Всегда безсовѣстно готовый
И ложь, и глупость подтвердить.
Тамъ, остроумецъ неопасный,
Изъ самолюбья иль потѣхъ,
Почуя смѣхъ подобострастный,
Разитъ нещадно всё и всѣхъ...
Вотъ, лесть за чистую монету
Беретъ какой-то господинъ,
И акробатомъ по паркету
Несется свѣтскій паладинъ...
Случится-ль (рѣдкое явленье!)
О дѣльномъ разговоръ завесть, —
То слышишь въ немъ пустое пренье
Расхожихъ мнѣній, общихъ мѣстъ;
Иль рабъ по жизни и природѣ
Чужихъ желаній и страстей
Съ оглядкой бредитъ о свободѣ,
И споритъ шутовски о ней,
Межъ-тѣмъ, какъ отъ его рѣчей
За столикъ карточный проворно,
Гдѣ губятъ умъ и сердце вздорно,
Усѣлись злые игроки:
Имъ споръ безъ выгодъ не-съ-руки.
Когда-жъ, порой, на нашемъ вѣчѣ,
О злѣ насущномъ рѣчь зайдётъ, —
Какъ отъ чумы, отъ этой рѣчи,

Всякъ осторожно отойдётъ;
Иной, пожалуй, осмѣётъ
Того, кто мыслитъ благородно,
Того, кто чувствуетъ свободно,
Но скажетъ съ горечью, подъ-часъ,
То, что «не принято» у насъ...

Впередъ прошу я позволенья
О дамахъ что-нибудь сказать:
Вѣдь, ихъ вошло въ обыкновенье
Священнымъ чѣмъ-то почитать.
Онѣ танцуютъ иль болтаютъ,
Изъ-за снуровки терпятъ боль,
И въ человѣчествѣ играютъ
Нечеловѣческую роль...
Имъ чужды родина ихъ сына
И зло ея, и благодать,
И чуждо груди ихъ питать
Родною правдой гражданина,—
И силъ, чѣмъ полонъ нашъ народъ,
Версальскій умъ ихъ не поймётъ!
Въ средѣ обычнаго коснѣнья,
Имъ замѣнила просвѣщенье,
Законы долга и добра
Блестящей моды мишура...
И наше слово, наша лира
Имъ звукъ то грубый, то пустой,
Онѣ, съ забавной простотой,
Въ языкъ Мольера и Шекспира
Понятья дикія рядятъ,
И корчатъ Западъ не-въ-попадъ...
Еще-бъ сказалъ... но, нѣтъ, довольно!
И безъ того такъ сердцу больно.

Я вырваться отсюда радъ,
Куда сошлись какъ на парадъ,
Не изъ душевныхъ побужденій,
Не для взаимныхъ наслажденій,
Но чтобы выполнить обрядъ.

1845.

V.

Поэтамъ.

Le caractère de notre littérature au XIX siècle est polémique. Partout nous y trouvons la lutte et l'effort... Qu'est devenu cette naïveté féconde de l'artiste qui produit son œuvre sans vouloir en faire une démonstration, un plaidoyer, une attaque, une vengeance.

Lerminier.

Не расточайте имъ — сынамъ своекорыстья,
Ни вашихъ образовъ, ни вашихъ райскихъ сновъ:
Больного дерева они гнилые листья,
Растущаго безъ тѣни и плодовъ,

Что, соки лучшіе себѣ порабощая,
Питаться не даетъ побѣгамъ молодымъ,
Которыхъ въ будущемъ зоветъ судьба иная,
Несхожая стремленьями съ былымъ.

Предъ совѣстію ихъ предстаньте вы укоромъ,
Во всеоружіи разящаго стиха,
Клеймите цѣли ихъ презрѣньемъ и позоромъ,
Раскройте гной проказы и грѣха;

На погребальный ладъ настройте ваши лиры,
Благоухающій снимите свой вѣнецъ,
Одѣньтесь вретищемъ, — да дрогнутъ всѣ кумиры
И капище и нечестивый жрецъ,

Занѣ онъ предался лишь своему маммонѣ,
А долгъ гражданственный попралъ или забылъ,
И хитро, не ходя ни въ правдѣ, ни въ законѣ,
Онъ зло свое законностью прикрылъ...

Здѣсь всё ослѣплено безумной плоти силой,
А свѣтозарный духъ подавленъ иль забытъ;
И всё ихъ лучшее обманчиво и гнило,
А должный путь терновникомъ повитъ.

Здѣсь легкомысленно играютъ вѣщимъ словомъ,
И слова торжники врываются во храмъ:
Мы скверны старыя сокрыли въ храмѣ новомъ,
И рѣчь у всѣхъ не вторитъ ихъ дѣламъ.

На безобразіе, на «мерзость запустѣнья»
Личина красоты накинута у насъ;
Лишь себялюбія доступны намъ движенья,
Но доблести намъ не доступенъ гласъ...

На злато вѣсится продажно судъ неправый,
Онъ, лжи потворствуя, караетъ правоту,
И въ зло преобразить умѣетъ онъ лукаво
Прямой души порывъ и чистоту...

О, Боже! Имъ въ корысть и родины невзгода,
Всѣ испытанія, всѣ земскія бѣды,
Чтобъ нагло расхищать сокровища народа,
Его труда тяжелаго плоды...

Такъ не бросайте-жъ имъ цвѣтовъ воображенья,
Да ритмъ поэзіи не услаждаетъ ихъ: —
Достойны-ли того сыны ничтиженья,
Рабы своихъ желаній мелочныхъ!...

Но, обличая ихъ постыдныя дѣянья,
Врачуйте старый ядъ и въ духѣ, и въ крови:
Да разражается, какъ громъ негодованья,
Надъ ними ямбъ бичующей любви.

1856.

VI.

Ямбъ.

Средь невниманія, ничтожества, презрѣнья
Мой грустный путь извилисто лежитъ,
И заперъ я въ груди и силы и стремленья,
И мысль моя насильственно молчитъ,
Та мысль, что требуетъ такъ громко изліянья,
Что чувствуетъ всю правоту свою,
Чье принужденное могильное молчанье
Убило жизнь и молодость мою...
И оскорбленное отверженной любовью
Сгараетъ сердце собственнымъ огнёмъ,
И тщетно силится сорвать горячей кровью
Печать судьбы, лежащую на немъ...

Такъ мощная толпа караетъ безъ вниманья
Всѣхъ истиной проникнутыхъ сыновъ,
За то, что пылъ души и ясный свѣточъ знанья
Отторгли насъ отъ братьевъ и отцовъ,
За то, что любимъ мы — и въ горѣ отторженья
Отъ старческихъ преданій и путей —
Собратій, тлѣющихъ безъ жизни и движенья,
Сѣдинами гордящихся дѣтей;
За то, что мы давно и рано пережили,
Что впереди имъ должно пережить,
Что никогда, никакъ того мы не любили,
Чего они не могутъ не любить,
Что вѣрованья ихъ считаемъ суевѣрьемъ,
Ихъ счастіе несчастіемъ зовёмъ,
Что униженіемъ, иль мелкимъ лицемѣрьемъ
Мы отъ людей корысти не берёмъ...
И мы не облеклись въ виссонъ и въ багряницы,
И благъ себѣ купить мы не могли
Слезою слабаго и лептою вдовицы,
И жизни крестъ свободно понесли...

1848.

VII.

Нашъ Демонъ.

Насъ тайный Демонъ посѣтилъ:
Онъ въ насъ живетъ, играетъ нами,
И кажетъ только рядъ могилъ
Да змѣй сокрытыхъ подъ цвѣтами.
Влечетъ онъ смѣло насъ впередъ,
Не заронивъ на-мигъ сомнѣнья,
Но нашъ восторженный полётъ
Сжимаетъ гнётомъ охлажденья;
Поднявъ насъ думой съ высоты,
Ко праху дольнему низводитъ;
Въ лучахъ добра и красоты
Порой онъ призраки находитъ,
Порывы мысли и страстей
Клеймя иронiей своей...

Итакъ, въ безстрастьи скорозрѣломъ
Добьемъ мы свой остатокъ лѣтъ: —
Вѣдь, наша мысль не стала дѣломъ,
А въ нашемъ дѣлѣ мысли нѣтъ...
И невиновны мы нимало,
Познавъ тщету и ложь борьбы,
Что насъ прошедшее сковало
Въ орудье жалкое судьбы,
Что приневолены мы ею
Строенье старое вершить,
Съ кипучей юностью своею
Въ немъ столько силъ похоронить...
И вотъ — трудившись безъ охоты,
Насущный хлѣбъ спѣшимъ добыть,
Соснуть на отдыхѣ съ работы,
Потребы духа усыпить...

. . . . . .

Но вѣримъ мы, — сей Демонъ злой
Къ отцамъ ниспосланъ съ-колыбели,
Чтобъ дѣти здравою душой
Прямую жизнь уразумѣли.

1855.

VIII.

Поэту.

Горе глаголющимъ лукавое доброе и доброе лукавое, полагающимъ тму свѣтъ и свѣтъ тму.

Ісаія. V. — 20.

О, поэтъ! ты—совѣсть вѣка,
Лучшій сынъ земли родной,
Цвѣтъ роскошный человѣка,
Человѣкъ передовой.
Больно знать, что въ наше время
Пало сердце не одно,
Что глубоко порчи сѣмя
У людей вкоренено,
Что не вѣдаемъ добра мы...
Но, поэтъ, больнѣй того: —
Злу исходятъ ѳиміамы
Изъ кадила твоего!
Ложной силѣ, но могучей
И твоя летитъ хвала,
Что надъ міромъ новой тучей,
Скрывшей солнце, налегла...
О, когда и вдохновенье
Тьму сгущаетъ нашихъ дней, —
То не знаменье-ль паденья
Невозстаннаго людей!...
Въ прахъ спускаются презрѣнный
Свѣта горняго столпы
И вожди непосвященной,
Многонемощной толпы ..

Но воспрянь!... Твою лампаду
Прежнимъ пламенемъ зажги,
Упованье и отраду
Въ ней намъ свято береги;
Не склоняй къ кумирамъ слуха,
И по Богѣ поборай:
Ихъ грѣхи противу духа
Паче всѣхъ грѣховъ карай, —
Да звучитъ твой стихъ обронный,
Правды Божіей набатъ,
Въ пробужденье мысли сонной,
Въ кару жизни беззаконной,
На погибель всѣхъ неправдъ.

1855.

IX.

Битва.

(Октавы).

I.

Въ дни, когда я молодъ былъ душою,
Видѣлъ я, какъ старца изгоняли;
Вѣщій старецъ шелъ передъ толпою:
Люди грязью въ-слѣдъ ему бросали,
Поносили всякою хулою,
И крамольнымъ дерзко называли...
Вмѣстѣ вышелъ съ нимъ и я изъ града, —
Съ нимъ идти была моя отрада.

II.

Поля мысли доблестный оратай,
Жизни всю извѣдавшій науку!
Истинъ ты невѣдомыхъ глашатай...
Я сказалъ, — и подалъ старцу руку...

На пути я буду твой вожатый,
Раздѣлю съ тобой и трудъ, и муку,—
Лишь подай мнѣ знанья благостыню...
Я умолкъ,—и мы пошли въ пустыню.

III.

Солнце жгло палящими лучами,
И пески, и камни раскаляя;
Широко̀ ложилась степь предъ нами
Безъ деревъ, безъ былія, нагая...
Мертво всё, — и лишь подъ небесами
Легкихъ тучекъ соберется стая,
Да въ пыли увидишь слѣдъ звѣриный,
У кустовъ обвитыхъ паутиной...

IV.

Но встрѣчали мы въ степи порою
И оазисъ, путникамъ отрадный,
Съ деревцами и съ травой густою,
Гдѣ таился ручеёкъ прохладный
Серебристо-трепетной змѣёю;
И къ нему мы припадали жадно;
Намъ плоды смоковница бросала,
И главой привѣтно помавала.

V.

Но, воздавъ благодаренье Богу,
Подъ ночными въ звѣздахъ небесами
Мы опять пускалися въ дорогу,
Шли опять пустынными мѣстами;
Подвигаясь къ цѣли понемногу,
Мы брели сыпучими песками,
И въ концѣ синѣющейся дали
Въ облакахъ мы гору увидали.

VI.

Той горы достигли мы нескоро:
Всё она то будто отдалялась.
И совсѣмъ скрывалася отъ взора,
То опять намъ близкою казалась...
Вотъ, коснулись мы одежды бора,
Чѣмъ ея подошва покрывалась.
И, прошедъ уступы и стремнины,
Добрались мы до ея вершины...

VII.

И открылось зрѣлище предъ нами:
Крѣпкій городъ рати облегали,
И полки сшибалися съ полками;
Свѣтъ огня или сіянье стали
Затмѣвались дыма облаками;
Кони пыль копытами вздымали;
Ядеръ дождь и розсыпи картечи
Прорывались сквозь средину сѣчи.

VIII.

Съ грохотомъ сливались вопль и стоны,
Громъ сливался съ барабаннымъ боемъ.
Натискъ равный съ силой обороны
Неподвижнымъ оставался строемъ;
Но, въ штыки ударивъ, батальйоны
Напирали съ круками и воемъ,
И, въ бою смѣшавшись рукопашномъ,
Бились молча, но въ молчаньи страшномъ.

IX.

Черепа́ трещали и хрустѣли,
Прыскалъ мозгъ въ лицо бойцамъ и въ зрѣнье,

А штыки въ костяхъ груди звенѣли
Стыли руки въ мёртвомъ цѣпененьѣ.
И, уста кровавые шипѣли, —
И какъ длился этотъ пылъ смятенья,
Пронеслися ядры надъ бойцами,
Ихъ покрывши дымными клубами.

X.

Строй пѣхоты конница тѣснила,
Саблями и пиками блистая,
И ея торжествовала сила.
Пѣшія колонны размыкая;
Но опять недвижно, какъ могила,
Ихъ стѣна смыкалася живая...
Вдругъ нежданно тишина настала,
Будто горе новое вѣщала.

XI.

Средь нея раздался взрывъ гремучій:
То взлетѣло въ воздухъ укрѣпленье,
Поднялось громадной чорной тучей
При мгновенномъ блѣдномъ освѣщеньи,
Разсѣвая въ выси прахъ сыпучій,
Всё смѣшавъ въ губительномъ стремленьи:—
Брёвны, камни и песокъ, и снасти,
И людей разорванныхъ на части...

XII.

Но невольно отвратилъ я взоры, —
Имъ картина видѣлась другая:
Жители бѣжали скрыться въ горы,
Свой очагъ домашній покидая,
Гдѣ засѣли грабящіе воры,
Достоянье гражданъ расхищая;
А пожаръ тлетворный въ пепелища
Превращалъ родныя ихъ жилища.

XIII.

Волновалась даль смятеньемъ бѣга:
Конь скатился съ крутизны со вьюкомъ,
Опрокинулась съ дѣтьми телега;
Тамъ бредетъ, ведомый юнымъ внукомъ,
Старецъ съ бородой бѣлѣе снѣга,
Тамъ больной, послѣднимъ преданъ мукамъ,
На плечахъ у сына умираетъ,—
Потерявъ младенца, мать рыдаетъ.

XIV.

Смолкла битва. Кровь лилась ручьями,
Иль болотомъ стынувшимъ стояла:
Трупы въ ней чернѣли островами;
Эта кровь заразу испаряла;
Въ воздухѣ разлившись надъ войсками,
Ихъ незримымъ ядомъ напоила,
И, сгустившись въ смрадный паръ летучій,
Обагряла и на небѣ тучи.

XV.

Было дико павшихъ выраженье;
Ихъ уста синѣвшіе нѣмѣли
Въ страшныхъ корчахъ смертнаго томленья,
Иль глаза безсмысленно смотрѣли,
Выражая лишь одно забвенье,
И съ минутой каждою тускнѣли;
Запеклися раны иль зіяли,
И ихъ мухи стаей покрывали...

XVI.

Я гляжу,—и мнѣ подумать стыдно,
Что живемъ мы въ варварское время,

Что поруганъ человѣкъ обидно,
Что гніетъ напрасно духа сѣмя
Въ почвѣ жизни жалкой и постыдной,
И за племенемъ проходитъ племя,
Только землю удобряя тукомъ,
Чтобъ росла изъ дѣдовъ пища внукамъ.

XVII.

Что-жъ себѣ добыли мы вѣками?...
И къ чему нашъ опытъ, наше знанье?...
Таже тьма всё царствуетъ надъ нами,
Таже ложь — гласятъ бытописанья —
Лишь мѣнялась только съ временами,
И разладъ всё-тотъ-же и страданья...
Иль во-вѣкъ межъ нами невозможно
Воплощенье мысли непреложной!

XVIII.

Тутъ вѣщалъ свое мнѣ старецъ слово;
Слушалъ я съ отрадою нѣмою.
И во мнѣ зажглась надежда снова:
Будущность открылась предо мною,
Удаливъ всѣ горести былого,
Заслонивъ насущное собою, —
И безъ слёзъ смотрѣлъ я, и безъ страха,
Какъ во прахъ ложатся силы праха,

XIX.

Какъ свои своихъ не узнавая,
Въ роковомъ каравшемъ ослѣпленьи
Борятся, другъ друга истребляя,
И готовятъ міру обновленье,
Чтобы вспыхнула война другая —
Къ правдамъ жизни братское стремленье,—
Да подъ стягомъ духа и свободы
Съ тьмой и рокомъ въ бой пойдутъ народы.

XX.

Мысли громъ и мечъ труда и знанья
Покорятъ намъ счастіе земное,
И во прахъ низложатъ всѣ страданья,
Въ безпечальномъ и безкровномъ боѣ,
Новое построивъ жизни зданье,
Стройное, какъ зданье міровое, —
Да идемъ дорогою блаженства
Въ нескончанномъ полѣ совершенства.
1856

X.

Послѣ бала.

I.

Ты грустна по-утру послѣ бала·
Недовольствомъ волнуется грудь,
И головка склонилась устало
Отъ безплодныхъ тревогъ отдохнуть...
А вчера тебѣ было отрадно
Въ ароматахъ, въ сіяньи, въ цвѣтахъ,
И оркестру внимала ты жадно,
Разлетаясь въ привольныхъ кругахъ...
Хорошо тебѣ, весело было, —
Хоть на-мигъ ты о многомъ забыла.

II.

О, грусти, о, тоскуй надъ собой,
И оплачь свою жизнь молодую,
Что мы рано родились съ тобой,
Что предчувствуемъ жизнь мы иную...

Для любви вопіющей своей
Мы, любя, не паходимъ предмета;
Когда свѣтъ есть «пустыня людей», —
Чего ждать намъ отъ этого свѣта;
Когда жить у насъ значитъ страдать,—
Намъ въ насущномъ чего ожидать!

III.

Самъ придумавъ для жизни оковы,
Человѣкъ себя спуталъ, связалъ,
И всѣ ложныя жизни основы
Укрѣплялъ, сохранялъ, подтверждалъ;
Простоту ея спрятавъ глубоко,
Всё живое обрядомъ убивъ,
Онъ въ семействѣ людей одинокій,
И любви прирожденный порывъ,
И природы могучей воззванья
Заглушаетъ въ-угоду преданья...

IV.

И возможно-ль намъ думать съ тобой
О довольствѣ, покоѣ, о счастьѣ!
Мы покоемъ назвали застой,
А довольствомъ дрему иль безстрастье...
Но въ прямое ты счастіе вѣрь,
Что порой намъ мелькаетъ мгновеньемъ;
Открываемъ ко благу мы дверь
Нашимъ горемъ другимъ поколѣньямъ...
Подожди, подожди, подожди:
Золотые вѣка впереди!

1849.

XI.

Поколѣнію.

Какъ распялъ ветхій міръ Божественное слово,
И въ человѣкѣ былъ людьми непризнанъ Богъ:—
О, дѣти лучшіе колѣна молодого,
И васъ межъ ближними никто признать не могъ!...

И братья, и отцы, живущіе преданьемъ,
Въ себѣ убивши мысль отъ юношескихъ лѣтъ,
За благо воздаютъ вамъ тягостнымъ страданьемъ,
И равнодушіемъ вамъ платятъ за привѣтъ.

Отъ застарѣлыхъ узъ имъ отрѣшиться больно
Какъ псу, привыкшему на привязи ходить,
Который уязвитъ, въ безсмыслiи, невольно
Того, ктобъ захотѣлъ его освободить....

Мужайтесь! Пусть зовутъ они крамолой злою
Порывы страстные возвышенной любви,
И называютъ мысль—ребяческой мечтою,
А пылъ сердечныхъ чувствъ—волненіемъ въ крови.

Пусть, какъ Апостолу, въ минуту истомленья,
Въ минуту слабости, вамъ пѣтелъ пропоётъ:
Раскаянья слеза вамъ будетъ въ облегченье,
И къ новымъ подвигамъ васъ мощно воззовётъ,—

И ваши тайныя невидимыя слёзы
Польютъ сокрытыя блаженства сѣмена;
Для міра выростутъ изъ вашихъ терній розы,
И ваша мысль всплыветъ неглѣнна и ясна.

1848.

XII.

Пѣсня Прометея.

Я любимое чадо природы,
Я опасный соперникъ боговъ,—
И за даръ благодатной свободы
Я поспорить съ богами готовъ.

Говорятъ,—широко мірозданье,
Человѣкъ-же ничтоженъ и малъ:
Но гордись человѣка названьемъ
Ты, кто мыслилъ, любилъ и страдалъ...
И пустыней какой безъисходной
Безъ тебя показался-бы міръ,
И какой красотою безплодной
Пламенѣлъ-бы лучистый эѳиръ,
И безсмысленной, грустной громадой
Въ его свѣтѣ земля-бы плыла,
И тогда-бы она не отрадой,
Но укоромъ Зевесу была...

Говорятъ, что пространствомъ и силой
Незамѣтно ты въ мірѣ закрытъ,
Говорятъ, что ты скованъ могилой
И нуждой, какъ младенецъ, повитъ...
Но настанутъ вѣка золотые:
Ты ихъ мыслью своей призовёшь,
И добра сѣмена дорогія
Своей кровью обильно польёшь,
И всѣ силы души и природы
Покоришь себѣ, новый Зевесъ,
Создашь новое солнце свободы;
И два солнца засвѣтятъ съ небесъ.

1848.

XIII.

Современная Вакхическая пѣсня.

I.

Въ нашемъ духѣ много воли,
Сердце пламени полно...
Мы желаемъ лучшей доли,—
Лучшей доли не дано!...

II.

И исторія отъ вѣка
Не цѣпямъ ли обрекла
И свободу человѣка,
И высокія дѣла?

III.

Что земля намъ обѣщаетъ!
Путь земной тяжелъ и пустъ,—
И невольно вылетаетъ
Стихъ проклятія изъ устъ...

IV.

Въ насъ подрыто утѣшенье,
Что намъ небо суждено:
Небо, полное сомнѣнья
Безотвѣтно и темно....

V.

Исчезаютъ, какъ мечтанья,
Какъ предъутренняя тьма,
Нашей вѣры упованья
Въ свѣтѣ шаткаго ума.

VI.

Но земля, хоть на мгновенье,
Всё-жъ красою расцвѣла
Для неправдъ и наслажденья
Торжествующаго зла.

VII.

Мы гнушалися порокомъ,
Страстны къ доблестнымъ дѣламъ;
О прекрасномъ и высокомъ
За скамьей твердили намъ...

VIII.

Жизнь высокаго не знала,
Школьныхъ истинъ не взлюбивъ,
И съ насмѣшкой насъ карала
За одинъ къ нему порывъ.

IX.

Измельчали мы постыдно;
Чувство правое губя,
Ложнымъ холодомъ обидно
Мы клевещемъ на себя...

X.

Евы розовыя дѣти!
Въ вашей страсти нѣтъ любви:
Все въ ней призракъ, бредъ иль сѣти,
Прихоть жизни, жаръ въ крови.....

XI.

Грустно!.... Пусть не раздаётся
Пѣсня скорбная моя:
Нашимъ пѣснямъ посмѣётся
Внуковъ юная семья.

XII.

Пусть въ туманѣ опьяненья
Голова моя горитъ...
Жажду я самозабвенья,—
Лучъ блаженства въ немъ сокрытъ.

1843.

XIV.

Признаніе пророка.

Я шелъ тернистою дорогой
На тяжкомъ жизненномъ пути
Съ сумою странника убогой,—
И было трудно мнѣ идти...
Пріотдохнуть я сѣлъ, усталый,
На каменистой крутизнѣ,
И всё, что горькаго бывало,
Что сердце больно уязвляло
Невольно вспомнилося мнѣ.
Путемъ израненый колючимъ,
На язвы ногъ больныхъ смотрѣлъ,
То голодомъ, то жаждой мучимъ,
Пустыню дикую я зрѣлъ...
Но поднялъ взоръ... изъ отдаленья
Меня роскошный городъ звалъ.
Свой блескъ, красу и наслажденья,
Всѣ лёгкой жизни обольщенья
Мнѣ, изумленному, казалъ,
И гласъ таинственный шепталъ:—

«О, презри подвигъ горделивый,
Оставь сомнительный твой путь,
Мечтанья юности кичливой

Ты, искусившись, позабудь...
Повѣрь,—иная есть дорога,
И всё тамъ ясно впереди,
На ней цвѣтовъ роскошныхъ много:
По ней, чуждаясь мысли строгой,
Своекорыстно ты иди...»

Душой я долго колебался,
Въ раздумьи долго я стоялъ,
Но обольщеньямъ не поддался,
И прежній посохъ въ руку взялъ,
И вышелъ твёрдою стопою...

Отъиди, льстивый Сатана!
Мнѣ доля высшая судьбою
Въ вѣнцѣ терновомъ суждена...
И миртъ, и роза молодая,
Прохладою благоухая,
Мой путь угрюмый обовьютъ:
По немъ, меня благословляя,
Другіе радостно пойдутъ...

1845.

XV.

Солнцу.

(Памяти Кн. А. И. М.)

О, горячее сердце вселенной!
О, истокъ всеобъятной любви!
Умоляю душой умиленной:
Человѣка ты къ ней воззови...

И своей непреложной любовью
Обличи его, солнце, тогда,

Что не духомъ онъ любитъ, а кровью,
И что онъ не любилъ никогда...

Но ты, солнце, въ любви неизмѣнно:
Оттого-то и ясенъ твой свѣтъ,
Оттого ты въ срединѣ вселенной,
Оттого тебя славитъ поэтъ!

И, равно согрѣвая лучами
Облачкò и червя, и цвѣты,
Ты блюдешь, будто матерь, надъ нами,
И насъ любишь нелюбящихъ ты.

Проникая отъ выси эѳира
И до безднъ преисподнихъ земли,
Озари ты мнѣ истины міра,
И мнѣ душу мою просвѣтли!

Для всего твои блага безмѣрны...
Я молю изъязвленной душой:
Дай сознать мнѣ душевныя скверны,
Дай младенческій сердцу покой!...

Нѣтъ! Ко счастью и къ лону покоя,
И къ всезнанью меня не зови...
Дай мнѣ высшее благо иное:—
Научи меня только любви!

1853.

XVI.

Свѣтъ.

Свѣтлая ночь замѣнила
Ясный безоблачный день:
Всѣ загорѣлись свѣтила, —
Въ роскоши свѣта теряется тѣнь...
Царство гармоніи вѣчной,
Разума всюду черты,
Жизни размѣръ безконечный,
Неувядаемый ликъ красоты —
Міръ и его совершенства
Просятся въ душу мою...
Что́-жъ я далекъ отъ блаженства?
Что́-же я грустныя пѣсни пою?...

О, міродержецъ! Такъ долго и много
Съ тьмою духовною боремся мы,
Жизни во мракѣ запала дорога,
Всѣ наши грустныя пѣсни отъ тьмы.

Щедрую долю духовнаго свѣта
Каждому смертному ты ниспошли:
Будутъ и радостны пѣсни поэта,
Будутъ и счастливы дѣти земли...

1852.

XVII.

Иронія.

Не гляди на него простодушно,
Прямотою сердечной любя:
Свѣтъ, повѣрьямъ отжившимъ послушный,
Оклевещетъ безумно тебя!

Онъ давно ужъ и хилъ, и увѣченъ,
Какъ больной и брюзгливый старикъ,
Но презрѣньемъ еще не отмѣченъ,
И опасенъ еще его крикъ...

Схорони-жъ благородныя чувства
Отъ насмѣшливыхъ взоровъ людей,
Какъ художникъ созданья искусства
Отъ непризванныхъ прячетъ судей.

Притворись, если хочешь счастливо
Ты въ семействѣ людей погостить:
Будь, обдумавъ, рѣзва и стыдлива,
И умѣй по разсчету любить.

Не высказывай чувствъ треволненья,
Но, послушное сердце скрѣпя,
Подавляй ихъ въ началѣ рожденья, —
И, повѣрь, не осудятъ тебя!

1843.

XVIII.

Будущее.

(Посв. М. П. К.)

Мучимый жаждой отъ зноя,
Странникъ въ пустынѣ блуждалъ,
Тщетно оазисъ покоя
Взоромъ усталымъ искалъ...
Вотъ, у себя подъ ногами
Видитъ онъ: — легкимъ стеблёмъ,
Мелкими зелень листками
Чуть вознеслась надъ пескомъ;
Возлѣ нея полосою
Мокрый песокъ пролегалъ.
Долго съ отрадой нѣмою
Путникъ предъ нею стоялъ...
Годы пройдутъ,—разростётся
Зелень въ широкую сѣнь,
Свѣтлый ручей разольётся:
Будетъ вода здѣсь и тѣнь....

Други! отрите-же слёзы,
Въ сердцѣ убейте печаль:
Міру эдемскія розы
Кажетъ грядущаго даль!...
Вѣрьте, — намъ счастье отъ вѣка
Въ думѣ Творца суждено;
Время и мысль человѣка
Скажутъ, гдѣ скрыто оно.
Бѣдны для насъ наслажденья,
Счастье возможно какъ мигъ:
Вѣрьте-жъ,—такое мг овенье
Будетъ вся жизнь для другихъ!

1849.

XIX.

Путешествіе въ Грецію.

Въ слезахъ любви на жребій свой ропщу я:
Мнѣ не сойдти въ Пиреѣ съ корабля...
Нѣтъ, никогда тебя не посѣщу я,
Любимая души моей земля!

Мнѣ не слыхать, какъ море вѣчно стонетъ
Надъ вѣчною могилою твоей;
Мой жадный взоръ, покоясь, не потонетъ
Въ разливѣ горъ и голубыхъ зыбей.

Гдѣ плещется бушующая влага,
И говоритъ о лучшихъ временахъ,
Я не склонюсь на мраморъ саркофага —
Величія почіющаго прахъ...

Истокъ живой и колыбель искусства,
Откуда свѣтъ познанія возникъ,
Гдѣ облеклось въ прекрасный образъ чувство
И истина нашла себѣ языкъ!

О, еслибъ вѣтръ, съ земли Гиперборейской
Къ тебѣ летя на крыльяхъ снѣговыхъ,
Могъ передать на пристани Пирейской
Глубокій стонъ и капли слёзъ моихъ...

Да изольютъ они передъ тобою
Тѣ жалобы, ту скорбь души моей,
Что увлеклось неправою стезёю
Заблудшее искусство нашихъ дней.

Приковано къ вседневности безцвѣтной
Оно рукой непризванныхъ жрецовъ,
И движетъ ихъ не идеалъ завѣтный,
Случайности и времени рабовъ...

И взглядомъ ихъ искажена природа,
Иль кажетъ имъ недолжное она;
Въ нёмъ клевета на жизнь и духъ народа,—
Болѣзнь творцовъ въ твореніяхъ видна...

И дальше дня они не прозрѣваютъ,
Текущаго предъ ними безъ слѣда,
И ложь его, и мелочь возраждаютъ
Въ созданіи гніющаго плода...

А кто ихъ путь оставилъ безобразный,
Какъ истый жрецъ предсталъ предъ Красотой, —
То тѣшится надъ нимъ невѣжда праздный,
И приговоръ свой пишетъ площадной.

1853.

XX.

Пѣсня вѣка.

Гибнетъ чувство мое одинокое
Безотзывно, бездольно, безродно! —
Впереди пустота-лишь глубокая...
Наша мысль высока, но безплодна.

Обреклись мы глядѣть на мученія,
На неправды семейства людского,
Не подавши руки облегченія,
Не сказавъ ему вѣщаго слова;

Между-тѣмъ, какъ гніетъ подъ преданіемъ
Неразумная жизнь человѣка;
Обновясь только новымъ страданіемъ,
Она въ вѣкъ переходитъ изъ вѣка.

Переполнены силою страстною,
Пожираемы жадно любовью,
Истомимся мы жертвой напрасною,
За людей не прольемся мы кровью...

Не волнуйся-жъ, душа многодумная,
И въ безгрёзной дремотѣ разлейся!
Замолчи, мое сердце безумное,
Замолчи навсегда... иль разбейся!

1848.

XXI.

* * *

Когда давно съ Креста изречено прощенье, —
Роптать-ли намъ, и мстить своимъ врагамъ?
Грѣхи ужъ приняли съ Голгоѳы отпущенье,
И ихъ судить не намъ, и ихъ карать не намъ...
Зачѣмъ, не снисходя къ врагамъ, ихъ ненавидѣть,
Когда они не знаютъ, что̀ творятъ...
О, братья! не дерзнемъ мы никого обидѣть,
И объ одной любви уста пусть говорятъ...
Повѣрьте, въ злѣ своемъ тѣ люди не виновны, —
За тѣмъ что человѣкъ несовершенъ душой;
Они въ томъ праведны, въ чемъ много мы грѣховны,
Отпустимъ-же грѣхи взаимно межъ собой...
Съ невольнымъ зломъ людей, о, примиритесь, братья!
Еще во тьмѣ и въ дѣтствѣ человѣкъ:
Созрѣетъ мыслью онъ, и примутъ насъ въ объятья
Добро, любовь и миръ на нескончанный вѣкъ;
И райскіе плоды Божественнаго знанья
Всѣмъ поровну раздѣлятся тогда;
Блаженство дастся всѣмъ и никому — страданье...
Настанетъ царствіе желанное Христа.

1848.

XXII.

Желанье.

Чуждо совершенства
Нашей жизни зданье:
Цѣль ея — блаженство,
А она — страданье.

Всё въ ней пропадаетъ,
Всё, что такъ прекрасно,
Только зло всплываетъ
Въ наготѣ ужасной.

Въ этомъ звучномъ морѣ
Сроднаго нѣтъ звука;
Въ сонъ исходитъ горе,
Страсти вторитъ мука.

Счастьемъ не согрѣта
Ни одна минута,
Мысли нѣтъ привѣта,
Чувству нѣтъ пріюта...

Пусть-же хрупкой чашей
Эта ложь прольётся: —
Хаосъ жизни нашей
Въ стройность разовьётся.

1848.

XXIII.

Миньйонѣ.

Порой въ томленьи изнеможетъ
Душа скорбящая моя,
Сознавши то, что сердце гложетъ,
Чѣмъ отравленъ, чѣмъ боленъ я—
Пороки, горе, нестроенье
Семьи враждующей людей
И слѣпоту, и извращенье
Любимой братіи моей;
Когда устану—чадо вѣка—
Хаосъ житейскій созерцать,
Слѣдить въ прошедшемъ человѣка,
По немъ о будущемъ гадать,—
Нежданно райское мгновенье
Меня крыломъ пріосѣнитъ,
Прольетъ мнѣ въ душу обновленье,
И новымъ свѣтомъ озаритъ:
Клонюсь я отъ борьбы жестокой,
Какъ въ лоно свѣжее зыбей,
Къ груди подруги свѣтлоокой,
Малютки розовой моей...
И мнѣ опять, какъ въ дни былые,
Средь обаянья красоты,
Картины видятся иныя,
Иныя грезятся мечты.
Вся полнота любви всемірной
Въ ея очахъ проведена,
И простотою жизни мирной
Такъ свято теплится она,
Что я люблю, но не страдаю:
У вѣщихъ звѣздъ ея очей
Я лучъ грядущій уловляю
И вѣру въ будущность людей.
Ея слезы безгрѣшной влага
Смываетъ мысль о всякомъ злѣ...
Я жду и стройности, и блага,
Когда любовь есть на землѣ.

1854.

XXIV.

Слово юношѣ.

Пока ты юнъ,—и рѣчью правой
Твои украшены уста,
И чистъ твой помыслъ нелукавый —
А въ немъ Добро и Красота...
Потомъ, при мысли примиренья
Съ необходимымъ жизни зломъ,
Ты ограничишь ихъ значенье,
Съ наукой опыта знакомъ.
Ты въ рядъ войдешь своекорыстныхъ —
Небратій братіи твоей,
И позабудешь раны присныхъ
И участь будущихъ людей...

Но знай впередъ, что примиренье,
Какъ сна исполненная тьма,
Коснѣть заставитъ поколѣнье
Во имя здраваго ума,
И стань на-вѣкъ подъ стягъ благого
Противу ложнаго всего,—
И да прозябнетъ это слово
На нивѣ сердца твоего.

1856.

XXV.

Оправданіе.

Нашъ вѣкъ и наше поколѣнье
Безмолвно сносять клевету
Незаслуженнаго презрѣнья
И громкихъ браней пустоту.
Оно безмолвствуетъ, но знаетъ,
Что мысль живая скрыта въ нёмъ,
Что насъ потомство оправдаетъ
Своимъ торжественнымъ судомъ;
Что судъ не видитъ современный
Ни слёзъ подавленныхъ, ни мукъ,
Ни мысли съ болью сокровенной,
Ни скованныхъ судьбою рукъ...

Но мы къ блаженству возрожденья
Ступеней нужною легли,
Чтобъ міра тяжкія движенья
По ней вперёдъ отъ нестроенья
Къ грядущей стройности пошли...
И ту ступень, гдѣ отряхали,
Не замѣчая, прахъ отъ ногъ,
Когда во храмъ по ней вступали,
Превыше звѣздъ поставитъ Богъ.

1848.

XXVI.

Болѣзнь.

(н. д. х.)

Мы счастливы не будемъ никогда,
И нѣтъ въ душѣ у насъ задатковъ счастья,
Всегда больной, исполненной всегда
Тревогъ и думъ, вопросовъ и участья!

Чтобъ въ нашу мысль и въ сердце не зайти,
Предъ нами ничего не идетъ мимо...
Намъ тяжело на жизненномъ пути,—
Страдаемъ мы невѣдомо, незримо...

И счастіе возможно-ли, друзья,
Провидящимъ денницу идеала,
Тѣмъ, чья душа въ пустынѣ бытія
Тоской любви напрасно изнывала...

И грустно намъ за тысячи людей,
Въ невѣжествѣ погрязшихъ безъ сознанья,
Усвоившихъ, въ недвижности своей,
Потребность тьмы, неволи и страданья...

Подавлены издревле въ насъ судьбой
Духовныя сокровища и силы;
Мы брошены, какъ богатырь живой,
Въ глубокій склепъ удушливой могилы.

Для лучшаго намъ время не пришло,
А то, что есть толпѣ необходимо, —
Твердитъ нашъ умъ... но сердцу тяжело:
Законность зла ему невыносима!

И помнимъ мы въ веселіи бесѣдъ,
На ложѣ нѣгъ, довольства, пресыщеній,
Что въ каждый мигъ свершилось столько бѣдъ,
Пролито слёзъ, извѣдано мученій!...

Нѣтъ! счастливъ я не буду никогда.
Недугомъ я томительнымъ болѣю...
Мы всѣ больны, и гаснемъ безъ слѣда
Съ любовію непрошенной своею.

Въ нашъ ранній вѣкъ, и безотрадный вѣкъ
Съ той истиной пора-бы примириться,
Что въ немъ здоровъ пустой лишь человѣкъ,
И боленъ всякъ, кто мыслью просвѣтлится.

XXVII.

Поэтъ.

На служеніе мысли высокой,
На служеніе правды я взросъ:
Но кинжалъ ея спряталъ глубоко
Между вѣткою миртовъ и розъ...

И, въ рукѣ съ этой вѣткой душистой,
Какъ Гармодій, я въ міръ выхожу, —
Красотой ея мирной и чистой
Я неправду и зло поражу.

Эта битва безъ крови и гнѣва, —
Наслажденіемъ дышетъ она:
Ей причастны и старецъ, и дѣва,
И младенецъ, и мужъ и жена.

Тѣмъ велико твое назначенье
Между братій, поэтъ-гражданинъ,
Что безъ терній свое поученье
Насадить ты способенъ одинъ!

И ты каждое дѣло и чувство
Обреки на добро и осмысль...
Твоя вѣтка — созданье искусства,
А кинжалъ твой — правдивая мысль.

1852.

XXVIII.

Смерть весны.

Появилась она, разцвѣтая,
И въ разцвѣтѣ своемъ умерла...
Ты блаженна, весна молодая:
Послѣ юности ты не жила!

Похоронную пѣснь тебѣ страстно
Соловей, твой любовникъ, пропѣлъ,
И оставилъ онъ все безучастно:
Онъ со смертью твоей отлетѣлъ;—

И роса, какъ прощальныя слёзы,
Трепетала на злакахъ полей,—
А въ тотъ мигъ перволѣтнія розы
Зацвѣли на могилѣ твоей....

Горячо поколѣніе наше
Позавидуетъ смерти такой:
Сопричастны мы жизненной чашѣ
Только юности пылкой порой...

Намъ бы тоже угаснуть съ весною,
Намъ и жить только можно въ веснѣ:
Вѣдь за нею обычной чредою
Потекутъ наши дни въ полуснѣ.

Не для насъ эти доблести лѣта
И высокія цѣли трудовъ!
Къ намъ и осень придетъ безъ привѣта,
Безъ вѣнка, безъ кошницы плодовъ.

Намъ грядущая доля извѣстна;
Наша кровь никому не нужна,
Да и жертва за мысль неумѣстна,
Да и ранняя доблесть вредна....

Умереть бы намъ, други, весною:
Ничего не осталось для насъ,
Кромѣ сказанныхъ съ жолчью больною,
Отрицанья исполненныхъ фразъ.

1859.

XXIX.

Бальныя грезы.

(октавы.)

(Посвящено А. Ѳ. К.)

I.

Всегда я лишній гость на вашемъ свѣтскомъ балѣ,
И тьмою кажется мнѣ вашъ блестящій свѣтъ....
Давно гремѣлъ оркестръ въ благоуханной залѣ,
Облитой блескомъ люстръ, брильянтовъ, эполетъ.
Лишь я да милая моя не раздѣляли
Веселья общаго: у насъ былъ свой предметъ,
Свой теплый разговоръ, исполненный отрады,
И невниманію другихъ мы были рады....

II.

Но я разстался съ ней: она увлечена
Паркетнымъ рыцаремъ, смѣшалася съ толпою;
Ей несочувствуя, она была одна,
Остался я одинъ въ бесѣдѣ самъ съ собою.
Мелькая предо мной, скрывалася она...
Изъ залы вышелъ я съ холодною тоскою;
Покоевъ и гостей минуя длинный строй,
Вошелъ я, наконецъ, въ незанятый покой....

III.

Въ окно широкое передо мной открыты
Ряды роскошныхъ дачъ, средь зелени садовъ,
Лучами мѣсяца таинственно облиты,
А городской погостъ мнѣ кажетъ лѣсъ крестовъ;
У мраморовъ гробницъ березы да ракиты,
Какъ тѣни легкія встающихъ мертвецовъ...
Мой взоръ задумчивый на немъ остановился,
И нечувствительно я въ грёзы погрузился.

IV.

Въ могилѣ я лежу, забросанный землей,
Забытый, какъ и всѣ, незнаемый своими,
Проносится метель свободно надо мной,
И вѣтеръ споръ ведетъ съ березами моими....
Невыносимъ мнѣ мой безжизненный покой:
Я вышелъ бы страдать съ собратьями живыми,
И имъ завидовать, смотря на ихъ борьбу,
На вѣковѣчную тяжолую судьбу.

V.

Морозно и темно въ могилѣ безотвѣтной, —
А тамъ, въ палатахъ пиръ и музыка гремитъ,
Часы въ веселіи проходятъ незамѣтно,
И жизни диѳирамбъ торжественно звучитъ;
Ведется разговоръ съ улыбкою привѣтной, —

И старость съ юностью, какъ юность говоритъ....
Зачѣмъ я не живу, зачѣмъ теперь не съ ними,
Зачѣмъ не слышенъ я межъ братьями моими.

VI.

Тамъ милая моя, цвѣтущая красой,
Плѣняетъ музыкой рѣчей своихъ другого,
О прошломъ говоритъ съ сердечной полнотой,
Но обо мнѣ одномъ въ поминѣ нѣтъ ни слова....
Иль, можетъ быть, она, осеннею порой,
Колѣни преклонивъ у праха дорогого,
Слезой животворитъ могильный мой цвѣтокъ...
О, еслибъ я тогда откликнуться ей могъ!

VII.

И всѣ завѣтныя души моей стремленья,
О чемъ я только смѣлъ когда-то помечтать,
Нежданно облеклись въ вѣнецъ осуществленья,
Что вануло въ мой вѣкъ, о чемъ я могъ страдать,
То будетъ, укрѣпясь въ роскошномъ обновленьѣ,
Свои плоды другимъ обильно расточать...
А я не чувствую, а я въ могилѣ тлѣю.
И ихъ привѣтствовать я силы не имѣю!

VIII.

И эти образы, мелькнувши предо мной,
Уже заслонены картиною иною —
Невѣждъ безсмысленныхъ сіяющей толпой,
Ласкаемыхъ въ нашъ вѣкъ ихъ старческой судьбою, —
А разумъ съ знаніемъ и силой молодой
Во прахъ повержены подъ дряхлой ихъ стопою,
И задыхается въ вертепахъ нищеты
Все полное надеждъ, добра и красоты.

IX.

Я вижу, въ этотъ часъ, прозрѣвшими глазами
Чѣмъ перлы куплены красавицъ молодыхъ:
Мнѣ кажутся они застывшими слезами,

Пролитыми въ трудахъ работавшихъ на нихъ.
Вы освѣтили пиръ свой яркими огнями,
Отнявъ послѣдній свѣтъ у слабыхъ и меньшихъ,
И въ каждомъ музыки ласкающемъ мотивѣ
Я слышу скрипъ серпа и плачъ дѣтей на нивѣ.

X.

Своекорыстіемъ всё дышетъ и живетъ.
Всякъ, заблужденіемъ обманутъ, веселится,
Проматывая жизнь, какой-то жизни ждетъ....
О, если-бы я могъ нежданно къ нимъ явиться,
Чтобъ ихъ веселіе нарушилъ мой приходъ,
Чтобъ истиной могилъ съ живыми подѣлиться,
Отъ сердца скорбнаго съ одними говорить,
Другихъ насмѣшкою презрительной язвить....

XI.

Нѣтъ! Наслаждайтесь всѣ въ своемъ житейскомъ пирѣ,
Есть счастье и въ трудѣ, и въ мысли, и въ борьбѣ,
Вездѣ разлита жизнь въ прекрасномъ вашемъ мірѣ,
И тайна скрытая отъ васъ въ моей судьбѣ
Вамъ не откроется ни въ помыслахъ, ни въ лирѣ,
Я вашего сюда не захватилъ себѣ, —
И даже зависть къ вамъ меня не утѣшаетъ,
Что васъ ликующихъ мой жребій ожидаетъ.

XII.

И много я грустилъ, и долго я мечталъ,
А время за́-полночь тянулось полусонно,
И шумно, какъ всегда, оканчивался балъ.
Мнѣ вѣяло въ лицо прохладой благовонной;
Звукъ бальной музыки въ покой мой долеталъ,
Но онъ звучалъ какъ маршъ печально-похоронный
Тому, кто чувствуетъ и мыслію живётъ,
Чей рвется къ доблестямъ окованный полётъ.

1856.

XXX.

Тосты.

«Пьемъ мы за истину, доблесть и знанье,
За человѣка святое призванье....
Пей же:—твой кубокъ заздравный готовъ»...
— Нѣтъ! я не выпью изъ кубка рабовъ!....
«Пьемъ за надежды свои молодыя
И за преданія славы родныя....
Пей же: твой кубокъ заздравный готовъ»....
— Нѣтъ! я не выпью изъ кубка рабовъ!...
«За красоту, за любовь и за благо
Да напоитъ насъ отрадная влага...
Пей же: твой кубокъ заздравный готовъ».
— Нѣтъ! я не выпью изъ кубка рабовъ.
«Знаемъ,—рабы твою жизнь отравляли,
Знаемъ,—рабы твою пѣснь оскорбляли....
Пей хоть на гибель презрѣнныхъ враговъ».
— Нѣтъ! я не выпью изъ кубка рабовъ!
Духу съ закваскою рабства гнилого
Только возможны лишь чувство да слово:
Дѣла бѣжитъ онъ какъ новыхъ оковъ....
Нѣтъ! я не выпью изъ кубка рабовъ,
Всѣ мы рабы своей личности бѣдной;
Съ поля сойдемъ мы безъ пальмы побѣдной:
Всякъ отступить предъ собою готовъ....
Нѣтъ! я не выпью изъ кубка рабовъ!

1855.

НОВОГРЕЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Пѣсни, какъ проявленіе внутренней и внѣшней жизни народа, еще не вступившаго на извѣстную ступень образованности, еще не достигшаго извѣстной степени духовнаго развитія, рождаются въ его, такъ сказать, эпическую пору и въ началѣ его сознанія во время стремленія къ самобытности, къ гражданственности.

Предтечею самосознанія народа бываетъ проявленіе матеріальной силы его — богатырское, геройское время, предметъ пѣсней и преданій народныхъ; это время пѣсней болѣе звучныхъ, проникнутыхъ чувствомъ народнаго Я.

Греція, въ концѣ среднихъ и въ началѣ новыхъ вѣковъ, сохранявшая промышленный духъ древнихъ своихъ республикъ и увлеченная примѣромъ сосѣдки-Италіи, вдалась въ торговлю и промышленность всякаго рода, почитая совершенно невозможнымъ дѣло возстановленія своей самобытности. Жители-же горъ Эпира, Этоліи, Акарнаніи, Фокиды, Локриды, Віотіи и Лаконіи, защищенные природою, возбуждаемые силою неукротимаго характера, не покорялись совершенно туркамъ; но эта свобода была безсознательна, свобода характера, заключеннаго въ тѣсное поприще, впрочемъ хранившая въ себѣ сѣмена возстанія Греціи. Во время постепеннаго упадка силы турокъ, и жители городовъ и жители острововъ, *напольные жители,* начали оду-

шевляться духомъ горцевъ-клефтовъ, содѣйствуя имъ тайно денежными средствами или возставая иногда открыто, за что жестоко наказывалъ ихъ Диванъ лишеніемъ имѣній, сожженіемъ родныхъ городовъ и селеній, и — они погружались время до времени въ бездѣйствіе. Уничиженные, изгнанные такимъ образомъ, опальные напольные греки удалялись отъ мщенія турокъ или въ горы клефтовъ, или за перешеекъ Морейскій, гдѣ, вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, основались города: Миссолунги, Галазади, Каларитъ и нѣкоторые другіе. Въ это время совершилось повсемѣстное возстаніе въ Греціи и созрѣвали сѣмена политической самобытности греческаго народа.

Отъ конца среднихъ вѣковъ и нѣсколько прежде этого времени до 30-хъ годовъ текущаго столѣтія, т.-е. періода боренія безпорядочныхъ началъ нынѣшней самостоятельной гражданственности Греціи въ началѣ сознанія греческаго народа, во время удальства и наконецъ войны Клефтовъ и Арматоловъ, возраждались новогреческія народныя, собственно клефтическія и героическія пѣсни.

У древнихъ грековъ, также кромѣ народныхъ поэмъ, драмъ и одъ (Гомера, Аристофана, Софокла, Анакреона и другихъ), существовали собственно народныя пѣсни Схоліи*), которыя пѣлись на разные случаи и во время народныхъ праздниковъ и обрядовъ. У древнихъ, пастухи пѣли одни пѣсни, жнецы, ткачи, производители шерстяныхъ издѣлій, дѣвушки, женщины, разныхъ классовъ и состояній, пѣли своего рода пѣсни.

Во время политическаго упадка Эллады, ученые любители греческой словесности толпились у трона Пто-

*) По свидѣтельству Плутарха, Артемона, Дицеарха и нѣкоторыхъ другихъ.

ломеевъ, презирая простонародныя пѣсни свои, презирая клонящихся къ упадку соотечественниковъ, собирали, приводили въ связь рапсодіи Гомера, поставляли на сцену произведенія греческихъ драматурговъ, распѣвали оды Пиндара, Анакреона и другихъ поэтовъ и, казалось, вдали отъ родины забыли обычаи и пѣсни народныя, увлекаясь обычаями новаго отечества. Греческіе ученые удалились во время смутъ Эллады въ Римъ, по покореніи ея Римомъ, гдѣ становились учителями народа римскаго, передавая ему свою философію и языкъ свой, который имѣлъ то же значеніе въ Римѣ, что французскій въ современной Европѣ. Ученые греческіе, увлекаясь обычаями Рима, изъ подобострастія къ сильному народу ихъ пріютившему, забыли родные праздники, преданія, повѣрья, обряды, забавы народныя, слѣдовательно и пѣсни. Они проповѣдывали тамъ своихъ книжныхъ поэтовъ, отъ которыхъ имѣли хлѣбъ насущный. Притомъ, и тогдашнія философскія ученія препятствовали имъ изученію отечественной народности, и еслибъ не Аѳеней и нѣкоторые другіе изъ позднѣйшихъ писателей древности, мы не знали-бы даже, существовали ли у грековъ простонародныя пѣсни. Время шло. Владычество римлянъ имѣло вліяніе на преобразованіе политическаго быта Эллады: народъ старался перенимать обычаи римлянъ, старался подобострастно угождать своимъ властителямъ. При упадкѣ римлянъ, вторженіе варваровъ - славянъ имѣло тоже вліяніе на характеръ народности греческой. Впослѣдствіи, Грецiя, составляя часть Восточной Римской Имперіи, заняла отъ нея много новыхъ стихій въ свою народность; она даже стыдилась называться Греціею, а греки — греками, что̀ видно изъ слѣдующей фразы, употребляемой и нынѣ въ разговорѣ: „*говоришь-*

ли ты по-римски", т.-е. по-гречески. Вторженіе и поселеніе въ Греціи разноплеменныхъ восточныхъ и западныхъ славянъ имѣло сильное вліяніе на забвеніе греками эллинской старины своей, на жизнь ихъ и отчасти на языкъ. Крестовые походы, торговыя республики Италіи, французы *) и наконецъ мусульмане, преимущественно турки, пересоздали бытъ Греціи и характеръ ея народности. Турки имѣли бо̀льшее вліяніе на грековъ, чѣмъ европейцы; начертаніе нотъ для пѣнія греки заимствовали у сильныхъ и просвѣщенныхъ тогда аравитянъ, которое и походитъ на еврейское или арабское письмо. Мотивъ аравійскій, имѣющій нѣкоторое сродство съ греческимъ, слушаемый ежедневно въ церквахъ, привился и къ народнымъ пѣснямъ; но эти заимствованія освѣщены неугасающимъ огнемъ ихъ народности, какъ духовной личности поколѣнія. Въ продолженіе вѣковъ, съ политическими переворотами Греціи измѣнялись и формы устнаго языка (впрочемъ и всегда отличавшагося отъ языка книжнаго, что̀ происходило не только въ народѣ, но и въ языкѣ произведеній византійскихъ писателей въ разныхъ родахъ.)

Изъ этихъ разнородныхъ стихій, связанныхъ въ одно цѣлое цементомъ древней Эллады, составилась современная намъ греческая народность. Въ народной поэзіи грековъ мы не видимъ такъ много чертъ древняго эллинскаго духа, какъ видѣли нѣкоторые французы и нѣмцы, писавшіе объ этомъ предметѣ; но, впрочемъ, и не совершенно отрицаемъ въ ней древнее начало, и въ жизни горцевъ — жизнь древнихъ.

Сказавъ нѣсколько необходимыхъ словъ о происхожденіи народности нынѣшнихъ грековъ, обратимся къ *Новогреческимъ пѣснямъ*.

*) Смотр. «La Grèce, par Buchon.»

Въ Греціи, какъ и у насъ, издаются такъ-называемые *„Пѣсенники“*; они большею частію также неудовлетворительны, какъ и наши, потому-что издаются людьми недальнаго ученія, только для денежныхъ выгодъ. Въ этихъ „Пѣсенникахъ“ пѣсни простонародныя перемѣшаны съ пѣснями ученыхъ, какъ выражаются греки,— стихотворцевъ, и произведенія этихъ людей предпочитаются собственно-народнымъ пѣснямъ почти всѣми сословіями народа въ Греціи. Я имѣю цѣль написать не трактатъ о новогреческихъ пѣсняхъ, а познакомить своихъ читателей только *съ содержаніемъ* ихъ, что можетъ дать нѣкоторымъ образомъ понятіе о греческой народной словесности; слѣдовательно, и о внутренней и внѣшней жизни греческаго народа. По „Пѣсеннику“ изданному въ 1837 году въ Навпліи подъ названіемъ: «ΑΣΜΑΤΑ διαφόρων ποιητῶν, ἡρωικά, κλεφτικά, ἐρωτικά και τὰ βακχικά και Ἀντιβακχικά», я расположилъ статью свою, выбирая изъ него пѣсни или чисто народныя или недавно сдѣлавшіяся народными, прибавивъ къ нимъ нѣсколько семейныхъ и обрядныхъ пѣсней, непомѣщенныхъ въ « ΑΣΜΑΤΑ », или заимствованныхъ мною изъ другихъ сборниковъ греческихъ пѣсней, иногда даже изъ переводовъ.

Издатель «ΑΣΜΑΤΑ» раздѣляетъ свой сборникъ на пѣсни Героическія (ἡρωικά), Клефтическія (κλεφτικά), Эротическія (ἐρωτικά) и Вакхическія съ Антивакхическими, (βακχικά και Ἀντιβακχικά), каковой порядокъ сохраненъ въ статьѣ моей, къ которому я прибавилъ только обрядныя и семейныя пѣсни, состоящія изъ Мирологовъ, изъ пѣсни на новый годъ, свадебной, весенникъ, колыбельныхъ пѣсенъ и пѣсенъ, взятыхъ изъ народныхъ повѣрій.

I. ГЕРОИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Есть два рода героическихъ пѣсенъ. Первый родъ—пѣсни возбудительныя къ возстанію для освобожденія Греціи. Онѣ сочинялись за нѣсколько лѣтъ до возстанія, извѣстнымъ патріотомъ, ученымъ и поэтомъ Ригасомъ и нѣкоторыми другими патріотами, и распространялись обществомъ Гетеріи, которое составилось въ то время для сборовъ капитала и оружія, какъ средствъ къ открытію войны. Члены этого общества таились во всѣхъ концахъ Греціи, въ Анатоліи, на островахъ и въ самомъ Константинополѣ. Героическія пѣсни наполнены воспоминаніемъ о древней славѣ Греціи, о великихъ предкахъ... Въ каждой почти пѣснѣ вы встрѣтите имена: Геркулеса, Пелопида, Ѳемистокла, Ахиллеса и прочія. Нынѣшніе греки тамъ не иначе величаются, какъ чадами Геркулеса и Эллинами; кромѣ того, найдете въ пѣсняхъ Ригасовыхъ: Зевса, Аполлона, Музъ, Харитъ, Гомера, Софокла, и весь народъ греческій восхищается этими пѣснями, и поётъ ихъ, начиная отъ солдата до полководца, отъ матроса до адмирала, отъ земледѣльца до купца. Не оттого - ли героическія пѣсни сдѣлались народными, что въ греческомъ характерѣ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ врожденная гордость; не оттого - ли, что греки всѣхъ классовъ и состояній знаютъ исторію славы своей?... Ожесточеніе противъ турокъ, пробужденный духъ народа, тёплый растворъ сердца, когда оно принимаетъ и навсегда вкореняетъ въ себѣ всѣ впечатлѣнія, періодъ юношескаго увлеченія народа, а главное, страстное стремленіе къ возрожденію народной и государственной самостоятельности своего любимаго отечества, сіяющаго безсмертною славой прошедшаго: вотъ причины, отчего

греки приняли горячо новыя пѣсни, приняли ихъ, какъ свои старыя, задушевныя думы. Притомъ-же ни одинъ народъ, можетъ быть, не владѣетъ такими политическими способностями и призваніемъ, какъ современные греки. Они, какъ-бы вопреки исторіи, разомъ перешли отъ рабства къ свободѣ, отъ всесторонняго деспотизма турокъ къ конституціонному образу правленія, до чего всѣ другіе народы постепенно добивались вѣками и кровью.

Относительно формы, нѣкоторыя изъ этихъ пѣсней расположены въ родѣ древнихъ, съ одою, эподомъ и пареподомъ. Бо́льшая часть изъ нихъ написаны двухстопными и трехстопными стихами, съ различною, довольно игривою разстановкою ріемъ. Въ нѣкоторыхъ два стиха, отличающіеся какою-либо заманчивою мыслію, силою чувства и рѣзкостію выраженія, повторяются въ концѣ каждой строфы. Постоянно возвышенный тонъ проникаетъ все цѣлое героической пѣсни, что́, впрочемъ, переходитъ иногда въ высокопарность и витіеватость. Древнія книжныя греческія слова, понятныя всякому изъ грековъ, испещряютъ эти произведенія и придаютъ имъ въ воображеніи народа нѣкоторую возвышенность, что нравится грекамъ, помнящимъ своихъ праотцевъ и гордящимся ихъ языкомъ и поэзіею. Они написаны большею частію нашимъ тоническимъ стихомъ и музыка ихъ болѣе другихъ пѣсенъ сходна съ европейскою.

Другой родъ героическихъ пѣсенъ, чисто-эпическаго содержанія, въ родѣ малороссійскихъ думъ, но ниже ихъ относительно художественнаго достоинства. Предметы повѣствованія въ этихъ пѣсняхъ: взятіе крѣпостей греками во время возстанія, осады турками крѣпостей, занятыхъ греками, доблести греческихъ воиновъ и полководцевъ. Онѣ походятъ болѣе на реляціи о

военныхъ дѣйствіяхъ, чѣмъ на пѣсни. По героическимъ пѣснямъ, расположеннымъ по порядку воспѣваемыхъ ими происшествій, можно читать исторію возстанія Греціи, какъ сказаніе самовидца, впрочемъ не всегда безпристрастнаго. Духъ древнихъ не оставилъ и новыхъ грековъ: у нихъ всякое произшествіе бо́льшей или меньшей политической значительности,—предметъ пѣсни народной; у нихъ, какъ у древнихъ, всѣ проявленія жизни удостоиваются къ возсозданію искусствомъ.

По формѣ, этотъ родъ героическихъ пѣсенъ подходитъ къ чисто-простонароднымъ греческимъ пѣснямъ, и вѣроятно бо́льшая часть ихъ сложена воинами, участвовавшими въ описываемой пѣснею битвѣ, или гражданами и пѣвцами того мѣста, гдѣ происходило дѣло. Стихъ ихъ длинный, тринадцати, четырнадцати и пятнадцати-сложный, и формою схожъ со стихомъ пѣсенъ клефтическихъ, заимствуя также отъ нихъ извѣстныя эпическія выраженія, сравненія и начало пѣсни.

Музыка этихъ, какъ и клефтическихъ пѣсенъ нѣкоторымъ образомъ, безъ мѣры и такта, не подходитъ вполнѣ подъ законы нашей музыки, и не можетъ быть выражена нашими нотами; она заунывна, протяжна, нестройна, какъ завываніе горнаго вѣтра въ ущельяхъ и пещерахъ горъ,—въ жилищахъ клефтовъ, съ его неправильною дикою гармоніею, неопредѣленною, но понятною внутреннему чувству, которое находитъ въ ней *какую-то* стройность. Впрочемъ, музыка семейныхъ и нѣкоторыхъ другихъ родовъ пѣсней, преимущественно морейскихъ и архипелажскихъ, совершенно можетъ быть выражена нотами европейской музыки.

Героическія пѣсни лирическаго содержанія, писанныя нашимъ размѣромъ, имѣютъ тактъ и, приближаясь къ европейскому мотиву, могутъ быть переложены на

наши ноты. Нѣкоторыя изъ нихъ сложены для музыки военныхъ маршей, впрочемъ, по мотивамъ, не похожимъ на европейскіе.

1.

«Дѣти Геркулеса! спѣшите, держа въ одной рукѣ мечъ, въ другой пламя, спѣшите сойтись вмѣстѣ; докажите, что племя Эллиновъ еще существуетъ!... Постройтесь въ ряды и съ суровымъ взоромъ пройдите стройно твердою стопою: — шумъ и пыль отъ вашихъ шаговъ могутъ обратить турокъ въ бѣгство.... Идріоты, Спеціоты и братья Ипсаріоты, да не покажется ни одинъ турокъ на вашемъ Архипелагѣ? Если кто изъ турокъ осмѣлится тамъ показаться, пусть будетъ ввергенъ въ бездну морскую.

2.

«Разъ свѣтлый фосфоръ ночи освѣщалъ шатры грековъ. Близъ нихъ, держа копье, пѣлъ молодой Пелопидъ. — Пріятные зефиры, скажите моей милой Греціи: — для славы твоей, родина, брожу я здѣсь на полѣ битвы, смотрю на блескъ непріятельскихъ костровъ и умолкаю отъ душевнаго волненія. Ночь — годъ. Грекъ, полный жизни, поетъ облокотившись на копье: — для славы твоей, родина, брожу я здѣсь на полѣ битвы, смотрю на блескъ непріятельскихъ шатровъ и умолкаю отъ душевнаго волненія. Солнце благопріятно битвѣ. Завтра день храбрости. — Если умру я у своего копья за свободу, за родину — опять полетите, пріятные зефиры, и скажите милой Элладѣ: — для славы твоей, родина, для славы твоей я умеръ на полѣ битвы.....»

3.

«Есть добродѣтель — любить отечество, родившее великаго мужа Ѳемистокла, которому удивлялся весь міръ, сѣверъ и югъ. Будемъ подражать ему въ добродѣтели и мужествѣ, славномъ и похвальномъ. Поспѣши къ намъ Ѳемистоклъ, ты увидишь, какъ въ войскѣ нашемъ празднуютъ Музы, какъ нѣкогда праздновали онѣ на Парнасѣ. Онѣ на веселыхъ праздникахъ прославляютъ отечественное мужество и твои доблести.... Да здравствуютъ дѣти Эллады! — этого желаетъ все наше поколѣніе, этого желаетъ и тѣнь Ѳемистокла.»

4.

«За поясомъ мечъ мой, конь подо мною:—чего же мнѣ больше желать! Выстрѣливъ изъ ружья, я не забочусь, что̀ готовитъ мнѣ *судьба*. Захоти она, чтобъ въ этотъ мигъ пуля убила меня — я не буду пенять на неё; что завтра? — тоже мнѣ нужды мало, и тѣмъ я буду доволенъ. — Когда настанутъ труды боевые, загремятъ пушки, — я пою себѣ беззаботно. — Крѣпясь, проживу препятствія міра и самый міръ есть мой, и я его. — На мягкой-ли постелѣ, или мчась на скакунѣ по полю битвы, я всегда смѣюсь.— Не плачь, милая красавица, сердце мое и тамъ, за горами, не будетъ не занято: тамъ гдѣ лежитъ путь мой, всегда и вездѣ я найду любящихъ красавицъ.... слышу, труба сзываетъ насъ: — мечъ мой рвется изъ ноженъ..... Конь мой! впередъ!—Когда пули посыпятся дождемъ и кровь польется рѣкою, — кто меня удержитъ?! — Тогда, какъ засвищетъ пуля, назначенная мнѣ, — я, смѣясь, встрѣчу её, и какъ жилъ весело, весело и умру.....»

5.

«Кривой мой, острый мой мечъ, ружьё, пламенный другъ мой. Вы турокъ поражали, вы злодѣевъ уничтожали для освобожденія родины...

Да здравствуетъ мой мечъ!

Мечъ мой, когда ты звучишь, когда гремишь ты, доброе ружье мое, когда валятся турецкіе трупы и турки завопятъ *Аллахъ*,—вотъ моя музыка!....

Да здравствуетъ мой мечъ!

Въ тотъ часъ, какъ на небѣ сверкаетъ молнія, грохочутъ громы, льетъ ливнемъ дождь, реветъ буря, я хожу по стремнинамъ, я взбираюсь на горы для возстановленія отечества ...

Да здравствуетъ мой мечъ!

За свободу родины, за вѣру Христа я сражаюсь, и дышу этими священными чувствами: — И, если не достигну этого — что мнѣ въ жизни!—часъ насталъ! Труба гремитъ: я отъ радости прыгаю, кровь во мнѣ кипитъ..... *Пафъ-пафъ, дзинь-дзинь* начинаютъ слышаться, а я турокъ бью.... Да здравствуетъ мой мечъ!»

6. **Взятіе Триполицы.**

«День былъ дождливый, а ночь снѣжная, когда двинулся къ Триполицѣ Кямилъ-Бей. Ночью онъ осѣдлаетъ свою лошадь, ночью и подкуетъ её.—Дорогой онъ молитъ Бога и говоритъ: *Дай Богъ, чтобъ въ Триполицѣ засталъ я городскихъ старшинъ и архіереевъ; они взяли-бы на свою отвѣтственность гражданъ; не то въ городѣ подымутъ оружіе и соединятся съ клефтами!* — Пока онъ прибылъ, греки окружили крѣпость, стѣснили турокъ и отчаянно съ ними сражались. За укрѣпленіемъ взговорилъ Колокотрони Кямилъ-Бею: *сдайся намъ* (колокотронцамъ) — *и я дарую жизнь тебѣ, дѣтямъ твоимъ, харемамъ и всему роду твоему*.....

— *Съ радостію сдаемся вамъ, Грекамъ и Капетанамъ!*— сказалъ Кямилъ.... Но вдругъ Баши закричалъ изъ бастіона:— *Не сдадимся вамъ, гяуры, поганые греки: у насъ есть защита,—твердыя крѣпости. Падишахъ въ Стамбулѣ и его грозныя рати. Всякій турокъ изрубитъ васъ ятаганомъ по пяти, ружьемъ убьетъ по десяти, по пятнадцати конемъ вытопчетъ, изъ-за крѣпости вдвое болѣе того васъ уничтожитъ.*

— *Теперь-же узнаете, загремѣлъ Колокотрони, — греческія сабли и винтовки клефтовъ; увидите, какъ рѣжутся греки съ турками!*.....

«Было утро въ пятницу, лучше-бъ ему для турокъ не бывать, когда греки рѣшились напасть на крѣпость. Они, какъ орлы взвились, какъ коршуны налетѣли, и выстрѣлили изъ всѣхъ своихъ ружей. Тогда Колокотрони закричалъ своимъ изъ воротъ св. Георгія:—*Бросайте ружья, берите сабли, загоняйте турокъ, какъ овецъ!*

«Греки ихъ погнали и заперли въ крѣпости. Тутъ Кехайя сказалъ Колокотрони: *Рѣжь турокъ да и оставь кого-нибудь!*

— Что ты болтаешь, поганый турокъ, щадилъ-ли ты бѣдную Востицу *), когда рѣзалъ нашихъ родныхъ!...

*) *Востица* — городъ въ области Ахаія.

7. Пѣсня о Кямилъ-Беѣ.

«Взяли крѣпость, взяли цитадель, взяли Триполицу, славный городъ! На улицахъ плачутъ турчанки и дочери эмировъ, плачетъ и ханымъ [1]) бѣднаго Кямила:

— Гдѣ ты, что тебя не видно нигдѣ, мой ясный соколъ, мой пышный эффенди [2]), что былъ главой въ Мореѣ, знаменемъ въ Коринѳѣ, крѣпкой башней въ Триполицѣ!.... Нѣтъ тебя въ Коринѳѣ, нѣтъ въ твоихъ сераляхъ! Греческій монахъ зажегъ твои палаты. Тоскуютъ конюшни по лошадямъ, мечи плачутъ по агамъ [3]) своимъ, плачетъ и жена бѣднаго Кямила: онъ въ плѣнъ на рабство рабамъ своимъ достался.»

Греческое войско подъ предводительствомъ Колокотрони, Ипсиланти, Мавромихали и другихъ полководцевъ осадило Триполицу. Осажденные, терпя голодъ и пораженія, сдались. Греки ничѣмъ не могли насытить своего мщенія, заливая турецкою кровью пламя горящаго города. Между убитыми турками находился и Кямилъ-Бей коринѳскій, котораго прекраснымъ качествамъ души греки отдали полную справедливость, несмотря на фанатическое чувство ненависти къ туркамъ, волновавшее ихъ въ то время.

8. Навплія.

«Три турчанки сидѣли у воротъ Навплія, плакали и говорили: настало горькое время, къ намъ двинулись Клефты и Маніоты [4]) и — турки отъ нихъ заперлись въ крѣпостяхъ! Пусть

---

[1]) *Ханымъ*, — жена, госпожа.

[2]) *Эффенди* — господинъ.

[3]) *Ага* — чиновникъ, начальникъ, господинъ.

[4]) *Маніоты*, жители горъ округа Майны, что въ Лаконіи на югѣ Морейскаго полуострова, народъ воинственный, хищный, грубый, и неукротимый.

это горе наше раздѣлитъ и самъ султанъ; пусть бѣдствія наши падутъ на визиря.

— Зачѣмъ ты, Навплія, не веселишься, зачѣмъ не затѣваешь игръ?

— Съ какого благополучія мнѣ радоваться: съ берега бьетъ меня князь, съ моря Бубулина; пули дождемъ, бомбы градомъ сыплются на меня.

— Навплія, отдай намъ городскіе ключи! Навплія сдайся!

— Какъ мнѣ дать вамъ ключи, какъ мнѣ сдаться?—ко мнѣ идётъ вспомогательное войско: его семьдесятъ тысячъ, при немъ семь пашей. Войско идетъ защищать меня, жечь ваши города и селы, заставить плакать матерей вашихъ, опустошить Морею, вырѣзать клефтовъ, разсѣять маніотовъ, и тѣмъ обезопасить турокъ.....

— Навплія, отдай намъ ключи! Навплія, сдайся.... Ты отчаялась въ помощи.

— Какъ мнѣ отдать вамъ ключи, какъ сдаться? вѣдь я славна и знаменита; планъ мой имѣютъ въ Константинополѣ и въ Венеціи.

— Теперь 30 ноября, день св. Андрея. Христіане, что вы медлите,—войдите въ Навплію.

И Станкосъ съ паликарами какъ левъ вошелъ въ Навплію. Нынѣче Паламида[1]) для грековъ игрушка; Крѣпость[2]) и Паламида теперь греческія....»

9. Смерть Дьякона.

«Идетъ большая черная туча, какъ воронъ. Не Каливасъли это, не Левендояни-ли?... Нѣтъ, не Каливасъ и не Левендояни:— это идетъ Омеръ-Вріони съ восемьнадцатью тысячами турокъ.— Увидѣвъ это Дьяконъ разсердился и громко подозвалъ къ себѣ своего помощника.

— Собери паликаровъ моихъ, дай имъ пороху вволю, и пулей горстьми. Поспѣшимъ сойти къ Аламанѣ: — тамъ есть удобныя засады, тамъ сильныя укрѣпленія.

Взявъ сабли лёгкія и ружья тяжёлыя, они пришли къ Аламанѣ и заняли укрѣпленія.

---

[1]) *Паламида* — крѣпость на горѣ у Навпліи.

[2]) *Крѣпость* эта называется крѣпостію св. Ѳедора. Она возвышается на берегу Навплійской пристани.

— Мужайтесь, дѣти мои, укрѣпитесь духомъ, и твердо стойте, какъ греки.

Но паликары струсили и разсыпались по лѣсу. Остался Дьяконъ на полѣ съ восемнадцатью бойцами, въ огнѣ перестрѣлки. Три часа они сражались, но вдругъ у Дьякона лопнуло ружье и разсыпалось въ дребезги; онъ схватилъ мечъ и вновь на враговъ бросился, зарѣзалъ семь Булукъ-Башей[1]) и много, много турокъ.... Но и сабля его переломилась у рукоятки, и—Дьяконъ достался живымъ въ руки враговъ. Тутъ Омеръ-Врioни сказалъ ему на ухо:

— Перемѣнишь-ли ты вѣру Дьяконъ, сдѣлаешься-ли туркомъ и будешь-ли ходить на поклоненіе не въ церковь, а въ мечеть?

На эти слова съ яростью отвѣчалъ ему Дьяконъ:

— Пропадите вы съ своею презрѣнной вѣрой! Я грекомъ родился, я грекомъ и умру... А если хотите, даю вамъ тысячу золотыхъ и тысячу махмудье [2]), за шесть дней моей жизни, пока придутъ сюда Одиссей и Аѳанасій Вайя [3]).

Услышавъ эти слова Халилъ-Бей заплакалъ отъ злобы.

— Я тысячу кошельковъ [4]) даю вамъ и къ нимъ еще пятьсотъ прибавлю, только умертвите Дьякона, ужаснаго клефта: онъ опасенъ Турціи и Дивлету ея [5]).

Вдругъ турки схватили Дьякона, и бросили его на костеръ, но Дьяконъ смѣялся и ругался надъ мусульманской вѣрой.

— Поганые! хоть вы меня испекли на вертелѣ, но только однимъ грекомъ стало меньше.... Да здравствуютъ Одиссей и капетанъ Никита:—они уничтожатъ васъ и Дивлетъ вашъ!»

Дѣйствіе повѣствованія о Дьяконѣ происходитъ въ Левадіи, во время произведеннаго имъ первоначальнаго возстанія левадійскихъ грековъ. Омеръ-Врioни, нѣког-

---

[1]) *Булукъ-Баши* начальники отрядовъ.

[2]) *Махмудье* — монета султана Махмуда.

[3]) *Полководцы греческіе.*

[4]) Въ Турціи считаютъ количество монеты извѣстнымъ родомъ и величиною кошельковъ.

[5]) *Дивлетъ*—правительство; лексикологически значитъ: благополучіе.

да свирѣпый исполнитель злодѣйскихъ замысловъ Али-Паши, непримиримый врагъ Одиссея и Дьякона, соединясь за горою Пиндомъ съ войскомъ, выступившимъ изъ Эпира подъ предводительствомъ Мухаммеда, напалъ на Дьякона, занимавшаго позицію у Сперхіи съ пятьюстами ратниковъ. Греки отступили къ Аламанѣ, гдѣ противустали туркамъ подъ прикрытіемъ укрѣпленнаго моста, предполагая въ случаѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ отступить къ Термопильскимъ ущельямъ.

10. **Храбрый Йоргаки.**

«Многія матери грустятъ и утѣшаются, но мать Йорги печалится безъ утѣшенія. Сидитъ у окна, пристально смотритъ на поле, и видитъ, что въ горахъ чернѣютъ глыбы снѣга.

Чернаго Йорги окружили невѣрные Лалеи: ихъ было не мало: ихъ было около трехъ тысячъ, а Григорій одинъ съ двѣнадцатью палікарами.

Дервишъ-Арабъ взговорилъ изъ завала:

— Выйди сюда, Йорги, поклонись намъ, отдай оружіе!

— Я, Григорій, сынъ Яни! Я смогу отбиваться отъ васъ и съ 12-ю палікарами...

Тутъ Макропанагисъ закричалъ изъ-за-холма:

— Не переставай биться, Йорги: — я на помощь къ тебѣ приду съ двумя или тремя тысячами паликаровъ.

— Къ чему, дядя, два или три дня стоять мнѣ противъ нихъ безъ воды, безъ хлѣба, безъ помощи!... Кто скоръ на ногахъ? Кто съумѣетъ пройти въ Трикорфу *) сказать моей новобрачной Йоргинѣ, чтобъ она поспѣшила перемѣнить свое блестящее платье, чтобъ больше золотомъ себя не украшала...

И Йорги убили.»

Йоргина значитъ *жена Георгія*, такъ-какъ Лякина жена Ляко; у русскихъ тоже жена называется по мужу,— напримѣръ: Иваниха, и т. п.

*) *Трикорфу* — гора и сельцо близъ Триполицы.

II. КЛЕФТИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Слово *клефтъ* значитъ воръ *), но въ горныхъ частяхъ Греціи оно принимается въ значеніи слова *казакъ*. Во время владычества турокъ въ Греціи, только клефты и арматолы могли носить оружіе. Клефты, обитая въ горахъ и не признавая надъ собой никакой власти, носили его безъ всякихъ условій, арматолы-же, составляя родъ греческаго земскаго войска, — по условію съ турецкими и албанскимъ пашами. Названіе *Арматолъ* произошло отъ времени владѣнія венеціянъ надъ нѣкоторыми областями Мореи, что доказываетъ латино-итальянскій составъ сего слова (*arma* и *tollo*). Отъ береговъ Андара до Коринѳа, почти въ каждомъ значительномъ городѣ жилъ капетанъ арматоловъ со своими капетана́то (полкъ). Диванъ сначала не довѣрялъ управленія Эпиромъ албанцамъ, племени враждебному грекамъ, дабы предотвратить возмущенія; но видя, что и безъ того греки неспокойны, сталъ назначать съ 1740 года для управленія Эпиромъ пашей албанскихъ, которые назывались *Дервенджи-башами*, т.-е. *охранителями дорогъ* или собственно ущелій отъ клефтовъ, затруднявшихъ на пути административныя и торговыя сношенія турокъ съ Греціею. Капетаны арматоловъ и арматолы дѣлались агами или рядовыми въ полкахъ дервенджи-башей, впрочемъ большею частью держа сторону угнетаемыхъ грековъ. Капетанъ арматоловъ вслѣдствіе притѣсненій и несогласій съ дервенджи-башами бѣжалъ въ горы, дѣлался клефтомъ и былъ тамъ внѣ всякихъ условій съ турецкимъ правитель-

*) Κλέφτης, κλέπτης. По-турецки — *Хирсызъ* (разбойникъ).

ствомъ, не переставая тревожить его наѣздами, такъ вредными для албанцевъ, турокъ и даже для самыхъ городскихъ и сельскихъ грековъ, что было главнымъ предметомъ пропитанія клефтовъ. Живя грабежомъ, клефты, въ случаѣ необходимости, присылали въ какой-либо городъ или селеніе листъ, въ которомъ просили отъ жителей дани, или хлѣба; въ случаѣ-же отказа, они дѣлали нападенія на городъ или село, зажигали его, и вооруженною рукою отнявъ у жителей имущество, уходили въ горы, откуда только снѣгъ, разлившись весною въ стремительные потоки, сгонялъ ихъ въ степи. Это время было труднымъ для клефтовъ: они принуждены были открыто воевать съ неравною силою албанцевъ. Поселившись въ горахъ, они жестоко мстили албанцамъ за пораженія: жгли ихъ селы, угоняли въ горы скотъ, полонили ихъ пашей и беевъ, и только за непомѣрно-дорогой выкупъ отпускали ихъ. Клефты, жестоко муча плѣнныхъ албанцевъ, неистовыхъ враговъ своихъ, не могли насытиться местію; но съ плѣнными женщинами они обходились кротко и даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ, не считая доблестію мстить слабому полу. Клефты, не зная никакой тактики, болѣе наѣздничали, чѣмъ воевали, и постоянное удальство было единственною цѣлію ихъ жизни, повседневнымъ предметомъ ихъ разсказовъ и пѣсенъ. Они родились, жили и умирали въ шумѣ битвъ. Дѣти ихъ, обоего пола, съ семи лѣтъ постоянно носили оружіе. Посмотрите на атлетическія формы паликара (молодца, удальца), залитаго въ панцырь, обвѣшеннаго оружіемъ, и вы узнаете въ немъ Аякса Иліады; посмотрите, какъ клефтъ догоняетъ и опережаетъ на всемъ скаку бѣгущую лошадь, вы скажете, — это «быстроногій Ахиллесъ» древняго эпоса, это герой олимпійскихъ игрищъ. Постоянно дѣя-

тельная жизнь клефтовъ, частыя гимнастическія и военныя упражненія дали имъ въ высшей степени совершенное физическое образованіе. Капетанъ клефтовъ Нико-Царъ съ разбѣгу перепрыгивалъ чрезъ семь коней, поставленныхъ въ рядъ на извѣстное разстояніе. Искусство стрѣлянія доведено у клефтовъ до изумительнаго совершенства. Нѣкоторые изъ нихъ, выстрѣливъ въ кольцо, висящее на деревѣ на разстояніи 200 шаговъ, могутъ пропустить пулю въ кольцо, окружность котораго немного болѣе окружности пули. Жилища клефтовъ и поприще ихъ удальства, наѣздовъ и войнъ— горы Θессаліи, Эпира, Этоліи, Акарнаніи, Фокиды, Локриды, Левадіи и горы Майны, находящіяся на южной оконечности Мореи. Гора Олимпъ — ихъ важное, такъ сказать, ихъ столичное мѣсто.

Въ женщинахъ клефтохорій замѣтно разительное сходство съ древними спартанками, онѣ раздѣляютъ всѣ боевые труды мужей своихъ. Внѣшній характеръ дѣятельности мужчинъ и женщинъ почти одинъ и тотъ-же: то-же презрѣніе къ жизни, та-же любовь къ свободѣ и родинѣ, такой-же стоически-варварскій характеръ, содержащій въ себѣ много дикой «поэзіи». Убитый на войнѣ называется у нихъ *жертвою*, умершій естественною смертью,—*падалью*. Клефты при заздравномъ бокалѣ вина такъ привѣтствуютъ другъ друга: *будь здоровъ для доброй пули*. Клефтъ въ битвѣ, въ случаѣ необходимости, проситъ товарища, чтобъ онъ ему срубилъ голову, пока еще не успѣлъ срубить ее турокъ. Вотъ черты, ясно выражающія ихъ идею о жизни... И вся эта жизнь проявляется въ ихъ пѣсняхъ...

Музыка греческихъ пѣсенъ намъ, европейцамъ, кажется нескладною, однообразною и дикою, не оттого-ли, что жизнь, выраженная подобными звуками, совершенно

чужда намъ; не оттого-ли, что звуки чисто-особеннаго чувства этихъ пѣсней никогда не пробѣгали по струнамъ нашего сердца. Не оттого-ли мотивъ клефтическихъ пѣсенъ намъ кажется однообразнымъ, что наше внутреннее чувство не такъ тонко и привычно, чтобы замѣтить неуловимое для насъ разнообразіе въ однообразіи мотива греческаго, проникнутаго одною музыкальною идеею, какъ самая жизнь, выраженная въ этихъ пѣсняхъ, постоянно проникнута однимъ свойственнымъ ей чувствомъ.

Какъ у древнихъ, у нынѣшнихъ грековъ есть рапсодисты, это — старики, скитальцы, бродящіе изъ города въ городъ, изъ села въ село: всякій праздникъ, всякая ярмарка не обойдется безъ присутствія на нихъ рапсодистовъ. Содержаніе пѣсней преимущественно взято изъ жизни клефтовъ. Рапсодистовъ—два рода: одни поютъ только пѣсни старинныя и новыя, сложенныя другими, и знаютъ этихъ пѣсней множество; другіе тоже поютъ старинныя пѣсни и сами импровизируютъ новыя на всякое событіе. Импровизаціи одного изъ рапсодистовъ, Гавояни (слѣпого-Ивана), жившаго постоянно въ Θессаліи, у горы Киссава (Оссы), въ городкѣ Амбелакіи, отличаются своимъ поэтическимъ содержаніемъ и приняты народомъ, какъ достояніе духа народнаго.

Вотъ данныя, показывающія, что жизнь современныхъ грековъ, подобно какъ и у древнихъ, неразлучна съ искусствомъ, хоть далеко не въ такой степени. Совсѣмъ тѣмъ можно вооружиться противъ общаго невыгоднаго мнѣнія о греческой музыкѣ, которая не должна быть лишена художественнаго такта, сокровеннаго и непонятнаго безъ глубокаго изученія, которое, отдѣливъ отъ нея позднѣйшій азіатскій прививъ, можетъ-

быть, угадало-бы въ ней стихіи древней музыки, совершенно для насъ неизвѣстныя.

У клефтовъ нѣсколько болѣе въ извѣстномъ отношеніи сохранились остатки древней греческой народности, нежели у другихъ грековъ, потому что жилища клефтовъ — клефтохоріи, ограждены самою природою отъ сношенія съ иностранцами и недоступны завоевателямъ. Притомъ духъ самыхъ обитателей горъ, клефтовъ, вѣчно-враждебный, постоянно дѣятельный, хищный и дикій, никому не можетъ позволить очертить ему извѣстный кругъ дѣятельности и заключить его въ извѣстныя формы. *Бродячіе народы* среднихъ вѣковъ, крестоносцы и венеціане не имѣли на клефтовъ такого вліянія, какое они имѣли на напольныхъ жителей, которые переняли у нихъ формы общественности, духъ торговли, архитектуру и допустили въ языкъ свой итальянскія слова. Наприм. итальянское porta—дверь замѣнило древне греческое,—Θύρα. — Впрочемъ, успѣхи литературы въ современной Греціи совершенно очистили языкъ, сблизили его, сколько было можно, съ древнимъ языкомъ. Иностранецъ, знающій только одинъ древній греческій языкъ, легко можетъ читать современные греческіе журналы и книги, благодаря плодамъ благородныхъ усилій новогреческихъ ученыхъ и писателей.

Не такова, какъ напольныхъ грековъ, народность клефтовъ, сходная болѣе съ народностью славянъ (преимущественно сербовъ и черногорцевъ) и албанцевъ, которыхъ жизнь и обстоятельства были почти однѣ и тѣ же. Нѣкоторыя греческія пѣсни даже совершенно одинаковы по содержанію и по эпическимъ выраженіямъ съ пѣснями сербовъ.

1. Два брата.

«Купецъ сходилъ съ горы, ведя за собою двадцать семь муловъ. Вдругъ среди дороги напали на него клефты, остановили муловъ, чтобы развьючить ихъ и посмотрѣть, нѣтъ-ли чего спрятаннаго подъ мѣшками. Тутъ купецъ сталъ просить клефтовъ, чтобъ они не развьючивали муловъ.

— Не развьючивайте муловъ: грудь моя надорвалась отъ безпрестаннаго навьючиванія и развьючиванія ихъ.

— Видите! — сынъ пса! онъ не оплакиваетъ жизнь свою, а безпокоится о мулахъ..... Гдѣ вы, мои паликары, закричалъ капетанъ, приколите его ножемъ, пусть онъ останется на мѣстѣ. Паликары сжалились надъ купцомъ, онъ былъ храбръ, но самъ капетанъ, какъ разъяренный левъ на него бросился, обнажилъ кинжалъ и ранилъ его въ бокъ. Купецъ глубоко вздохнулъ и простоналъ:

— Гдѣ отецъ мой, пусть посмотритъ на меня? Гдѣ мать, пусть оплачетъ мою горькую долю....

— Скажи, откуда мать твоя, я хочу написать къ ней письмо?

— Мать моя изъ Артиніи, отецъ мой изъ Кандіи; еще есть и братъ, но онъ гдѣ-то разбойничаетъ.....

Капетанъ вздрогнулъ, судорожно схватилъ купца въ объятія и понесъ его къ лекарямъ.

— Вы излечивали многихъ смертельно раненыхъ, излечите и этого юношу—моего брата.

— Мы вылечивали многихъ тяжело-раненыхъ, но такую рану, какая у него, никто не вылечитъ.

Умирающій просилъ брата, чтобъ капетанъ взялъ его муловъ.

— Возьми муловъ нашихъ, отведи ихъ къ отцу.

— Какъ мнѣ сказать отцу, какъ мнѣ сказать бѣдной матери, что я зарѣзалъ брата и привелъ его муловъ!.....

2. Китцо и мать его.

«Мать Китцо спдѣла на берегу рѣки, и бранила рѣку, бросая въ неё камни:

— Изсохни, рѣка! уйди назадъ, рѣка, чтобъ я могла перейти на другую сторону, въ Клефтохорію, гдѣ собираются клефты....

Китцо поймали и ведутъ его вѣшать: тысяча турковъ идутъ впереди его, двѣ тысячи за нимъ, и мать вся въ черномъ, плача и приговаривая:

— Китцо, гдѣ твое оружіе, гдѣ твоя разбросанная збруя?!...

— Глупая мать, безчувственная мать! ты не оплакиваешь печальную юность мою, мое молодечество, а жалѣешь о разбросанной збруѣ моей, объ утраченномъ оружіи....»

3. **Нико-царъ.**

«Нико-царъ и его паликары воюютъ съ тремя городами: съ Сихной, Хайдакой и съ бѣдною Правой. Три дня они воюютъ, три дня и три ночи; снѣгъ ѣдятъ, снѣгъ пьютъ и грѣются у огня. И вотъ подозвалъ къ себѣ Нико четырехъ паликаровъ.

— Слушайте, мои паликары! Васъ мало, но вы храбры. У васъ желѣзныя сердца и чугунныя груди.... Завтра откроемъ огонь противъ турокъ, возьмемъ и растопчемъ Праву.....

Межъ тѣмъ турки заняли дорогу и приближались къ мосту.

Воспылалъ яростію Нико, и оторвалъ отъ пояса цѣпь съ дамасскимъ кинжаломъ.— Увидя это турки разбѣжались, оставивъ позади себя Праву.»

4. **Лако.**

«*Сдайся, Лако, пашъ и визирю, коли хочешь быть первымъ Арматоломъ и агою дервеновъ.* — На это Лако отвѣчалъ имъ:— пока Лако живъ — пашѣ не покорится. У него паша — сабля; у него визирь — ружье....

Услышавъ это Али-Паша разгнѣвался и написалъ приказъ Вели-Гкекѣ-арматолу и всѣмъ городамъ и сёламъ, чтобъ они представили ему Лако живого, или хоть голову его. И, выступилъ Вели-Гкека преслѣдовать клефтовъ. Онъ засталъ ихъ въ лѣсу на сборныхъ мѣстахъ,—и битва вспыхнула. — Изъ засады вскричалъ Кодкоякупи:

— Мужайтесь, дѣти мои, сражайтесь!... И Лако первый выбѣжалъ съ кривою саблей въ зубахъ.

День и ночь клефты дерутся; три дня и три ночи длится битва.

Плачутъ жены албанцевъ, одѣтыя въ черныя платья. Мустафа былъ раненъ въ руку и въ ногу, Вели-Гкека возвратился, плавая въ крови.»

Пѣсня начинается тѣмъ, что Ляко читаетъ письмо отъ Али-Паши.

Ляко былъ капетаномъ клефтовъ въ горахъ Аграфскихъ.

5. Жена Ляко.

«Я видѣлъ, какъ трепетала жена Ляко, когда пять арнаутовъ её держали, а три мучили.

— Лякина, сдѣлаешься-ли турчанкой? выйдешь-ли замужъ за турка!

— Лучше хочу увидѣть, какъ вся кровь изъ меня изсочится и обагритъ землю, чѣмъ видѣть турка цалующаго мои очи.

Сказавъ это, она больше ничего не сказала.

Вотъ бѣжитъ Ляко съ саблею въ рукахъ, и валятся головы турковъ и арнаутовъ. Прибѣжавъ, онъ взялъ жену свою и пошелъ въ горы.»

6.

«Ступайте, посмотрите, братцы! — Внизу деревни Вальтоса, въ Ксеромерѣ, Аграфѣ и въ пяти городахъ есть много клефтовъ, и всѣ они одѣты въ золото... Сидятъ, пьютъ, ѣдятъ, Артѣ [1]) угрожаютъ. Смиряются предъ своимъ архіереемъ и пишутъ грозное письмо, гдѣ плюютъ въ бороду кади, и еще пишутъ одно письмо въ самое Комботи [2]): *«Обсудите-ко хорошо: вѣдь мы будемъ жечь города. Поскорѣе собирайте арматоловъ: вѣдь мы будемъ рыскать какъ волки.»*

---

[1]) *Арта* — городокъ у Амвракикосскаго залива не въ дальнемъ разстояніи отъ Сули. — Это плясовая пѣсня клефтовъ.

[2]) *Комботи*, греческое село въ 60 верстахъ отъ Арты.

7. Стеріо.

«Ничего, что арнауты облегли границы; ничего, что чалмы ихъ бѣлѣются изъ-за холмовъ: — пока Стеріо живъ, онъ смѣется надъ этими угрозами, онъ трунитъ надъ турками и пашами!...

«Спѣшимъ въ берлоги волковъ! Пусть боятся за жизнь рабы, что живутъ на равнинахъ.... Намъ лучше тамъ, гдѣ болоты, гдѣ торчатъ пустынныя скалы. Намъ лучше жить съ волками, чѣмъ съ турками....»

Стеріо кажется былъ капетанъ ѳессалійскихъ клефтовъ.

Сульйотскія пѣсни.

Въ концѣ XVII вѣка, пастухи Албаніи, христіанскаго вѣроисповѣданія, терпя непрестанныя притѣсненія отъ начальниковъ Эпира, удалились въ неприступныя горы, находящіяся на югъ отъ Янины и прилегающія къ Іоническому морю, гдѣ составивъ маленькую республику, расположили свои села по скатамъ и на вершинѣ горы Сули. На всякой милѣ отъ села они построили башни и бойницы для защиты отъ турецко-албанскаго войска. Семь этихъ селъ были неприступны и едва замѣтны снизу по высотѣ своего положенія. Али, паша Янинскій, желая изъ политическихъ видовъ уничтожить ненавистное и опасное для него Сули, долго не успѣвалъ въ своемъ предпріятіи и терялъ напрасно капиталы и войско; наконецъ, въ 1804 году, поручивъ начальство надъ войскомъ албанцевъ, осаждавшемъ Сули, сыну своему Алего, взялъ и разрушилъ жилища сульйотовъ, часть которыхъ, оставшаяся въ живыхъ, докончивъ разореніе родныхъ пепелищъ, разошлась по горнымъ частямъ Греціи. Двѣ слѣдующія сульйотскія пѣсни довольно высказываютъ характеръ этого племени.

8. Мосхо.

«На перилахъ моста Али сидѣла ранняя пташка и пѣла, Али-Пашѣ своею пѣснѣй говорила: — Здѣсь тебѣ не Янина, чтобъ строить фонтаны, здѣсь тебѣ не Превеза, чтобъ сооружать башни — здѣсь Сули, повитыхъ лаврами храбрыхъ, гдѣ сражаются старики, женщины и дѣти, гдѣ жена Цавелы храбро защищаетъ село и воспламеняетъ храбрость въ мужчинахъ: она держитъ карабинъ въ лѣвой, саблю и малютку своего въ правой рукѣ, а въ передникѣ держитъ патроны.»

9. Деспа.

«Раздается тяжелый стонъ; гремитъ пальба изъ ружей. Не на свадьбѣ-ли это палятъ, не на пирушкѣ-ли?—Нѣтъ, это стрѣляетъ въ албанцевъ Деспа съ своими невѣстками и внучатами.

Албанцы, окруживъ её въ башнѣ, сказали ей:

— Йоргина, брось оружіе, сдайся. Вѣдь это тебѣ не прежнее Сули. Теперь ты въ плѣнъ взята, плѣнница паши и албанцевъ.

Деспа имъ отвѣчала:

— Хоть Сули вамъ сдалось, хоть Кяфа намъ измѣнила, но Деспа никогда не признавала и не признаетъ васъ своими господами!

Взявъ въ руки горящую головню, Деспа призвала невѣстокъ и дочерей, и сказала имъ:

— Чтобъ не быть рабами турковъ — идите за мною.....

Тутъ она бросила горящую головню на порохъ и вмигъ всё разрушилось, всѣ пошли на воздухъ.»

Происшествіе пѣсни „*Мосхо*“ относится къ 1792 году, когда съ Али-Пашею Янинскимъ воевалъ капетанъ сульйотовъ, Ламбросъ-Цавело. Жена его Мосхо, видя, что албанцы уже завладѣли одною башнею, и не теряя присутствія духа, выломала двери другой, вошла въ неё съ прочими женщинами и такъ успѣшно отстрѣливалась, что албанцы принуждены были отступить.

Пѣсня о *Деспѣ* относится къ послѣднимъ днямъ Сули. Турки, преслѣдуя сульйотовъ, вошли въ село Реніасъ и начали мучить въ немъ женщинъ и дѣтей; между тѣмъ Деспа, жена сульйота Йорги Боциса, запершись въ башнѣ Димула съ семью женщинами и семью дѣтьми, отстрѣливалась отъ осаждавшихъ её арнаутовъ.

10. **Нанно.**

«Вечеромъ пошелъ Нанно въ горы, блистающія снѣгомъ, и утромъ съ зарею созвалъ къ себѣ 3,000 храбрыхъ.

— Ко мнѣ, какъ къ чересу, ко мнѣ отъ младенческихъ лѣтъ! Клефтъ не слушаетъ совѣтовъ старика: ему не нужно ни пастуха, ни охотника, ему нуженъ паликаръ съ ружьемъ, съ ятаганомъ, съ сердцемъ львинымъ, а не птичьимъ.... Туда отъ насъ два дня пути, но мы можемъ пріѣхать въ одну ночь. Тамъ серебряные рога мечети блещутъ подъ небомъ, тамъ полныя кладовыя: — ихъ сторожитъ дряхлый старикъ. Близъ мечети, на шесть прыжковъ серны, стоитъ замокъ, старый, какъ Божій міръ, — а госпожа замка красива, какъ цвѣтокъ. На дворѣ у ней мало слугъ и кучи золота въ кладовой.

— Здравствуй Нанно! — скажетъ госпожа, милости просимъ паликары! — Здравствуй, прекрасная кукона! Вамъ паликары и золото, и кладовыя и дѣвушки, а сама кукона для Нанно!...»

11. **Христо Милони.**

«Садятся три пташки на верхушкѣ дерева: одна смотритъ на Вальтосъ, другая на луга Армиры, а третья поётъ грустную жалобу:

— Прохожій, отчего нѣтъ Христо Милони ни въ рощѣ Кріаврисисъ, ни на поляхъ Вальтоса?

— Птичка, спроси у горъ Аграфа, спроси у Арты.

— Кадія и двухъ агъ Христо взялъ въ полонъ. Муслимъ, узнавъ объ этомъ, позвалъ стражу и сказалъ Солиману:

— Слуга, хочешь-ли полнаго череса денегъ, — цѣлуй этотъ фирманъ султана, гдѣ велѣно въ телѣгѣ Солимана доставить

ему голову Христо. Иди въ пятницу и сдѣлай свое дѣло по-молодецки.

Въ пятницу пошелъ Солиманъ на погибель Христо Милони и въ Армирѣ ужъ братски обнимался съ нимъ. Они всю ночь пили до свѣта.

Разсвѣтомъ, возвращаясь чрезъ Армирское болото, Солиманъ сказалъ Христу:

— Христо! какую змію обогрѣлъ ты на груди своей. Аги на моей телѣгѣ будутъ искать голову твою...

— Нѣтъ, Христо не поддастся туркамъ пока живъ. Прощай Солиманъ, до свиданья въ могилѣ....

Они прицѣлились, выстрѣлили и пали другъ подлѣ друга.

Въ послѣднихъ двухъ пѣсняхъ упоминается слово *чересъ*: греки, въ особенности клефты зашиваютъ деньги въ поясъ и носятъ ихъ при себѣ.

Для бо̀льшаго уразумѣнія клефтскихъ пѣсней, я привожу лучшія изъ нихъ въ поэтическихъ переводахъ: *Н. И. Гнѣдича* и *г. Протопопова*.

12. Олимпъ.

« Заспорили горы, Олимпъ и Киссавъ,
И первый за сабли, за ружья другой,
Олимпъ обернулся къ Киссаву шумитъ:
Молчи, и во прахѣ сиди ты, Киссавъ,
Не разъ оскверненный коньяра ногой!
Я славенъ въ подлунной, Олимпъ я сѣдой!
Высокъ я, на мнѣ сорокъ двѣ головы;
Я шуменъ, струю шестьдесятъ два ключа:
Гдѣ ключъ лишь, тутъ знамя гдѣ, дерево, — клефтъ.
Сидитъ у меня на вершинѣ орелъ,
Въ когтяхъ у орла — голова храбреца.
Клюётъ онъ её и разспрашиваетъ:
— Что сдѣлала ты удалая глава,
За что и какъ у грѣшнаго срублена съ плечъ?
— Съѣдай мою молодость, птица-орелъ,
Съѣдай мою храбрость; твои подростутъ

И крылья на локоть, и когти на пядь!
Въ Ксеромерѣ, въ Луру я былъ арматолъ
И клефтъ на Олимпѣ двѣнадцать годовъ.
Сто агъ истребилъ я, сто селъ ихъ сожегъ,
А турокъ, албанцевъ, положенныхъ мной...
Ихъ множество птица, и счета имъ нѣтъ.
Но жребій пришелъ мой — легъ въ битвѣ и я!»

13. **Гробъ Клефта.**

«Садилося солнце, а Димъ свой завѣтъ говорилъ:
Подите вы, дѣти, на ужинъ пора за водой;
А ты, мой племянникъ, садися, Лампракисъ, ко мнѣ.
Тебѣ моя сбруя, одѣнься и будь капитанъ;
А вы, мои храбрые, саблю мою спроту
Возьмите и мнѣ нарубите зеленыхъ вѣтвей;
Другіе подите, сыщите священника мнѣ.
Въ грѣхахъ я покаюсь, я много ихъ на душу бралъ:
Арматоломъ тридцать, а клефтомъ я двадцать былъ лѣтъ;
Но смерть наступаетъ, я мирно хочу умереть.
Постройте мнѣ гробъ, но чтобъ былъ онъ широкъ и высокъ,
Чтобъ стоя мнѣ прямо, сражаться и въ турокъ стрѣлять.
На правую сторону сдѣлайте въ гробѣ окно,
Чтобъ ласточки мнѣ прилетали весну возвѣщать,
Чтобъ красный мнѣ май воспѣвали пѣвцы-соловьи.»

14. **Скиллодимъ.**

«Подъ зелеными елями ужинать сѣлъ Скиллодимъ,
И вино наливать при себѣ посадилъ онъ Ирену.
— Наливай мнѣ, красавица, пить, наливай до утра,
До восхода денницы, какъ ты, полонянка, румяной.
Поутру я тебя отпущу съ паликарами въ домъ.
— Не рабыня я, Димъ, чтобъ вино для тебя наливать,
Я невѣстка Проеста, я дочь городского Архонта!....
На зарѣ, на разсвѣтѣ, два, лѣсомъ, прохожихъ идутъ,
Съ бородами заросшими, съ черными лицами оба;
Къ Скиллодиму подходятъ, привѣтствуютъ оба его:
— Скиллодиму день добрый. — Добро пожаловать! Кто вы?

Да и какъ вамъ, прохожимъ, извѣстно, что я Скиллодимъ?
— Принесли мы поклонъ Скиллодиму отъ Спироса брата.
— Отъ любезнаго брата? но гдѣ вы видали его?
— Мы видали его въ Янинѣ, въ глубокой темницѣ;
По рукамъ и ногамъ онъ заклепанъ желѣзомъ сидѣлъ. —
Зарыдалъ Скиллодимъ и съ тоски побѣжалъ отъ прохожихъ.
— Воротись Скиллодимъ! ты отъ брата бѣжишь, капитанъ,
Не узналъ-ли ты брата? Скорѣе обнять себя дай мнѣ! —
И узналися братья и крѣпко они обнялись,
Цѣловалися сладко, въ уста цѣловались и въ очи.
Взговорилъ Скиллодимъ и любезному брату сказалъ:
— Но садися, братъ милый, садись и скорѣе повѣдай:
И когда ты и какъ отъ албанскихъ избавился рукъ?
— Въ одну ночь, отъ цѣпей свободивши и руки и ноги,
Я рѣшетку сломалъ, я скакнулъ изъ окошка на топь,
Я сыскалъ тамъ челнокъ, черезъ озеро — птицей проплылъ,
И вотъ третія ночь, какъ взошелъ я на вольныя горы.

15. **Голосъ изъ могилы.***)

Мы цѣлый день субботу и воскресенье пили,
А въ понедѣльникъ утромъ вина у насъ не стало;
И вотъ мнѣ капитанъ нашъ велѣлъ вина промыслить.
Куда идти не зналъ въ странѣ мнѣ неизвѣстной:
Я вышелъ на-удачу на первую тропинку,
И привела тропинка меня на холмъ высокій.
Смотрю кругомъ могилы, могилы паликаровъ.
Одна была поодаль, отъ всѣхъ была въ сторонкѣ;
Я шелъ и не замѣтя на голову ступилъ ей.
И слышу подо мною земля вопитъ и стонетъ.
— Скажи, о чемъ ты стонешь, о чемъ ты вопишь могила?
Земля-ли тебя давитъ, иль давитъ черный камень?
— Нѣтъ, не тяжёлъ мнѣ камень, не тяжела земля мнѣ;
Но мнѣ тяжка обида, мнѣ тяжко оскорбленье:
Меня ты обезглавилъ, на голову ступилъ мнѣ.
И я, какъ ты, былъ молодъ, и я былъ паликаромъ;
Гулялъ и я бывало при свѣтѣ лунной ночи.

---

*) Переводъ г. Протопопова.

III. ЭРОТИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Эротическія греческія пѣсни почти всѣ поются голосомъ заунывнымъ, но не столь протяжнымъ, какъ клефтскія, чему способствуетъ игривая разстановка риѳмъ, краткость и неровность стиха въ количествѣ стопъ, что замѣтно въ большей части греческихъ эротическихъ пѣсней. Онѣ вообще нѣжны и пламенны, какъ цвѣты юга, какъ дыханіе южнаго вѣтра. Пѣсни содержанія эпическаго гораздо лучше пѣсной чисто-лирическихъ, которыя часто бываютъ сантиментальны. Пѣсни острововъ и сѣверной Мореи прекрасны по своей формѣ и по простому содержанію.

Музыка эротическихъ пѣсней, сохраняя азіатскіе мотивы, приближается къ европейской и имѣетъ тактъ.

1.

«Я птичка чужая.... чужестранная птичка, преслѣдуемая охотникомъ! Гдѣ мнѣ сѣсть, гдѣ переночевать, чтобъ не погибнуть! — День вечерѣетъ, начинаетъ темнѣть: — какъ мнѣ быть безъ пары, какъ мнѣ свить гнѣздо въ чужомъ лѣсу!... День гаснетъ; ночь клонитъ ко сну всякую птичку, а я дремлю и пару зову.... Чужая птичка!—смотрю, другія птицы спарованы, а я не знаю этого счастія. Лечу себѣ одна сиротинка: для меня нѣтъ мѣста, для меня нѣтъ гнѣзда. Я летаю, чтобъ найти мѣсто, гдѣ хоть-бы одинокой переночевать. На каждой вѣткѣ сидятъ спарованныя птички: онѣ меня не узнаютъ, онѣ меня гонятъ отъ себя, и я не знаю, куда мнѣ дѣваться, какъ мнѣ быть, куда полетѣть, чтобъ не погибнуть! клонятся вѣтки, листья дрожатъ, гдѣ сидятъ птички, а я чужая, несчастная, я безъ гнѣзда!

«Брошенная своею горькою долею и странствованіемъ на колючіе тёрны, я плачу и въ слезахъ провожу несносныя ночи...

«Вижу, *одна* выходитъ невооруженная, какъ охотникъ, держа въ одной рукѣ сѣти, сѣти серебряныя, а въ другой се-

ребряную клѣтку. Одежда на ней бѣла и чиста, а вся она какъ мѣсяцъ голубой полуночи. Она, проходя, смотритъ на меня, зоветъ и пріятно говоритъ мнѣ:

«— Влети, птичка, въ мою клѣтку, чужая птичка, влети. Влети сюда, чужестранная, несчастная птичка, отдохнуть, переночевать, чтобъ не погибнуть!

«Птичка моя, будь моею, — я сдѣлаю тебѣ золотое гнѣздо, гдѣ ты позабудешь свои странствованія. Не безпокойся, что ты будешь взаперти, не бойся сдѣлаться рабою..... Лети ко мнѣ! Ты можешь пропасть на чужбинѣ. Я клятвой обѣщаю тебѣ свободу, ты всегда можешь оставить клѣтку и гнѣздо... Лети въ клѣтку, маленькая птичка! Вѣдь тебѣ негдѣ пріютиться: ты можешь погибнуть...

«Ея прелести, ея сочувствіе, ея сладкія рѣчи убѣдили меня и я, расширивъ крылышки, подлетаю къ ней, сажусь на ея золотую ручку и прежде, чѣмъ взошла въ клѣтку, я щипала ея сахарныя губки.....»

Это, сколько я замѣтилъ, любимая пѣсня грековъ. Она особенно отличается своимъ заунывнымъ, сантиментальнымъ и вокщимъ мотивомъ.

2. Нечаянный бракъ.

«Сижу я себѣ въ одно утро и плету розовый снурокъ для моего Яни, для моего милаго, — взглянула на ближній холмъ и увидѣла, что птичка, слетѣвши съ дерева, сѣла на мой гребень и запѣла. Перья у ней были золотыя, пѣсня ея не была похожа ни на пѣсню соловья, ни на пѣсню жаворонка; но птичка запѣла голосомъ человѣчьимъ:

— Ты вяжешь снурокъ для Яни, а Яни женится, онъ обрученъ съ другою.... Еще пройдутъ двѣ минуты и они соединятся и выйдутъ супругами изъ церкви.

«Я бросаю снурокъ, подбѣгаю къ окошку и вижу, что Яни ѣдетъ къ намъ изъ-за холма.... Яни меня бросаетъ! — и любилъ-ли, полно, меня Яни! Какъ назвать его, я не знаю отъ смущенія! Розой назвать его нельзя, у розы есть шипы. Лавромъ? —лавръ безъ благоуханія, хоть мой Яни свѣжъ, какъ молодая роза и красивъ какъ лавръ.... О, я не найду ему приличное имя!

— Здравствуй цвѣтущая вѣтка жасмина! Здравствуй серебряная вѣтка тополи! Здравствуй сынъ счастливыхъ родителей, здравствуй, и принеси намъ счастье! Куда такъ стройно, такъ скоро ѣдешь, мое сердце?....

— Я нашелъ себѣ другую; когда ты хочешь, иди сейчасъ въ церковь. Долго я, долго былъ твоимъ рабомъ, теперь ты будь на свадьбѣ моей *дружкой.*

«Сказавъ эти слова, Яни ускакалъ, а она, блѣдная, задыхаясь вошла въ сосѣдній домикъ.

— Что съ тобой? ты страдаешь, ты не похожа на себя..... глаза такъ страшны, уста посинѣли.....

— Какъ мнѣ не страдать, какъ мнѣ походить на себя, когда мой Яни женится на другой и хочетъ, насмѣшникъ, чтобъ я была его дружкой у налоя....

— Оботри напрасную слезу, брось пустое безпокойство! Прибери лицо, какъ солнце, сдѣлай грудь луною, а черныя брови—какъ два крыла.... Пусть будетъ лобъ ясенъ и лицо весело..... Спѣши въ церковь, моя милая...

«Какъ ей сказали, она сдѣлала.

«Вотъ входитъ въ церковь:—позади молодыхъ блескъ и прелесть. Священникъ замолкъ, дьяконъ былъ удивлёнъ, у пѣвчихъ вышали ноты изъ рукъ, а Яни едва могъ выговорить:

— Что ты такъ скромна, что ты такъ робка!.... Ближе, прекрасная, ближе ко мнѣ! Дьяконъ, продолжай чтеніе, пѣвчіе пойте, а ты священникъ, и ты былъ молодъ и уважаешь вѣрную любовь, когда ты истинный христіанинъ и посвященъ въ этотъ высокій санъ,—возложи вѣнецъ жены на чело дружки...»

3.

«Когда я брожу по берегу моря,—мой всегдашній спутникъ унынie. Когда увижу, какъ корабли разсѣкаютъ волны, я говорю самъ себѣ: кто счастливѣе пловцовъ!..

«Когда, морскія птицы-корабли, принесете меня на бѣлыхъ крыльяхъ въ желанную пристань..... И въ тотъ мигъ, какъ ступлю на берегъ, ни на что я не взгляну, а какъ сама любовь, полечу къ своей возлюбленной и поцалую её въ сладкія уста и ланиты... До какихъ поръ ужъ мнѣ стенать и вздыхать! Покуда мнѣ жить, страдая, далеко отъ милой!»

4.

«Какая прекрасная луна, какой сладостный вечеръ!... Тихо вѣтерокъ играетъ межъ кустарниковъ.— Посмотри на горлицу, какъ она порхаетъ у ручья, ища свою пару.... Посмотри, они встрѣчаютъ другъ друга, цалуясь и обнимаясь крылышками.... Какія милыя птички, какіе невинные вздохи!.... О, если-бъ ты, жестокая, и мнѣ такую любовь показала ...»

5.

«Я хочу бросить этотъ многолюдный свѣтъ, я хочу удалиться въ пустынныя горы, гдѣ буду питаться кореньями, гдѣ буду бороться со львами.... Я не могу минуты жить въ большихъ обществахъ, я не могу бороться съ сердцемъ столь непреклоннымъ!»

6. Харонъ и дѣвица.

«Что́ мнѣ Харонъ, однажды сказала дѣвушка, — что́ мнѣ стрѣлы его, когда у меня девять братьевъ и милый Костаки, красавецъ, владѣлецъ двухъ сёлъ и четырехъ теремовъ!...

«Услышавъ эти слова, Харонъ превратился въ ласточку, влетѣлъ къ ней въ окно и ранилъ её въ сердце.

— Мать дѣвушки! печаль помутила твои ясныя очи; ты плачешь и проклинаешь убійцу Харона:

— Харонъ, возврати мнѣ дорогое, единственное дитя мое!.. Не убей матери его!....

«На разсвѣтѣ ѣхалъ съ горъ Костаки съ музыкою и пляской, не спуская глазъ съ дома невѣсты.

— Не танцуйте, плясуны, перестаньте музыканты: я вижу крестъ на порогѣ ея домика!.... Худыя вѣсти! вѣрно изъ родни кто умеръ, теща или тесть.

«Костаки поворотилъ лошадь въ сторону и поѣхалъ къ часовнѣ, прямо на кладбище. Увидѣвъ тамъ каменьщика, онъ слѣзъ съ коня.

— Богъ на помощь! для кого ты, каменьщикъ, строишь могилу?

— Въ этой могилѣ будетъ покоиться молодая дѣвушка, что сегодня покинула мать, братьевъ и своего милаго Костаки-

красавца, владѣльца двухъ селъ и четырехъ теремовъ. Если хочешь быть свидѣтелемъ общей печали, поѣзжай въ ближнюю деревню чрезъ этотъ курганъ....

— Прошу тебя, дорогой каменьщикъ, прибавь эту могилу еще на столько-же вдоль и въ-ширь...

И выхвативъ изъ ноженъ золотой кинжалъ, Костаки вонзилъ его по рукоятку въ грудь себѣ — и обоихъ ихъ похоронили въ одной могилѣ и надмогильный кипарисъ покрылъ ихъ обоихъ одною вѣткою.»

Харонъ здѣсь принимается въ смыслѣ *смерть*. Простонародье въ Греціи еще вѣритъ въ Харона.

7.

«Есть долина у обломка скалы, гдѣ гудитъ водопадъ; въ долинѣ избушка, въ избушкѣ живетъ старикъ со старухой, а съ ними дѣвица, какъ весна, и пѣсъ, какъ змія.

«Боже всемогущій! мнѣ не нужно свидѣтелей моего счастія: возьми къ себѣ старика и старуху.... Я въ то же мгновенье отравилъ-бы змію-собаку и взялъ-бы къ себѣ красавицу.»

8.

«Вижу её.... Она сидитъ облокотившись на руку, заплакана и гнѣвна.... Бьется мое сердце и я бѣгу къ ней.

— Что съ тобой, дорогая, ты скучна?

— И ты пришелъ, еще съ состраданіемъ, обманувъ меня!... Довольно, довольно.... Прочь лисица!

— Кто?—я тебя обманулъ, мой нарцисъ! и ты этому бреду вѣришь!.... Кто разболталъ эти сплетни!—если человѣкъ, пусть онъ, лжецъ, не проживетъ и двухъ дней; если солнце, пусть его облако затмитъ; если звѣзда—пусть она погаснетъ..... Ахъ, твой поцалуй меня умертвилъ: повтори его еще, и я оживу.... и еще, и еще!....»

9.

«Помнишь-ли ты ту утреннюю звѣзду, что такъ чисто, такъ ярко горѣла на ночной лазури, когда мы, въ восторгахъ любви, клялись въ вѣрности и проклинали занимающійся день?—Помнишь-ли ты синее море, когда колыхался въ немъ ликъ мѣ-

сяца, зыблемый вѣтромъ. Помнишь-ли то золотое мгновенье..... Кто-бъ ожидалъ, что этотъ нѣмой свидѣтель подслушаетъ и измѣнитъ намъ!

Зарница въ то же утро разсказала объ этомъ морю, море разсказало веслу, весло передало матросу. Матросъ былъ влюбленъ, а изъ устъ влюбленнаго эхо разнесло по цѣлому свѣту эти сплетни, оттого, что онъ переложилъ въ стихи наши любовные восторги, и передъ закатомъ солнца, съ тетрахордомъ въ рукахъ пришелъ подъ окно милой и пропѣлъ ей новую пѣсню.»

10.

«Когда ночь и туманъ покрываютъ луга, когда глухо въ бору и изъ него бѣгутъ на долины олени играть и купаться,— одной серны не видно межъ нихъ. Она одна живетъ въ густомъ кустарникѣ; спитъ на холодной скалѣ. Тѣнь ея, шорохъ пугаетъ её. — Пришедши на водопой къ чистому ключу, она прежде возмутитъ его, а послѣ напьётся.

«Въ одно утро спросило её солнце:

— Что съ тобой, скажи, моя серна?.... зачѣмъ, когда стадо играетъ у рѣки, или жаркою порой прячется въ тѣни, — ты одна лежишь на голомъ утесѣ?.... зачѣмъ ты не встрѣчаешь меня ни на востокѣ, ни на закатѣ?....

— Солнце мое, если ты хочешь знать это, бѣдная серна разскажетъ тебѣ!

— Двѣнадцать лѣтъ я была бездѣтна, на тринадцатомъ Богъ далъ мнѣ сына. Я берегла его какъ зеницу ока, и онъ росъ себѣ благополучно. — Разъ вышелъ онъ поиграть на цвѣтущій лугъ, и вдругъ палъ отъ рокового ружья.... Будь проклятъ охотникъ, лишившій меня счастія! Исчезни ремесло его, что отняло у меня единственную радость, что вырвало изъ объятій моихъ мою пару и сына!....»

11. Похищеніе.

«Разъ сѣлъ я обѣдать за мраморный столъ, вдругъ сабля зазвучала на стѣнѣ и конь заржалъ на стойлѣ: это предвѣщало мнѣ, что моя красавица выходитъ за другого замужъ, съ цвѣтами на челѣ, со слезами на глазахъ. Я всталъ и побѣжалъ въ конюшню.

— Кони мои, я берегъ васъ какъ свою голову, кормилъ,

нѣжилъ смолода.... Кто теперь помчитъ меня съ запада на востокъ, и домчитъ пока погаснетъ искра, вылетѣвшая изъ подковы....

«Кони ржали и грызлись у яслей.

— Послушай, хозяинъ, сказалъ одинъ старый конь,— не въ мои лѣта бѣгать въ запуски съ вѣтромъ, но я хочу, собравшись съ послѣдними силами, услужить вамъ обоимъ....

— Твоя красавица насыплетъ мнѣ въ ясли овса, напоитъ съ своей руки водою, будетъ говорить со мною, будетъ ласкать меня.... Ѣдемъ! прими хозяинъ хоть доброе желаніе мое вмѣсто успѣха.

«Хозяинъ сѣдлаетъ коня поспѣшно и садится на сѣдло.

— Предостерегаю тебя: свяжи платкомъ голову, сними шпоры, возьми хлыстъ въ руки и держись крѣпко, не то, вспомнивъ юные годы свои, я выбью тебя съ сѣдла.....

«Сказавъ это, конь побѣжалъ; въ минуту перебѣжалъ сорокъ двѣ мили, еще сорокъ и еще три мили.

— Дай Господи увидѣть моихъ родителей.... Пусть отецъ въ виноградникѣ стрижетъ шпалеры.

«Кто усердно помолится, тотъ усердно услышанъ будетъ: онъ пріѣхалъ, и точно отецъ его подстригалъ виноградникъ. Онъ перемѣнилъ голосъ, и какъ-бы не зная отца, сказалъ ему

— Богъ на помощь, дѣдушка!..... чей это виноградникъ?

— Гость, этотъ виноградникъ готовлю я для Яни, для моего сына. Онъ не знаетъ ни о чемъ, а его невѣста, ангелъ лицомъ, сегодня отдана другому....

— Дѣдушка, застану-ли я молодыхъ еще за столомъ?

— Когда твоя лошадь быстра какъ молнія, то ты можешь застать ихъ за столомъ, а когда она быстра, какъ стрѣла, то они ужъ будутъ перевѣнчаны.....

Пыль клубами взвилась по полю.

«Конь пробѣжалъ въ минуту сорокъ двѣ мили, еще сорокъ и еще три мили.

— Укрѣпи меня, Господи, въ надеждѣ моей! Пусть мать поливаетъ въ саду грядки.

«Кто усердно помолился, тотъ усердно и услышанъ будетъ. Онъ пріѣхалъ и засталъ мать свою поливающею грядки.

— Богъ на помощь, бабушка! Кто хозяинъ этого сада?

— Этотъ садъ мой еще съ молодости моей; подъ старость я отдала его сыну. Онъ ни о чемъ не знаетъ, а его невѣсту

съ цвѣтами на головѣ, со слезами на глазахъ выдаютъ замужъ.

— Бабушка, застану-ли я ихъ еще за столомъ?

— Когда лошадь твоя быстра, какъ молнія, ты застанешь ихъ за столомъ; а когда она быстра, какъ стрѣла, — невѣста ужъ будетъ перевѣнчана....

— Конь мой! скорѣе, скорѣе!....

«Пыль клубами взвилась по полю.

«Конь въ минуту пробѣжалъ сорокъ двѣ мили, еще сорокъ и еще три мили.

«Конь заржалъ предъ крыльцомъ и дѣвушка вышла.

— Кто тамъ съ тобою хохоталъ?

— Меньшой братъ пріѣхалъ ко мнѣ съ приданымъ.

— Когда младшій братъ пріѣхалъ, угости его виномъ, а когда младшій любовникъ,—встрѣть его кинжаломъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Это братъ мой пріѣхалъ съ приданымъ.

Конь пригнулся къ землѣ.

— Дай бокалъ! осторожнѣй..... Берись за гриву.... ногу въ стремя.... Прижмись ко мнѣ и руками обвей меня!...

И они быстрѣе вѣтра помчались по полямъ и по лугамъ; турки еще быстрѣе погнались за ними, и хотя ужъ не видно было ни всадниковъ, ни пыли, они хотѣли догнать ихъ, когда и самъ вѣтеръ не могъ догнать бѣглецовъ.

Лошади ихъ были, какъ стрѣла и остались далеко назади: турки, утомившись погонею, отстали, и возвратились съ полей, не видя ни Яни, ни коня, ни пыли.»

Привожу одну изъ любовныхъ пѣсенъ, переведенныхъ г. Протопоповымъ. (Одесскій Альманахъ на 1840 годъ.)

13. Узнанный.

«Послѣднею чарой упиться хочу: налей мнѣ, родная,
То близкой разлуки печальная чара: налей! до свиданья!
— Дверь отопри мнѣ, красавица, дверь мнѣ, душа, отопри!
— «Имя скажи мнѣ свое? Кто-ты и какъ прозываютъ?»—
— Я тотъ, что бывало въ платочкѣ носилъ тебѣ яблоки, сливы,
Яблоки, сливы и лакомилъ сладкимъ тебя виноградомъ,

И сладко въ награду, я въ нѣжныя губки твои цаловалъ. —
— «Что у меня на дворѣ, разскажи и тогда отопру я.» —
— Яблоня есть у воротъ; есть виноградникъ въ дворѣ:
Онъ бѣлый даетъ виноградъ и славенъ мускатнымъ виномъ.
Кто разъ то отвѣдалъ вино, въ другой ужъ навѣрно попросить!—
— «Нѣтъ, лжёшь ты, хитрецъ! Все это тебѣ разсказали сосѣди...
Что въ домѣ у насъ, разскажи, и тогда отопру тебѣ двери.»
— Въ самой срединѣ виситъ золотая лампада:
Она тебѣ свѣтитъ, когда ты снимаешь запястья, одежду. —
—«Нѣтъ, лжёшь, ты, хитрецъ: это тебѣ разсказали сосѣди.
Коли хочешь войти, коли хочешь, чтобъ дверь тебѣ отворили,
Скажи мои знаки на тѣлѣ». — На тѣлѣ ихъ два у тебя;
Одинъ на плечѣ, другой на рукѣ, а межъ бѣлыхъ грудей
И мѣсяцъ, и ясныя звѣзды. — «Служанки, бѣгите скорѣй;
Служанки, бѣгите, спѣшите, ворота и двери всѣ настежь.»

IV. ВАККХИЧЕСКІЯ И АНТИВАККХИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Въ вакхическихъ и антивакхическихъ пѣсняхъ нѣтъ и тѣни поэзіи: эти произведенія большею частію записныхъ греческихъ стихотворцевъ. Часть ихъ въ *пъссенникъ* приписывается Аѳанасію Кристопуло и Григорію Сакиллари. Вакхическая пѣсня совѣтуетъ убивать свою душевную дѣятельность за чашею вина. Антивакхическая возражаетъ ей тѣмъ, что лучше заниматься геометріею и т. п.

Ἔξω, ἔξω τὰ κροντήρια,
Ἔξω πλόσκαι καὶ ποτήρια
Κούπαις, σάμναις ὅλα κάτω.
Τὶ τοῦ κάκου τὰ φυλάττω.»
и проч.

Другая:
«Ἔξω, ἔξω τὰ βιβλία!
и проч.

V. ОБРЯДНЫЯ И СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ.

Греческое простонародье, относительно праздниковъ, обрядовъ, игръ и повѣрій народныхъ, имѣетъ почти во всѣхъ случаяхъ сходство съ простонародьемъ славянскихъ поколѣній. У грековъ существуетъ праздникъ Купалы, подъ названіемъ Иванъ Огневикъ (φοταρά): обрядъ совершаемый дѣвушками въ этотъ день называется *клидона*. Преданія о вѣдьмахъ, русалкахъ и духахъ отчасти сходны съ славянскими, отчасти съ древне-греческими. Отъ вѣрованій древнихъ сохранились у нихъ повѣрья о Харонѣ, дріадахъ, драконахъ, водяныхъ и пустынныхъ духахъ. Θессалія и теперь, какъ была въ древности, самая суевѣрная страна; въ ней носятся разныя суевѣрныя преданія и повѣрья: бо́льшая часть пѣсней свадебныхъ и пѣсней, имѣющихъ предметомъ какое-либо суевѣрное преданіе, изъ нея перешли въ Грецію. Въ горахъ Θессаліи существуетъ преданіе о великанахъ, которые, упавъ, не могутъ встать отъ чрезмѣрной тяжести и величины своей: — не гиганты-ли это древнихъ? — У грековъ каждый лѣсъ, гора, рѣка, урочище имѣютъ покровительствующаго духа, или дракона: подобныя преданія и повѣрья составляютъ предметъ самыхъ «поэтическихъ» пѣсней Θессаліи.

Къ обряднымъ пѣснямъ можно отнести *пѣсню ласточки*, которую поютъ мальчики 1-е марта, ходя изъ дома въ домъ со сдѣланною изъ дерева ласточкою, чѣмъ собираютъ себѣ деньги и лакомства. Она начи-

нается такъ: «*Изъ-за Бѣлаго моря*) прилетѣла ласточка, прилетѣла и щебечетъ: мартъ мой, прекрасный мартъ!* и проч.» У древнихъ тоже былъ подобный обрядъ и пѣсня, называемыя *Хелидонизма*. У малороссіянъ есть такого рода пѣсни *„Веснянки“*.

Одна изъ этого рода пѣсней здѣсь помѣщена мною: она поется во время поворота солнца къ веснѣ.

Въ *Свадебныхъ пѣсняхъ*, равно какъ и въ другихъ обрядныхъ и семейныхъ пѣсняхъ, замѣтенъ признакъ древняго элемента. — Онѣ обильны фантазіею, чувствомъ и иногда игривымъ остроуміемъ.

Колыбельныя пѣсни — *катававкалеза* или *нуннія* древнихъ,—сложены и поются болѣе на островахъ населенныхъ греками. Смысла въ нихъ мало: главное, напѣвъ для убаюкиванія дитяти.

Пѣсня на новый годъ поется мальчиками, ходящими съ поздравленіями изъ дома въ домъ. Пропѣвъ легенду въ честь св. Василія Неокесарійскаго, они поютъ присловья, въ которыхъ выражается желаніе изобилія, довольства и счастія хозяевамъ дома на новый годъ; напримѣръ, чтобъ корабли ихъ всегда были полны груза, чтобъ виноградники и оливы принесли избытокъ и проч.

Мирологи — это импровизація родственницъ надъ тѣломъ мертвеца, вопли и причитанія ихъ, а иногда и наемныхъ плакальщицъ. Порядокъ произнесенія мирологовъ установленъ обрядомъ. Мирологи сначала произносятъ ближнія родственницы по старшинству родства, потомъ дальнія, а иногда даже пріятельницы и сосѣдки. Въ древней греческой жизни тоже суще-

---

*) Архипелагъ у грековъ называется *бѣлымъ моремъ;* острова Архипелага—*Бѣломоріею*.

ствовали мирологи: они встрѣчаются въ XXIV пѣснѣ Иліады, гдѣ родные Гектора оплакиваютъ его. У древнихъ подобныя надгробныя рѣчи, произносимыя при отправленіи похоронъ, назывались: *Epicedium*.

1. Весенняя пѣсня.

«Любитель наукъ и красавицъ, ученикъ и поэтъ! Мысль твоя — корабль, мечты твои — волны....

«Когда ты посылаешь письмо къ дорогой Аретѣ: — у тебя слёзы льются, дрожитъ рука, перо пятнаетъ одежду..... «Кто мнѣ,—ты пишешь,—оботретъ слёзы, вымоетъ одежду.....»

— Губы мои, орошенныя слезами, оботрутъ твои слезы. — Когда сердце мое, что для тебя пылаетъ и бьётся, — забьется у твоего сердца, тогда вымоется твоя одежда.»

2. Свадебная пѣсня.

«Всѣ бѣлокурыя, всѣ черноволосыя цѣловали меня поразу..... Что-жъ мнѣ въ этомъ, когда сердце моей Зои будто сглазили! мнѣ скучно.... Какъ мнѣ скучно! Не знаю что дѣлать! — Родители подарили мнѣ пригорокъ: я разведу на немъ цвѣты, разсажу садъ и виноградникъ, огорожу его плетнемъ, отворю ворота, а самъ притаюсь въ кустарникахъ. Въ открытыя ворота вбѣгутъ красавицы съ жаждой поцѣлуя на устахъ, — и ты вбѣжишь съ ними, Зоя моя, моя миндалинка!

— Гдѣ садовникъ?.... эй, садовникъ! дай намъ ягодъ, поцалуй насъ....

— А, ты здѣсь, моя рѣзвая серна!.... Войдите, милости просимъ!—сбросьте папуци *).... Не бойтесь, шелковая травка не уколетъ вашихъ серебряныхъ ножекъ..... Приди поближе, Зоя, бери изъ корзины что хочешь: здѣсь есть абрикосъ, румяный какъ-ты, есть персикъ — украшенье сада, есть яблоки и гранаты, чѣмъ мой садъ славится.....

---

*) Папуци — черевики.

3. Двѣ колыбельныя пѣсни.

«Святая Марія, усыпи дитя мое! Святая Софія, пой у колыбели.

«Возьми дитя съ собою и поведи его по свѣту: пусть оно увидитъ, какъ зеленѣютъ деревья, пусть услышитъ, какъ журчитъ ручей, какъ поётъ жаворонокъ....

«Только молю тебя, гуляй съ нимъ недолго: и съ цвѣтущихъ береговъ возвратись съ дитятей! Отецъ спроситъ о нёмъ, будетъ бить слугъ, а мать сама побѣжитъ искать его,—много, много она слёзъ прольетъ, и сладкое молоко въ груди ея прогоркнетъ...»

Эта пѣсня изъ острова Кипра и поется повсюду въ Греціи.

4.

«Сонъ, возьми у меня сына! Три сильныхъ защитника обѣщались мнѣ лелѣять его: на горахъ смотрѣть за нимъ обѣщалось солнце, орёлъ обѣщался на поляхъ, Борей — на водахъ.

«Солнце закатилось, орёлъ заснулъ въ дубровѣ, Борей нырнулъ къ матери въ волны....

— Гдѣ былъ сынокъ вчера и третьяго-дня? — со звѣздами-ли, съ мѣсяцемъ-ли ссорился?

— Пока не ссорился я со звѣздами, пока не ходилъ еще къ свѣтловолосой Аврорѣ, я берегъ въ серебряной колыбели золотое дитя.»

Поется на островѣ Хіосѣ.

ПѢСНЯ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

5. Легенда о св. Василіѣ.

«Вечеромъ по длинной сельской улицѣ шелъ св. Василій изъ Кесаріи; хитонъ на немъ былъ желѣзный, сандаліи мѣдныя. Вокругъ святого толпились мальчики и дѣвочки.

— Откуда, куда идешь, св. Василій?

— Я иду изъ училища. Дорога далека, ужъ поздно, меня ожидаетъ мать.

— Иди съ Богомъ, но прежде научи своей *алфавитъ*.

«Приготовляясь сказать дѣтямъ алфавиту, св. Василій оперся на посохъ и вознесъ къ небу чело, морщинистое отъ трудовъ, и посохъ вдругъ распустился серебряною вѣтвію, покрывшеюся золотыми листьями.»

Эта коляда имѣетъ разные варіанты и прибавленія.

МИРОЛОГИ.

6.

«Былъ праздникъ, когда я встрѣтилъ въ саду молодую дѣвушку межъ густыхъ деревьевъ. Пристально смотря на неё, я былъ въ недоумѣніи и спросилъ её со вздохомъ и съ сердечною скорбію:

— Что тебѣ нужно здѣсь, одной, въ такомъ тёмномъ саду?.....

— Благодарю тебя, юноша, за вопросъ твой, за доброе участіе ко мнѣ.

Часто на меня она посматривала; слёзы текли изъ очей ея и она, рыдая, сказала мнѣ:

— Прежде я была счастлива — теперь несчастна. Одного юношу любила я во всю мою жизнь; его берегла для меня судьба моя; онъ былъ моимъ свѣтомъ, свѣтомъ очей моихъ, онъ былъ врачемъ ослабѣвающихъ силъ моихъ, но злой Харонъ отнялъ у него жизнь.....

— Прекрасная дѣвушка! сядь, ради Бога, и разскажи мнѣ свои страданія, пока еще не поздно.

Она омочила слезами одежду и начала изливать предо мною жалобы.

— Юноша, принимающій участіе въ моихъ страданіяхъ! я заслуживаю твое сожалѣніе. Теперь брожу я здѣсь какъ сумасшедшая... Юноша, я хочу умереть.... Онъ былъ прекрасенъ, ангелъ видомъ..... Пусть возьметъ меня, пусть пресѣчётъ жизнь мою Харонъ.... Какъ я буду жить, бѣдняжка, одна безъ родныхъ, безъ сердечнаго участія!

Вождёмъ его былъ Караискаки. Мнѣ сказали, что *онъ*, мой милый, убитъ въ Аѳинахъ.... Объ этомъ-то героѣ мои слезы и рыданія!....»

7.

«Пользуйся, пользуйся жизнію! Время—буря, свѣтъ — океанъ, а ты лодка, близкая къ погибели....

Вчера онъ былъ здѣсь предъ битвой: губы его горѣли, лицо дышало, сердце его билось у моего сердца, а нынѣче!... нынѣче грудь его холодна, чело дышетъ холодомъ, смерть оковала его ясныя очи....

Васъ, мои милыя дѣти, васъ, мои сыновья, зовётъ вдовье сердце, сердце матери, утѣшьте меня, оботрите слезы мои!..... Одинъ изъ Царяграда, другой съ запада поспѣшите прилетѣть ко мнѣ, полетомъ ласточки!»

8. **Мирологъ турчанки.**

«Чего искалъ, что̀ хотѣлъ ты увидѣть на дикомъ берегу Дуная? Отчего тебѣ не мило, отчего грустно было жить въ родномъ краю?...

«Мохъ и повилика вьются на твоихъ воротахъ; садъ твой пожелтѣлъ и высохъ; стѣны безъ оружія, конюшни безъ лошадей; дворъ твой пустъ и глухъ ... Зачѣмъ-бы тебѣ гоняться за славой, зачѣмъ-бы не жалѣть родины и дома! помнилъ-ли ты, помнилъ-ли, что въ нихъ есть кому по тебѣ заплакать!»

9. **Одръ умирающей.**

Любовница говоритъ любовнику: «Безжалостный, пожалѣй невинную жизнь мою.... Чрезъ сплетни я умираю! жестокій, не сомнѣвайся во мнѣ... Смотри, какъ испускаетъ духъ дѣвушка, которую ты мучилъ...»

Она-же къ родителямъ: «Родители, не жалѣйте о смерти моей: — я умираю, надѣясь, что въ другомъ мірѣ увижусь съ вами... Прошу васъ, предстаньте предо мной съ юношей, котораго я любила... Пусть я съ нимъ вмѣстѣ буду судима. Мо-

жетъ быть въ другомъ мірѣ мопмъ будетъ тотъ, чрезъ кого здѣсь я перестала жить...»

Любовникъ къ окружающимъ: «Люди, пожалѣйте объ умирающей: она ничего не желала больше кромѣ смерти! скажите мнѣ, гдѣ гробъ той, которую я любилъ, съ которой я желалъ жпть на этомъ свѣтѣ....»

Люди, показывающіе ему гробъ: «Посмотри, вотъ гробъ, вотъ земля, скрывающая прекрасное тѣло дѣвушки, погибшей изъза горестной любви.... Приблпзься къ ея могилѣ и поцалуй свою красавицу.... Дай ей послѣдній даръ—вѣнокъ золотой, обвитый цвѣтамп.»

Любовникъ къ тѣни милой: «Прими, дѣвушка, мой послѣдній даръ—вѣнокъ, сплетенный изъ цвѣтовъ: я даю его тебѣ со слезами на глазахъ.... что приличнѣе ложу смерти, какъ не цвѣты! Радуйся, заключенная во гробѣ, благу и миру, такъ далёкому отъ смертныхъ! на муку я живу здѣсь:—грѣхъ смерти твоей приводитъ меня въ отчаяніе! Страшный грѣхъ жаждетъ страшнаго наказанія.—Совѣсть укоряетъ меня, называя преступникомъ предъ священнымъ чувствомъ любви:—это послѣднее, это тяжкое наказаніе.....»

Тѣнь къ любовнику: «Не приближайся ко гробу, гдѣ покоится тѣло мое! Безчувственная земля сочувствуетъ мнѣ..... Я не слышу вздоховъ вашихъ; чужды мнѣ ваши рыданія!..... Къ чему мертвецамъ цвѣты лилін! Если ты меня любилъ, ты долженъ былъ помочь мнѣ, а между тѣмъ весь свѣтъ удивлялся твоей жестокости. Теперь не приближайся ко гробу, оставь меня, не возмущай мою печальную тѣнь!....»

(Этотъ мпрологъ поютъ).

Любовникъ ко гробу: «Жестокая могила, сокрывшая дѣвушку, которой я предлагаю вѣнокъ, орошенный слезами! Прошу у тебя одной милости: прими и меня подъ сѣнь свою, тамъ я соединюсь съ тою, что такъ страстно люблю!....»

ПѢСНИ ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПОВѢРІЙ.

Духъ и мужикъ.

«Вечеромъ шелъ Яни, напѣвая сладкозвучную пѣсню. Вѣтерокъ, собирающій благоуханія, занесъ пѣснь его къ духу. Духъ вышелъ и сказалъ ему:

— Я съѣмъ тебя Яни!...

— За что-жъ хочешь съѣсть меня, духъ!

— За то, что поешь въ моемъ владѣніи сладкозвучную пѣсню. Ты разбудилъ ею моихъ пташекъ, уснувшихъ въ гнѣздышкахъ, разбудилъ рыбу въ озерной глубинѣ, разбудилъ дракона и жену мою, когда она стала засыпать....

— Не наказывай меня, духъ, такъ жестоко! Князь велѣлъ мнѣ къ тебѣ явиться, и я запѣлъ дорогой, чтобъ разогнать печаль свою. Я хотѣлъ развеселить васъ, а не разбудить.»

Эта пѣсня имѣетъ еще варіантъ.

Пастухъ и Харонъ.

«Прекрасный Левендисъ спускался съ горы на долину. Въ горахъ зашумѣлъ лѣсъ и злой Харонъ заградилъ ему дорогу.

— Стой, стой, Левендисъ, куда идёшь, откуда?

«Я пасъ стадо въ горахъ и спѣшу домой обѣдать, спѣшу орлинымъ полётомъ.

— А я спѣшу взять твою душу....

«Отпусти меня домой! позволь мнѣ еще пожить! Меня привязываетъ къ жизни молодая жена моя, дитя у груди ея, ясныя очи ея. Смерть моя оставитъ одинокою вдову мою на свѣтѣ....

Харонъ не видитъ горькихъ и чувствительныхъ слезъ; Харонъ не внемлетъ его жалобамъ.

— Подходи, подходи ко мнѣ, божокъ, помѣряемся силою. Я даромъ жизни не отдамъ.

И схватились они оба, оба другъ друга желая побороть, и оба имѣя одну силу и одно искусство.

Борцы то согнутся, то вновь выпрямятся, то къ землѣ склонятся; и долго они боролись, боролись цѣлый день, наконецъ вѣтеръ зашумѣлъ въ дубравѣ и Харонъ убилъ пастуха.»

Харонъ и Душа.

«Что въ тѣхъ дубравахъ шумитъ и темнѣетъ? — Вѣтеръ-ли шумитъ, иль дождь льётъ? — Не вѣтеръ шумитъ и не дождь льётъ: — это Харонъ съ душами въѣзжаетъ въ дубраву. — Молодые идутъ впереди его, старые позади, а дѣти сидятъ съ нимъ вмѣстѣ на конѣ.

— О, Харонъ нашъ! Остановись на какомъ-нибудь лугу, или у рѣчки. Подожди тамъ минуту, пока старики напьются, молодые позабавятся, дѣти нарвутъ цвѣтовъ.

«Нѣтъ, нѣтъ! Ни при какой рѣкѣ, ни въ какое время Харонъ не медлитъ, не останавливается..... Придутъ за водой матери, сироты, молодые и молодыя, узнаютъ въ васъ своихъ мужей, отцовъ, друзей и — тогда, тогда — кто васъ разлучитъ!...»

Прощальная пѣсня.

«Теперь май, теперь роса — время дорòги. Гость спѣшитъ на родныя поля. Ночью онъ сѣдлаетъ лошадь, ночью и куётъ ее. — Жемчугомъ блещетъ чепракъ его, блещутъ золотомъ шпоры. *Цвѣтъ красавицъ Греціи*, самъ ему свѣтитъ и наливая чару говоритъ:

— Эфенди мой! Возьми меня съ собою, возьми пока ночь тиха. Я не буду тебѣ въ тягость: я буду, какъ слуга, готовить тебѣ дорожную трапезу, стлать для обоихъ насъ одну постель.... О, другой ты не найдешь услужливѣе меня!

— Милая! куда я ѣду, тамъ тебѣ нельзя быть. Туда ѣдетъ воинъ, у кого въ рукахъ сила льва, а въ груди сердце дьявола.

— Одѣнь меня въ мужское платье, опояши саблей, дай мнѣ золотое сѣдельце и ты увидишь, что за всадникъ помчится за тобою!.. Ѣдемъ — не разлучимся!»

Эта пѣсня поется на отъѣздъ родныхъ, друзей и знакомыхъ.

Представляя читателямъ статью свою, какъ-бы нѣкоторое предварительное ознакомленіе съ содержаніемъ новогреческой народной словесности, я полагаю, что она не будетъ совершенно-лишнею, потому что у насъ очень мало было написано и переведено по этой части новогреческой народной словесности, и заключу эту статью слѣдующими словами французскаго издателя подлинника новогреческихъ пѣсней г. Форіеля: «Простонародныя пѣсни грековъ, и безъ объясненій, какихъ онѣ могутъ требовать, доставятъ намъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, научатъ судить съ большею, не какъ было донынѣ, точностію и съ большею справедливостію о нравахъ, характерѣ и геніѣ современныхъ грековъ.»

Таганрогъ.
1843.

РУССКІЯ ПѢСНИ НА ЧУЖБИНѢ.

I.

Hôtel «La Sirena» въ Сорренто.

Здѣсь текутъ стихи природы
Моря звучною волной;
Пѣнясь, силою свободы
Дышитъ ритмъ ихъ разсыпной.

Я стыжусь стиха людского:
Притаясь въ душѣ моей,
Онъ созналъ, какъ бѣдно слово
Предъ глаголами зыбей.

Въ ихъ стихахъ мой слухъ ласкала
Рѳома—небо и земля;
Ихъ цезура разсѣкала
Острой грудью корабля.

Воздухъ, созданный цвѣтами
Въ померанцовыхъ садахъ,
Тѣ стихи читалъ предъ нами
И по виллamъ и въ горахъ....

И внимали имъ, смолкая,
Судьи лучшіе стиховъ—
Соловьи земного рая,
Соррентинскихъ береговъ....

Но и здѣсь родной Россіи
Отдалъ я себя всего:
Снятся мнѣ стихи иные —
Строй народа моего.

Пѣсня Волги удалая
Мнѣ и здѣсь слышна въ волнахъ,
Вижу снѣгъ родного края
Въ Калабрійскихъ высотахъ....

Здравствуй мой землякъ холодный!
Какъ тебя въ отчизну розъ
Вѣтеръ съ сѣвера свободный
На крылахъ своихъ занѣсъ?....

Что-жъ онъ веселъ, нашъ питалецъ,
Переживъ свой тяжкій рокъ,
Исконно многострадалецъ,
Свѣторусскій мужичокъ?...

Ты, здѣсь глядя на оливы,
Вспоминаешь ли, какъ я,
Наши пажити и нивы —
Безрубежныя поля,

Ширь и глубь души народной,
То грядущаго зерно,
Что надеждой благородной
Намъ въ сердца̀ заронено?...

Снѣгъ! Быть можетъ въ край родимый,
Въ стаѣ южныхъ облаковъ,
Занесешься ты, гонимый
Мощной прихотью вѣтровъ, —

Благодатью дождевою
Тамъ падп на зелень,
И снесп поклонъ съ собою
Русскимъ людямъ отъ меня....

Неаполь.
8 мая 1861.

II.

На островѣ.

Еще такъ крѣпко здѣсь обычное преданье,
Еще торжественно царитъ здѣсь старый міръ,
Свободенъ и могучъ, примѣръ и указанье.
Поставленный себѣ народами въ кумиръ....
Онъ все опредѣлилъ, изчислилъ и размѣрилъ;
Его насущное по немъ и такъ умно,
Что осмѣютъ того, кто-бъ дерзко не повѣрилъ,
Что жизнію такой и всѣмъ бы жить должно....
Безъ сердца начерталъ онъ счастія предѣлы,
Границы угадалъ возможнаго съ мечтой;
Къ извѣстному впередъ его движенья смѣлы,—
Въ самодовольствіи гордится онъ собой....

Но дѣтямъ юнаго и бѣднаго народа,
Случайно брошеннымъ къ тебѣ на берега,
Не-по-сердцу твоя угрюмая свобода,—
Намъ жизнь твоя скучна, противна и узка....
Иль въ хаосѣ у насъ, средь варварскаго пира,
Средь безобразіемъ кишащей полутьмы,
Въ зачаткѣ носится ядро иного міра,
И свѣтъ надъ бездною ужъ будто видимъ мы?
Иль жить потребно намъ привольнѣе и шире,
Въ раздѣлѣ общемъ благъ, въ гармоніи страстей?...
Иль будемъ у себя мы только въ новомъ мірѣ,
Межъ обновившихся о истинѣ людей?

Лондонъ.
4 августа, 1861.

III.

Гладіатору въ Капитоліи.

Я узнаю въ тебѣ черты родныя,
Я узнаю славянскія черты;
Веревкою твоя обвита выя,
Задумчиво томишься смертью ты....

Скажи, зачѣмъ такъ бодро умирали
И бились родныя племена?
Какую мысль собою отстояли,
Посѣяли какія сѣмена?....

Но понялъ ты, что бились мы напрасно,
Что были мы всегда оружіемъ враговъ,
Одарены и силой духа страстной,
И силой мышцъ для доблестныхъ бойцовъ.

Ты говоришь славянскому народу,
Предъ смертію, свой мраморный завѣтъ: —
Сознай свою духовную природу,
О, богатырь, проспавшій столько лѣтъ!

Повѣй на міръ ты мыслью живоносной,
Таящейся зародышемъ въ тебѣ,
Предстань врагомъ ты всякой жизни косной,
Не отступай за истину въ борьбѣ....

Твоя рука, и пѣснь твоя, и слово
Способны міръ собою освѣжить;
Пріять тебя въ собраты все готово,
Все просится иною жизнью жить.

Римъ.
14 мая, 1861.

IV.

Лѣто на островѣ Уайтѣ.

Я-бъ съ тоски бѣжалъ отсюда,
Еслибъ здѣсь мнѣ моря шумъ,
Рѣзкій дождикъ, бьющій въ стёкла,
Не дарили прежнихъ думъ.

Вѣтра вой и гулъ, и взвизги,
Да лучи сквозь сумракъ дня,
Здѣсь, въ Британіи далекой,
Тѣмъ отрадны для меня,

Что въ смѣшеньи этихъ звуковъ,
Подъ туманомъ я живу,
Убаюканный природой,
Грежу Русью на-яву....

Лишь они мнѣ здѣсь родные,
Лишь отъ нихъ мнѣ есть привѣтъ:
Я въ нихъ вижу много, много
Русской осени примѣтъ,

Что хандру мнѣ наводила
Темной ночью, сѣрымъ днемъ,
Что мнѣ раны растравляла
Въ сердцѣ страждущемъ моемъ;

А теперь, и въ пору лѣта,
И въ отзвучіяхъ своихъ,
Льетъ елей на раны сердца,
Умягчая боли ихъ....

Вентноръ.
19 (7) іюля, 1861.

V.

Переѣздъ черезъ границу.

Насъ Западъ встрѣчаетъ привѣтно,
А Сѣверъ угрюмо глядитъ, —
И все въ немъ, что сердцу завѣтно,
На наше прощанье молчитъ....

Но вѣрить-ли ласкамъ чужбины?...
Иль искренен холодъ родной?...
Мы чуемъ подъ толщею льдины
Источникъ кипитъ теплотой.

Насъ ждутъ впереди водопады
И яхонтъ прозрачный небесъ,
Статуи, колонны, аркады
И лавровъ классическихъ лѣсъ;

Но Русь разметалась безъ мѣры,
Пространствомъ всѣ дивы закрывъ,
Въ чемъ видимъ мы, полные вѣры,
Таинственной мысли разливъ.

Тамъ много духовнаго хлѣба,
Какъ озимь, сокрыто въ землѣ;
Тамъ хмурое тучами небо,
И хмуро отъ думъ на челѣ?...

Отъ многой ли, давней кручины
Въ снѣгахъ посѣдѣла она,
Достойная высшей судьбины,
Непонята въ мірѣ одна?....

Но вотъ ужъ завѣса тумана
Скрываетъ родимый нашъ край: —
Прощай снѣговая поляна,
Родная березка, прощай!

Берлинъ.
14 марта, 1861.

VI.

Въ Трибунѣ.

Моя русая коса —
Всему городу краса.
Русская народная пѣсня.

Я много счастливъ тѣмъ, что съ свѣтлымъ умиленьемъ,
И сердце освѣживъ здоровымъ обновленьемъ,
Вздохнулъ хоть разъ одинъ свободною душой
Предъ этой дѣвственной кумира чистотой....

Не тотъ-ли смертный могъ сей образъ вѣчно-милый
Создать, какъ женщины грядущей идеалъ,
Кто всей духовною потребностью и силой
Одной лишь красоты отъ жизни пожелалъ?
Здѣсь суетное все слагаешь у порога,
Гдѣ нѣтъ прошедшаго, и будущаго нѣтъ,
А счастія тебѣ невѣдомаго много,
Какъ-будто ты обрѣлъ какой-то новый свѣтъ....
Но и въ обители искусства Елизейской,
Предъ этой лучшею Флоренціи красой,
У славной статуи богини Медичейской,
Нежданно о тебѣ я вспомнилъ, край родной!...
Пусть отъ него меня, какъ бездной, раздѣляетъ
Пространствъ, морей и горъ разлившаяся даль:
Я слышу, — пѣснями народъ тамъ оглашаетъ
Свой безустанный трудъ, разгулье и печаль!
Тамъ въ полѣ дѣвица, рукою загорѣвшей,
На солнцѣ поводя сіяющимъ серпомъ,
Въ волнахъ зыбучей ржи, какъ золото, созрѣвшей,
Поетъ о красотѣ подъ тягостнымъ трудомъ.

И здѣсь, на статую взирая молчаливо,
Я пѣснѣ жницы той сочувствую правдиво,
Поющей на Руси, что женская коса
Есть городу всему гордыня и краса....

Флоренція.
1861.

VII.

Симплонская дорога.

Всѣ эти бездны да обвалы,
Снѣга, потоки, водопадъ
Да сѣрыя нагія скалы
Мнѣ въ душу холодно глядятъ.
Курятся горы облаками,
Курится ими тощій лѣсъ;
Гдѣ-гдѣ безцвѣтными клочками
Лишь видны полосы небесъ.
Смѣшенье нищеты съ величьемъ
Повсюду царствуетъ въ горахъ....
Безлюдно:—развѣ съ зобомъ птичьимъ
Дѣвчонку видишь при овцахъ,
Да горный камышекъ цвѣтистый
Убогій мальчикъ продаётъ,
Да домикъ бѣдненькій, но чистый
Изъ-за утеса промелькнётъ....

Узка кремнистая дорога,
Вiясь надъ бездной, какъ змѣя:
Съ ней подымаюсь въ область Бога,
И въ пропасти спускаюсь я....
Но свѣтъ мгновенно исчезаетъ,
Глубокій мракъ разлитъ въ очахъ:
То веттуринъ мой проѣзжаетъ
Подвалъ, прорубленный въ скалахъ. ..
И вновь на свѣтъ, на холодъ снѣжный,
И вновь я слышу хороводъ
Однообразный, мелкобѣжный
По камнямъ прыгающихъ водъ....

Я въ Альпы такъ зашелъ высоко, —
Когда-бъ не тучъ, не сосенъ строй, —
Кажись, изъ моего далёка
Возмогъ-бы видѣть край родной;
И мнѣ казали сосны эти
Къ своимъ поволжскимъ сестрамъ путь, —
Да и пора въ родимой клѣти
Отъ дальнихъ странствій отдохнуть!
Вѣдь намъ ужъ съ родины дѣлами
И трезвой мыслью понесло....
Намъ холодно за облаками,
А на землѣ у насъ тепло!

Бригъ, въ Швейцаріи.
7 іюня, 1861.

VIII.

Бельведеръ.

По Ватиканскимъ галлереямъ,
Путемъ гробницъ къ нему я шёлъ:
Тамъ торжество надъ древнимъ змѣемъ —
Намъ провѣщательный глаголъ....
И я увидѣлъ Аполлона,
Съ побѣдой свѣтлой на челѣ
Ужъ поразившаго Пиѳона
Въ болотной тинѣ и во мглѣ....
Не наше-ль впереди блаженство
Въ его рисуется чертахъ,
Не мысли-ль нашей совершенство,
Не зло-ль, поверженное въ прахъ?
Намъ этотъ мраморъ указуетъ
Людей грядущую судьбу: —
Такъ свѣтъ надъ тьмой восторжествуетъ,
Пройдя сквозь долгую борьбу.

Во мнѣ я слышалъ какъ цѣлилась
Болѣзнь отчаянья людей,
Какъ даль яснѣе становилась
Подъ тяготою нашихъ дней;
И хоть порывъ къ труду сильнѣе,
Душимый жизнью, вопіялъ,
Хоть чувство русское больнѣе
Въ крови я сердца ощущалъ:
Но все-же вспомню я порою,
Страдая отъ житейскихъ ранъ,
Что съ облегченною душою
Тебя оставилъ, Ватиканъ!....

Римъ.
18 мая, 1861.

IX.

Въ уединеніи.

Мнѣ душно въ городѣ, мнѣ больно межъ людей:
Спѣшу я подышать на персяхъ у природы
Красою дѣвственной нетоптанныхъ полей
И воздухомъ незнаемой свободы.

Привѣтливо бѣжитъ покорною волной,
Чтобъ освѣжить меня, привольная стихія;
А небо вешнее прохладной пеленой
Раскинуло, ласкаясь, надо мной
И радуги, и тучки золотыя.

Здѣсь сердце, умирясь, вкушаетъ тишину,
Лишь созерцанію безстрастному послушно, —
Готовъ отдаться я младенческому сну.....
Но здѣсь опять мнѣ тяжело и душно:

Я вижу, счастія желаемаго нѣтъ
Моей душѣ и здѣсь, въ тиши уединенья,
И въ себялюбіи, вдали отъ общихъ бѣдъ,
Отъ вѣчнаго всемірнаго движенья....

Иль сердцу русскому не разорвать связей
Съ вошедшей въ духъ и кровь родимой стороною?
Вдали отъ родины мы чувствуемъ сильнѣй
Всѣ тяготы насущныхъ нашихъ дней
Съ ихъ новою, пророческой тоскою.....

Разноголосица непризванныхъ умовъ,
Нестройность шаткихъ дѣлъ безъ мысли и безъ знанья,
Иль дѣло мнимое въ шумихѣ звонкихъ словъ
И пустоцвѣтъ изъ почвы отрицанья:

То къ росту нашему, то въ назиданье намъ,
То гной, пробившійся отъ прежнихъ заблужденій,—
Да примемъ должное мы по своимъ грѣхамъ,
Средь новыхъ думъ, въ пылу иныхъ стремленій.

Провидѣнья души рисуютъ предо мной
Богатства нашихъ силъ и нашъ размахъ желаній,
И Руси будущей своеобразный строй,
И мысль ея безъ дѣтскихъ подражаній.

Сирены о́зера и нимфы-островки,
Вся эта свѣтлая природа и искусство,
Не усыпятъ во мнѣ тревогъ моей тоски
И матерью взлелѣяннаго чувства....

О, какъ бы я хотѣлъ отсюда убѣжать
И къ братьямъ кинуться въ объятья со слезами,
Ихъ небомъ пасмурнымъ и вьюгами дышать,
Глухими ихъ страданьями страдать
И пѣть о нихъ сострастными стихами!

Вилла у Лаго Маджіоре.
1861.

X.

Пѣсня ратникамъ Московскаго ополченія.

I.

«Дѣло земское», ребята!
Съ этимъ словомъ мы впередъ...
Дядя Минычъ съ нимъ когда-то
Нашъ отстаивалъ народъ...

И двѣнадцатаго года
Вамъ разскажутъ старики,—
Какъ нашла на насъ невзгода,—
Бились наши мужики.

Всѣ мы любимъ Русь святую...
Любо русскому стократъ,
Что за земщину родную
Рати земскія стоятъ...

Скажемъ вамъ мірскою сходкой:—
Съ-Богомъ, Божій мужичокъ,
Бейся, русая бородка,
Ратуй, сѣрый армячокъ!

II.

Знать Господь судилъ омыться
Людямъ въ пламени, въ крови,
Чтобы вновь имъ народиться
Къ жизни правды и любви,—

Да вседумно отдадимся
Силъ врожденныхъ полнотѣ,
И умами просвѣтлимся
Въ чистой сердца простотѣ,

Да, скрижалямъ долга вѣрны,
Въ обновленья славный часъ
Съ корнемъ мы изъимемъ скверны
И всѣ плевелы отъ насъ...

И велико время это:
Имъ мы движемся, ростёмъ,
Бога мысли, Бога свѣта
Къ дѣлу жизни призовёмъ,—

И пошлетъ онъ намъ строенье,
Правый судъ и вѣщій гласъ,
И мечомъ миротворенья
Препояшетъ крѣпко насъ...

Духа мудраго святыней
Будь, Русская земля,
Имъ сіяя надъ твердыней
Вѣковѣчнаго Кремля,

Озаряй твои народы,
Къ лучшей долѣ ихъ зови,
Будь поборницей свободы
И подвижницей любви.

1855

XI.

Великая панихида.

(Изъ Челяковскаго).

Не отъ ливня, не отъ града,
И залиты, и побиты,
Полегли хлѣба̀ на полѣ:
То, подъ матушкой-Москвою,
По долàмъ и по равнинамъ,
Много храбрыхъ ратей русскихъ
И французскихъ полчищъ много
Ко сырой землѣ приникло,
Переколотыхъ, побитыхъ
Палашами и штыками,
И дождемъ и пуль и ядеръ...
Дѣти матери великой,
Милой родины защита,
Доброму царю радѣльцы!
За любовь, за жертвы ваши,
Что вы душу положили
За народъ свой и за землю,
Въ память вѣчную вамъ, братья,
Мы отпѣли панихиду,
И такую панихиду,
Что не видано на свѣтѣ
И не слыхано донынѣ!.....
Но за всѣхъ васъ, славно павшихъ,
Свѣчъ у насъ не доставало,
Воску вдоволь не хватало:
И, подъ небомъ — храмомъ Божьимъ,
Мы зажгли, отъ всей Россіи,
Лишь одну свѣчу большую —
Матушку-Москву родную,
Чтобы та свѣча горѣла
Вамъ за упокой душевный,
А врагамъ на посрамленье.

(Съ Чешскаго).

XII.

Йово и Мара.

(Сербская народная поэма [1]).

Двое милыхъ, любясь, выростали:
Юный Йово да дѣвушка Мара,
Съ малолѣтства, отъ третьяго года
Ихъ увидишь — такъ радостно станетъ, —
Скажешь: это василекъ со тминомъ...
Умывались одною водою,
Утирались однимъ полотенцемъ,
Любо въ очи другъ-другу глядѣли,
Будто солнце въ глубокое море;
Пѣли пѣсню одну вечерами,
Темной ночью одинъ сонъ видали.
Впору Йовѣ ужъ было жениться,
Можно было отдать Мару замужъ.
Выросъ Йово удалъ изъ удалыхъ,
Красотою красивѣй дѣвицы
Мара... Слова для Мары не сыщешь! —
И на свѣтѣ такой не бывало!..
Не увидишь очей ея лучше,
Тоньше стана ея не найдется;
Миловидна, что горная вила [2]),
А гибка-то, что ель молодая.
Годъ на Мару гляди, — и все мало...
Мало-бъ вѣку любить эту Мару!
Какъ увидишь ее — заболѣешь,
А посмотрпть — такъ вылечитъ разомъ...
Но сироткой была наша Мара,
Йово-жъ былъ изъ богатаго рода,
Не простого, господскаго рода.
Разъ онъ Марѣ, вздохнувши, промолвилъ:
«Такъ ли любишь меня, моя Мара,
Какъ люблю я тебя, мое сердце?»

---

[1]) См. ниже примѣчанія къ поэмѣ.

Тихо Мара ему отвѣчала:
«Милый Йово, ты глазъ мнѣ дороже,
Завсегда ты на мысляхъ у Мары!
Какъ мать сына, ношу тебя въ сердцѣ..!.»

Ихъ подслушалъ незамѣтный сторожъ,
Мать Йована [3]) тѣ слышала рѣчи;
Злясь на Мару, сказала Йовану:
«Милый Йово, перо дорогое [4])!
Позабудь ты объ этой дѣвчонкѣ...
Есть невѣста и лучше, и краше:
То Фатима *Атлагича Злато*... [5])
Фата съ дѣтства взлелѣяна въ клѣткѣ,
И не знаетъ, что̀ солнце, что̀ мѣсяцъ;
Не видала, какъ хлѣбъ зеленѣетъ,
Не видала муравки на полѣ,
Не видала ни разу мужчины;
А къ тому-жъ и богатаго рода,
И въ подмогу богатствомъ сгодится...»

Отвѣчаетъ тутъ матери Йово:
«Дорогая, безцѣнная *майко* [6])!
Заклинаю тебя я и небомъ,
Заклинаю тебя и землею:
Не разрозни ты милаго съ милой...
Не богатство серебро да злато,
А богатство, что̀ дорого сердцу!..»
Но не хочетъ и слушать старуха.

Рада-бъ слышать слова эти Мара,
Но далеко отъ ней ея милый.
Мара плачетъ, а вѣтеръ разноситъ:
«Много тьмы есть у пасмурной ночи, —
Больше горя у Мàрицы [7]) въ сердцѣ...
Ужъ извѣстно, какъ мóлодцы любятъ:
Какъ ласкаютъ — въ любви увѣряютъ,
Перестали — смѣются съ друзьями...
Не таковъ онъ, возлюбленный Йово,
Да ужъ, видно, такая мнѣ доля!..
Чуть запàхъ мнѣ цвѣтокъ мой душистый,—

И достался другой соколищѣ... [8])
Свѣтъ мой, Йово, свѣтъ, жаркое солнце!
Ты лучисто меня освѣтило,
Да и скоро запало за гору...»
Мара плачетъ, а вѣтеръ разноситъ.

Одного все нашъ держится Йово:
«Нѣтъ, ей-Богу, моя мать родная,
Лучше смерть чѣмъ жениться на Фатѣ: —
Сердце проситъ одну только Мару...»
Но не хочетъ и слушать старуха,
И не хочетъ высватывать Мары;
Поспѣшаетъ къ Атлагича Злату;
Но Фатима [9]), Атлагича Злато,
Заклинаетъ старуху святыми,
Чтобъ не сватать ее за Йована:
«Неразумно, грѣшно и жестоко
Разлучать двѣ души неразлучныхъ,
Двухъ немилыхъ заставить любиться.»
Но не хочетъ и слушать старуха:
Заручила, кольцомъ обручила,
Малый срокъ имъ назначила къ свадьбѣ,
Небольшой срокъ — одну лишь недѣлю,
И сзываетъ сватовъ къ тому сроку.
Созвала ихъ, пошла по невѣсту.
«Сынъ-кормилецъ, пойдемъ по невѣсту!
Мать Фатиму тебѣ заручила,
Заручила, кольцомъ обручила...»
Но не хочетъ послушаться Йово,
Остается въ дому своемъ бѣломъ.

Мать безъ сына пошла со сватами,
Къ ней выходитъ Атлагича Злато,
И цѣлуетъ ей правую руку:
«Мать-старушка молодого Йовы!
Что за утро, какъ солнце не грѣетъ,
Что за ночь та, какъ мѣсяцъ не свѣтитъ,
Что за сваты, когда жениха нѣтъ!..»
Отвѣчаетъ на это старуха:
«Заклинаю, Атлагича Злато!

Не заботься о суженомъ Йовѣ...
Онъ женихъ твой, а мой однокровный:
Здѣсь гора есть, въ ней водятся вилы;
Между ними есть горная вила,
Та, что̀ злато съ коней выбиваетъ,
А за сына, какъ мать, я боюся,
Чтобы вила его не убила,
Молодого, единаго сына...»

Какъ въѣзжали на дворъ они къ Йовѣ,
Разомъ сваты съ коней посходили,
Но не сходитъ Атлагича Злато,
И сказала Фатимѣ старуха:
«Слѣзь, невѣстка моя дорогая!»
— «Нѣтъ, не слѣзу, ей-Богу, не слѣзу,
Если лошадь мою онъ не приметъ
И не сниметъ съ нея меня Йово!..»
И пошла мать къ Йовану на вышку,
И такъ сыну она говорила:
«Сынъ-кормилецъ! Сойди ты отсюда,
Тамъ ты примешь Атлагича Злато.»
Поднялся онъ, упалъ на колѣни,
Ублажаетъ свою мать родную,
Точитъ слезы, какъ будто дѣвица,
Точитъ слезы, рыдаючи, молвитъ:
«Не пойду я, ей-Богу, родная!
Въ чемъ клялся я—будетъ тверже камня...»
Но и слушать не хочетъ старуха:
«Прокляну я и грудь что̀ вскормила
Мнѣ такого негоднаго сына,
Если злато съ коня ты не ссадишь!..»
Что-жъ тутъ дѣлать, скажите, Йовану?
Всталъ онъ быстро на легкія ноги,
Отираетъ горючія слезы,
И выходитъ поспѣшно къ дѣвицѣ.
Онъ снимаетъ съ коня свое злато,
Онъ снимаетъ, и на̀ землю ставитъ...
Не слыхали, сказалъ ли что Йово,
Не слыхали, сказала-ль что̀ Фата, —

Только сталъ полотна онъ бѣлѣе,
Только Фата бѣлѣй стала снѣга...

Былъ отправленъ обрядъ по закону,
Вотъ и время садиться за ужинъ;
Чинно сваты за столъ посадились,
Повели ужъ на верхъ новобрачныхъ.
Сѣла злато на мягки подушки,
Йово сѣлъ на узорную скриню [10]).
Самъ снялъ поясъ и самъ раздѣвался:
Самъ онъ вѣшалъ оружье и платье,
Говоритъ самъ и самъ отвѣчаетъ...
«Вѣрно, скажетъ теперь мое злато:
Йово Фату-невѣсту цѣлуетъ,
Обо мнѣ же теперь и не вспомнитъ...
Нѣтъ, не будетъ измѣнникомъ Йово:
Легче съ жизнью разстаться для Йовы!»

Это Фата и слышитъ-не-слышитъ.
Точитъ слезы по щечкѣ румяной:
— «Боже правый! Накажи старуху,
Что двухъ милыхъ она разлучила,
Двумъ немилымъ велѣла любиться...»
Это Йово и слышитъ-не-слышитъ.

Завернулся плащомъ онъ широкимъ,
Взялъ подъ плащъ онъ тамбуру [11]) съ собою,
И пошелъ подъ окно своей Мары.
Онъ ударилъ въ пѣвучія струны,
Заигралъ, — и запѣлъ подъ тамбуру:

«Вѣрно, скажетъ теперь моя Мара,
Что съ невѣсты кафтанъ я снимаю...
Не снималъ я, клянусь моей жизнью,
Клянусь жизнью моей и твоею!

«Вѣрно, скажетъ теперь моя Мара,
Что съ невѣсты покровъ я снимаю...

Не снималъ я, клянусь моей жизнью,
Клянусь жизнью моей и твоею!

«Вѣрно, скажетъ теперь моя Мара,
Что цѣлую невѣсту я въ щеку...
Не цѣлую, клянусь моей жизнью,
Клянусь жизнью моей и твоею!
«Нашей первой любовью клянусь я!
Можно солнцу упасть бы на землю,
Но не Йовѣ сломить свою клятву...»

И подъ пѣсню проснулася Мара:
«Роза пахнетъ, — то, вѣрно, мой милый...
Роза пахнетъ, тамбура играетъ...»

Но къ Фатимѣ пошелъ уже Йово.
Пала Мара въ пуховы подушки:
«Сонъ, жестоко меня обманулъ ты!..
Сиротинку и сонъ обижаетъ...»

Йово къ Фатѣ своей воротился,
Онъ ей поднялъ съ лица покрывало:
Яркимъ солнцемъ лицо заблистало,
Чорны очи — самоцвѣтнымъ камнемъ,
Чорны очи, слезъ полныя очи...
Тихо молвитъ Фатима-невѣста:

— «Покарай ты свекровь мою, Боже,
Что двухъ милыхъ она разлучила!»
Смотритъ Йово на Фату-невѣсту,
Между глазъ онъ невѣсту цѣлуетъ [12]),
Говоритъ ей: «Душа моя, Фата!
Принеси мнѣ чернилъ и бумаги:
Два-три слова хочу написать я,
Чтобъ тебя не обидѣла майка».
Написалъ онъ письмо свое мелко,
И промолвилъ Фатимѣ-невѣстѣ:

«Слушай, слушай, Атлагича злато!
Ни полслова до бѣлаго утра:

Пусть напьются вина твои братья,
Сестры въ волю наплящутся въ коло [13]),
И докончитъ свои пѣсни майка!..
Съ Богомъ, злато! Будь навѣкъ счастлива!..»
Онъ, цѣлуя межъ глазъ свою Фату,
Къ ней безъ жизни упалъ на колѣни,
Смотритъ Фата — мертвецъ передъ нею,
Горько плачетъ, но слова не молвитъ,
Промолчала до бѣлаго утра...
И тогда, какъ заря показалась,
День зажегся и солнышко встало,
Разбудить ихъ хотѣла старуха,
И на вышку взошла къ новобрачнымъ,
И *пошмагомъ* [14]) ударила въ двери.
— «Встань же, Йово, дитя дорогое!
Вѣдь, ужъ солнце высоко на небѣ...»
Отворила ей двери Фатима,
Со слезами на личикѣ бѣломъ.
Мать Йована сказала невѣсткѣ:
— «Пусть я плачу по немъ безъ умолку!» [15])

Отвѣчаетъ свекрови невѣстка:
«Не брани ты его, дорогая!
Ужъ вчера онъ оплаканъ тобою,
Какъ ты силой его обвѣнчала...
Вонъ онъ, Йово, — лежитъ уже мертвый!»
И старуха навзрыдъ зарыдала,
Зарыдала, проклиная Фату:
— «Что̀, скажи мнѣ, ты сдѣлала сыну?..
Говори же... Будь проклята Богомъ!..
Удушила за что̀ ты Йована?..»
И Фатима въ отвѣтъ ей сказала:
«Не кляни же, Йованова майко!..
Не сгубила твоего я сына, —
Я себя бы скорѣе сгубила...
Вотъ, Йована письмо небольшое:
Для тебя мнѣ его онъ оставилъ.»
Мать Йована письмо то читаетъ,
И, читая, слезы проливаетъ;
А въ письмѣ томъ написано было:

«Созови мнѣ, родимая майко,
Созови мнѣ носильщиковъ юныхъ,
Неженатыхъ носильщиковъ, юныхъ,
Провожатыхъ дѣвицъ, незамужнихъ,
И надѣнь мнѣ тонкую рубаху,
Ту, что̀ Мара по любви мнѣ сшила,
Повяжи мнѣ шитую мара́му [10]),
Что̀ мнѣ Мара, любя, вышивала,
Положи мнѣ цвѣточки гвоздики, —
Ими Мара меня убирала.
Подлѣ Мары меня пронесите...
Какъ дойдете до Марина дома,
Положите меня вы на травку:
Пусть увидитъ меня моя Мара,
Пусть хоть мертвымъ меня поцѣлуетъ,
Вѣдь живого меня цѣловать ей
Не пришлось ни единаго разу...»
Мать Йована такъ письмо читала,
Такъ читала, слезы проливала;
Пала камнемъ на мертваго сына,
Пала камнемъ, вопила, рыдала,
Куковала жалобно кукушкой,
И вдовицей сиротой стенала.

По наказу молодого Йовы,
Что̀ сказалъ онъ, то сдѣлано было.
И созвали носильщиковъ юныхъ,
Неженатыхъ носильщиковъ, юныхъ,
Провожатыхъ дѣвицъ, незамужнихъ,
И надѣли на него рубаху,
Ту, что̀ Мара, любя, ему сшила,
Повязали шитою марамой,
Той, что Мара, любя, вышивала,
И убрали цвѣтами гвоздики —
Тѣмъ, чѣмъ Мара его убирала.
Подлѣ Мары несли его тѣло;
И сидѣла она подъ окошкомъ:
На головкѣ алѣли двѣ розы,
И упали тѣ розы на пяльцы...
Мара шила и плакала горько,

И тихонько матери сказала:
«Боже!... Майко! что это такое?
Обѣ розы съ головы упали...
Богъ избави, что-нибудь случится!..[17])
Что-то сильно гвоздикою пахнетъ[18]),
А косою еще больше пахнетъ,
И какъ будто Йовиной косою[19]):
Пахнетъ розой, дорогая майко!
Пахнетъ розой у нашего дома...
Не душа ли то носится Йовы?...
Пахнетъ розой:—идетъ ко мнѣ мой милый!...»
Тихо мать ей на это сказала:
«Не блажи ты, дорогая дочка!
Вѣрь мнѣ, Йово цѣлуетъ другую,—
О тебѣ же теперь и не вспомнитъ...»
И вскочила, какъ въ безумьи, Мара:—
«Не добро ты вѣщуешь мнѣ, майко!...
Роза пахнетъ:—онъ здѣсь, мое сердце!»
Мигомъ съ вышки спустилася Мара,
За ворота на улицу вышла.
Увидала жемчужную вѣтку[20]),—
Побратимовъ заклинаетъ Богомъ:
«Чья то, братья, жемчужная вѣтка?»
Отвѣчаютъ ей два побратима:
—«Это вѣтка молодого Йовы.»
Мара проситъ носильщиковъ юныхъ:
«Ради Бога, носильщики братья,
Опустите на травку Йована —
Пусть хоть мертвымъ его поцѣлую,
Вѣдь живого я не цѣловала!...»
Ради Бога услышана просьба:
Тѣло Йовы на травку спустили;
Крѣпко Мара къ мертвецу прильнула...
И припавши къ мертвецу живая,—
Ужъ безъ жизни осталась у гроба.

Плачетъ Фата съ матерью Йована,
Бѣдной Мары плачетъ мать родная,
Горько плачетъ, проклинаетъ страшно:
«Богъ накажетъ, Йованова майко!

Не велѣла живымъ ты любиться, —
Такъ ты мертвыхъ теперь не разлучишь...»

Стали Марѣ гробъ тесать мечами, —
И тогда, какъ понесли Йована,
Положили въ домовище Мару;
Какъ Йована принесли къ могилѣ,
Со двора ужъ выносили Мару;
Какъ Йована спускали въ могилу,
До могилы доносили Мару.

Ихъ въ могилѣ одной схоронили,
И руками ихъ соединили;
Положили имъ яблоко въ руки [21]): —
Пусть же знаютъ, что они любили!...
Ихъ одною землею покрыли,
Зеленѣла на нихъ одна травка.
Шли одною дорогой старухи,
Съ ними шла и Фатима-невѣстка...
Идутъ вмѣстѣ кладбищемъ въ деревню,
Проклинаютъ молодыхъ и старыхъ,
Кто двухъ милыхъ въ любви разлучаетъ.

Мало время съ тѣхъ поръ пролетѣло:
Изъ Йована выросъ боръ [22]) зеленый,
А борика выросла изъ Мары,
И по бору вилася борика,
Словно вьются шелковыя нити
По пучку изъ душистаго смиля [23]),
Чемерица-жъ — возлѣ ихъ обоихъ... [24])

Боже правый! за все Тебѣ слава...
Накажи Ты молодыхъ и старыхъ,
Кто двухъ милыхъ въ любви разлучаетъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Четыре списка этой эпической пѣсни напечатаны въ первой части *Сербскихъ Пьсней*, собранныхъ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ (изданіе 1841 года). Первый списокъ, подъ № 342, озаглавленъ «*Смрт Ивана и Іелене*» (изъ Синья у Далмаціи); второй, подъ № 343, называется: *Смрт Омера и Мериме*.

Эта пѣсня въ разныхъ варіантахъ поется повсемѣстно, гдѣ только находится сербское народонаселеніе.

Въ первый разъ В. С. Караджичъ слышалъ эту пѣсню въ Тершинѣ, въ Далмаціи, отъ турецкаго цыгана изъ Босніи; но, къ сожалѣнію, не записалъ ея со словъ цыгана, тѣмъ болѣе, что его пѣсня, какъ замѣчаетъ В. С. Караджичъ, оказалась впослѣдствіи и самою большою, и самою лучшею въ эстетическомъ отношеніи между многими варіантами этого произведенія народной сербской поэзіи.

Одинъ извѣстный русскій славянистъ, назадъ тому лѣтъ 15 возвратясь изъ путешествія по славянскимъ землямъ, привезъ съ собою *рукописный* списокъ этой пѣсни, превосходящій во всѣхъ отношеніяхъ упомянутые четыре списка, *напечатанные* В. С. Караджичемъ. Можно полагать, что пѣсня, слышанная имъ отъ цыгана, и почему-то не записанная, записана нашимъ ученымъ славянистомъ, съ рукописи котораго (до сихъ поръ не напечатанной) и переведена предлагаемая теперь русскимъ читателямъ сербская народная поэма *Йово и Мара*, то-есть: *Иванъ и Марья*.

Она названа мною не пѣсней, а поэмой, потому что заключаетъ въ себѣ полный, замкнутый кругъ жизни и всѣ внѣшніе художественные пріемы эпической поэмы, встрѣчающіеся только въ большомъ и строго-организованномъ произведеніи народнаго эпоса.

По свидѣтельству черногорца Саввы Пламенца, эта пѣсня въ Черногоріи поется къ хороводѣ (въ коло), безъ сопровожденія гуслей.

Она переведена размѣромъ подлинника съ сохраненіемъ даже и ритма его.

Чтобы читать ее правильно, неизлишне будетъ объяснить размѣръ ея, отчасти не похожій на общеупотребительные у насъ размѣры. Здѣсь каждый стихъ состоитъ изъ 10 слоговъ, составляющихъ собою два хорея съ цезурою послѣ нихъ и два амфибрахія (—∪ | —∪ || ∪—∪ | ∪—∪), что̀, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно читать и какъ-бы трехстопный анапестъ.

Но, между этого рода стихами, попадаются иногда *стихи въ пять хореевъ*, состоящіе все-же-таки изъ 10 слоговъ какъ, напримѣръ:

Не богатство серебро да злато,
А богатство, что̀ дорого сердцу.

Это придаетъ стиху болѣе ритмическаго теченія и музыкальныхъ оттѣнковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какую-то, свойственную прозѣ, безыскусственную простоту, которая скрываетъ незамѣтно небольшое разнообразіе размѣра.

Принявъ въ соображеніе сказанное мною, читатель увидитъ, что въ каждомъ словѣ поэмы удареніе стоитъ естественно на своемъ мѣстѣ и для стиха нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не переставляется.

Подобное отступленіе отъ рутинныхъ, общеупотребительныхъ размѣровъ стиха представляетъ слѣдующее мѣсто изъ русской народной пѣсни о «Хмѣлѣ»:

«Хмѣлюшка по торгу гуляетъ,
Да и самъ себя Хмѣль выхваляетъ:
Что и нптъ-то меня Хмѣлюшки лучше,
Хмѣлевой моей головки веселѣе.

Этотъ стихъ не можетъ быть подведенъ ни подъ какую формулу общепринятыхъ, или извѣстныхъ размѣровъ, а между тѣмъ онъ проникнутъ тонкою музыкальностію и неуловимо-художественнымъ ритмомъ, безотчетно и непосредственно понятнымъ только поэтическому чувству.

Знакомые съ техникой дѣла поймутъ всѣ трудности этого перевода. Въ немъ нужно было избѣгать и общеупотребляемаго у насъ стихотворнаго языка, и, во многихъ случаяхъ, простонароднаго русскаго языка съ его особенностями, чтобы, сохраняя своеобразную простоту подлинника, не свѣять характеристическихъ оттѣнковъ его въ выраженіи, тонѣ и содержаніи, исключительно свойственныхъ извѣстной народной словесности.

Подобныя трудности особенно представляются въ переводахъ поэтическихъ произведеній близкихъ, соплеменныхъ народностей.

2) *Вила*—миѳическое существо сербской демонологіи, означающее нимфу горъ, лѣсовъ и пустынныхъ мѣстъ, существо въ родѣ нашей русалки или новогреческой айлуды (αὔλούδα—безплотная).

3) *Йованъ* тоже, что Йово—Иванъ.

4) *Перо* вообще принимается какъ дорогой головной уборъ у мужчинъ и у женщинъ. Собственно такъ-называемое *перо* дѣлается или изъ настоящихъ птичьихъ перьевъ, или бываетъ металлическое со вправленными въ него жемчужными зернами или драгоцѣнными камнями. У прежнихъ султановъ до реформы Махмуда чалма всегда украшалась перомъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Въ настоящемъ случаѣ перо означаетъ драгоцѣнность.

5) *Атлагича Злато.* Атлагичи—богатая и знатная сербская фамилія беговъ, въ Босніи и Герцоговинѣ, принявшая мусульманство. *Злато* — золото, драгоцѣнность, клейнодъ, дорогое

кому-либо существо. Юноши и дѣвушки для ихъ родителей—злато; жена для мужа и т. п.

6) *Майко*—звательный падежъ отъ ласкательнаго слова *майка*—матушка.

7) *Марица* то же, что́ Мара—Марья.

8) «*Къ другой соколицѣ*» значитъ здѣсь — къ другой красной дѣвицѣ, такъ какъ соколомъ называется добрый молодецъ. Это общее эпическое выраженіе. Мотивы, заключающіеся въ этихъ двухъ стихахъ, встрѣчаются и въ другихъ пѣсняхъ.

9) *Фатима* тоже, что̀ и Фата—имя мусульманское.

10) *Скриня*—сундукъ.

11) *Тамбура*—инструментъ въ родѣ балалайки съ металлическими струнами, на которомъ играютъ маленькою палочкой изъ черешневой коры.

12) Этимъ пѣсня показываетъ, что Йово относится къ Фатѣ, какъ къ совершенно посторонней для него дѣвушкѣ, оттого ее и цѣлуетъ не въ губы, а въ лобъ, или, какъ выражается пѣсня «между глазъ».

Такое же отношеніе Йово къ Фатѣ показываютъ и слѣдующіе стихи:

«*Самъ* снялъ поясъ и *самъ* раздѣвался
Самъ онъ вѣшалъ оружье и платье.»

Потому что, по обычаю, жена раздѣваетъ мужа въ этомъ случаѣ.

13) *Коло*—круговая пляска.

14) *Пошмагъ* — остроконечный, нѣсколько поднятый кверху башмакъ, что́ у турокъ называется папучи. Пошмаги бываютъ сафьяновые и бархатные, шитые золотомъ.

15) Вѣроятно, въ этомъ мѣстѣ пѣвцомъ, со словъ котораго списана пѣсня, пропущенъ одинъ стихъ. Соображаясь съ другими пѣснями, при подобнаго рода эпическихъ мотивахъ, можно полагать, что свекровь, неожиданно увидя плачущую невѣстку, негодуетъ на сына, который на другой день свадьбы ужъ успѣлъ

обидѣть свою жену, и заставилъ ее плакать: потому-то старуха и говоритъ о виновникѣ слезъ Фаты:

«Пусть я *плачу* по немъ безъ умолку.»

16) *Мирама* —галстухъ, ширинка, платокъ, большею частію шитый по краямъ шелкомъ или золотомъ.

17) Цвѣты, нечаянно упавшіе съ головы, принимаются здѣсь, по повѣрью сербовъ, какъ худое предвѣщаніе.

18) Мертвыхъ украшаютъ въ гробу, между прочимъ, и цвѣтами гвоздики.

19) Сербы носили косы, или длинные волосы, всѣ зачесанные назадъ и запущенные за уши, для чего они и поддерживались напереди небольшою гребенкой. Вообще, у сербовъ *коса* значитъ то, что по-французски называется chevelure.

Роза, какъ роскошный и благоуханный цвѣтокъ, предпочитается у сербовъ всѣмъ цвѣтамъ, и потому волосы Йово для любящей его дѣвушки должны пахнуть розой. Она узнаетъ его по запаху розы; онъ ей представляется не иначе, какъ окруженнымъ благоуханіемъ розъ.

20) *Жемчужная вѣтка*. Знатные сербы носили такъ-называемый *калпакъ*, въ родѣ нашего казачьяго кивера. Онъ былъ изъ собольяго мѣха съ краснымъ бархатнымъ верхомъ, спускающимся на бокъ, и оканчивающимся золотою кисточкой. На калпакѣ прикрѣплялась серебряная вѣтка съ листьями, составленными изъ ячеекъ, въ которыя вставлялись жемчужныя зерна, или драгоцѣнные камни. Калпакъ съ этою вѣткой, или одну вѣтку, вѣроятно, несли передъ похоронною процессіей, между другими аттрибутами воина.

21) Яблоко здѣсь принимается, какъ даръ, какъ эмблема любви. Въ сербскихъ пѣсняхъ часто упоминается, что дѣвушка, намѣтивъ зубомъ яблоко, даритъ его своему милому.

22) *Боръ и Борика* одно и то же дерево и, въ эпическомъ представленіи, является здѣсь въ мужескомъ и женскомъ полѣ,

какъ эмблема. Это дерево принадлежитъ къ хвойнымъ изъ вида сосны (Pinus sylvestris).

23) *Смиль* — сухое душистое растеніе съ желтыми, мелкими нѣсколько больше булавочной головки цвѣтками.

Въ *Сербскомъ словарѣ* В. С. Караджича оно названо Gnaphalium arenarium; по Линнею, по-нѣмецки—Sandruhr Kraut. По Декандолю — Helichrisum arenarium; *immortelle éternelle* по-французски. Растенію, принадлежащему къ этому роду, въ Россіи нѣтъ общаго названія... Кому неизвѣстна у насъ путаница въ народныхъ ботаническихъ названіяхъ?.. Нѣчто, приближающееся къ этому растенію, въ Воронежской губерніи называется *богородскою травой*, въ Орловской—*сѣроцвѣтомъ*, въ Полтавской—*иминомъ жовтымъ*. Смиль, по произношенію босняковъ и герцоговинцевъ—*смиль*, подходитъ къ полтавскому названію. Все это заставило меня въ поэмѣ оставить сербское названіе—смиль.

Смиль, какъ сухой, слѣдовательно, неувядающій цвѣтокъ, привозится въ Сербію съ юга. По своему пріятному запаху, онъ употребляется между искусственными цвѣтами, въ вѣнкѣ невѣсты, при брачномъ нарядѣ. Онъ прикрѣпляется краснымъ шелкомъ къ обручику вѣнка. Дѣвушки иногда носятъ пучочки смиля, закладывая ихъ за уши. Онѣ, отъѣзжая куда-нибудь въ гости, въ большое собраніе, берутъ съ собой по букету смиля, перевитому краснымъ шолкомъ, и дарятъ взаимно другъ-дружкѣ. Букетъ смиля употребленъ для сравненія во многихъ сербскихъ пѣсняхъ.

24) *Чемерица* (чемéрика, по-сербски), извѣстное наркотическое растеніе, эмблематически означаетъ у сербовъ горе, печаль горечь. Желчь по-сербски называется жучъ и чéмеръ.

I.

Тишина.

Въ моей душѣ давно минули бури;
Ужъ мнѣ чужда теперь ихъ мрачная краса,
И надо мной, безъ тучъ и безъ лазури,
Какъ надъ пустынею, нависли небеса.

Спокойно всё во мнѣ и безмятежно,
Невозмутимая такая тишина,
Что мать-бы мнѣ завидовала нѣжно,
И счастія слезой заплакала-бъ она...

Но, за враговъ молившійся Спаситель,
Къ Тебѣ я возношусь сердечною мольбой: —
Моимъ врагамъ, земной неправды Мститель,
За злобу не воздай подобной тишиной!

II.

Встрѣча.

Я съ нею встрѣтился нежданно и случайно;
Съ разлукой долгою прошла моя любовь:
Но чувствовалъ тогда я въ сердцѣ трепетъ тайный,
Какъ будто полюбить оно хотѣло вновь...
И чувство то мнѣ было непонятно,
Безсмысленно казалось чувство то,
Чтобъ жить преданьями и призывать обратно,
Что въ свой черёдъ, какъ должно, прожито.
Съ тѣхъ поръ я возмужалъ и сердцемъ, и душою,
И такъ теперь любить, какъ я любилъ тогда,
Мнѣ показалося натяжкою смѣшною
И дѣтской глупостью въ недѣтскіе года.
Любить по прежнему мнѣ было невозможно,
Любовію иной любить я не доросъ...
Въ душѣ нѣтъ новаго, а старое всё ложно,
Нѣтъ новыхъ радостей, нѣтъ въ сердцѣ старыхъ слёзъ.

III.

* * *

Когда любовь моя смущаетъ ваше счастье,
Забудьте про неё... Зачѣмъ меня любить!
Я благодаренъ вамъ за прошлое участье, —
Я вашимъ счастьемъ буду жить.

Пора мнѣ въ путь... Скажите мнѣ, не вы-ли
И кровъ любви простерли надо мной,
И, странника, меня у сердца пріютили,
Гдѣ я гостилъ, и отдохнулъ душой?...

Невольны мы въ любви и въ охлажденьи:
Я васъ не упрекну измѣной никогда...
Нѣтъ! Чувство, какъ и мысль, всегда горитъ въ движеньи,
И чувству есть свой возрастъ и чреда...
Но какъ боялся я, чтобъ вы не помутили
Слезою обо мнѣ своихъ небесныхъ глазъ...
Я счастливъ тѣмъ, что вы меня забыли,
Я счастливъ тѣмъ, что не забуду васъ!

IV.

«O, Rimembranza!»

Смѣнилися отчаянья тоскою
Лучи надежды молодой...
Всему конецъ!... Но что-жъ передо мною
Мгновенною падучею звѣздою
Мелькаетъ свѣтлый призракъ твой!

Всему конецъ, но безъ конца страданье:
Вотъ всё, что я подъ сердцемъ берегу...
Прощай любовь, блаженство, упованье! —
Но отчего прибавить не могу:
Прощай и ты, воспоминанье!

V.

Примиренье.

О, засни, мое сердце, глубоко!
Не буди: — не пробудишь, что́ было,
Не зови, что̀ умчалось далёко,
Не люби, что́ ты прежде любило...
Пусть надеждой и лживой мечтой
Не смутится твой сонъ и покой.

Для тебя невозвратно былое,
На грядущее нѣтъ упованья...
Ты не знало въ блаженствѣ покоя,
Успокойся-жъ на ложѣ страданья,
И старайся не помнить зимой,
Какъ срывало ты розы весной!

VI.

* * *

Созданье милое! мнѣ грустно за тебя:
Несу я крестъ одинъ съ тобою.
Душою братскою страдая и любя,
Молю, своей мучительной тоскою,
Мой ангелъ, подѣлись со мною!

Я знаю, — ты монхъ страданій не поймешь;
Но я пойму тебя для бо́льшаго страданья...
Ты, не понявъ, меня слезами обольёшь, —
Но я пойму тебя безъ слёзъ и безъ рыданья.

Мнѣ легче... Я узналъ, — ты счастливѣй меня:
Тебѣ еще остались слёзы
И вспышки свѣтлыя сердечнаго огня,
И суевѣрія младенческія грёзы...

Но я несчастливъ тѣмъ, что горько одному
Страдать безъ слёзъ, безъ словъ, безъ вѣры,
Что мертвы для меня преданья и примѣры,
Что дѣтски я не вѣрю ничему!...

VII.

Дубъ и Ліана.

Что обвилась, зеленая Ліана,
Вокругъ меня съ любовію такой!...
Я испыталъ удары урагана,
И не одна гроза промчалась надо мной...
Ты видишь-ли, я одинокъ и мраченъ,
Безжизненный, какъ остовъ обнаженъ,
Печатію презрѣнія означенъ,
И въ безпробудный сонъ на-вѣки погруженъ.
А тамъ... смотри!... въ цвѣтущемъ возрастаньи
Роскошной жизнію колышутся лѣса,
Исполнены красой благоуханья,
Прохладой свѣжею. Надъ ними небеса
Голубизной спокойною сіяютъ,
Ихъ человѣкъ коснуться не посмѣлъ,
И волны ихъ корней не подмываютъ...
Ты видишь-ли, какъ счастливъ ихъ удѣлъ!

Цвѣти-же тамъ, Ліана молодая,
Со мной не трать сердечнаго огня!...
Я о любви молчу, невольно повторяя:
Не обвивай, не обвивай меня!

VIII.

Notturno.

На меня изъ цвѣтущаго сада
Освѣжительно вѣетъ прохлада;
Ароматы несутся въ окно,
Въ небесахъ и свѣтло, и темно.
Многозвѣздная ночь окаймила
Отливнымъ серебромъ дерева,
На озёрахъ горитъ синева,
И такъ страстно ночныя свѣтила
На красавицу землю глядятъ,
Будто пасть ей въ объятья хотятъ...
Опускаясь, вздымаются воды:
Онѣ кажутся грудью природы,
И біеніе сердца ея,
Будто слушаетъ ухо мое.
Ко всему во мнѣ дышетъ сострастье,
И похожее что-то на счастье
И на жизнь пронеслось надо мной...
Я разцвѣлъ первобытной весной.

О, давно позабытая мною,
Ты меня позабыла давно!—
Но нежданно мнѣ этой порою
Твое имя призвать суждено,
И спросить тебя съ прежнею страстью:—
Что въ душѣ у тебя въ этотъ часъ?...
Хоть мгновенному вѣришь-ли счастью,
Что на-вѣки умчалось отъ насъ?...
И полна-ль твоя жизнь благодатью,
Иль хоть тихимъ забвеньемъ полна,
Или всё предала ты проклятью,
Чѣмъ тебя чаровала она?

Пламенѣетъ-ли взоръ твой порою,
И цвѣтетъ-ли румянецъ былой?...
О, скажи мнѣ, мой другъ, что съ тобою,
И душой угадай, что со мной!...

Но отъ милой не слышно отвѣта, —
Всё вокругъ равнодушно молчитъ;
На привѣтъ не даютъ мнѣ привѣта:
Голосъ милой моей не звучитъ.

Объ участьи молящія очи
Я къ свѣтиламъ торжественной ночи
Простодушнымъ младенцемъ вознёсъ;
Но въ потокѣ моленій и слёзъ
Я участья къ себѣ не замѣтилъ:
Былъ прекрасно, но холодно свѣтелъ
Обаятельный воздухъ ночной
Безъ созвучья съ моею душой...
Я хотѣлъ, чтобъ суровыя бури
Помрачили сіянье лазури,
И, въ гармонію, тьмой и борьбой,
Чтобъ слилася природа со мной.

IX.

Миньйонѣ.

(М. П. К.)

Пусть апрѣль распускается дольше:
Намъ отраднѣе первой весной...
Не расти, моя дѣвочка, больше:
Ты чаруешь незрѣлой красой!

Не для грозъ ты палящаго лѣта,
Не для позднихъ плодовъ создана...
Хороша ты, зарёю одѣта,
Пробудившись недавно отъ сна...

Ты надеждами дѣтства прекрасенъ,
Неразвитый, но милый цвѣтокъ!
Нѣтъ, твой полдень не будетъ такъ ясенъ,
Какъ облитый румянцемъ востокъ...

Ты невольно въ житейскомъ волненьи
Отдалишься отъ правды твоей: —
О, постой-же на этомъ мгновеньи...
Не люби, не цвѣти и не зрѣй!

X.

Безмолвіе.

— Я помню часъ восторженныхъ рѣчей,
Какъ тайны всѣ души тебѣ я открывала,
Всю страсть любви безвыходной моей,
И горько плакала, и сладко цаловала:
Скажи, зачѣмъ безмолвенъ и угрюмъ,
Потупя мутный взоръ, стоялъ ты предо мною,
И на лицѣ твоемъ сочувствія и думъ
Не выражалося той грустною порою?...

— О, замолчи, не спрашивай зачѣмъ! —
На многое тебѣ я не далъ-бы отвѣта:
Понявъ меня неполно, несовсѣмъ,
Я вѣрю, — истинной ты страстію согрѣта...
И мнѣ въ тотъ мигъ сказалася она:
Теперь не такъ её прослушалъ-бы я снова;
Тогда-же тѣмъ душа была полна,
Чему ни звука нѣтъ, ни образа, ни слова...

XI.

Въ альбомъ С. А. С.....вой.

Тяготѣетъ жизнь надъ нами
Безобразіемъ и зломъ,
Тьмой накопленной вѣками,
Лжи постыдными цѣпями
И поруганнымъ добромъ.

Тяготѣетъ такъ, что, право,
Хоть живой въ могилу-бъ лёгъ,
Какъ вглядишься мыслью здравой,
Что законно иль лукаво
Благоденствуетъ порокъ, —

Еслибъ Божьей благостыней,
Средь житейской пустоты,
Надъ общественной пустыней,
Не затеплились святыней
Звѣзды стройной Красоты...

Звѣзды тѣ въ стихахъ поэта,
Въ краскахъ, въ звукахъ и въ рѣзьбѣ
Да въ тебѣ — предвѣстникъ свѣта,
Ликъ надежды, взоръ привѣта, —
Наша женщина, въ тебѣ!...

Восходящее свѣтило!
Къ Вамъ стремлюся я съ мольбой: —
Красоты духовной силой
Нашъ согрѣйте путь унылый,
Проясняя путь прямой.

XII.

* *
*

Не внемлешь ты сужденьямъ свѣта,
Затѣмъ, что выше ты его,
Что онъ не можетъ дать отвѣта
На вопли сердца твоего,
Что мысль души твоей глубокой
Ему темна, ему чужда;
Ты впереди отъ насъ далёко,
Небесъ не нашихъ ты звѣзда!
Живой намёкъ на жизнь иную,
На жизнь, что будетъ впереди,
Глаголъ Небесъ и страсть земную
Миришь ты въ любящей груди.
Ты истина безъ покрывала,
Въ лучахъ духовной красоты,
И надо мною возсіяла
Женою Будущаго ты.
Въ себѣ душа твоя питаетъ
Высоко-сознанную страсть,
Преданій нашихъ презираетъ
Всеобожаемую власть...
И въ ней ничто не йдетъ мимо,
Найдется въ ней всему вопросъ,
И, жаждой знанія палимый,
Твой духъ развился и возросъ...

Я предъ судьбой поникъ душою,
Я въ горѣ страсти извратилъ,
Болѣзнь бездѣйствія съ тоскою
Къ себѣ я въ сердце допустилъ.
Какъ рабъ библейскій, зарываю
Свой даръ божественный въ глуши,
Безъ смысла. въ жизни я страдаю,

Губя всё лучшее души.
Я о конечномъ только плачу,
Про безконечное забылъ,
И жизни мудрую задачу
Однимъ лишь воплемъ разрѣшилъ.
Меня пугаютъ ложность вѣка,
Его страданья и застой,
И дикость жизни человѣка, —
И нѣтъ исхода предо мной...
Но моего коснулся слуха
Твой гласъ, исполненный любви...
О, Бога Жизни, Бога Духа
Ко мнѣ скорѣе призови! —
Да, твёрдъ подъ бурями земными,
Я зрѣю сердцемъ и душой,
Да будетъ ясенъ мнѣ за ними
Путь назначенія прямой: —
И буду знать, что не одинъ я,
Что есть сестра душѣ моей,
Что сынъ людей и Бога сынъ я,
Что я живу въ груди твоей...
О, просвѣтли-же и осмысли
Мнѣ жизнь мою любви лучомъ:
Да въ міръ иду, во имя мысли,
Съ тобою объ-руку вдвоёмъ.

XIII.

Человѣкъ поколѣнія.

Я годами молодъ:
Страсти одряхлѣли,
Пустота и холодъ
Душу одолѣли.

Вяло все созрѣло,
Жизнью не питалось;
Мысль искала дѣла,—
Дѣло не давалось....

Съ чуждымъ мнѣ призваньемъ,
Вопреки природѣ,
Былъ я вскормленъ знаньемъ
Не въ своемъ народѣ....

Пересталъ страдать я:
Нѣтъ ни сна, ни битвы,
Нѣтъ въ устахъ проклятья,
Въ сердцѣ нѣтъ молитвы.

АЛЬБОМЪ ИППОХОНДРИКА.

АЛЬБОМЪ ИППОХОНДРИКА,

СОБРАНІЕ

ЭПИГРАММЪ, КСЕНІЙ, ЯМБОВЪ

И ВСЯКАГО САТИРИЧЕСКАГО

ЕРАЛАША и ШКОЛЬНИЧЕСТВА,

ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ

Греку Николáки Омéга.

ЧУХОНСКІЯ АѲИНЫ.
(Петербургъ).
1857.

Expiatio.

Оставляю здѣсь нѣсколько эпиграммъ, не уничтожаю ихъ, не предаю забвенію — *для наказанія самого себя*, въ укоризну себѣ.

Оставляю ихъ еще потому, что онѣ были относительной правдой души моей въ извѣстный моментъ, — хоть между правдой души и объективной истиной нерѣдко бываетъ огромное разстояніе.

Онѣ тогда были не болѣе, какъ лирической вспышкой отъ извѣстнаго рода современныхъ впечатлѣній, разговоровъ, взглядовъ, литературныхъ кружковъ и т. п.

Я теперь смотрю на нихъ какъ на распущенную запальчивость моихъ заблужденій, мысли и чувства.

Я разумѣю здѣсь эпиграммы на А. Н. Майкова, Аксаковыхъ, Н. В. Гербеля и, къ сожалѣнію, еще на многихъ другихъ, можетъ быть... Сюда-же относятся эпиграммы на М. П. Погодина, П. И. Мельникова.

Итакъ, — я очищаю себя, по возможности, этимъ душевнымъ наказаніемъ.

15 октября, 1863 г.

Николай Щербина.

„Еже бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смышлялъ: егда же бихъ мужъ, отвергохъ младенческая“.

Апостолъ *Павелъ*. (Первое посланіе къ Коринѳянамъ).

Πάντα χὲλως.

Anthologia.

Все смѣшно.

Изъ Греческой Антологіи

Аттестаты студіозусамъ семинаріи.

I.

Данъ сей студіозусу семинаріи *Аполлинарію Тропаревскому,* прошедшему чрезъ непроходимую дебрь филозофіи и скитавшемуся по классамъ бурсы сорокъ лѣтъ, аки Израиль по пустынямъ Аравійскимъ, и приступающему днесь къ возложенію на рамена своя тяжелаго пастырскаго бремени, услаждаемаго токмо единою чревопитательною кутіею.

Бывшу ему подъ сѣнію элоквенціи, оный, въ потѣ лица своего, упражнялся въ составленіи лѣпорѣчивыхъ періодовъ, казусныхъ синекдохъ и хрій, како порядочныхъ, тако автоніанскихъ и превращенныхъ; а паче всего въ композиціи велелѣпныя ораторскія конклюзіи, яже на концѣ орації полагается, сочетавая оную съ витіеватою интродукціею. Но, не взирая на искусительные соблазны представляемые вертоградомъ словесности, оный Аполлинарій, отнюдь не предавался тщетному стиходѣйству; но точію умудрялся въ ономъ изъ приснопоминаемыя книжицы, глаголемыя „Телемахида", писанныя медоточивыми перстами, блаженныя памяти, велемудраго мужа и профессора элоквенціи Василія Кирилловича Тредіаковскаго, заучая, денно и нощно сладостные стихи его и почерпая изъ онаго неизглаголанныя лѣпоты словесныя.

Бывшу ему обуянну силою красноглаголанія, онъ, Аполлинарій, произнесъ витіеватую рѣчь надъ усопшимъ пономаремъ Трифономъ Звонаревскимъ, кой зѣло угобзися *) въ сниманіи жупела съ свѣщъ перстами, исправляя при томъ оффиціи велегортаннаго стихарнаго дьячка, кой преданъ бѣ обычному, по вся дни, запою. Сія рѣчь его хранится въ книгохранилищѣ нашея бурсы, како по изяществу витійства, тако и по истинному изображенію житія сего доблестнаго кадиловозжигателя и клепателя во трезвоны, за что и пожалована ему бѣ въ награду отъ всещедрыя руки префекта вельми мудрая книжица, глаголемая: „Рѣчь о чистотѣ россійскаго языка“, произнесенная чрезъ Василія Тредіаковскаго, въ градѣ св. Петра, тщательно и лѣпообразно переплетенная въ тельчу кожу.

Вступившу же ему въ курсъ филозофіи, оный рачительно и съ преуспѣяніемъ подвизался въ составленіи главокружныхъ диллеммъ, эпихеремъ, энтимеммъ, соритовъ, плѣшивыхъ и рогатыхъ силлогизмовъ (sillogismus cornutus) и иныхъ филозофскихъ словоизвитій, и тако искусенъ бѣ въ словопреніи и въ силѣ убѣжденія, что лишь токмо въ крайнихъ случаяхъ прибѣгалъ ко всевластной помощи, такъ-называемаго: „argumentum baculinum“, не взирая на то, что, по вѣковому и непреложному положенію семинарскаго краснорѣчія, токмо единое—«argumentum baculinum eloquentiae fundamentum est“ **). Сіе въ переводѣ толкуется тако: „палочное убѣжденіе есть основаніе всякаго краснорѣчія“).

*) «Искусися».—Поправка профессора элоквенціи.

**) И въ наши дни симъ исконнымъ и непреложнымъ правиломъ бурсы съ величайшимъ успѣхомъ воспользовался и понынѣ достойно употребляетъ оное, такъ-называемый, президентъ богоотступныхъ и мятежелюбивыхъ Галловъ, Людовикъ-Бонапарте. *Примѣчаніе.* 1852 г.

Егда же преступи въ курсъ богословія, оный немедленно посвященъ бѣ въ честный стихарь и вопіялъ на паперти церковныя: 1) противу лихоимныхъ виночерпіевъ, беззаконно претворяющихъ вино въ воду, и 2) противу студныхъ блудницъ, разверзающихъ на распутіяхъ гнусныя ложесна своя всякому мимоидущу.

Сей лѣпообразный, аки кринъ сельный, смиренный, яко агнецъ, и кроткій яко голубица, дисципулюсъ въ поведеніи своемъ бѣ зѣло добропорядоченъ.

Къ презусу, префекту, прецепторамъ и инымъ предержащимъ властемъ толико бѣ почтителенъ, что, узря еще издалече единаго грядуща отъ сихъ велемудрыхъ мужей, абіе срывалъ покровы съ бренныя главы своея и падалъ ницъ, повергшись во прахъ, дондеже сей мужъ не сокрывался отъ очесъ его, хотя бы сіе было на разстояніи цѣлыя стадіи, или въ лютый мразъ.

Лице его бѣ всегда омовенно и глава умащенна елеемъ, но не похищеннымъ со свѣтильниковъ церковныхъ во время всенощнаго бдѣнія.

Во дни будніе онъ носилъ благообразный халатъ, а во дни, посвященные Господу, хитонъ, глаголемый нынѣ сюртукъ, коего полы касашася долу; но онъ носилъ сію благолѣпную одежду отнюдь не для соблазна ближняго, а токмо для покровенія срамоты тѣлесныя.

Не облачался въ аллеманскую куртку съ демоно-подобными хвостами, яже отъ нечестивыхъ Галловъ и еретическихъ Аллеманъ фракомъ нарицается, коя есть изобрѣтеніе Вельзеула, князя тьмы кромѣшнія.

Наступающу каникулярну времени, Аполлинарій, отправляясь въ домъ родительскій, не возсѣдалъ на колесницы, яко нечестивый Фараонъ, но шелъ пѣшкомъ, аки Іаковъ въ Мессопотамію къ дядѣ своему Лавану,

слѣдуя словесамъ царя Давида: «Блаженъ, иже и скоты милуетъ.»

Не расточалъ имѣнія отца своего на многоразличныя драгоцѣнныя и банкетныя сласти, како-то: на подсолнечное сѣмя, сушеныя груши, моченое терніе и иныя симъ подобныя сластолюбивыя и драгія яства, аки древле расточительный язычникъ Лукуллъ; но сохранялъ денаріи своя во глубинѣ калиты своея.

Не пожиралъ съ неистовою жадностію брашенъ и снѣдей сухоядивыя бурсы, но, бо̀льшею частію, питался подаяніемъ доброхотныхъ дателей, или немногими крупицами, падающими отъ трапезы ихъ, ходя подъ окнами благочестивыхъ парафіанъ, съ вертепомъ или же псалмопѣніемъ и славословіемъ.

Не объѣдался, до распоясанія ризъ, несчетнымъ количествомъ пироговъ или чрезъ мѣру кутіею и взваромъ въ нощь наканунѣ Богоявленія, при восходѣ первыя звѣзды, како чинимо то было отъ его сотоварищей, уже покотомъ лежащихъ у преддверій бурсы въ конвульсіяхъ и съ пѣною на устахъ, сопровождаемыхъ нѣкіимъ адскимъ клокотаніемъ во чревѣ и зловонною отрыжкою изъ онаго, подобно упитаннымъ тельцамъ или нечистымъ свиніямъ.

Егда же, трапезующу ему, попадался въ кашѣ нѣкій запещный инсектъ, глаголемый тараканъ, то Аполлинарій, бояся ущерба для казны скудоденежныя бурсы и соблюдая экономію ея, съѣдалъ онаго таракана купно съ кашею, а паче всего памятовалъ изреченіе Библіи, идѣ-же глаголется тако:

«Все создано есть на потребу человѣка....

. . . . . .

(Окончаніе сего манускрипта изъѣдено моліемъ и червіемъ). Копія сія списана въ архивѣ съ подлинника нѣкіимъ піитою, покрытымъ мракомъ непзвѣстности. (Харьковъ, 1841).

II.

№ 777777777. *Копія.*

Данъ сей студіозусу семинаріи *Викентію Курильскому*, исключенному на основаніи. Семинарскаго Регламента и иныхъ прочихъ узаконеній, въ томъ, что оный прошедъ многотрудную и тернистую стезю элоквенціи и вступивши уже за прагъ филозофіи, сирѣчь любомудрія, совратися съ пути истины и благонравія и предадеся: гортанобѣсію, чревонеистовству, кощунству, киченію и рукобѣсію, за что многажды біемъ бѣ вервіемъ по бедрамъ, батожіемъ по чресламъ, жезломъ по раменамъ и дланію по ланитамъ отъ смиренныя десницы префекта; такожде заплеваніемъ въ зракъ и заушеніемъ отъ презуса сугубо истязуемъ бѣ, аки лютый и необузданный вепрь; еще и многія другія пакости чинимы ему быша отъ его же кондисципулюсовъ за неизреченное вертопрашіе и презорство. Не видяже его, Викентія, обращающагося на стезю смиреномудрія, но тысящекратно ввергающагося въ любоплотіе, праздношатаніе, лихоиманіе, стихобѣсіе, женолюбіе, козлопѣніе и козлогласованіе, и притомъ, уличенна бывша въ похищеніи неправедно, аки тать, нѣсколько сосудовъ тучныхъ и доброродныхъ, бурсѣ принадлежащихъ, галушекъ и нѣсколько чашъ многочтимыя и сладкосмачныя кутіи; еще же и у церковнаго служки унесша тайно, подъ заплечіемъ хламиды, четыре красоули пѣннаго и горячаго, сердце-бѣснующа напитка, коимъ оный Викентій пресыщенный, всякое яствіе или снѣдь чрезъ мѣру запивалъ, аки левіаѳанъ въ пучинѣ морстѣй, сопровождая сіе гортанное упражненіе куреніемъ богопротивнаго зелія, сирѣчь злосмрад-

наго злака, иже отъ нечестивыхъ Галловъ табакомъ нарицается. И зря его на вышеозначенныя наши кроткія и человѣколюбивыя мѣры наказанія не взирающа, но еще на множайшая, горшая и тяжкая со дерзновеніемъ посягающа, како-то: подружися съ бѣсоугодными лицедѣи и скоморохи и со блудницы сопрягшеся и съ ними многія нечестивства и любодѣйства чиняща; такожде посланія, эпистолы и цидулки отъ оныхъ блудныхъ женъ пріемлюща и онымъ таковыя же восписующа: — въ нихъ же есть истолкованіе неистовыя страсти и плотоугодныя любве: и въ субботу сыропустныя седьмицы, въ вертоградѣ нѣкоего виночерпія, поемше тайно лѣпорунаго овна и, вземь его блеяща на рамена своя, притекъ въ предѣлы крѣпостныя бурсы и тамъ предаде его закланію: и на сребронеиавидящую, нелихоимную и нелицепріятную консисторію таковыя мнимолатинскія поговорки сочиняюща, якобы: „Consistorium protopororum, pororum, diaconorum, diatchcorum, ponomarorumque obdiratio et oblupatio est,“ *) и на честныхъ, гладолюбивыхъ и непрерывно въ воздержаніи пребывающихъ Іереевъ таковыя мерзопакостныя вирши сочиняюща, якобы:

„П... издревле доказали
Неистовство утробъ своихъ,
И въ древности такъ славно *жрали*,
Что назвали *«жрецами»* ихъ.“

Опричь всѣхъ сихъ мерзостныхъ окаянствъ, на стогнахъ града сего, въ прилежащихъ ему весяхъ и распутіяхъ о таковыхъ своихъ студныхъ дѣяніяхъ

*) Употребляя при томъ самъ на торжищахъ при куплѣ, мѣнѣ и продажѣ запретное и хитросплетенное, такъ-называемое: «Ars naduvandi.»

безъ зазрѣнія, громогласно и витіевато разглагольствующа и бывша его уже ветха деньми, мы смиренные и неусыпно-бдящіе презусы и префекты, со прецепторы человѣколюбно изгоняемъ его, Викентія Курильскаго, изъ чреды пасомаго нами юнаго и невозмужалаго стада, аки нѣкое зловонное и злокачественное козлище: да не преткнетъ непотребныя стопы своея ко прагу вратъ высокостепеннаго нашего семинарскаго велемудрія.

Аминь.

Данъ въ лѣто отъ созданія міра 0000, въ богоспасаемомъ градѣ Переяславлѣ.

На подлинномъ рукоприкладство учинили:

— Профессоръ элоквенціи Аѳанасій Ивановъ, сынъ Синекдоха.
— Профессоръ абевегіи Семеонъ Тропаревскій-Кондакъ.

— Скрѣпилъ Тайникъ Вакула Шульпика.
— Письмоводникъ: Тарасъ Метаморфозовъ-Козолупенко.
— Писарь Аксакій Боггосподіявисенскій.

Копія сія списана въ архивѣ съ подлиннаго нѣкіимъ пінтою, покрытымъ мракомъ неизвѣстности.

(Харьковъ. 1841).

Въ подлинникѣ альбома Щербины сдѣланъ тушью рисунокъ оттиска большой печати, съ надписью кругомъ ея: «печать семинаріи и бурсы. Sigillum Seminariae Bursaque.» Въ печать внесены изображенія дѣйствій и орудія оныхъ съ надписями: «Батожіе.--Дщица, ею-же длань ударяютъ. Дреколіе.—Жезлъ (baculum).—Лозы (furtis).—Чуботрясіе сирѣчь власотрясіе.—Furtis sapientiae mater est, т.-е. розга есть матерь мудрости (изреченіе древнихъ). — Scamnum на нюже возлагаютъ біемаго. — Заушеніе. — Вервіе.»

Въ альбомѣ помѣщено пять рисунковъ (каррикатуръ, очень хорошо исполненныхъ Г. П. Пономаревымъ, въ Москвѣ, 1853), изображающихъ эпизоды изъ семинарскаго быта Курильскаго: I. «Всякое яствіе или снѣдь чрезъ мѣру запивахъ, аки левіаѳанъ

въ пучинѣ морстѣй» (два рисунка);—II. «Совратися съ пути истины и благонравія и предадеся гортанобѣсію, чревонеистовству, кощунству, киченію и рукобѣсію.» (1 рисунокъ); — III «Подружися съ бѣсоугодными лицедѣи и скоморохи»: нарисованы портреты: 1. Леонидовъ.— 2. Самаринъ.— 3. Полтавцевъ.— 4. Нѣмчиновъ.—5. Васильевъ.—6. Викентій Курильскій.—7. Пономаревъ, архитекторъ.— 8. Щербина.— IV. «Многажды біемъ бѣ вервіемъ по бедрамъ, батожіемъ по чресламъ, жезломъ по раменамъ и дланію по ланитамъ.» (1 рисунокъ). — V. «Мы смиренные и неусыпно бдящіе презусы и префекты со прецепторы человѣколюбно изгоняемъ его, Викентія» (1 рисунокъ).

Сказаніе

(Изъ каталога рукописей моего древне-книгохранилища.)

О нѣкоемъ боголюбивомъ юношѣ и святошѣ Тертіи, веригоносцѣ, постникѣ, ядущемъ токмо единыя акриды и бичевателѣ плоти своея, нарицаемомъ отъ враговъ его Московскимъ ханжею и пустосвятомъ, отъ коего доблестный *** (стяжавшій себѣ, по справедливости, наименованіе „гостиннодворскаго Коцебу"), удостоенъ-бѣ зрѣти сіяніе, глаголемое авреолъ, и чудесное хожденіе онаго Тертія по водамъ Яузы, яко по суху.

О нѣкоемъ обрусѣвшемъ Нѣмчинѣ, замосковорѣцкомъ піитѣ и переводчикѣ „Вавилонскаго смѣшенія языковъ", Николаѣ Б. („Брехомъ" себя самого нарицающимъ, мня быти ему Словениномъ), изъ него-же Тертій, изгоняя бѣсы своею молитвою и постомъ, не возмогъ изгнати „Бѣса Стиходѣйства", коимъ онъ одержимъ бѣ отъ младенчества.

О нѣкоемъ безсребренникѣ, старцѣ Михаилѣ П., иже обитаетъ въ юдоли, рекомой Дѣвичье Поле, и неусыпно стрежетъ въ вертепѣ своего древнехранилища ветхія голенища Ярославли, порты и срачицу Святополка Окаяннаго и дву тьму новѣйшихъ пенязей, денаріевъ и златницъ.

О нѣкоемъ литературномъ подлипалѣ, журнальномъ блюдолизѣ и блудномъ приживальщикѣ Николаѣ **., единомъ отъ семидесяти апостолъ капустныхъ, квасныхъ, а паче всего водочныхъ убѣжденій и „*очищенныхъ*“ началъ.

И о томъ, како Тертій, святостію своею врачуя отъ безплодія женъ, и изцѣляя хромыхъ, слѣпыхъ, прокаженныхъ и бѣснующихся, не возмогъ изгнати лютѣйшихъ и верховныхъ бѣсовъ изъ нѣкоего юродиваго мужа и малограмотнаго борзописца Ивана П., одержимаго двумя бѣсами: „Бѣсомъ Пустоты“ и “Бѣсомъ Дендизма“ и изъ рьянаго мужа Аполлонія Г., одержимаго такожде двумя бѣсами: — „Бѣсомъ Экстравагантныхъ Абсурдовъ“ и „Бѣсомъ Піанства“.

И о томъ, како Тертій, изгнавъ бѣсы изъ приведенныхъ къ нему кликушъ, вселилъ оныхъ въ шедшее по-солонь въ сіе время мимо его съ Болвановки на Живодерку стадо сотрудниковъ „Москвитянина“ (иначе *спиртофилами* нарицаемыхъ), кои, подобно библейскимъ свиніямъ, разъяренные внезапу вошедшими въ нихъ бѣсами, стремглавъ бросились въ контору питейную, утопишася тамо въ бочкахъ вина пѣннаго, и тако “погибоша аки Обрѣ“, и о прочемъ.

Рукопись сія, писанная частію Глагольскою буквицею, частію же Кириллицею, на шкурѣ Мессопотамскаго козлища, найдена въ архивѣ нѣкоего упраздненнаго монастыря въ Антіохіи паломникомъ Россійскимъ Павсикахіемъ.

Таганрогскимъ Грекамъ.

Ямбъ.

У моря, гдѣ однимъ разсчетомъ
Живутъ корыстные умы,
Что звали древніе болотомъ,
И моремъ называемъ мы;
Гдѣ у Танаиса когда-то
Народъ воинственный блуждалъ,
Гдѣ Грекъ, потомокъ Герострата,
Безстыдно Скиѳа и Сармата,
Уничижаясь, надувалъ:
Тамъ грековъ жалкіе потомки,
Соревнователи жидовъ,
Эллады рухнувшей обломки
У русскихъ выплакали кровъ.

Вы не узнаете въ нихъ грека,
Который чувствомъ красоты,
Сознаньемъ гордымъ человѣка
Взрастилъ нетлѣнные цвѣты...
Нѣтъ! Въ этихъ пасынкахъ Эллады
Терситъ презрѣнный оживлёнъ:
Они за рубль продать вамъ рады
Свой вѣковѣчный Парѳенонъ;
Они вамъ промѣнять готовы
На хлѣбъ ущелье Термопилъ,
Носить турецкія оковы,
Средь гомерическихъ могилъ.

1843.
Таганрогъ.

Выдержки изъ книги, подъ названіемъ:

МЕЧТЫ И ЗВУКИ,

стихотворенія

Статскаго Совѣтника Степана Харитонова, Профессора Законовъ Государственнаго Благоустройства и Благочинія, Доктора Правъ и Кавалера.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
18**

Мадригалы

къ кухаркѣ сосѣда моего и сослуживца, Профессора Куницына (въ которую я былъ, овдовѣвши послѣ второй жены, страстно влюбленъ).

I.

Какъ отъ тебя страстями пышетъ жарко,
О, аппетитная Куницына кухарка!

II.

Въ сіяньи дня и при мерцаніи огарка
Равно прелестна ты, Куницына кухарка!

III.

Что всѣ Аспазіи, что Іоанны д'Арки
Предъ прелестью Куницыной кухарки.

IV.

Въ Италію, гдѣ пѣлъ любовь Петрарка,
Съ тобою убѣжимъ, Куницына кухарка!

Пѣснь семинариста, исключеннаго за свѣтское франтовство и за страсть къ сценическимъ представленіямъ.

Курсъ кончивъ элоквенціи,
Я въ ней зѣло успѣлъ:
За-тожъ аудіенціи
Съ инспекторомъ имѣлъ.
На оныхъ авдіенціяхъ
Я оле! восклицалъ, —
При палочныхъ каденціяхъ
Мой корпусъ трепеталъ...
Но казусной піитики
Учить я не возмогъ; —
Скажу вамъ безъ политики, —
Отъ ней я занемогъ.

Хоть хріи и ораціи
Пудами я писалъ
И страшно въ декламаціи
Руками я махалъ;
Но рѳемы ни единыя
Никакъ не подобралъ,
И лишь перо гусиное
Отъ злобы изгрызалъ.
За страсть къ лицедѣяніямъ,
За краткій сертучекъ
Я изгнанъ съ посмѣяніемъ....
Таковъ мой лютый рокъ!

1845.
Харьковъ.

Многія другія выдержки, къ прискорбію моему, несмотря на весь ихъ легитимизмъ, не дозволены ни нашей факультетской цензурой, ни цензоромъ Елагинымъ.

Современная Поэзія.

Пародія.

Темно ужъ на улицѣ стало,
И хлопьями снѣгъ выпадалъ;
Она у окошка стояла,
А я у калитки стоялъ.

Закинувъ свой плащъ, на сторожѣ
Я робкіе взоры бросалъ,
Боясь, чтобы дворникъ — о, Боже!
Метлою меня не прогналъ.

Все было мнѣ какъ-то неловко,
О чемъ-то я тяжко вздохнулъ, —
Она мнѣ кивнула головкой,
А я ей рукою махнулъ.

Н. Омега.

1850.
Одесса.

Эпитафія русскому купцу.

Съ увѣсистой супружницей своей
Онъ въ банѣ парился, и объѣдался сыто....
О, сколько имъ обмануто людей,
И сколько чаю перепито!

Двойное горе.

22 февраля 1852 г.

(у гроба Гоголя.)

Слышимъ вопли, стонъ и клики
Лучшихъ родины сыновъ:
«Умеръ Гоголь нашъ великій,
Живъ и здравствуетъ Сушковъ!»

Февраль, 1852.
Москва.

Хвалебная пѣснь

блаженному борзописцу нѣкоему литературы ради юродивому.

Радуйся, Испаніи невиданіе,
Радуйся, Испаніи описаніе,
Радуйся, живописи непониманіе,
Радуйся, о живописи трактованіе,—
Радуйся, жандармовъ трепетаніе;
Радуйся, музыки неразумѣніе,
Радуйся, о музыкѣ разсужденіе,
Радуйся, пустозвонныхъ фразъ строеніе,
Радуйся, женъ омерзеніе,
Радуйся, гостинодворскій Гидальго,
О, плѣшивый суконопродавче, радуйся.

1852.

Москва.

Въ часовнѣ Иверской.

«*Здѣсь воздухъ напоенъ дыханіемъ молитвы*». *)
Сюда мошенники приходятъ для ловитвы,
Здѣсь умиленіе безъ носовыхъ платковъ
И благочестіе нерѣдко безъ часовъ.

1853.
Москва.

Физіологія Новаго Поэта **)

Фельетонъ въ стихахъ.

Свѣтъ журнала не читаетъ,
Гдѣ какой-то господинъ
О bon-ton'ѣ разсуждаетъ,
Какъ «въ дворянствѣ мѣщанинъ.»

Изъ передней всѣ салоны
Господинъ тотъ изучилъ:
Другъ-швейцаръ ему законы,
Тайны свѣта сообщилъ.....

Съ той поры чернилъ излишекъ
Онъ для правды расточалъ,
Каленкоровыхъ манишекъ
Безпощадный Ювеналъ.

---

*) Этотъ первый стихъ принадлежитъ С. П. Шевыреву, и взятъ изъ его «Сонета къ Иверской,» — который былъ напечатанъ въ «Москвитянинѣ.»

**) Дополненіе къ книгѣ: «*Русская Фауна*, или *описаніе и изображеніе животныхъ, водящихся въ Россійской Имперіи*, соч. *Юліана Симашко*».

Другъ Ивана Хлестакова
И Тряпичкинъ нашихъ дней,
Пишетъ гимны въ честь портного
Брань на мыслящихъ людей.

Снобсовъ рьянаго витію
Онъ собой изобразилъ,
И на цѣлую Россію,
Вдругъ печатно протрубилъ,

Что онъ запросто бываетъ
Съ княземъ Сержемъ у Дюссо
И по Невскому гуляетъ
Возлѣ львовъ, какъ lionceau.

(Князь, всему извѣстно міру,
Зналъ приличія всегда, —
Не пускалъ себѣ въ квартиру
Пьяныхъ франтовъ никогда.)

Съ той поры онъ въ фельетонѣ
Ежемѣсячно твердилъ —
Что онъ ѣздитъ въ фаэтонѣ,
Рысаковъ себѣ купилъ,

Что его (до мелкой пряжки)
Славный Шармеръ одѣвалъ,
Что голландскія рубашки
Утро каждое мѣнялъ.

Онъ не можетъ похвалиться
Ни талантомъ, ни умомъ, —
Пусть себѣ онъ отличится
Передъ публикой бѣльемъ....

И притомъ ему бѣдняжкѣ
Диво, рѣдкость, новизна
Въ свой кружокъ придти въ рубашкѣ
Дорогого полотна.

Въ свой романъ каррикатурный
Втиснулъ онъ друзей своихъ,
И журналъ литературный
Сдѣлалъ органомъ портныхъ....

Но журнальную букашку —
Не замѣтилъ модный свѣтъ,
Какъ въ голландскую рубашку
Нп рядился нашъ поэтъ.

1853.
Рязань.

Превращеніе Ѳаддея въ Новаго Поэта.

Дополненіе къ «Озидіевымъ превращеніямъ.»

Онъ «Пчелы» метаморфоза,
И Ѳаддей явился въ немъ
Кучей смрадною навоза
Подъ голландскимъ полотномъ.
Грязный циникъ въ кожѣ франта,
Шутъ нарядный и нахалъ,
Какъ соперникъ новый Брандта,
Въ милость къ «Пчелкѣ» онъ попалъ,
Тѣмъ — что шуткой площадною
Фельетоны наводнилъ,
И безстыдной клеветою
Литераторовъ чернилъ....
И, какъ мутные потоки,
Полились съ его пера —
Сплетни, личности, намёки
Съ остроумьемъ комара.

Онъ своимъ безвреднымъ жальцемъ
И ничтожествомъ спасенъ: —
Мы его не тронемъ пальцемъ, —
Намъ онъ жалокъ и смѣшонъ....

Но въ подобномъ превращеньи
Какъ узналъ себя Ѳаддей, —
Сталъ молить онъ о прощеньи
У боговъ и у людей:

«Нечестивыми дѣлами
Долгій вѣкъ мой заклеймёнъ,
И въ П—ва богами
Я нежданно превращёнъ:
На позоръ и на смѣхъ свѣту
Въ немъ Б—нъ измельчалъ,
Онъ на мелкую монету —
Подлость «Пчелки» размѣнялъ!....
Былъ я низокъ колоссально,
Артистическій подлецъ,
И мой ликъ монументальный
Онъ опошлилъ наконецъ!....

«Вы ко мнѣ чрезъ мѣру строги,
Кара ваша тяжела: —
Превратите лучше, боги,
Въ апулеева осла!.....»

NB. Манускриптъ этотъ, писанный на папирусѣ, найденъ при разрытіи Геркуланума, въ лавкѣ парикмахера, что рядомъ съ лавкой портного.

— Direttore di museo Borbonico —
Carlo Bonucci.

Напутственное посланіе

къ нѣкоему безсребреннику и Московскому книгочію, старцу ***, отправляющемуся на казенный счетъ изучать Монголовъ — на мѣстѣ.

«Отечество наше богато,
Въ немъ всякій деньгу зашибетъ,
Обильно сребра въ немъ и злата:» —
Понятно, что ты патріотъ....
Но, странно, о, старецъ маститый,
Ты вздумалъ Москву покидать,
И градъ старинной знаменитый
На степи Монголовъ мѣнять!....

Повѣрь мнѣ, — ты ѣдешь безплодно,
Свой край покидая родной,
Въ пустыни Сибири холодной,
Въ предѣлы Орды Золотой
Исторію нашей Россіи
Довелъ ты до ига Татаръ,
И, вспомнивъ шатанья былыя,
Ты прежній почувствовалъ жаръ
Поѣздить опять изъ разсчета
На счетъ тароватой казны: —
Узнать, вишь, припала охота
Характеръ Монгольской страны....

Не ѣзди, — и смѣло прогоны
Ты можешь въ карманъ положить.
Татарщину всю безъ препоны
Легко и въ Москвѣ изучить;
Пусть дикія рѣчи О.....кій
Хвастливо тебѣ говоритъ,
Молчитъ многодумно Садовскій,
Иль шутъ — Рамазановъ кричитъ;

Григорьевъ пусть, смертнымъ въ забаву,
Серьёзныя пишетъ статьи
И Тертій пусть, Богу во славу,
Гласитъ псалмопѣнья свои;
Да главное, чтобъ неуклонно
Ты свой «Москвитянинъ» читалъ, —
И скажутъ, что ты всесторонно,
На мѣстѣ — Татаръ изучалъ.

Козьма Демьяновъ.

1854.
Эльдорадо.

Послѣ чтенія одной „Эллегіи - Оды - Сатиры"!

(Діатриба Близорукой Зависти.).

Внимая голосу восторженныхъ кликушъ,
Въ себѣ почуялъ ты какого-то гиганта,
И о себѣ самомъ понесъ смѣшную чушь,
Что такъ не вяжется съ достоинствомъ таланта..

Купца-пропоицу намъ ставишь въ идеалъ,
Клевещешь на себя, на русскую природу,
И «слово новое» со сцены ты сказалъ
Медвѣдемъ и козой россійскому народу....

И часто во хмѣлю намъ гордо говоришь,
Что ты могучими твореньями своими
Ко днямъ Кошихина Россію возвратишь
Съ ихъ ложью, дикостью и скверными былыми.

Блеснула съ Запада намъ свѣта благодать,
Мы къ свѣту истины стремимся всей душою, —
И вотъ, задумали порывъ нашъ задержать
Кликуши вѣщіе татарской старпною!....

Мы возродимъ въ себѣ и примримъ собой
Всё въ человѣчествѣ добытое вѣками —
Такъ пусть твой дикій взглядъ и критикъ твой слѣпой
Замоскворѣцкими любуются плутами!

Широкій русскій умъ и крѣпкій нашъ языкъ
Въ безсмыслицѣ смѣшной кудрявыхъ выраженій,
Въ гостиннодворчествѣ ты находить привыкъ, —
И извращаешь смыслъ своихъ произведеній.

Ты видишь на Руси — въ купчихахъ и въ купцахъ
И жизни простоту, и правду, и свободу:
Румянами, сюрьмой на дѣлѣ и въ словахъ
Они уродливо насплуютъ природу.

Друзьями назвалъ ты всѣхъ пьяницъ, всѣхъ шутовъ,
Всѣхъ парій нравственныхъ и крикуновъ позорныхъ...
Уже-ль ты дорожишь восторгами глупцовъ
И пискотней похвалъ безграмотныхъ и вздорныхъ.

Тебѣ сплели вѣнокъ изъ листьевъ бѣлены
И пѣнникъ и дурманъ несутъ на твой треножникъ
Лишь «Москвитянина» безумные сыны
Да съ-кругу-спившійся безсмысленный художникъ.

1854.
Москва.

Автору Всевозможныхъ «Пустячковъ».

Отецъ снотворный Анапцова,
Жеманный авторъ пустячковъ;
Наслѣдникъ истинный Хвостова,
Москвы посмѣшище — С—въ,
Къ моимъ врагамъ присталъ недавно,
И опозорилъ тѣмъ враговъ:
Имъ тяжело, а мнѣ забавно.....
Итакъ — да здравствуетъ С—въ!

Къ чему же эта эпиграмма!
Онъ жалокъ всѣмъ и безъ того:
Его стихи — источникъ срама
И лучшій пасквиль на него.

1854.
Москва.

Четверостишіе, сказанное близорукой завистью.

Со взглядомъ пьянымъ, взглядомъ узкимъ,
Пріобрѣтеннымъ въ погребу,
Себя зоветъ Шекспиромъ русскимъ
Гостинодворскій Коцебу.

1854.
Москва.

Всеобщій Благопріятель.

Онъ межъ холопами считался мудрецомъ
За то, что мысль давить была его отрада;
. . . . . .
. . . . . *)

1854.

Загадка.

Скажите, кто межъ насъ хамелеонъ душой —
Московскихъ умниковъ безграмотное эхо?
Къ несчастію друзей—кто-бъ первый сталъ спиной,
И ноги-бъ цаловалъ у всякаго успѣха?...

1855.
Москва.

---

*) Точки поставлены въ подлинникѣ.

* *
*

Вико правъ! Въ круговращеньи
Историческихъ вѣковъ
Все — одни лишь повторенья:—
Г** въ нашемъ поколѣньи,—
Что въ минувшемъ былъ Хвостовъ.

1855.
Петербургъ.

По взятіи Севастополя.

И родилъ тотъ ботикъ флотикъ,
Этотъ флотикъ флотъ родилъ.
Бенедиктовъ

Все назадъ, на оборотъ
На святой Руси идетъ,
Гдѣ изъ ботика сталъ флотикъ,
А изъ флотика сталъ флотъ....
Но лишь выпалъ трудный годъ, —
И остался только ботикъ.

1855
С.-Петербургъ.

Примѣчаніе: Прошло съ небольшимъ десять лѣтъ послѣ этихъ строкъ и изъ ботика—снова возникаетъ грозный флотъ. *Щ.*

1868.

Эпиграммы.

I.

Ты гимны воспѣвалъ «откинутой коляскѣ,»
Лбу мѣдному кадилъ и льстилъ ты мѣдной каскѣ;
Стремленье къ вольности, гражданскую борьбу
Ты гнусно порицалъ, какъ нѣмецъ Коцебу,
И, какъ хамелеонъ, мѣняя убѣжденье,
Ты заслужилъ себѣ всеобщее презрѣнье.....

II.

Льстивый рабъ, судьбой забытый,
И кнута и тьмы пѣвецъ,
Доказалъ намъ наконецъ,
Что піитъ онъ даровитый,
Но бездарный онъ подлецъ.

(1854 г.)

Автору книги «Печалей.»

(Н. В. Сушкову).

Да! Призванья есть благія....
И не даромъ, о, поэтъ.
Времена познавъ крутыя,
Свой несетъ тебѣ Россія
Благодарственный привѣтъ.
Насъ враги одолѣвали,
Намъ скорбѣть не стало силъ,
Мы веселью чужды стали:
Издалъ ты свои «Печали,»—
И насъ всѣхъ развеселилъ.

10 января 1856.
С.-Петербургъ.

Членъ клуба Здраваго смысла.

Астрономическая Проблема.

О, какъ я ребенкомъ, бывало,
Небесныя звѣзды любилъ!
Душа моя свято мечтала....
Я съ ними какъ другъ говорилъ.

Я думалъ, что ангеловъ очи
Въ эѳирѣ звѣздами горятъ,
И въ долгія темныя ночи
Покой намъ и счастье хранятъ....

Я взросъ,—и отъ древа познанья,
По долгу дворянства вкусилъ:
Мнѣ стали противны мечтанья,—
Я звѣзды свои разлюбилъ,

Считая ихъ просто мірами—
Подобіемъ нашей земли,
Когда межъ землей и звѣздами
Все тѣжъ мы законы нашли....

Тамъ вѣрно, есть: N. N.,
Стиховный творящая .....,—
И всѣ эти жизни лохмотья,
Что въ нравственной тинѣ гніютъ. –

Своя тамъ актриса NN.
Madame Магдалина Тартюфъ,
Что скрыла пороки былова,
Притворствомъ ханжей обманувъ,

Что *«съ древомъ и съ камнемъ.....»*
Въ Одессѣ, Москвѣ и въ Крыму,
Что многимъ карманъ облегчила
И свѣту извѣстна всему,

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Такое-жъ тамъ мысли растлѣнье
Свои тамъ шпіоны какъ Г*,
И также тамъ есть отдѣленье,
. . . . . .

И тамъ есть «Хлыщи», какъ П*
Съ конѣчнымъ юморомъ пхъ
И много другихъ негодяевъ,
И пошлостей много другихъ.....

Тамъ столько-жъ вѣнковъ эфемерныхъ
Тамъ сотни безсмыслицъ на часъ,
И много воровъ тамъ примѣрныхъ.....
Короче,—тамъ все, какъ у насъ.

Гершель—внукъ.

Гринвичъ.
1856, января 18 (по старому стилю.)

По поводу одной оплеухи.

Родъ Пожарскихъ прекратился,
И за Русь не станетъ онъ....
Русскій палъ и осрамился:—
Жидъ пожарный заступился
За поруганный законъ.

1856.
С.-Петербургъ.

«Москвитянинъ.»

1841—1856.

Увы! съ эклиптикой всемірной
Я былъ въ разладѣ завсегда,
И солнце въ высотѣ эѳирной
Упрекъ мнѣ сущій и бѣда:
Когда давно уже бывало
На козерогѣ Фебъ стоялъ,—
Едва всходилъ еще отсталый
На знакѣ Рака мой журналъ.

P. S.

1856.
Петербургъ.

«Русская Бесѣда.»

(Посвящается Аполлону Григорьеву.)

Всё татарское Россіи,
Всё чѣмъ дикъ нѣмецкій людъ,
За народныя стихіи
Намъ въ «Бесѣдѣ» выдаютъ;
Духу въ ней—сухояденье,
Философія дьячка,
Смысла здраваго успѣнье,
Воскресенье «Маяка.»

Смердъ Микулко.

Январь, 1857.
С.-Петербургъ.

N. N.

Не уколола никого
Его критическая тупость,
Бездарность честная его
И добросовѣстная глупость.

Смердъ Микулко.

16 марта, 1857.
С.-Петербургъ.

Новое слово.

Гомеръ NN, Григорьевъ, говоритъ,
Что будто къ русскому нормальному началу
NN должный путъ впервые намъ торитъ,
Прямой дорогою подходитъ къ идеалу;

Но Зависть шепчется съ Невѣжествомъ тайкомъ:
NN, молъ, идетъ совсѣмъ инымъ путемъ:
Шатаясь выступилъ онъ къ русскому началу,
Да и пошелъ *писать Мыслете* къ идеалу.

Смердъ Микулко

17 мая, 1857.
Петроградъ.

«Молва.»

Про все въ Россіи говорятъ,
И болтовня у насъ въ природѣ,
Лишь о «Молвѣ» одной молчатъ,
Объ ней лишь нѣтъ молвы въ народѣ.

Смердъ Микулко

1857.

Въ альбомъ ребенка.

Будь въ жизни прямъ и непритворенъ,
Враждуя съ ложью и со зломъ,
. . . . . .
. . . . . .

1857.

Общій Другъ.

Людей извѣстныхъ былъ любителемъ
И даровымъ ихъ погребкомъ;
Онъ сталъ въ уѣздѣ предводителемъ,
А въ Петербургѣ былъ хлыщомъ.

1858.
С.-Петербургъ.

Кто Онъ?

Другъ мошны буржуазіи,
Онъ піявку мужика,
За трибуна всей Россіи
Выдаетъ откупщика.

Видя въ томъ свои удобства,
Генерала скрылъ онъ спѣсь—
Демократства и холопства
Удивительная смѣсь!

Вольноотпущенный Смердъ Микулко.

1858.
С.-Петербургъ.

Б—у и другимъ Нѣмцамъ - Славянофиламъ.

Тепленько Нѣмцамъ у Славянъ,—
И Нѣмцы всѣ Славянофилы:
Не мудрено, что нашъ кафтанъ
И мурмолка ихъ сердцу милы....

Несли мы Б—гъ, почти что вѣкъ
Опеку Нѣмцевъ не-по-силамъ....
Я слишкомъ русскій человѣкъ, *)
Чтобъ сдѣлаться Славянофиломъ.

Февраль 1858.
С.-Петербургъ.

Московскимъ Краснымъ.

Монтаньяры Вшивой Горки!
«Красный цвѣтъ лишь дурню милъ!»
Такъ народъ нашъ дальнозоркій
Этой мѣткой поговоркой
Васъ на вѣки заклеймилъ.

1858.
Въ вагонѣ.

---

*) Галлицизмъ — въ подражаніе русскому языку Славянофиловъ.

Невозможность эпиграммы.

Тумба, щётка иль ухватъ
Да Петрушка Жалковъ съ ними
И съ женой, съ дѣтьми своими
Эпиграммы не внушатъ.

На бездушные предметы,
На отъявленныхъ глупцовъ
Не смогли писать поэты
Сатирическихъ стиховъ...

И перо бы Ювенала
Не придумало острот,
И тебя-бъ не покарало,
Петербургскій идіотъ!

1858.
Есиплево.

Молитва современныхъ Русскихъ писателей.

О, Ты, Кто принялъ имя Слова!
Мы просимъ Твоего покрова:—
Избави насъ отъ похвалы
Позорной «Сѣверной Пчелы»
И отъ цензуры Гончарова.

1858.
С.-Петербургъ.

Журналъ «Весельчакъ.»

Всѣхъ патріотовъ «Весельчакъ» —
Тупого юмора кабакъ,
Приводитъ въ слёзы и въ раздумье
О нашемъ жалкомъ остроумьѣ.

6 февраля 1858.

Петербургъ.

Вглядѣвшись въ Петербургъ, и всё въ немъ сознавая,
Невольно выскажешь понятіе своё: —
О, Боже мой, посредственность какая!
О, Боже мой, какое дурачьё!

1858.
С.-Петербургъ.

Четверостишіе

Викентія Курильскаго, поставленное въ число другихъ обвинительныхъ пунктовъ къ исключенію его изъ Семинаріи.

Не созерцая Русь какъ чужестранецъ,
Добился наконецъ я до прямыхъ началъ:
Для всей Европы — я — республиканецъ,
А для Россіи я — монархо-либералъ.

1859.

Фигура поправленія.

(Объ одномъ критикѣ).

Онъ всѣхъ Фигляриныхъ идей
Живою сталъ апотеозой.....
Иль нѣтъ:—предъ нимъ и самъ Ѳаддей
Покажется маркизомъ Позой!....

(Еще о томъ-же критикѣ).

Ѳаддея нѣтъ!.... Но тажъ «Пчела»,
Все таже за «Пчелою» слава:
Ѳаддея критика подла,
А Ксенофонтова—плюгава.

1859.
С.-Петербургъ.

* * *
* *)

Хоть теперь ты екс-писатель,
Екс-чиновникъ, екс-дѣлецъ,
И казны екс-обиратель, —
Все-же ты не екс-подлецъ.

Іюль 1859.
Таганрогъ.

Русская исторія.**)

(Посвящается отечественнымъ дѣятелямъ).

Умѣрь ты свой восторгъ и клики,
Устряловъ, старый балагуръ:
Мы видимъ,—даже Петръ Великій
Былъ геніальный самодуръ.

1859.
С.-Петербургъ.

---

*) *** поселился на югѣ, обезпечивъ себя казнокрадствомъ, служа по провіантской части, во время Крымской кампаніи. Онъ сказалъ одному моему знакомому, что онъ ужъ теперь «екс-чиновникъ и екс-писатель». Это подало поводъ къ вышеписанной эпиграммѣ. *Н. Щ.*

**) Двѣ строфы опущены. *Изд.*

Roma l'antica.*)

(Отрывокъ изъ «Одиссеи послѣдняго сумасброда.»

Я милую мою въ античный Римъ привезъ:
Дремала при лунѣ всемірная столица,
И я исполненъ былъ какихъ-то дикихъ грёзъ
И глупыхъ, и больныхъ, дождемъ кропящихъ слезъ;
Мнѣ видѣлись вездѣ трагическія лица:
И я завылъ тогда, какъ нѣкій ярый пёсъ,
А милая моя завыла будто псица,—
И въ вѣчномъ городѣ такой поднялся вой,
Что заревѣли вдругъ: козелъ, оселъ, ослица,
И крикнулъ «караулъ»! французскій часовой.

1859. *Николаки Омега.*
Чухонскіе Аѳины.

Эпитафія А. Г.

Въ угарѣ на себя напущенныхъ идей,
Онъ бѣгалъ, какъ шальной, по площади журнальной,
И убѣжденія онъ съ рѣзкостью нахальной
Что годъ мѣнялъ въ горячности своей.....

И вотъ скончался онъ, какъ должно сумасброду,
Безплодный вѣкъ его въ пустыхъ трудахъ протёкъ:
Зане всю жизнь свою считалъ лишь онъ песокъ,
И съ ярымъ паѳосомъ толокъ въ журналахъ воду.

1859.
С.-Петербургъ.

---

*) Пародія на поэму Аполлона Григорьева: «Venezia la Bella», напечатанную въ XII книжкѣ «Современника» 1858 г. Въ этой поэмѣ, или «*Одиссеѣ послѣдняго романтика*», какъ называетъ ее авторъ, находятся, между прочими подобными, слѣдующіе стихи:

«Глядишь *какъ сычъ*, бывало.... сердце ноетъ,
А *песъ* такъ глупо, дико, жалко *воетъ*.»
или:
«*То пса тоска*, то мука злыхъ духовъ.....»
или-же:
«И ночь, потомъ, сколь это ни обидно,
Я самъ, какъ песъ, вылъ глупо и безстыдно.»

Ужасающая догадка.

Зачѣмъ-бы N. N. въ отставку выходить: —
Вѣдь не мѣшаетъ Марсъ стишкамъ и корректурѣ?...
Но, — Боже! — неужель грозитъ онъ посвятить
Всего себя литературѣ!

1859.
С.-Петербургъ.

---

* * *

Пугая стаю ястребиную,
Съ рѣки цензурной онъ слетѣлъ, —
Какую-жъ пѣсню лебединую
За то на «Парусѣ» онъ спѣлъ.

1859.
С--Петербургъ.

Либерализмъ N. N.

Я не хочу быть либераломъ:
Вѣдь цѣловальникъ — либералъ,
Дѣла покончивши съ кружаломъ,
Либерализмъ на откупъ взялъ.

Я не хочу быть либераломъ,
Когда онъ ..... денегъ далъ, —
И сталъ подкупленнымъ жураломъ
Нашъ обличительный журналъ.

Я либераловъ избѣгаю:
При нихъ боюсь за свой платокъ,
И за часами наблюдаю,
И дальше прячу кошелекъ.

1859.
С.-Петербургъ.

Издателямъ N. N.

За нашу соль, за русскій умъ я
Стыжусь, краснѣю иногда: —
Вѣдь даже искры остроумья
Нѣтъ въ вашей ....., господа!....

1859.
С.-Петербургъ.

N. N.

У русской гласности проса
Грѣшкамъ мизернымъ воздаянья,
Онъ «обличаетъ» всѣхъ и вся,
Не обличая дарованья.

1859.

Любовная пѣсня,

пропѣтая Дикокаменной киргизской къ Н. А. *Съверцову*, во время ученой экспедиціи его на рѣкѣ Сыръ—Дарью, посланной Академіей Наукъ для всесторонняго изслѣдованія дрожанія крылышекъ у мошекъ, роящихся надъ берегами этихъ рѣкъ.

О, ты, айрянъ [1]) моихъ желаній,
О, ты, кумысъ моихъ страстей,
Каймакъ сердечныхъ упованій,
Баранъ больной души моей!

Ты барантой [2]) на душу грянулъ,
Нагайкой сердце мнѣ стегнулъ,
И мой киргизскій духъ воспрянулъ,
Когда въ кибиткѣ ты заснулъ.

Дороже пестраго халата,
Мой нѣжный другъ, твоя любовь,
Разитъ она сильнѣй булата,
И, какъ кизикъ, [3]) сжигаетъ кровь.

Прійди-жь ко мнѣ, шайтанъ [4]) мой милый,
Прійди, батыръ [5]) звѣрей и птицъ!...
Сливаю я мой стонъ унылый
Со ржаньемъ пылкихъ кобылицъ....

1859.
С.-Петербургъ.

Ученыя примѣчанія одного знаменитаго русскаго оріенталиста:

1) Айрянъ — кислое молоко смѣшанное съ водой. Прохладительный напитокъ.
2) Барантà — ночной набѣгъ для воровства и грабежа.
3) Кизя́къ — кирпичи изъ навоза для топлива, горящіе очень жарко, хотя и непламенно.
4) Шайтà нъ — чортъ.
5) Батыръ — богатырь, витязь, герой.

NB. — Эта пѣсня положена на музыку однимъ изъ воспитанниковъ Училища Глухонѣмыхъ.

Отвѣтъ Грека на эпиграмму Русскихъ.

Хоть «Эллинъ» я «изъ Таганрога,»—
Но всё-жь я Грекъ,—не сынъ рабовъ....
За нами въ прошломъ славы много,
Къ намъ уваженіе вѣковъ....

У васъ—застѣнки, плети, клѣтки,
У насъ—свобода дѣлъ и словъ,—
И чѣмъ древнѣе ваши предки,
Тѣмъ больше съѣли батоговъ.

1859.
С.-Петербургъ.

N. N.*)

Либерализмъ онъ внесъ и въ руки!
Какъ истый Фоссъ онъ больно билъ:
Онъ трутню старому науки
Медовый мѣсяцъ отравилъ.

Май, 1860.

---

* * *

Нѣтъ, не змія всадникъ мѣдный
Растопталъ стремясь впередъ:
Растопталъ народъ нашъ бѣдный,
Растопталъ простой народъ.

1859.
С.-Петербургъ.

---

*) Смотр. «Современникъ» 1860 г., Май, № 4.

***

Реформою своей стяжалъ онъ много славы:
Вѣдь онъ европеизмъ настолько къ намъ привилъ,
Что сущій искони батогъ нашъ величавый
Спицрутеномъ нѣмецкимъ замѣнилъ.

1860.

Рифмы.

Къ тѣни славной, къ тѣни Бозіо
Всуе долженъ я взывать,
Оттого что на Перозіо
Трудно рифму пріискать....
Въ словѣ русскомъ (вѣрь мнѣ, Бозіо)
Нашей честной правды цвѣтъ:
Нѣтъ въ немъ рифмы на Перозіо
И на Кокорева нѣтъ!

Мартъ, 1860.

N. N.

О, еслибъ также вдохновенно
Въ стихахъ ты взятки обличалъ,
Какъ въ Ростовѣ изступленно
Ты эти-жъ взятки въ прозѣ бралъ:
То геніальнѣйшимъ поэтомъ
Прослылъ-бы передъ цѣлымъ свѣтомъ. *)

1860.

---

*) Смотри варьянтъ на стр. 323.

* *
*

(варьянтъ.)

О, еслибъ также вдохновенно
Ты казнокрадовъ обличалъ,
Какъ въ Ростовѣ изступленно
Съ живыхъ и съ мертвыхъ взятки драль:
То геніальнѣйшимъ поэтомъ
Прослылъ-бы передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Отвѣтъ на тупую эпиграмму.

Чтобъ вѣру дать моимъ словамъ:—
Пиши побольше эпиграммъ.

1859.

Экспромтъ N. N.

Безталанный горемыка
И кабачный Аполлонъ,
Весь свой вѣкъ не вяжетъ лыка
И мыслете пишетъ онъ.

Октябрь, 1860.

Мы.

У насъ чужая голова,
А убѣжденья сердца хрупки
Мы—европейскія слова
И азіатскіе поступки.

Мартъ, 1860.

СОННИКЪ

СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ,

расположенный въ алфавитномъ порядкѣ и служащій необходимымъ дополненіемъ къ извѣстному „соннику Мартына Задеки“.

Хорошъ россійскій Геликонъ!
Пушкинъ.

Блажени нищіе духомъ.
Матвея гл... ст.....

Слова! слова! слова!
Гамлетъ.

Изданіе сотое безъ перемѣнъ, какъ и все остальное въ богоспасаемой Россіи.

СУЗДАЛЬ.
ВЪ ЛУБОЧНОЙ ТИПОГРАФІИ
ПРИ КОМИТЕТѢ НАРОДНАГО ПОМРАЧЕНІЯ.
1855 — 1857.

ПЕЧАТАНЪ

иждивеніемъ Общества «Всероссійскаго Усыпленія», съ одобренія цензора Е.....а.

ПОСВЯЩЕНЪ

вѣчно-достойной памяти

князя Харитона Акакіевича

ЧУШИНСКАГО-ЧИХМАТОВА,

сего доблестнаго брандмейстера Россійскаго Просвѣщенія

и

евнуха отечественныхъ музъ.

Григорьева Аполлона во снѣ видѣть—предвѣщаетъ сдѣлаться кликушой, и въ церкви, во время Херувимской пѣсни выкликать Островскаго.

Г. . . . во снѣ видѣть—предвѣщаетъ увидѣться съ Петромъ Александровичемъ Плетневымъ, или-же, предѣщаетъ исполненіе на яву извѣстной поговорки: «какъ увидишь Г* — нападетъ зѣвота.»

Данилевскаго Григорія во снѣ видѣть—предвѣщаетъ слышать пріятныя новости о Россіи, но увы! —большею частію несбыточныя.

Дружинина Александра видѣть во — снѣ предвѣщаетъ ѣсть холодную щуку въ палевыхъ перчаткахъ на плавательныхъ перьяхъ.

Е—на, ценсора, во снѣ видѣть — *для идіота* предвѣщаетъ поглупѣть окончательно.*)

Каменскаго Павла видѣть во снѣ предвѣщаетъ уговраздиться надуть (самаго хитраго и ловкаго человѣка).

Ковалевскаго (Егора Петровича) видѣть во снѣ — предвѣщаетъ проиграться въ карты и быть отправлену съ горя въ Черногорію, но безуспѣшно.

Кони Ѳедора во снѣ видѣть — предвѣщаетъ: пожелать статьи искренняго твоего и незаплатить за нее ближнему твоему.

---

*) Человѣку-же хоть сколько нибудь въ здравомъ умѣ таковой сонъ присниться никакъ не можетъ. Смотри «*Физіологію человѣческаго сна*», будущее сочиненіе Хотинскаго.

Н. Щ.

Краевскаго видѣть во снѣ — предвѣщаетъ полученіе денегъ.

Майкова во снѣ видѣть — къ перемѣнѣ погоды.

Мея во снѣ видѣть — предвѣщаетъ аркадски возъимѣть упорное и продолжительное намѣреніе безъ денегъ издавать журналъ политики, словесности, наукъ, искуствъ и художествъ.

Михайлова, Михаила Ларіоновича, во снѣ видѣть предвѣщаетъ услышать вѣсть о смерти старой беззубой тетки, но безъ наслѣдства.....

Островскаго видѣть во снѣ — предвѣщаетъ, съ-голосу кликуши, вообразить себя Шекспиромъ.

*Ольгу Н**** во снѣ видѣть — предвѣщаетъ Дружинина или Григоровича принять за маркиза Позу.

Одоевскаго, князя Владиміра Ѳедоровича, во снѣ видѣть — протодьякону предвѣщаетъ быть отставлену отъ должности, по спаденіи съ-голоса. Бѣднякуже предвѣщаетъ опухнуть съ голоду отъ избытка усердія метафизической благотворительности и питательныхъ теорій.

Панаева Ивана во снѣ видѣть — предвѣщаетъ залить новый жилетъ кофеемъ, или купить у Лепретра полдюжины голландскихъ рубашекъ и хвастливо раструбить о томъ по Выборгской сторонѣ, Козьему-Болоту и на Пескахъ. Вообще-же означаетъ попасть въ кружокъ хлыщей, фатовъ и птиметровъ салона М..... ..... — этой чухонской Аспазіи; иногда предвѣщаетъ говорить съ лакеемъ изъ аристократическаго дома или читать русскій фельетонъ и видѣть въ немъ

всѣ старческія усилія беззубаго остроумія. Бо́льшею частію сей сонъ означаетъ тоже, что видѣть *Гербеля*.

П—. во снѣ видѣть—предвѣщаетъ выгодно сбыть съ рукъ старую негодную рухлядь, мусоръ и хламъ, или съ барышомъ перепродать старьёвщику негодные голенища и битые штофы. — Въ настоящее-же время, сей сонъ предвѣщаетъ на *богатаго* откупщика (бывшую *пьявицу* несчастнаго русскаго мужичка) напустить припадокъ какого-то *холопскаго* демократизма и своекорыстно науськивать его самолюбіе на мнимо-Мининскія доблести, пиша ему втайнѣ спичи съ выраженіями изъ «лѣтописи» *) и получая за это отъ сего bourgeois, тоже втайнѣ, до 4 тысячъ рублей серебромъ жалованья въ годъ. — Иногда-же предвѣщаетъ — смѣшать способности *тонкаго плута въ русскихъ откупахъ* съ *государственными способностями и образованностію* министра финансовъ.

Полонскаго (поэта) видѣть во снѣ — предвѣщаетъ попасть куда нибудь къ дѣтямъ на ёлку.

Потѣхина Алексѣя видѣть во снѣ, — предвѣщаетъ, по патріотическому наущенію Погодина, прибить нѣмца.

Писемскаго во снѣ видѣть предвѣщаетъ—читать въ аристократическомъ салонѣ новое свое произведеніе и рыгать тамъ демократической рѣдькой.

Р—ну во снѣ видѣть, предвѣщаетъ согрѣшить противъ той заповѣди, которую такъ искусно умѣютъ обходить законоучители въ женскихъ пансіонахъ.

*) Напримѣръ: — «ростило общедумія».

Р., болванщика *), видѣть во снѣ—предвѣщаетъ спиться съ-кругу, и въ постоянно пьяномъ видѣ, орать, съ чужого голоса, глупыя и нагло-оскорбительныя рѣчи. Иногда-же предвѣщаетъ съ фонарями подъ глазами переночевать ночь въ будкѣ, что̀ нерѣдко случается на Руси съ «непризнанными геніями» и «широкими натурами».

Сенковскаго и *Старчевскаго* видѣть во снѣ — сонъ, не предвѣщающій ничего хорошаго.

Срезневскаго, видѣть воснѣ этого академика ..... предвѣщаетъ все — знать и ничего незнать.....

Сушкова, Николая Васильевича, видѣть во снѣ — предвѣщаетъ побывать у Ивана Яковлевича. **)

Съверцова во снѣ видѣть—предвѣщаетъ ужъ больше никогда сновъ не видать.

Тургенева во снѣ видѣть — предвѣщаетъ получить тонкую способность съумѣть откопать талантъ тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, хоть-бы это было даже въ государственныхъ людяхъ Россіи.

Фета во снѣ видѣть, для читающей публики, предвѣщаетъ «ложку меду и бочку дегтю»; военнымъ-же предвѣщаетъ быть произведенными въ эскадронные командиры.....

*) *Болванщикомъ*— московскіе спиртофилы или руссофилы называютъ скульптора, патріотически избѣгая иностранныхъ словъ.

**) *Иванъ Яковлевичъ*, извѣстный юродивый и предсказатель въ Москвѣ, сидящій въ домѣ умалишенныхъ, къ которому за предсказаніями и пиѳическими совѣтами стекаются толпами московскія дамы, бабы и даже иногда мужчины. (1857 г.)

Шевырева видѣть во снѣ — предвѣщаетъ попасть въ интригу или пѣть Лазаря сильнымъ міра сего, стоя за честь русскаго имени.

Щербину, Николая Ѳедоровича, видѣть во снѣ— предвѣщаетъ заболѣть желчной лихорадкой при видѣ общаго благоденствія и *торжествующей правды*, что можно постоянно читать въ русскихъ газетахъ, въ отдѣлѣ «внутреннихъ извѣстій».

Хомякова видѣть во снѣ—предвѣщаетъ доказать строго-логическимъ образомъ и діалектическимъ путемъ, что люди ходятъ головою, а думаютъ ногами.

. . . . . .

Ценсоровъ русскихъ вообще видѣть во снѣ—предвѣщаетъ быть посаженнымъ въ домъ сумашедшихъ.

. . . . . .

Эдельсона, сотрудника усопшаго «Москвитянина», во снѣ видѣть—предвѣщаетъ пожаръ, или увидѣть картину изображающую неопалимую купину.

Ѳ..... Бориса во снѣ видѣть — для взрослыхъ предвѣщаетъ доносъ, а для дѣтей наказаніе.

. . . . . .

P. S.

Монтаньяровъ Вшивой - Горки (что въ Москвѣ) иначе Монтаньяришками называемыхъ, во снѣ видѣть —предвѣщаетъ: добросовѣстно, искренно и съ убѣжденіемъ показывать въ карманѣ кукишъ (осторожно и благоразумно оглядываясь на всѣ стороны), и усердно колотить языкъ объ зубы; также самоотверженно храбриться и витійствовать въ своей комнатѣ и униженно поблѣднѣть предъ первымъ кварташкой, или иногда

изъ отъявленнаго радикала превратиться въ благоразумнаго консерватора при малѣйшемъ благосклонномъ вниманіи начальства и въ видахъ какого нибудь грошоваго своекорыстія, что впрочемъ вообще въ духѣ доблестныхъ россійскихъ нравовъ и обычаевъ. Бо̀льшею же частію сей сонъ предвѣщаетъ осуществленіе на дѣлѣ «*Проэкта о томъ, какъ съять въ облакахъ умозрительную рѣпу*».

Консерваторовъ Дѣвичьяго Поля (что въ Москвѣ), бывшихъ сотрудниковъ покойнаго «Москвитянина», иначе «*Спиртофилами*» или «*Руссофилами*» называемыхъ, во снѣ видѣть — предвѣщаетъ: сладострастно нюхать нагольные мужицкіе тулупы и бочки съ пѣнникомъ, съ цѣлію сознательно вынюхать оттуда эссенцію русскаго государственнаго и народнаго духа и букетъ древнихъ доблестей; также—пиѳическія вдохновенія и громкія убѣжденія съ біеніемъ въ собственную грудь и рискуя выброситься въ окошко, почерпать изъ штофовъ національнаго нектара, а потомъ мѣнять эти громкія и задушевныя убѣжденія съ перемѣною каждаго погребка, и при наддачѣ лишняго алтына вскдить въ «*обязательныя соглашенія*» и сдѣлаться ренегатомъ, перебѣжавъ отъ *Востока* Московской Болвановки къ *Западу* Петербургскаго Щукина Двора.

Бо̀льшую часть современныхъ и по преимуществу Петербургскихъ литераторовъ вмѣстѣ взятыхъ во снѣ видѣть предвѣщаетъ изъ *Философіи Гегеля*, прочитать главу: «*Объ абстрактной пустотѣ*», или-же воскликнуть съ Барбье:» « . . . . tous ces baladins qui dansent sur la phrase»!

КОНЕЦЪ И ПРАВДѢ СЛАВА.

(1857.) *Мартынъ Задека—сынъ изъ Аркадіи.*

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ

о службѣ Титулярнаго литератора и піиты N. N.

Вопросъ. Чинъ, имя, фамилія, должность имъ отправляемая, сколько отъ роду лѣтъ, какого вѣроисповѣданія, гдѣ получилъ воспитаніе?

Отвѣтъ. Титулярный литераторъ и піита N. N. сынъ N., исправляетъ должность Литературнаго профоса, вступивъ въ оную съ 1847 года съ элегіею «на смерть *Стрекозы*» и «къ *Таракану Аксиньи*» въ журналѣ подъ названіемъ «*Помойная Яма*,» 28 лѣтъ, вѣроисповѣданія Нѣмецко-Россійскаго. — Воспитаніе получилъ въ Институтѣ Василія Тредьяковскаго.

— Имѣетъ-ли недвижимое имѣніе?

— Имѣетъ, а именно: *Книги*: I *Переводъ Слова* и тому подобную *недвижимость*.

— Женатъ и имѣетъ-ли дѣтей?

— Хотя съ Музою никогда въ сожительствѣ не былъ, но дѣтей имѣетъ, а именно: *Литературныхъ уродовъ*, прижитыхъ имъ посредствомъ стиховнаго дѣйства.

— Подъ судомъ или слѣдствіемъ не находился-ли?

— Подъ судомъ и слѣдствіемъ *критики* никогда не находился и впредь, по ничтожности своихъ произведеній, находиться не можетъ и не будетъ.

— Способенъ-ли къ продолженію службы?

— Всегда аттестовался способнымъ и достойнымъ объѣзжать лошадей и жениться на толстой купчихѣ; къ поэзіи же у него: «охота смертная, да участь горькая.»

— Не былъ-ли въ отпуску?

— Находился въ постоянномъ *отпуску отъ таланта*, отъ здраваго смысла и вообще отъ литературы.

— Какія имѣетъ тѣлесныя качества?

— «Изобиленъ тѣломъ,» хотя постоянно одержимъ болѣзнію подъ названіемъ: «Spasmus scriptatorius.»

— Его поведеніе?

— Лазаря поетъ всѣмъ журналистамъ всѣхъ партій, слезно и умильно бьетъ имъ челомъ, умоляя ихъ печатать его стихотворенія. Онъ другъ «и нашимъ и вашимъ,» ибо ко славѣ больно охочь.

— Какія имѣетъ умственныя способности?

— «*Скорбенъ главою.*»

(1858 г.)

ДОМОРОЩЕННЫЕ НАБРОСКИ

русскаго лѣнивца и ипохондрика.

1857—1867.

Прежде нежели Литература можетъ имѣть право на изобличеніе дурного въ другихъ сферахъ, она должна быть безпощадна къ самой себѣ.

«Русскій Вѣстникъ» 1857. № 9.

Русская Литература не лучше Русскаго лихоимства: явственно попираетъ законы истины, торгуетъ условною неправдою.

Брамбеусъ.

I.

Портреты въ журналѣ «Сынъ Отечества».

Журналъ «Сынъ Отечества», издаваемый Альбертомъ Старчевскимъ, въ числѣ другихъ приложеній, давалъ своимъ подписчикамъ *портреты современныхъ русскихъ писателей*. Публика принимала ихъ за пейзажи, считая, напримѣръ, портретъ И. И. Лажечникова за какое-нибудь *сельцо* Лажечниково, т. е. *за видъ сельца* Лажечникова; *портретъ* Ивана Сергѣевича Тургенева за сельцо Тургенево, и т. п.

Спустя довольно продолжительное время по напечатаніи этихъ портретовъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ слуховъ и по усиленнымъ изслѣдованіямъ полиціи и членовъ Академій Наукъ и Художествъ, доискались, что

это вовсе не пейзажи, не деревенскіе и степные *виды* разныхъ *селецъ*, *прялъ*, *гуменъ*, а *портреты людей*. Дѣло дошло до подлежащаго вѣдомства, нѣкоего комитета. Члены его пришли въ ужасъ и смятеніе, и выхлопотали себѣ право цензировать предварительно каждый портретъ писателя, прилагаемый къ «Сыну Отечества», представивъ правительству самыя дѣльныя и законныя основанія, которыя состояли въ слѣдующемъ:—«Сынъ Отечества» своими портретами русскихъ писателей подрываетъ основанія спасительной Православной вѣры въ русскомъ народѣ, подаетъ поводы къ новымъ еще ересямъ въ Греко-Россійской церкви, которая и безъ того обильна хлыстами, молоканами и имъ подобными раскольниками и отщепенцами; а главное, «Сынъ Отечества», приложеніями своими политипажныхъ портретовъ русскихъ писателей, явно *опровергаетъ* божественныя истины «Священнаго Писанія» и по преимуществу «Книгу Бытія», гдѣ сказано, что «человѣкъ созданъ по образу Божію и по подобію». «Сынъ же Отечества», выдавая подобные портреты человѣковъ, то есть русскихъ писателей, которые, каковы-бы они ни были, а все-таки люди, этимъ положительно проповѣдуетъ, что Богъ, создавшій человѣка по образу своему и по подобію, очевидно имѣетъ видъ капустниковъ, коноплянниковъ, одоньевъ, прялъ и разныхъ сельскихъ видовъ и пейзажей».

(1857 г.)

II.

О вредѣ и опасности журнала «Москвитянинъ» для народнаго здравія въ государствѣ.

Журналъ «Москвитянинъ», издававшійся извѣстнымъ всероссійскимъ безсребренникомъ Михаиломъ Погодинымъ, отставалъ въ своевременной выдачѣ своихъ кни-

жекъ баснословно; такъ, напримѣръ, декабрьскій его нумеръ выходилъ въ іюлѣ, а іюльскій въ декабрѣ.

Извѣстный въ Москвѣ своею разсѣянностью и глубокимъ знаніемъ Естественной исторіи ученый Н. А. Сѣверцевъ, углубившись разъ въ „декабрѣ мѣсяцѣ“ въ составленіе своей глубоко-ученой диссертаціи,*) былъ неожиданно прерванъ въ занятіяхъ раздавшимся звонкомъ. Вошелъ почтальонъ и подалъ ему новый, только что вышедшій нумеръ „Москвитянина“. Сѣверцевъ бросилъ взглядъ на обертку журнала и прочиталъ: «*Іюль*». Онъ поспѣшилъ достать пальто самой легкой матеріи (искусно сотканной изъ ліонскихъ паутинокъ), соломенную шляпу, и поспѣшно направилъ стопы свои къ Москвѣ рѣкѣ. По разсѣянности, ничего не чувствуя и не замѣчая, онъ бросился въ первую прорубь — купаться.

Нѐчего и говорить, что его вытащили оттуда почти за мертво извѣстные своею сострадательностію будочники (получившіе въ послѣдствіи медали на владимірской лентѣ—«за спасеніе погибавшихъ»). Было произведено слѣдствіе, которымъ дознано, что причиною этого несчастія отъ разсѣянности,—былъ журналъ «Москвитянинъ». Почему правительство и распорядилаєь такъ: передать этотъ журналъ изъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, именно въ «Медицинскій Департаментъ», предписывая медицинской полиціи строгій и

*) Диссертація эта носитъ слѣдующее названіе: «О вліяніи теченія и положенія астероидъ, находящихся между Юноной и Палладой, на образованіе щупальцевъ у жесткокрылыхъ (coleopera) и на раздвоеніе копытъ у животныхъ, отрыгающихъ жвачку (ruminantia).» Москва 1854. Въ Университетской типографіи. in—4°. *Н. Щ.*

изеусыпный надзоръ надъ нимъ, какъ надъ періодическимъ изданіемъ, столь опаснымъ для общественнаго дравія въ имперіи.

III.

Изъ будущаго учебника исторіи Русской литературы.

(Учитель). *Вопросъ.* Чѣмъ существенно отличается талантъ и характеръ литературной дѣятельности Ѳаддея Булгарина отъ характера и таланта Бориса Ф (Ѳ)?

(Ученикъ). *Отвѣтъ.* Чтобы объяснить это, стоитъ только привести слѣдующій фактъ. Въ дни своей цвѣтущей молодости Булгаринъ считалъ себя поэтомъ, и сдѣлалъ нѣсколько опытовъ въ стихахъ буколическаго содержанія. Между ними была написана одна нѣжная «*идиллія*», попавшаяся какъ-то въ извѣстное отдѣленіе. Борисъ-же Ѳ—въ пробовалъ свои силы, еще на утрѣ дней, преимущественно въ доносахъ на отечественную литературу: онъ всегда отличался патріотическимъ чувствомъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ сдѣлать свои доносы сильными, ядовитыми, всесторонними, доказательными и ужасными. Доносъ, какъ извѣстно, по своему назначенію, тоже очутился въ неизбѣжномъ, роковомъ учрежденіи,

«Куда и листъ лавровый мчится,
«И легкій розовый листокъ.

Но, спустя нѣкоторое время, секретарь какъ-то нечаянно перемѣшалъ эти бумаги между множествомъ другихъ бумагъ, поступающихъ въ это благодѣтельное и необходимое для любезнаго нашего отечества учрежденіе. Наконецъ съ трудомъ отыскалъ ихъ; но пришедши въ недоумѣніе, что̀ *доносъ* и что̀ *идиллія*, обратился къ много-опытному начальнику своему Л. В. Д*.

Тотъ, прочитавъ доносъ Бориса Ѳ. и идиллію Ѳаддея Булгарина, рѣшилъ дѣло такъ:

«Доносъ Бориса Ѳ. отправить въ издававшійся тогда альманахъ «*Сѣверные цвѣты*», для напечатанія въ отдѣлѣ *стихотвореній*; а *аркадскую идиллію* Ѳ. Булгарина (гдѣ хотя повидимому и бесѣдуютъ между собою только пастушки Меналкъ, Тирсисъ и пастушка Зоя)—*оставить* въ отдѣленіи, сначала принявъ оную къ свѣдѣнію, а потомъ, по розысканіи, и къ исполненію.»

IV.

Русское горе.

Честолюбивый холопъ N. N. науськиваемый извѣстнымъ московскимъ безсребренникомъ, нѣкіимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ N. N., предложилъ, на обѣдѣ, Севастопольцамъ, тостъ «*за русское горе*». Онъ выразилъ (понаущенію-же N. N.) при этомъ ту мысль, что «русское горе *полезно* русскимъ людямъ.»

Мысль съ откупщицкой точки зрѣнія вполнѣ справедливая. Дѣйствительно, русское горе *полезно* русскимъ откупщикамъ:—*вѣдь русскій человѣкъ пьетъ съ горя.*

V.

Комета и комедіи.

Въ послѣднее время ожидали появленія кометы, и въ нѣкоторыхъ кружкахъ московскаго общества побаивались, чтобы комета не задѣла земли и не истребила бы все человѣчество.

— Ахъ! воскликнулъ при этомъ N. N.—Аристофанъ, каналья, счастливѣе меня! Его комедіи прожили въ безсмертіи болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, а моимъ комедіямъ, благодаря этой гнусной кометѣ, можетъ быть прійдется прожить только восемь лѣтъ....

Аполлонъ Григорьевъ тоже былъ, по этому случаю въ паническомъ страхѣ, пока комета совершенно не удалилась отъ земли, и человѣчество не осталось жить, вмѣстѣ съ комедіями N. N. для комедій N. N.

(1858 г.)

VI.

Самое точное философическое опредѣленіе.

Многіе философы, отъ Платона до Гегеля, *опредѣляли* — «что̀ такое человѣкъ;» но всѣ ихъ *опредѣленія* по крайнему моему разумѣнію, были лишь болѣе или менѣе только точны.

Платонъ, напримѣръ, опредѣлилъ его двуногимъ существомъ безъ перьевъ. Діогенъ, общипавъ перья у пѣтуха, и показавъ его Платону, промолвилъ: «Вотъ твой человѣкъ, существо двуногое, безъ перьевъ!»

Такъ всѣ философы до этого времени, сколько я ни читалъ ихъ антропологій, опредѣляли человѣка не точно, не всесторонно, не вполнѣ логически. Въ ихъ опредѣленіи всегда находилось больное мѣсто, на которое могъ-бы напереть неумолимый анализъ діалектическаго ума и открыть міру эту прорѣху въ точности опредѣленія.

Но въ наше время, исполненное (какъ извѣстно изъ отечественныхъ газетъ) благоденствія, явился, наконецъ человѣкъ, въ совершенствѣ опредѣлившій человѣка.

Этотъ необыкновенный, исключительный индивидуумъ нѣкто Павелъ Ильичъ Кисельниковъ (псевдонимъ).

По его опредѣленію: — «*Человѣкъ есть такое существо, которое представляетъ собою возможность занять у него деньги.*»

Извольте-ка, господа, какою бы-то ни было діалектикою найдти хотя самомалѣйшую неточность въ этомъ глубоко логическомъ опредѣленіи! Привяжитесь-ка здѣсь вашимъ тонкимъ анализомъ къ чему-либо!

Согласитесь, вѣдь нельзя же занять денегъ ни у лошади, ни у гуся, ни у щуки, ни у осины, ни у булыжника!

Изъ этого прямо слѣдуетъ, что «опредѣленіе» П. И. К. какъ нельзя болѣе точно и совершенно въ филосовскомъ отношеніи.

Авторъ не столько изъ умозрѣнія, сколько изъ многолѣтняго и всесторонняго опыта вывелъ подобное геніальное опредѣленіе. Онъ долженъ деньги многочисленнѣйшимъ лицамъ *всѣхъ націй*, всѣхъ государственныхъ *сословій* и *корпорацій*, не только дворянамъ, чиновникамъ, купцамъ, мѣщанамъ, крестьянамъ, но даже такимъ небольшимъ, рѣдкостнымъ, теряющимся въ пространствѣ и народонаселеніи, сословіямъ, какъ напримѣръ: *пахатные солдаты* и *обѣльные крестьяне*... Занимать деньги онъ поставилъ конечною цѣлію своей жизни.

Нѣтъ ни одной буквы отъ *Аза* до *Ижицы*, которой бы онъ не считалъ въ числѣ своихъ кредиторовъ: въ алфавитномъ спискѣ ихъ даже находятся фамиліи— Усавлевъ, Уссоповъ, вѣроятно, фамиліи какихъ-нибудь убогихъ семинаристовъ.

Павелъ Ильичъ не успѣлъ пока еще взять въ займы у однихъ только коронованныхъ особъ, хоть и дѣлалъ въ Германіи напрасную попытку занять одинъ талеръ у владѣтельнаго князя Липпе-Детмольдскаго... Но нашъ великій философъ положилъ себѣ непреложнымъ правиломъ и назначеніемъ въ жизни не умирать до тѣхъ поръ, пока не займетъ у кого-либо изъ августѣйшихъ особъ... *) Для бо̀льшей послѣдовательности въ жизни

*) Послѣ этого, легко можно предсказать, что г. Кисельникову суждено никогда не умереть, какъ Вѣчному Жиду.

и убѣжденіяхъ, онъ рѣшился умереть въ послѣдствіи, но не иначе, какъ повѣсившись *на взятой въ долгъ веревкѣ*.

Гг. желающіе слушать его философическія лекціи благоволятъ обратиться къ нему по слѣдующему адресу: «Въ Москвѣ. Въ Заимообразномъ переулкѣ, въ приходѣ Николы Неоплатимаго, въ домѣ наслѣдниковъ Должниковыхъ, близъ Долговой Ямы, противъ будки.»

VII.

Гегелическая «Призрачность».

Павелъ Ильичъ, какъ извѣстно, слушалъ въ Германіи лекціи Шеллинга и Гегеля, и умѣетъ даже ихъ абстракціи примѣнять къ обыденной практической жизни. Эти философскія абстракціи онъ пускаетъ въ ходъ при займѣ денегъ.

Пришедши къ какому-либо смертному, у котораго намѣревается взять въ займы, онъ мало-по-малу начинаетъ заговаривать о пребываніи своемъ за границей, потомъ нечувствительно переходитъ къ философіи, предчувствуя, что его жертва, хотя и не свѣдуща въ этой наукѣ, но тѣмъ не менѣе одержима слабостью любознательности. Павелъ Ильичъ, по долгой привычкѣ къ философскому нѣмецкому слогу и по отвычкѣ отъ русскаго языка, говоритъ безконечно длинными періодами и многосложными словами, употребляя множество вводныхъ и придаточныхъ предложеній при одномъ главномъ.

—«Есть—говоритъ онъ—одно характеристическое, непреложное *положеніе* у Гегеля, составляющее, если позволите такъ выразиться, весь существенный сокъ его ученія, и, которое, (то-есть положеніе) біясь въ немъ (то-есть въ ученіи), какъ пульсъ въ живомъ человѣческомъ организмѣ, служитъ, какъ-бы мѣриломъ,

или термометромъ Гегелевой системы, извѣстной подъ именемъ, смѣю такъ сказать, абсолютнаго идеализма.»

— Ахъ, это интересно!... Что-же это за положеніе?

— «А, вотъ-что!... Все, видимое, слышимое, обоняемое, вкушаемое, осязаемое нами въ этомъ мірѣ, словомъ, всѣ предметы этого внѣшняго, относительно насъ міра, суть не болѣе какъ *призраки*. Все это — видите-ли моментальныя выраженія, манифестаціи, конечныя явленія одной безконечной идеи... Призраки, то есть...»

— Какъ призраки!... Неужели призраки?...

— Да! Все, окружающее насъ, въ коемъ мы живемъ и движемся, не болѣе какъ призрачность; призрачный міръ, призраки, — только одна *идея каждаго предмета есть абсолютна, вѣчна, безконечна, неизмѣнна, непреложна*: на-примѣръ, этотъ домъ, въ которомъ вы живете, не смотря на то, что онъ застрахованъ, — призракъ; этотъ ювелиръ съ своимъ магазиномъ, противъ котораго выходятъ окна вашей квартиры — призракъ; этотъ мѣняло со всѣмъ его столикомъ — призракъ... Всѣ эти деньги, — даже и не въ австрійскихъ кредитныхъ билетахъ — призраки...

На лицѣ хозяина квартиры выразилось боязливое недоумѣніе. Онъ невольно ощупалъ свой карманъ.

— «Чему вы удивляетесь! Это очень просто, очень понятно.... Напримѣръ: — *идея дома* вѣчна, а самый этотъ домъ — призракъ....»

— Помилуйте,—онъ приноситъ своему хозяину двадцать-пять тысячъ серебромъ ежегоднаго дохода и къ тому-жъ еще застрахованъ въ Первомъ страховомъ отъ огня Обществѣ.

— «Все-таки, и эти двадцать пять тысячъ серебромъ и это Страховое отъ огня Общество призраки.»

— Тьфу, чортъ возьми! Это ни на что не похоже...

— «Поймите меня... Этотъ, именно этотъ, положимъ, домъ можетъ сгорѣть или черезъ тысячу лѣтъ совершенно разрушиться, скажу болѣе, безслѣдно стушеваться, стереться съ лица земли, и, такимъ образомъ, потерять свое существенное значеніе, свои отличительные признаки, свою *суть*, такъ сказать: но идея дома вѣчна. Домъ въ мірѣ духа только вѣченъ: онъ не болѣе какъ das Andersein извѣстной идеи, ибо представленіе и понятіе о томъ, что̀ укрываетъ человѣка отъ стихій, пріютъ человѣческаго индивидуума, обусловливаемый потребностью удобствъ внѣшней жизни человѣка, имѣющій извѣстную форму, занимающій извѣстное пространство, словомъ, это представленіе существовало, существуетъ и останется вѣчно въ духѣ. Это представленіе, это понятіе, эту идею

«Не истребятъ ни годы, ни пожары,»

если, смѣю привести, и, надѣюсь, не совсѣмъ некстати стихъ великаго, многоуважаемаго мною отечественнаго поэта...»

Хозяинъ задумался, Павелъ Ильичъ какъ-то прерывисто и нерѣшительно заходилъ по комнатѣ. Молчаніе обоихъ было довольно продолжительно. Наконецъ Павелъ Ильичъ взглянулъ на свой прорванный сапогъ, указалъ на него со вздохомъ и прервалъ это молчаніе.

— «Вы не повѣрите, что при наиположительнѣйшихъ надеждахъ и ожиданіяхъ, имѣемыхъ теперь мною, относительно полученія довольно большаго куша денегъ,—вотъ до чего я теперь доведенъ: не-на-что даже дать положить заплатку на сапогъ.... А тутъ еще предстала мнѣ одна божественнѣйшая, эѳирнѣйшая, очаровательнѣйшая женщина, которой бы мнѣ хотѣлось дѣлать дворъ....»

Надо замѣтить, что Павелъ Ильичъ, долго живя за границей, до того объиностранился, что, не находя чисто-русскихъ выраженій, переводитъ иногда буквально германизмы и галлицизмы. Въ этомъ случаѣ, на-примѣръ, онъ такъ перевелъ выраженіе faire la cour.

— «Но какъ—продолжалъ онъ—приступить къ ней въ изорванныхъ сапогахъ?... языкъ не поворотится, совѣстно слово вымолвить.... не говоря, уже о поднесеніяхъ ей букетовъ и о разныхъ другихъ угожденіяхъ, на что нужны деньги.... Вотъ до чего доведенъ я непредблагоразсмотрительствовавшимися обстоятельствами!... Видите-ли, mon cher,—мнѣ нужны теперь дозарѣзу 50 или хоть 30, или 25 наконецъ, рублей серебромъ, чтобы кое-какъ пока оборотиться да оправиться... Пожалуйста, mon cher, мнѣ скоро предстоитъ большое полученіе. Считаю священнымъ долгомъ, увѣрить васъ, что вы ихъ получите всѣ сполна съ моею наивеличайшею признательностію и съ чувствомъ глубочайшей благодарности въ самомъ непродолжительномъ времени. Вамъ, человѣку мыслящему, неужели даже на время жаль разстаться съ этими призраками!...» сказалъ Павелъ Ильичъ, будто полушутя, но тѣмъ не менѣе съ пафосомъ.

Иванъ Ивановичъ (хозяинъ квартиры) замялся.

— «Вы согласитесь—продолжалъ съ чувствомъ Павелъ Ильичъ, что ваши деньги, то есть, металлическіе кружки извѣстнаго рода или литографированныя бумажки—призраки!... а вѣдь только идея ихъ вѣчна... Они, дѣйствительно, и ваши, положимъ, деньги имѣютъ свою сущность и силу, но только въ мірѣ духа.»

— Эхъ, подумалъ про себя Иванъ Ивановичъ, вѣрно и долгъ-то твой для тебя тоже призракъ, а ужъ для меня и подавно, не смотря на то, что самый долгъ су-

ществуетъ исключительно въ мірѣ духа, какъ отвлеченное понятіе.

Тутъ Павелъ Ильичъ началъ описывать свое настоящее горькое положеніе и будущія положительныя надежды на богатство.

Всему свѣту извѣстно, что нельзя никакъ отвертѣться, чтобы не дать въ займы Павлу Ильичу. Онъ занимаетъ у васъ безъ отдачи, положимъ уже въ 10-й разъ, и вы все-таки ему даете въ займы. Вы какъ-то размягчаетесь, умиляетесь предъ нимъ. Онъ занимаетъ такъ художественно, онъ великій художникъ кредита. Вамъ какъ-то легче жить, давши въ займы Павлу Ильичу. Иногда-же, вы ему охотно даете денегъ, думая, что авось-либо это въ послѣдній разъ, и онъ изъ совѣсти никогда ужъ больше не покажется вамъ на глаза.

Надежда тщетная!

Несмотря на то, что Иванъ Ивановичъ былъ порядочный кремень, онъ однакожъ ему далъ въ займы, хоть не 50, но раззорился на пять рублей.

Павелъ Ильичъ поспѣшилъ съ нимъ проститься, и тотчасъ же на эти деньги нанялъ извощичью карету, и отправился въ ней занимать у другихъ своихъ знакомыхъ. Воображенію его уже представлялось поднесеніе дорогаго, великолѣпнаго букета его «божественной женщинѣ.»

Но долго послѣ этой сцены повторялъ скупой Иванъ Ивановичъ съ тяжкимъ вздохомъ:—«Деньги—призраки! Да призраки, гегелическіе призраки!»

VIII.

Еще анекдотъ о П. Л. Кисельниковѣ.

Читатели моего «*Альбома Ипохондрика*», конечно, знаютъ уже П. Л. Кисельникова, у всѣхъ и у вся занимающаго деньги. Я, по мѣрѣ слабыхъ силъ моихъ, потщился изобразить его художественную способность вѣчно занимать, никогда не отдавая.

Пребываніе мое въ 1861-мъ году въ Италіи невольно привело мнѣ на умъ еще одинъ фактъ изъ его *занимательной* жизни.

Петра Лукича я вспомнилъ въ Римѣ, именно въ картинной галлереи палаццо Колонна. Я, между множествомъ разныхъ картинъ, съ особеннымъ вниманіемъ остановился предъ картиной Мурильо, изображающей Іуду, продающаго Христа за 30 сребренниковъ. Передъ этой картиной, стоялъ нѣкогда Петръ Лукичъ, извѣстный любитель и восторженный до самозабвенія поклонникъ искусства.

На картинѣ представленъ Іуда, окруженный фарисеями и священниками еврейскими. Онъ только что получилъ свои роковые 30 сребренниковъ: они лежатъ у него еще на ладони руки... Живопись превосходная. Предъ вами будто живой стоитъ Іуда и сребренники его, кажется, будто и теперь ходятъ и принимаются вездѣ по номинальной цѣнѣ.... Такъ все живо и естественно представлено въ этой картинѣ.

Долго и жадно Петръ Лукичъ созерцалъ эту картину, позабывъ и себя, и все его окружающее: онъ весь слился съ этимъ художественнымъ произведеніемъ.... Восторгъ, умиленіе, какое-то страстное вниманіе рисовались въ его взорахъ. Въ ней такъ было все естественно нарисовано, что онъ протянулъ руку къ фигурѣ Іуды и сказалъ ей сладко вкрадчивымъ голосомъ:

— „На три дня.... небольше. какъ на три дня!.... Отдамъ, клянусь честью, отдамъ!“ — Но фигура Іуды не сдѣлала къ нему никакого движенія и не испустила ни единаго звука.

Тогда Петръ Лукичъ, желая подѣйствовать на жестокосердаго Іуду, прибѣгнулъ къ обыкновенному своему аргументу: онъ поднялъ ногу предъ картиной и показалъ Іудѣ свой лопнувшій сапогъ.

— «Видите-ли,—до того я обезденежился, что сапога не-на-что починить.... Я здѣсь на чужой сторонѣ; меня никто здѣсь не знаетъ, не къ кому обратиться, на васъ единственная надежда. Дня черезъ три я жду довольно большую сумму денегъ и возвращу вамъ съ моею глубокою благодарностію... Я такъ много наслышался о гуманизмѣ, о высокомъ благодушіи вашемъ.... Я смѣло обращаюсь къ вамъ.....»

Съ этими словами Петръ Лукичъ судорожно протянулъ свою руку къ рукѣ Іуды, и хотѣлъ было съ ладони его взять 30 сребренниковъ. Его остановилъ капельдинеръ, сказавши, что къ картинамъ прикасаться руками не дозволяется. Остальное, какъ видите, досказывать не для чего.

Вотъ какова сила искуства! Какъ оно вѣрно изображаетъ дѣйствительность, какъ воспроизводитъ явленія жизни, какимъ волшебнымъ обояніемъ вѣетъ оно на смертнаго!...

6. Сент. 1861 г.

IX.

Литературный слухъ.

Мы тройной экстрактъ изъ обезьяны и попугая Бѣдные на всякую начальную мысль, мы бросаемся жадно на подражаніе. Не успѣлъ Андрей Александровичъ Краевскій выдать первый томъ своего ольшаго

„Энциклопедическаго Лексикона“, какъ ужъ является ему подражаніе, но въ гораздо громаднѣйшихъ размѣрахъ: это будетъ лексиконъ-чудовище; какъ мы слышали: томовъ его будетъ апокалипсическое число — 666; томы эти должны быть неимовѣрной толщины: это замоскворѣцкія купчихи между книгами. Въ лексиконѣ, часто одно какое-нибудь слово начинающееся на одну какую-либо букву, будетъ составлять одинъ томъ: такъ всесторонно, съ самомалѣйшими подробностями, будутъ въ немъ трактоваться предметы знанія.

Нѣкоторые изъ знаменитыхъ и многоученыхъ писателей нашихъ взяли себѣ по буквѣ, такъ, напримѣръ, извѣстный всему Невскому проспекту *Иванъ Ивановичъ Панаевъ* взялъ себѣ въ распоряженіе букву *Ф*.

Онъ уже окончилъ въ ней блистательно слѣдующія статьи:

— *Фертъ*, — *фатъ*, — *франтъ*, — *фракъ*, — *Фомантъ*, — *филокомъ*, — *фиксатуаръ*.

Л. А. Мей, не зная, что И. И. Панаевъ взялъ исключительно себѣ эту привилегированную букву, принесъ было въ редакцію лексикона свою превосходно составленную статью съ глубокимъ всестороннимъ знаніемъ дѣла, подъ названіемъ: „*Фридрихъ-герауcъ*“, — но интригами И. И. Панаева она была отвергнута: буква *ф* такъ ему пришлась по сердцу, что онъ не допустилъ въ нее и отца роднаго. За то, надо правду сказать, статьи его занимаютъ иногда цѣлые томы: въ нихъ позавидовалъ-бы ему самый истый спеціалистъ Германіи. Статья „*фракъ*“, напримѣръ, исполнена глубокой учености. Она занимаетъ почти томъ.

Въ ней сначала идетъ строго - критически разработанная исторія фрака, потомъ подробнѣйшая техника этого платья, а за нею и самая философія фрака, въ

которой, между прочимъ, брошены философскіе взгляды и на жизнь самаго автора, и окончательно опредѣлена *конечная цѣль человѣческой жизни*, до которой такъ тщетно добивались древніе и новые философы..... По истинѣ слава отечеству нашему, которое владѣетъ талантомъ и новымъ Пико-де-Мирандола! Но съ другой стороны, позоръ Россіи: она даже не подозрѣваетъ его существованія; одинъ только Шармеръ, парикмахеръ Эммануэль, да гвардейскіе офицеры цѣнятъ его по достоинству.

Иванъ Ивановичъ въ статьѣ своей „*Фромантѐ*“, показалъ глубокій историческій талантъ. Онъ въ ней явился просто Тацитомъ нашихъ дней; прочитайте генеалогію и исторію фамиліи Фромантѐ, и вы оправдаете слова мои. Онъ нашелъ ее еще въ среднихъ вѣкахъ въ Ex-la-Chapelle, и провелъ ея подробнѣйшую исторію по мужской и женской линій до нашихъ дней. Далѣе, онъ излагаетъ многосторонно технику выдѣлыванія кожи, кроенія, шитья перчатокъ, способы ихъ надѣванія и ношенія. Подробнѣйше описываетъ фабрику откуда Фромантѐ получаетъ кожу для своихъ перчатокъ, излагаетъ также исторію и топографію заведенія, описываетъ всѣ залы и комнаты этой фабрики, отъ обоевъ до мебели, и наконецъ заключаетъ глубокимъ философскимъ взглядомъ вообще на перчатки, взглядомъ, которому позавидовали-бы Спиноза, Шеллингъ и Гегель и сожгли-бы свои произведенія....

Всѣ знаютъ, какой безотрадный видъ представляетъ теперь наше отечество: не будь Ивана Ивановича,—я-бы первый повѣсился съ тоски, отчаянія.....

Но нужно сказать еще и о другихъ, не столь значительныхъ сотрудникахъ лексикона, хоть тоже глубокихъ спеціалистахъ.

П. И. М—ковъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Печерскій, написалъ статьи, не по одной, какъ Панаевъ, но *по разнымъ буквамъ*; статьи его носятъ на себѣ характеръ какой-то своеобразности.

Вотъ эти статьи: — *Раскольники.* — *Взятка.* — *Донось.* — *«Сѣверная Пчела.»* — *Повѣсти.* — *Слѣдствіе.* — *Насиліе.* — *Подъячій.* — *Обличеніе.*

Намъ особенно понравилось въ одной статьѣ художественное изображеніе вымогательства взятки отъ одного хлыста и филиппона.... Талантъ нечего сказать.

Н. В. Г—ль, все и вся издающій, помѣстилъ въ этомъ изданіи только двѣ свои статьи на букву *Н:* 1) *Нуль.* — 2) *Ничтожество.* Высокое литературное и ученое достоинство этихъ статей возвышаетъ еще и то, что въ нихъ постоянно чувствуется вѣяніе какой-то лирической субъективности, а главное, что авторъ включилъ въ составъ этой-же статьи и полное собраніе своихъ сочиненій и переводовъ.

Д. В. Григоровичъ, извѣстный знатокъ русскаго быта и народа, по мнѣнію отечественныхъ журналовъ, что онъ и доказалъ изданіемъ „Народныхъ Бесѣдъ“,— помѣстилъ только одну статью, именно на букву *В.* Статья эта носитъ названіе: — „*Врамъ*“ — и состоитъ изъ десяти толстыхъ томовъ въ четыре столбца. Сюда тоже вошло полное собраніе сочиненій г. Григоровича. и въ особенности повѣстей его изъ русскаго простонароднаго быта, а также и біографія автора до того полная, что въ ней описано подробно пребываніе его во чревѣ матери и закончено вычисленіемъ всѣхъ кушаньевъ на его похоронномъ обѣдѣ; подслушаны разговоры на этомъ обѣдѣ, наконецъ, ботаническіе виды травъ, растущихъ на могилѣ автора.

Намъ, какъ людямъ, проникнутымъ патріотиче-

скимъ чувствомъ, остается въ заключеніе, послѣ всего этого, пожелать только отъ всей души успѣха у насъ въ Россіи этому исполинскому изданію, предъ которымъ смиряется самъ Брокгаузъ.

X.

Образчикъ статьи въ Энциклопедію.

Публика холодно принимаетъ у насъ энциклопедическіе лексиконы, а все оттого, что имъ конца нѣтъ; нѣтъ конца времени ихъ изданія, нѣтъ конца ихъ томамъ: на первый томъ подпишешься гимназистомъ, а послѣдній томъ получишь уже въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, если бы большому энциклопедическому лексикону былъ у насъ когда-либо конецъ.

Пространныя статьи въ лексиконѣ лишняя вещь; они не могутъ быть полными трактатами о какомъ либо предметѣ; во всякомъ случаѣ есть возможность бо́льшую часть статеекъ лексикона составлять въ двѣ-три строчки, — томовъ выйдетъ немного и онъ окончится въ непродолжительное опредѣленное время: Вотъ, напримѣръ, подобная статейка для образчика, на букву Я....

«*Якушкинъ Павелъ.*

Лыко не вяжетъ, мыслете пишетъ; сидѣлъ въ Части за любовь къ народности.»

Вотъ и все: полно и всесторонно.

23 сентября, 1861 г.

XI.

Финансовая замѣтка.

У насъ изъ-подъ носа упускаютъ статьи государственнаго дохода.... Боже мой, что за роковая слѣпота такая! Да что ходить далеко.

Вотъ, напримѣръ, возьмемъ русскіе журналы и журналистовъ. Вѣдь можно-бы было наложить гильдейскую повинность на ихъ либерализмъ; положимъ, крайній радикалъ долженъ записаться въ 1-ю гильдію, собственно либералъ во 2-ю гильдію, либералишка въ 3-ю и т. д., и платить въ казну гильдейскія деньги. Вотъ вамъ и новая статья государственнаго дохода... а то наладили все на одно несчастное *зелено вино*....

Вѣдь журналисты ловятъ же подписчиковъ на удочку либеральничанья въ формѣ разныхъ либеральныхъ скандаловъ, слѣдовательно, получаютъ же отъ этого порядочный доходъ:—записать ихъ въ извѣстную гильдію либерализма.

Либерализмъ вѣдь въ настоящее время пересталъ уже быть благороднымъ самоотверженіемъ, высокой жертвой, благородной любовью къ добру, правдѣ, къ братіямъ.

Теперь консерваторомъ быть крайне невыгодно; теперь нужно быть Баярдомъ, безкорыстнымъ Аристидомъ чтобъ быть консерваторомъ, а не либераломъ....

«Сѣверная Пчела» не либеральничала и каждый годъ все падала и падала, лишаясь подписчиковъ,—и вотъ, уступая потребностямъ времени и публики, стала либеральничать съ своимъ М—мъ,—и посыпался на нее золотой дождь подписчиковъ.

4. Сен. 1861.

XII.

Потасовка.

Пріѣхавъ изъ-за границы и просматривая отечественные журналы, я увидѣлъ, что наши журналисты дописались ужъ до чертиковъ.... Наглая руготня съ отвратительнымъ запахомъ самаго нестерпимаго деспотизма разлилась по всѣмъ листамъ нашихъ либеральни-

чающихъ журналовъ: всюду, смотришь, идетъ духовно-нравственная потасовка: одному дана больно литературная *зуботычина*, иному данъ научный *подзатыльникъ*. Тотъ, смотришь, угодилъ своего литературнаго собрата *подъ мякитки*; а онъ сдалъ ему сдачи *подъ дыхало*, аль по *салазкамъ*..., а тамъ, смотришь, мелкіе фельетонисты группами валяютъ другъ друга *по скуламъ*.... Словомъ, литературныя олицетворенія Держиморды и Бурцова «буйнаго забіяки» расхаживаютъ по площадямъ нашей журналистики.

5 Сентября 1861.

XIII.

Эпическое начало въ народѣ и стрѣльба въ этотъ эпосъ.

Нынѣшнее состояніе Американскаго союза, война за право удержанія у себя рабовъ, невольно говоритъ въ пользу Россіи... Стоитъ только посравнить, сличить, да пособразить.... Да, экономическій, денежный, насущный, повседневный интересъ—самое главное дѣло въ жизни... Всякое недовольство настоящимъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса со стороны крайнихъ радикаловъ и „Бурцовыхъ буйныхъ забіякъ“ прогресса — чистѣйшая глупость, свидѣтельствующая вообще о ихъ умственной ограниченности и крайнемъ незнаніи жизни.... Но все-таки, зачѣмъ было стрѣлять въ эпосъ!

Народъ нашъ еще и теперь находится въ моментѣ эпическаго развитія,—кто читалъ: Гриммовъ, В. Гумбольдта, Ѳ. И. Буслаева,—тому понятно это....

Въ одномъ мѣстѣ народъ бунтуя (будто-бы) просилъ другой заправской царской грамоты, манифеста.... „Та, молъ, грамота *за золотой печатью*... заправская-то, а эта подложная.»

Крестьянинъ Егорцевъ говорилъ мужикамъ: „разъ

выстрѣлютъ—стойте, другой разъ выстрѣлютъ,—стойте, третій разъ выстрѣлютъ,—и тогда ужъ будетъ настоящая воля". Антонъ Петровъ держалъ во время погрома надъ головой «Положенія 19-го Февраля.»

Лучше бы было взять вездѣ съ собою Рыбникова, гдѣ только бунтуютъ крестьяне: онъ бы ихъ уговорилъ и объяснилъ бы имъ что нужно по своему, то есть по ихнему, — и русская кровь не пролилась бы. Тоже можно было-бы взять человѣка въ родѣ Рыбникова, именно П. И. Якушкина, если-бъ у него въ головѣ вязались мысли и если-бъ онъ когда нибудь могъ «вязать лыкомъ».

3 Сент. 1861 г.

XIV.

Опредѣленіе любви.

Любовь мужчины есть— Анну Сидоровну или Степаниду Карповну принять за Офелію или Корделію.

Любовь женщины — Ивана Ивановича принять за Маркиза Позу.

26 Сентября, 1861 г.

XV.

Современный эпосъ.

Въ то время, какъ русскій народъ (les moujicks) уже давно вышелъ изъ *эпическаго состоянія*, русская публика только что вступаетъ въ него... Да, русская публика, такъ называемая, будто-бы образованная публика находится еще *въ періодѣ эпическаго состоянія*, да еще даже въ *первичномъ* моментѣ этого эпоса, именно, когда эпосъ представляетъ собою еще *стихійныя* силы, космогоническія начала. Этотъ моментъ въ народномъ эпосѣ выразился образами въ родѣ Полкана, Сухмана,

Одихманьевича, Святогора - богатыря, существами хаотическими, грубо стихійными, до - историческими, докультурными.

Доказательствомъ, что *публика* и петербургская *журналистика* находятся въ *эпическомъ состояніи*, служатъ:

1) Успѣхъ (нѣкоторыхъ) журналовъ.....

2) Возможность красныхъ казацки-юнкерскихъ газетъ.....

3) Успѣхъ и извѣстность (нѣкоторыхъ) писаній.....

4) То, какъ вела себя публика при спорѣ Перозіо со Смирновымъ.

5) То чему шикали и чему рукоплескали при спорѣ Погодина съ Костомаровымъ.

6) Сочувствіе безграмотнымъ, ничему не учащимся юношамъ, верхомъ на палочкѣ корчившимъ европейскія демонстраціи и игравшихъ, какъ въ мячикъ, въ чехарду или жмурки,—въ политическое мученичество за идею.

7) Рисующіяся передъ этой эпической публикой, раздутыя самолюбвица и честолюбьица . . . . . .

. . . . . .

9) Возможность чтенія публичныхъ лекцій о философіи.....

10) Нигилисты, съ ихъ допотопною отсталостью отъ вѣка и возможность появленія этихъ плезіозауровъ въ современной Россіи..... .

12) Возможность появленія въ Петербургѣ подметныхъ прокламацій.....

Но всего не перечтешь, такъ все у насъ, *эпично*, *стихійно*, стихійно до того, что разрывается мыслящее сердце, сердце патріота. По неволѣ стараешся избѣгать общества, уединяешься, прячешся отъ людей, въ особен-

ности отъ такъ называемыхъ образованныхъ людей; всякая бесѣда съ ними камнемъ ложиться на душу, давитъ тебя печалью и отчаяніемъ, такъ все у насъ извращено, дико-либерально, эскимоски-прогрессивно, глупо до красноты, глубокомысленно до устрицы, жизненно до заоблачности и практично до Аркадіи или до русскихъ акціонерныхъ компаній...

Сколько абсурдовъ въ такое короткое время проявилось въ этомъ *эпическомъ* Петербургѣ! Страшно становиться, когда подумаешь, въ какое время мы живемъ.

Апрѣль, 1862 г.

XVI.

Парадоксы.

Религія въ русскомъ народѣ — *эпосъ*. Искра чисто религіознаго чувства въ душѣ русскаго мужичка поглощена эпическими образами, представленіями, преданіями и крѣпкими исконными обычаями. Религіозныя учрежденія у него тоже, что̀, *обрядныя пѣсни* на свадьбѣ, безъ чего немыслима свадьба въ народѣ, безъ чего, по понятіямъ его, она и не была бы свадьбою; здѣсь все и вся — эпосъ, эпосъ, эпосъ!

Если-бы не было пѣто на свадьбѣ извѣстныхъ пѣсень, дружка не стукнулъ бы три раза кнутовищемъ въ окошко, молодыхъ не осыпали-бы хмѣлемъ,—то мужикъ сказалъ-бы: «какая это свадьба,—вѣдь *законъ* не исполненъ»... Вотъ тожъ у нашего мужичка и православіе.

Попъ у него тоже, что какой нибудь главный чинъ въ свадебныхъ обрядахъ, напримѣръ, тысяцкій или старшій дружка. Таинства и богослуженіе — эпической прапрадѣвской, непреложный обиходъ.

Во все это входитъ еще его *практическая разсудочность* по отношенію къ насущной жизни и обстановкѣ. Пословица: «не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки»—имѣетъ здѣсь свой смыслъ.

Религіозныя лица у народа переходятъ въ эпическія. Я слышалъ, въ одномъ духовномъ стихѣ, дѣвушка мнѣ пѣла вмѣсто Іоаннъ Предтеча—*Иванъ Предотеичъ*, будто про какого нибудь Соловья Будимировича.

24 декабря, 1861 г. *Изъ Записокъ юродиваго.*

Наша, такъ называемая образованная молодежь знаетъ кое-какіе *взгляды* и не знаетъ *фактовъ*, лишаясь тѣмъ способовъ къ *самомышленію*. *Взгляды* скоро и легко, безъ всякаго труда, *вычитываются* изъ модныхъ писателей и невольно залетаютъ въ уши изъ образованныхъ кружковъ, а для фактовъ нужна *стройная наука* и *упорный*, *энергическій*, *осмысленный трудъ и наблюденіе*.

Наша публика такъ легкомысленна и необразована, что у насъ даже фельетонная философія вызываетъ неистовыя рукоплесканія..... Дамы страстно рукоплещутъ Костомарову, ни чего не понимая въ русской исторіи. Шляпки *гарибальдійки* и *краснота* теперь въ большой модѣ у нашихъ дамъ.

24 декабря, 1861 г.

„De mortuis aut bene aut nihil“. Это старинное, рутинное, избитое выраженіе, эту безсмысленную сентенцію мнѣ пренаивно повторяли петербургскіе новѣйшіе ultra—прогрессисты, когда я написалъ мою достойную эпитафію И. И. П*.

Эти господа наши прогресисты настолько рутинно-догматичны, на столько далеки какой бы то нибыло самодѣятельности мышленія, что даже имъ въ башку

не приходитъ и этого соображенія, а именно: — и Неронъ умеръ, и Тамерланъ умеръ, и Тушинскій воръ умеръ, и многіе историческіе дѣятели перемерли, — слѣдовательно, по смыслу ихъ сентенцій, объ нихъ ровно ничего не надобно говорить. Всѣ они уже мертвецы.

Тогда бы, пожалуй, не было ни Тацитовъ, ни Нибуровъ, ни каѳедръ исторіи, что̀ разумѣется, только на руку гимназистамъ и кадетамъ: экзамены были бы поменьше, помалосложнѣе... Исторія, не наука-ли о мертвыхъ? Одною смертію окончательно опредѣляется значеніе и смыслъ человѣка, а до смерти еще о немъ бабушка на двое сказала.

5 іюля, 1862 г.

XVII.

Пѣсня для простонародныхъ школъ.

«Сердобольные» о русскомъ мужикѣ нѣмецкіе педагоги напечатали, кажется въ Шварцбургъ-Зондернсгаузенѣ, на австрійскомъ языкѣ брошюру о новомъ устройствѣ русскихъ простонародныхъ школъ, гдѣ они, между прочимъ, говорятъ, что нужно въ школахъ, русскихъ ребятъ учить пѣть народныя пѣсни. Нѣкоторые русскіе невѣжды дерзнули было имъ возражать на это; но вооруженные наукою мудрые нѣмцы побили ихъ своимъ глубокомысліемъ.

— «Это, молъ, водится въ Германіи, про это написано въ нѣмецкихъ книгахъ. . И вы смѣете противурѣчить!.. Знаете-ли нашъ Алкоранъ, нашъ догматъ:— «нѣтъ Аллаха кромѣ Аллаха; а нѣмецкая педагогія пророкъ его.»

— Да у насъ, батюшки многомудрые нѣмцы, народъ то не тотъ, обычай другой, вѣра иная, такъ у насъ все по своему искони ведется. Услышатъ мужики отцы,

что въ школѣ поютъ пѣсни,—да и возьмутъ оттуда своихъ ребятъ. Это, скажутъ они, невѣжды, не школа, а кабакъ, иль хороводъ какой... Слышь, вмѣсто того, чтобъ учиться «отъ писаній», наши дѣтушки распѣваютъ:

«Ой диди-ли, калинка моя!
Въ саду ягода малинка моя»!..

Баловство одно и только; учатъ здѣсь не по Божьи! Грамота, вѣдь, дѣло святое...»

Да и нѣмецко-питерскіе педагоги говорятъ, что у нихъ въ Германіи для школъ сочиняются нѣмцами особенныя пѣсни. У насъ, молъ, на все пишутъ пѣсни, печатаются особые сборники пѣсенъ, напримѣръ, для женщинъ въ интересномъ положеніи, для мущинъ, когда нападаетъ насморкъ и заложитъ горло, для людей страдающихъ несваренiемъ желудка и проч. Такъ и увасъ должно быть.

Что́ тутъ подѣлаешь; нѣмца не переспоришь: ужъ ученъ больно... Нечего дѣлать, надо ему въ угоду сочинить для будущаго «Сборника русскихъ школьныхъ пѣсенъ» и отъ себя пѣсеньку... Вотъ мы, какъ смогли, и сложили ее .. Не обезсудьте на первый разъ.

Russisches Schülerlied.

Наши гоги и магоги,
Иль нѣмецки педагоги
На заморскій ладъ хотятъ
Строить школы для робятъ....
Ай люли, ай люли!
Господа съ-ума сошли.

По Петровскому примѣру,
По нѣмецкому манеру,

Мужика хотятъ ломать —
Русь изъ Руси выживать.
Ай люли, ай люли!
До чего-то вы дошли.

Пусть они намъ для забавы
Пишутъ школьные уставы:
А ребятъ мы не пошлемъ
Въ Вавилонскій ихъ содомъ.
Ай люли, ай люли!
Сядетъ Питеръ на мели.

Петербургскіе тупицы
Наше земство, изъ столицы,
Замышляютъ просвѣщать
На несродную намъ стать.
Ай люли, ай люли!
Нѣмцы насъ не провели.

Полтораста лѣтъ—не мало!—
Насъ изъ Питера трепало
Лихоманкою чужой, —
Что хоть матку—рѣпку пой!
Ай люли, ай люли!
Насъ таки не извели.

Даже рученьки Петровы
Насъ не сдвинули съ основы, —
Такъ куда ужъ, други, вамъ,
Подступаться къ мужикамъ.
Ай люли, ай люли!
Господа съ-ума сошли.

Антипъ Сермягинъ.

5 апрѣля 1863.

XVIII.

Еще открытіе!

Недавно наши химики открыли въ воздухѣ, облегающемъ Петербургъ, новое химическое вещество—производящее современную повальную болѣзнь, что-то въ родѣ черной немочи мозга и сердца. Это вещество, разлитое въ нашемъ воздухѣ, названо въ наукѣ *Фразеинъ*.

Чрезмѣрное присутствіе въ воздухѣ такого *алколоида,* называемаго *Фразеиномъ*, дѣйствуетъ міазматически не только на петербургскую молодежь, но даже и на самыхъ старцевъ. Въ учебныхъ *уставахъ* замѣтна непомѣрная доза этого *Фразеина*; имъ также смертельно заражена и петербургская журналистика. — Все и вся хватило этого алколоида, все радикально заражено имъ.

Медики, какъ во время перваго появленія холеры, совершенно растерялись, не зная что придумать противъ такой эпидеміи.

Я случайно видѣлъ въ аптекѣ *рецептъ* одного доктора психіатріи, очень почтеннаго медика, и, сколько могу припомнить, въ рецептѣ было прописано въ довольно большихъ пріемахъ:

— Здраваго смысла . . . . „ „ драхмъ столько-то.
— Честности . . . . . „ „ столько-то грановъ.
— Знанія Россіи . . . . . „ „ „ „
— *Прочнаго образованія* . „ „ „ „
— Труда. . . . . „ „ „ „

. . . . . .

19 января, 1864.

XIX.

Меню обѣда

въ русскомъ національномъ и архаическомъ вкусѣ, который хотѣлъ дать М. П. Погодинъ Славянамъ въ своемъ собственномъ саду, но на чужія деньги:

— Лосій огузокъ подъ студнемъ,
— Похлебка свиная,
— Буйтурова требуха съ чеснокомъ и огурцами,
— Гусино осердье и хихй съ подливкой,
— Порося верчено,
— Куря пряжено,
— Пирожное—дрочено.

Московскій оберъ-полиціймейстеръ разрѣшилъ этотъ обѣдъ, но съ условіемъ, чтобы въ это время, на всякій случай, находилась въ саду М. П. Погодина небольшая, подвижная аптека и при ней были три опытныхъ медика.

Питься на этомъ обѣдѣ должно не иначе, какъ „зелено вино," да и то взятое, для вящаго патріотизма, изъ водочныхъ складовъ В. А. Кокорева. Пить будутъ не изъ рюмокъ, но изъ турьихъ роговъ. Гости за обѣдомъ усядутся на стульяхъ—рыбій зубъ.

31 мая, 1867.

XX.

Свобода.

Вспоминая о сущности и характерѣ современной русской журналистики, не мѣшаетъ, à propos, выписать одно мѣсто изъ книги Джона Стюарта Милля: — «*О свободѣ.*»

Вотъ это мѣсто, которое нужно-бы принять къ свѣдѣнію:

«Мало одной защиты противъ тираніи властей, нужна защита противъ господствующихъ мнѣній и чувствъ, противъ стремленія общества заставить иными средствами, чѣмъ гражданскими наказаніями, не соглашающихся съ нимъ признать, какъ руководство.»

«Въ жизни его собственныя идеи и обычаи уничтожить и, если возможно, предупредить развитіе всякой индивидуальности, которая бы не гармонировала съ его собственнымъ направленіемъ,—и принудить всѣ характеры слѣпиться по его собственному типу.»

(Стюартъ Милль.)

ПУТЕВЫЯ НАБРОСКИ

русскаго лѣнивца и ипохондрика *).

За границей въ 1861 г.

9 и *10 марта 1861 г.* Мы въ Динабургѣ. Здѣсь, какъ и далѣе по пути все дороже и сквернѣе столичнаго, народъ хуже—неподвижнѣе, несказанно тупѣе нашего: поляки, литвины, бѣлорусцы и еще какіе-то люди, такъ что ихъ и не разберешь, и толку отъ нихъ не доберешься, что они за народъ такой.

Куда какъ выше наше великорусское племя, ужъ впрямь великое русское племя! Смѣло можно надѣяться на его великую судьбу въ будущемъ. Сравните его съ другими народами, составляющими нашу имперію и вы, положа руку на сердце, скажете это безъ кваснаго патріотизма.

---

*) Замѣтки эти внесены рукою Щербины, то карандашемъ, то перомъ, со множествомъ помарокъ, въ толстую переплетенную тетрадь, въ осьмую долю. Надъ заглавіемъ надпись.: «Поэту Щербинѣ на щастье и на память отъ К. Одоевскаго. 4 Марта, 1861 г.» Разсказы, анекдоты, парадоксы и замѣтки — приведенные выше (стр. 339—368) набросаны въ той-же тетради, равно стихотворенія «На чужбинѣ» (см. выше стр. 231 — 241). Бо́льшая часть эпиграммъ и шутокъ, 1861—1867 г. г., частью внесенныхъ авторомъ въ особую тетрадь, озаглавленную имъ: «Сатирическая лѣтопись» (см. ниже), въ черновыхъ наброскахъ помѣщены въ той-же записной книжкѣ. *Изд.*

Дорога по шоссе въ это время годна только развѣ въ Дантовъ „Адъ“, а ужъ никакъ не для ѣзды .. Переѣздъ на лодкѣ черезъ Вилію. Ледъ тронулся.

11 марта. Мы въ Ковно. Насилу съискали дрянныхъ два нумера въ какой-то литовской гостинницѣ....— Куда лучше Ковно и цивилизованнѣе великорусскіе губернскіе города.

29—30 марта нов. ст. *Парижъ.*

Это городъ наглыхъ мошенниковъ и грабителей для путешественника иностранца, и для русскаго въ особенности, это цивилизація — грабежа, даже подъ часъ и неучтиваго. На первое время я здѣсь всего опасаюсь, и еще болѣе утверждаюсь въ своихъ славяно-русскихъ убѣжденіяхъ.

Индюстрія Парижа, по отношенію къ иностранцамъ, съ точки философіи права, принадлежитъ къ уголовнымъ преступленіямъ. Тросточка, напримѣръ, стоющая 15 франковъ, продана моему пріятелю въ извѣстномъ магазинѣ, за 65 франковъ.—Съ меня цирюльникъ за каждый разъ бритья запросилъ 2 франка; въ Петербургѣ, гдѣ лучше брѣютъ, это бы стоило 20 коп. maximum. У Парижа всѣ средства, чтобъ отъ него были въ восторгѣ хлыщи, пустозвоны и верхогляды. Пѣвцомъ Парижа долженъ быть И. И. Панаевъ. Парижъ это высота внѣшней цивилизаціи и варварство внутренняго міра.

Здѣсь удивляются, когда узнаютъ, что многія изъ нашихъ дѣвицъ знаютъ 3, 4 языка: это для нихъ немыслимо просто. Здѣсь бо̀льшая часть изучаетъ свой только языкъ, да еще развѣ англійскій или нѣмецкій, да и то рѣдко. Вообще въ большинствѣ — невѣжество. Спеціалистъ знаетъ основательно свою спеціальность,

за то во всемъ другомъ крайній невѣжда: они иногда удивляются нашей энциклопедичности.

Я знаю русскую дѣвочку 12 лѣтъ, которая удивила здѣшній пансіонъ своею ученостію, хоть у насъ она и далеко не изъ ученыхъ.

Намъ въ четверомъ, въ гостинницѣ Westminster, въ отдѣльномъ апартаментѣ, обходится жить въ сутки 200 франковъ (на 4 особы). Относительно общества, я въ Парижѣ жилъ словно въ Россіи, ежедневно бывая въ русскомъ обществѣ и, по преимуществу, въ семействѣ Кологривовыхъ, гр. Ѳ. П. Толстаго, Т. П. Пассекъ. Видѣлся съ русскими художниками, распространилъ русскія народныя пѣсни чрезъ пѣвицу и учительницу пѣнія, дѣвицу Амврозію Берто, которая врожденнымъ художественнымъ тактомъ вдругъ уразумѣла музыкальный смыслъ русской пѣсни и восхищала тѣ чисто французскія общества, гдѣ только ихъ пѣла... Слава русской великой пѣсни!

Неаполь, 1 мая.—Прошелся до обѣда по Толедской улицѣ. Языкъ народа и женщинъ гораздо грубѣе нашего; крики уличныхъ продавцовъ похожи скорѣе на крики животныхъ, чѣмъ на слова и голоса людей.

Вечеромъ пошелъ гулять до villa Reale. — Что за грубый голосъ у здѣшнихъ женщинъ. — Да, на сѣверѣ больше красоты.

3 мая. Утромъ былъ въ Museo Borbonico. Послѣ обѣда ѣздилъ чрезъ тунель и по горѣ Позилиппо, гдѣ гробница Виргилія; былъ на дачѣ Рокка Романа, поднявшись отъ берега Байскаго залива.

4 мая. Гулялъ въ колескѣ по городу; былъ въ церкви St. Severino, гдѣ видѣлъ статую Христа, исполненную Санъ-Мартино.—Былъ въ монастырѣ Санъ

Мартына (что рядомъ съ крѣпостью Св. Эльма), откуда любовался панорамою Неаполя, рѣдкою въ мірѣ.

Что за монастырь, что за мраморы, картины, мозаики, рѣзьба на деревѣ! Вечеромъ былъ въ народномъ театрѣ Санъ-Карлино. Глупость, грязь и посредственность.

5 мая. Проѣхавъ чрезъ Портичи, Резину, былъ въ Помпеѣ.—Остальное все сказывается само собою.—Убитое, позабытое античное чувство, замѣнившееся русскимъ народнымъ чувствомъ, вновь, хоть глухо, воскресло во мнѣ.... Да здравствуетъ Русь, полная надеждъ и безнадежный, но прекрасный древній міръ!

11 іюня 1861 г. Баденъ-Баденъ. Нѣмцы пишутъ превосходныя книги и еще лучше спятъ политически. Здѣсь города средней руки, городки и селы — какая-то китайская Аркадія. Все средиузкой дѣятельности щепетильныхъ, маленькихъ интересцевъ и ограниченнаго довольства, будто спитъ неподвижно. Тутъ кажется будто жизнь уже окончательно опредѣлилась и закончилась — не то что у насъ на Руси.... Въ самомъ безобразіи русскихъ такъ много кипучей жизни.... Видно, что это племя еще молодое, исполненное пока дикихъ силъ.... Будущее — наше.

Проѣзжая всю ширину Аппенинъ, мимо деревень, я ни разу не слышалъ пѣсни италіянскихъ поселянъ; работаютъ медленно и какъ-то вяло; тоже самое въ Германіи: мы, русскіе, привыкли, чтобъ въ поляхъ раздавалась непрерывная пѣснь. Покосъ въ Великороссіи — это пѣвучій праздникъ. Здѣсь — скучный, тяжелый трудъ, которому даже не достаетъ той внѣшней граціи, проявляющейся въ Россіи на покосѣ. Россія самая пѣвучая страна въ простонародіи. Здѣсь лучшая публика

со всѣхъ концовъ Европы и Америки, — и что же? право невѣжественнѣе русской.

Оркестръ играетъ лучшія мѣста изъ произведеній знаменитыхъ композиторовъ: публика равнодушна. Но вдругъ оркестръ начнетъ играть пьесу съ кукуканьемъ кукушки, со свистомъ соловья, съ колокольчиками,— и раздаются аплодисменты и неистовое bis.

Въ какихъ шутовскихъ шапочкахъ ходятъ здѣсь по городу студенты. Эти шитыя золотомъ, пестрыя ермолки едва покрываютъ макушку головы и кажутся блестящимъ блиномъ на бекрень.... Совмѣстно-ли подобное хлыщовское ухарство съ занятіемъ наукою, съ сознаніемъ, выработываемымъ ею?....

Гдѣ существуютъ нуждающіеся бѣдняки, тамъ не можетъ быть въ сущности свободы; будетъ только свобода на бумагѣ да въ словахъ. Въ самой широкой, демократической республикѣ существуетъ привиллегированное сословіе,—это богатые или достаточные люди;, бѣднякъ невольно подчиненъ имъ и по необходимости онъ, повидимому произвольно, порабощаетъ себя имъ, зависитъ отъ нихъ, иногда самъ того не подозрѣвая. И потому нигдѣ, ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ нѣтъ истинной свободы.....

Все стараюсь о распространеніи *русской народной пѣсни,* по мѣрѣ силъ и возможности, будучи убѣжденъ въ ея оригинальности, при высокихъ художественныхъ достоинствахъ. Этими пѣснями да своею словесностью народъ нашъ можетъ зарекомендовать себя предъ Европой съ лучшей стороны.

Баденъ лежитъ въ котловинѣ шварцвальдскихъ горъ. Вся окружность горизонта состоитъ изъ горъ, поросшихъ лѣсомъ; мѣстоположеніе прекрасное, съ живо-

носнымъ, свѣжимъ, здоровымъ, благоухающимъ воздухомъ. Жаль только, что здѣсь безпрестанные дожди, ибо облака привлекаются горами и лѣсами, и падаютъ дождями на эту котловину Бадена и его деревень,— такъ, что мѣшаютъ даже порядкомъ лѣчиться. Безпрестанный дождь просто несносенъ и наводитъ тоску и на безъ того растерзанную душу.

Отъ А. И. Герцена получилъ письмо въ Парижѣ и теперь получаю о немъ извѣстія; отъ князя П. В. Долгорукаго получилъ его книгу съ надписью. Переписываюсь съ германскимъ литераторомъ Вильгельмомъ Вольфзономъ.

Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ постоянно лѣтомъ на четыре мѣсяца уѣзжаю въ деревню для изученія великорусской народности, изучая ее зимою по книгамъ и памятникамъ. Прошлый годъ порядкомъ поѣздилъ по Россіи, и жаль, что не описалъ своей поѣздки. Проѣхалъ Волгу на пароходахъ отъ Твери до Астрахани.... шутка-ли?.... почти всю Волгу. Жилъ въ Нижнемъ, въ Астрахани; потомъ изъ Царицына поѣхалъ Землею Донскихъ казаковъ, достигъ Азовскаго моря и, оттуда пароходомъ объѣхалъ порты Азовскаго моря, Крымское побережье; изъ Ялты до Севастополя проѣхалъ горною дорогою; изъ Севастополя опять на пароходѣ отправился въ Одессу. Изъ Одессы поѣхалъ въ Харьковъ и въ Москву, опять въ Нижній-Новгородъ, откуда ужъ отправился домой, въ Петербургъ.....

16 Іюля, 1861 г. Утромъ отправились на пароходѣ на островъ *Уайтъ* и прибыли въ городъ *Куде*. Оставивъ вещи, М-ме Б. и своего лакея въ гостинницѣ, мы взяли

тотчасъ коляску и поѣхали искать дачу себѣ на три недѣли. Такимъ образомъ доѣхали мы до городка Ventnor'а, гдѣ живетъ семейство графа Ѳ. П. Толстаго. Здѣсь мы наняли лучшую, отдѣльную дачу, надъ самымъ моремъ—*The Parsonage*-house (домъ священника). Дача въ родѣ небольшаго замка, и мы одни поселились въ немъ, съ возможнымъ комфортомъ. Графиня Н. И. Толстая сообщила мнѣ, что въ Руде живетъ изъ русскихъ П. А. Плетневъ и архитекторъ Желѣзевичъ, женившійся на англичанкѣ, и тамъ поселившійся въ собственномъ домѣ.

На островѣ все вѣтеръ съ моря, пасмурно и холодно, и до того прохладно, что я и купаться пока не рѣшаюсь. — Хотѣлось бы отъ скуки съѣздить въ Лондонъ. Никто здѣсь не знаетъ другаго языка, кромѣ англійскаго: а безъязычіе томитъ насъ порядкомъ. Впрочемъ объясняешься на пантомимахъ; я и не хожу съ переводчикомъ—коммиссіонеромъ, боясь, чтобъ онъ не продавалъ меня, научая брать съ меня дороже обыкновеннаго; я еще чрезъ пантомиму покупаю все обыкновенной цѣной и добиваюсь толку.

Въ Англіи нѣтъ *истинной свободы*, но есть строгая *законность*.—Аристократъ можетъ изломать палку на спинѣ простолюдина, даже за то, что онъ развалился съ нимъ вмѣстѣ на скамьѣ въ публичномъ мѣстѣ и не вѣжливо стѣснилъ его,—ну, что-жъ, заплатитъ ему по суду штрафъ.—У насъ, даже и не заплатитъ, и до суда дѣло не дойдетъ. Въ Англіи свобода для аристократовъ и буржуазіи, для людей съ извѣстными средствами капиталомъ, состояніемъ; народъ — рабъ буржуазіи и аристократіи, и рабъ по той причинѣ, что надѣленъ желудкомъ, и по бѣдности своей, не образованъ; фабриканты, землевладѣльцы, промышленники вертятъ имъ,

какъ хотятъ, считая почти своимъ рабочимъ скотомъ; они его хитро взяли въ свои руки и опутали, такъ, что лишили его возможности даже имъ сопротивляться, что не мѣшаетъ, впрочемъ, народу пользоваться благомъ *законности*; но вопросъ,—къ чему она служитъ, и когда и въ какомъ отношеніи предстоитъ надобность прибѣгнуть къ ней?....

У богатаго и промышленнаго сословія между собою *интимная стачка противъ народа*.... Что-жъ тутъ народъ сдѣлаетъ,—а вѣдь желудокъ бьетъ въ набатъ... Положимъ, работники на фабрикѣ возстанутъ противъ хозяина и принудятъ его платить нѣсколько бо̀льшую плату за поденную работу,—хозяинъ стакнется съ мелочными лавочниками, у которыхъ работники берутъ первыя жизненныя потребности, — тѣ, набавятъ плату на съѣстныя потребности, и работникъ нисколько не въ выигрышѣ, а еще даже и въ проигрышѣ, ибо работники всегда въ долгу у лавочниковъ, а лавочники получаютъ свои деньги по милости хозяина, у котораго работники тоже, бо̀льшею частію, по необходимости, забираютъ впередъ.

Вообще промышленная буржуазія гнусна и во Франціи, и въ Англіи; простой-же *народъ вездѣ хорошъ*, выключая развѣ Неаполя.

Здѣсь слуга ни въ какомъ случаѣ не смѣетъ заговорить съ своимъ господиномъ, и имѣетъ право отвѣчать только на вопросы его. Одинъ русскій былъ свидѣтелемъ слѣдующаго:

Одинъ Англичанинъ самъ сѣлъ править въ тюльбери, а лакея посадилъ за собою. Лакей видѣлъ, что гайки на колесѣ экипажа не было, но, по принятому обычаю, не смѣлъ заговорить первый съ господиномъ. Они поѣхали и, чрезъ нѣсколько минутъ, колесо сва-

лилось и, разумѣется, баринъ и слуга упали съ экипажа, набивъ себѣ шишки на лбу и доставъ синяки на колѣняхъ.

Баринъ началъ бранить лакея: «ты долженъ былъ видѣть, бездѣльникъ, что гайки нѣтъ, да и колесо шло неправильно,—и не сказалъ мнѣ.»

— Да, я видѣлъ это, но не смѣлъ сказать вамъ, отвѣчалъ слуга.

Сколько я могъ замѣтить, наше простонародье (я разумѣю велико-россійское) гораздо смѣтливѣе, поворотливѣе, развязнѣе англійскаго. Русскій мужикъ на все гораздъ; а здѣсь мужикъ знаетъ только одну свою спеціальность, но ужъ въ домашнемъ обиходѣ, гвоздя прибить не умѣетъ, если онъ не спеціально плотникъ.

Странно, въ этой свободной странѣ, встрѣчающіеся со мною люди изъ простонародья, какъ будто подобострастно, даютъ мнѣ дорогу, по моему платью, вѣроятно.... Неужели и у нихъ существуетъ понятіе баринъ!... O tempora! o, mores!...

Все здѣсь какъ-то мертво и пахнетъ чинностію кладбища или развода. На эспланадѣ на берегу моря играетъ два раза въ недѣлю музыка; публика угрюмо гуляетъ на эспланадѣ, безмолвно и чинно. Музыканты тоже безмолвны, недвижимы и чинны, и какъ-то регулярны, какъ автоматы; оканчиваютъ національнымъ гимномъ: „Боже королеву храни!“ Эти человѣкъ семь музыкантовъ состоятъ изъ здѣшнихъ военныхъ волонтеровъ и играютъ даромъ.

Вотъ еще замѣтка:

Одна дѣвица, изъ пріѣзжихъ, хорошо рисуетъ. Какая то изъ здѣшнихъ лавочницъ просила ее нарисовать ей на память что либо въ альбомъ; та старалась какъ ни-

будь отнѣкаться, чтобъ не рисовать въ альбомъ. Когда я спросилъ дѣвицу, почему она такъ поступаетъ, развѣ лавочница не человѣкъ?—она мнѣ отвѣчала: «Нарисуй я ей въ альбомъ, лавочница разславитъ это по Вентнору, и здѣшнія пріѣзжія *образованныя* англичанки, съ которыми я могла бы водить общество по себѣ, будутъ избѣгать меня, зная, что я вожусь съ людьми *низшаго класса.*»

Вездѣ за границею, на желѣзныхъ дорогахъ, давши нѣсколько франковъ кондуктору, можно было нашей путешествующей компаніи, состоящей изъ 4-хъ человѣкъ, занимать *однимъ* цѣлое купе въ 8 мѣстъ, что очень удобно, чтобъ заснуть ночью да и покурить. Мы полагали, что въ Англіи уже этого дѣлать нельзя—въ этой странѣ строгой законности... Вышло напротивъ. Мы давали кондукторамъ такія же *взятки* и даже еще меньшія (3 и 4 шиллинга), чѣмъ въ другихъ странахъ, и пользовались тѣми-же удобствами. Утѣшься, наша родимая Русь.... и здѣсь наши родныя взятки.... Отрадно русскому сердцу!...

И здѣсь на островѣ Уайтѣ, въ Вентнорѣ я таки смогъ оставить слѣдъ русской народной пѣсни. Капельмейстеръ здѣшнихъ военныхъ волонтеровъ взялъ ихъ переписать себѣ и намѣревается играть ихъ здѣсь на «эспланадѣ». Ими воспользуется также и одна здѣшняя дѣвица—музыкантша, дающая иногда здѣсь концерты. Тоже самое мною сдѣлано въ Парижѣ и Баденъ-Баденѣ.

Что это за чертовскій островъ: каждый день постоянный вѣтеръ и дождь; скука и житья нѣтъ... Только и слышишь, что гулъ вѣтра, дастукъ дождя въ окна...

Ни въ Италіи, ни въ Германіи, ни въ Англіи, я не

слышалъ поющаго народа свои родныя пѣсни.... Въ поляхъ безмолвіе... Не то, что въ Россіи.

Поѣздка за границу окончательно утвердила меня въ руссофильствѣ и славянофильствѣ и прибавила вѣру въ практическую и глубоко умную правду того, что пишетъ о Западѣ NN (Герценъ?); но это, правда, впечатлѣнія русскаго человѣка.

Еще о Баденѣ... благо вспомнилъ.

На гуляньи, не доходя павильона, гдѣ игралъ оркестръ, я увидѣлъ двухъ почтенныхъ мужей разговаривающихъ между собою: они напомнили мнѣ все то, что я читалъ о Китаѣ и Японіи.

Одинъ изъ нихъ былъ въ форменномъ фракѣ синяго сукна съ такимъ же бархатнымъ воротникомъ и съ свѣтлыми гербовыми пуговицами и, вѣроятно, принадлежалъ къ свитѣ, пріѣхавшаго въ Баденъ - Баденъ прусскаго короля. Другой, довольно высокаго роста, худощавый, пожилой человѣкъ, въ темно-рыжемъ парикѣ, въ черномъ сюртукѣ и въ круглой шляпѣ. Господинъ въ парикѣ, разговаривая съ господиномъ въ форменномъ фракѣ стоялъ съ непокрытою головою, держа *надъ нею* свою шляпу; господинъ во фракѣ вторилъ ему, и когда онъ, увлекаясь разговоромъ, дальше отклонялъ шляпу отъ головы, то тоже самое дѣлалъ и господинъ въ парикѣ; когда фракъ ближе къ головѣ придвигалъ шляпу, и парикъ—придвигалъ свою, слѣдя внимательно за движеніемъ шляпы фрака,—и это продолжалось съ четверть часа.... Просто китайскіе мандарины.... хороша образованная Германія!

Вентноръ, Островъ Уайтъ.

21 іюля, 1861 г. Въ воскресенье городокъ нашъ будто вымеръ. Всѣ магазины закрыты; не запасись хлѣ-

бомъ въ субботу, — будешь сидѣть въ воскресенье безъ хлѣба. Былъ въ двухъ церквахъ въ 1-мъ часу, засталъ проповѣдь. Въ одной церкви священникъ былъ одѣтъ, какъ лютеранскій пасторъ, и въ ней стояло по каѳедрѣ съ одной и къ другой стороны, а за ними на стѣнѣ были написаны 12 заповѣдей. Съ одной стороны стѣны тоже было что-то написано. Въ другой церкви былъ органъ; по среди одна каѳедра, а внизу ее былъ деревянный столикъ со стуломъ, вдѣланные въ полъ. Священникъ былъ одѣтъ въ обыкновенный черный сертукъ, въ черныхъ брюкахъ и черномъ жилетѣ, при бѣломъ галстухѣ.

На улицѣ если и попадается кто либо, то съ какимъ-то постнымъ серіознымъ лицомъ. Не видно улыбки, не слышно никакой пѣсни, не то, что у насъ въ Россіи, гдѣ *веселье деревенское* представляется однимъ *пьзучимъ міромъ*, не смотря на становыхъ, помѣщиковъ, исправниковъ. Будь здѣсь что-нибудь подобное, то вѣроятно, отъ народа никогда не услышалъ-бы не только *пѣсни*, но и *слова*....

Въ Россіи религія имѣетъ надлежащій смыслъ, — именно, какъ нѣчто вѣчно—*эпическое*, да и народъ еще въ эпическомъ состояніи. Въ этомъ смыслѣ, ее, пожалуй, оправдаетъ и раціонализмъ, такъ какъ она имѣетъ демократическій характеръ;—обставленная сценическими образами и формами первыхъ временъ христіанства, она является преданіемъ эпическихъ вѣковъ и вторитъ эпическому первобытному состоянію массъ народныхъ. Это таже народная поэзія, это коляда, Кострома, Ивановъ день. Это—одраматизированный эпосъ извѣстной части внутренней жизни народной, поставленный во внѣшнюю жизнь, какъ нѣчто существенное и первой важности, обвѣянное первобытной поэзіей. Здѣсь-же

раціонализмъ смѣшанъ съ преданіемъ, логика съ эпическимъ догматомъ: это на коровѣ сѣдло, варенье съ горчицей, фельдфебель въ кринолинѣ.

У насъ попъ—лицо демократическое, а не стоящее *надъ* народомъ, лицо меньшаго значенія, чѣмъ сельскій староста. Здѣсь и вездѣ въ Европѣ совсѣмъ иное. Староста, олицетворяя собою необходимое, существенное повседневной, хлѣбной, практической жизни, у народа значитъ болѣе попа, лица поэтически душевно необходимаго въ жизни, лица отвлеченно-психически нужнаго и должнаго въ жизни по обычаю, по преданію, по вѣчнымъ потребамъ духа, по прирожденному стремленію его къ абсолюту—къ Богу.

Это показываетъ глубокій практическій тактъ въ народѣ. Да, вѣроятно, греческое православіе содержитъ въ себѣ данныя для всего подобнаго; тоже въ отношеніи духовенства примѣчается и у нынѣшнихъ грековъ (королевства), у сербовъ, болгаръ (но только *не* у католиковъ) славянъ.

Въ Reyde живетъ одинъ русскій ex-архитекторъ, отставной *дѣйств. стат. совѣтникъ*, служившій при Клейнмихелѣ, женатый на англичанкѣ, которому англичане *не позволили строить свой собственный домъ,* не смотря на то, что онъ спеціалистъ этого дѣла, потому что *не англійскій подданный;* да и домъ заставили записать на имя жены, какъ англичанки, по этому поводу. Его всѣ величаютъ *генераломъ;* жители, слуги его дома и даже собственная жена называетъ его не иначе какъ *генералъ* и даже обращаясь къ нему въ звательномъ падежѣ. Такое ужъ здѣсь чино и родопочитаніе. Англія—страна тугой рутины, преданія, закоренѣлаго обычая, безсознательнаго — „такъ принято“, условныхъ приличій. — Вотъ одинъ примѣръ:

Въ Лондонѣ сезонъ кончается въ концѣ іюля и послѣ все дворянство и незанятые, собственно ничѣмъ, въ городѣ люди средняго сословія, разъѣзжаются по деревнямъ, городкамъ, за границу и т. п. Городъ Вентноръ бываетъ набитъ всю осень и зиму пріѣзжими изъ Лондона, что дѣлается къ тому-же и изъ экономіи.

Если кто изъ дворянъ и имъ подобныхъ по положенію людей, будетъ задержанъ дѣлами, въ августѣ мѣсяцѣ въ Лондонѣ, то онъ старается по возможности чтобъ его тамъ не видали, то выходитъ ночью, то ѣздитъ въ закрытомъ экипажѣ; ибо *стыдно* въ это время жить въ Лондонѣ, никто изъ порядочныхъ людей не живетъ въ немъ въ это время, *не принято такъ* и т. п.

Такова сила обычая, заведеннаго не нами, консерватизма, непреложности преданія, безсознательныхъ предубѣжденій.

Хороши наши западники, „старовѣры запада“, натолковали намъ Богъ знаетъ чего о западѣ!.. Только этимъ съузили нашъ врожденный идеалъ жизни. Натолковали все это московскіе авторитеты — профессоры и распространили въ поколѣніи; а наши журналы, эти *отсталые прогрессисты, рутинные либералы*, и теперь еще продолжаютъ толковать тоже самое... Впрочемъ, московскіе и другіе профессорскіе авторитеты въ *свое время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ* въ Россіи были и правы, но, вѣдь, только относительно правы.

23 іюля. Здѣсь, въ Вентнорѣ, магазинъ съ разными мелочными вещами; въ этомъ-же магазинѣ почтовая контора, контора нотаріуса, библіотека для чтенія, и все это въ небольшомъ размѣрѣ и всѣмъ этимъ завѣдываетъ одинъ молодой человѣкъ, да въ отсутствіи

его принимаетъ письма на почту—дѣвушка лѣтъ 16-ти; а у насъ-бы сколько было чиновниковъ!

Въ этомъ Вентнорѣ ежечасно, болѣе или менѣе сильный гулливый вѣтеръ съ океана, перемежающійся небольшими дождиками, съ пасмурнымъ небомъ, перемежающимся свѣтящимъ солнцемъ. Здѣсь въ іюлѣ такая степень теплоты въ воздухѣ, какъ у насъ въ сентябрѣ. Купаться почти неудобно, ибо волна сшибаетъ съ ногъ и иногда можетъ разбить тебѣ лицо, ударивъ о купальный фургонъ... Волна мелкая — но отъ вѣтра сильная; бываютъ и большія волны.....

Какъ въ концѣ древнихъ и началѣ среднихъ вѣковъ неизвѣстные, молодые народы выступили въ исторіи и обновили міръ, — такъ *теперь*, можно думать, эта роль предстоитъ *славянамъ, грекамъ и евреямъ* (?).

Вѣдь, мы видимъ, не даромъ начало предсмертныхъ конвульсій нашего древняго міра: отъ папы—до южной Америки, отъ Вѣны до Константинополя и до всего...

Ну ужъ ѣдятъ здѣсь англичане! Въ обѣдѣ нѣтъ никакого человѣческаго смысла. Обѣдъ состоитъ изъ одного огромнаго куска мяса, или изъ рыбы. Да къ этому мясу подадутъ отдѣльно зелени. — Ихъ обѣдъ по нашему завтракъ: безъ всякой похлебки, и ничего не похлебаешь горячаго. Въ трактирѣ поставятъ тебѣ большой кусокъ *одного* какого либо мяса, да и ѣшь его сколько хочешь... Да, это вѣдь только коровы ѣдятъ *одну* траву; а человѣкъ на столько уменъ, чтобъ разнообразить удовольствіе ѣды... То-ли дѣло у насъ на Руси!

Вентноръ. Разъ вечеромъ, шедши по берегу моря, на эспланадѣ, я увидѣлъ небольшую толпу гуляющихъ, окружавшую господина въ сюртукѣ и въ круглой черной шляпѣ, который, что-то декламировалъ, размахивая

толстенькой книжечкой въ 24 долю листа. По распросамъ оказалось, что этотъ господинъ проповѣдуетъ толпѣ и мысль его проповѣди та, что нужно въ одномъ Христѣ искать своего спасенія и что, молъ, не даромъ Онъ проливалъ свою кровь; толпа хорошо одѣтыхъ мужчинъ и дамъ серьезно и молчаливо окружали его, и потомъ всѣ равнодушно начали расходиться, какъ ни въ чемъ не бывало. Проповѣдникъ кончивъ, раздавалъ на клочкѣ бумажки напечатанную проповѣдь, которую онъ говорилъ, впрочемъ, съ часъ, часто повторяя одно и тоже.

Въ воскресенье, дѣвица, гр. Толстая, поѣхала срисовывать видъ одной древней церкви и попросила себѣ стулъ. Ей подалъ его какой-то господинъ, потомъ пришелъ въ ужасъ отъ своего поступка...

— «Боже, что я сдѣлалъ, я и *васъ* и *себя* ввелъ въ грѣхъ, вѣдь нынче воскресенье.—а вы работаете!..»

— Да я иностранка и другой вѣры..

— „Для Бога нѣтъ иностранцевъ“, возразилъ онъ съ глубокимъ раскаяніемъ, что подалъ ей стулъ въ воскресенье.

Здѣсь одна учительница языковъ (и единственная знающая ихъ кое-какъ въ городѣ) отказалась въ воскресенье *принести сама своими руками* книгу, которую она взяла для прочтенія у Толстыхъ, говоря, что и это грѣхъ въ воскресенье. За то въ Парижѣ мы и не замѣтили чѣмъ отличалось Свѣтлое Воскресенье отъ обыкновенныхъ дней.

Вечеромъ на эспланадѣ была музыка; много гуляющихъ. Были большія волны при сильномъ вѣтрѣ; въ виду этой эспланады, не смотря на сильныя волны, трое мужчинъ купались, прыгали въ волнахъ и барахтались тамъ въ ихъ напорѣ. Это нисколько не мѣшало гуляющимъ дамамъ и дѣвицамъ, на разстояніи нѣсколькихъ

шаговъ отъ купающихся мужчинъ смотрѣть на купальщиковъ, которые изъ волнъ часто выдавались болѣе чѣмъ до половины нагіе. Дамы чинно и съ какимъ-то флегматическимъ любопытствомъ смотрѣли на нихъ.

Въ городѣ-же и въ самомъ простомъ классѣ женщинъ нравственность самая строгая, какой у насъ на Руси и не снилось. Все это не тронь меня, и кто-бы вздумалъ слишкомъ рельефно поволочиться, то за одни виды на волокитство, не съ намѣреніемъ брачныхъ узъ, — пожалуй еще притащутъ къ суду. Въ Лондонѣ впрочемъ, дѣло другое: въ видахъ-же брачныхъ есть невинныя свиданія и прогулки позднія. . . . .

На островѣ Уайтѣ, въ Вентнорѣ, переписаны капельмейстеромъ военныхъ — тамошнихъ волонтеровъ и племянницами учительницы миссъ Вествудъ, слѣдующія русскія народныя пѣсни:

1) «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», (изъ аранжировки Гурилева).

2) «Вспомни, вспомни, моя любезная.»

3) «Лучина.»

4) «Ай, во полѣ липонька» (хороводная).

5) «Во лузяхъ.».

6) «Слава Богу на небѣ, слава!» (съ варіаціями Дюбюка).

7) «По улицѣ мостовой,»

и еще, если успѣютъ за день, то перепишутъ одну — двѣ пѣсни.

Въ Парижѣ дѣвица Амбросина Берто, частная учительница пѣнія, выучила и поетъ съ довольно хорошимъ русскимъ произношеніемъ (впрочемъ вовсе не зная русскаго языка), но поетъ прекрасно слѣдующія русскія пѣсни народныя:

1) «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» (изъ сборника Гурилева).

2) «Вспомни, вспомни, моя любезная.»

3) «Ты, родима моя матушка!» (свадебная пѣсня изъ сборника Вильбоа) и *романсы* русскихъ композиторовъ въ русскомъ народномъ духѣ.

1) «Что мнѣ жить и тужить одинокой», соч. Варламова.

2) «Вдоль по улицѣ мятелица мететъ», его-же.

3) «Близко города Славянска», Верстовскаго и «Чарочка».

Да еще я ей оставилъ народную пѣсню «*Ивушка*» въ переложеніи Малышевскаго; и кромѣ того я ей подарилъ «*100 русскихъ пѣсней*», *сборника Бернарда* (хоть плохо и искаженно-аранжированныхъ).

Въ Баденъ-Баденѣ учитель музыки Галь, переписалъ у меня болѣе 12 русскихъ народныхъ пѣсней изъ сборниковъ: Гурилева, Вильбоа и Дюбюка (съ варіаціями его-же) и сдѣлалъ изъ нихъ попури.

Изъ Парижа я свои „Собранія народныхъ русскихъ пѣсней» Гурилева, Вильбоа, Воротникова, Дюбюка, Балакирева и малороссійскія — Эдмяки и Корненка—*послалъ* въ подарокъ *въ Дрезденъ*, германскому писателю и переводчику съ русскаго языка—*Вильгельму Вольфзону*. Онъ ихъ можетъ, при удобномъ случаѣ, издать и, такимъ образомъ, распространить въ ученой и сознательно-музыкальной Германіи, а оттуда и по Европѣ. Пошлю ему также, вмѣстѣ съ этимъ, нѣсколько русскихъ романсовъ, написанныхъ въ духѣ народной музыки, — Варламова, Глинки, Верстовскаго, Дютша.

Имѣя въ своей библіотекѣ довольно русскихъ книгъ, Вольфзону очень и очень не мѣшаетъ, для лучшаго

понятія о Россіи и ея народности, имѣть русскія пѣсни... Да будетъ-же слава *народу* русскому — слава!

Вентноръ, 31 іюля. Нынче въ 7 часовъ вечера шелъ я по городку и вдругъ услышалъ пѣніе... смотрю, какой-то джентльменъ, завитой, въ черномъ франтовскомъ сюртукѣ и въ круглой шляпѣ съ книжкой въ рукахъ, поетъ, и какъ кажется, религіозные канты, а нѣсколько жителей и жительницъ вышли за ворота его слушать... И нынче вѣдь не воскресенье, а середа.

Вездѣ простонародье лучше лавочниковъ и буржуазіи, рѣшительно вездѣ... Правъ N. N., глубоко правъ.

Мои знакомыя дѣвицы зашли посмотрѣть, гуляя, одинъ хорошенькій садикъ; хозяинъ его — буржуа (ибо Вентноръ почти весь состоитъ изъ лавочниковъ, какъ и въ Англіи) выслалъ сказать имъ, что у него не публичный садъ. Вслѣдъ за этимъ онѣ зашли въ садикъ одного мужика и попросили сорвать имъ розанъ; бѣдный и добрый мужикъ и жена его, съ привѣтливой улыбкой, нарѣзали имъ большой букетъ розановъ.

Волонтеры здѣсь состоятъ большею частію изъ лавочниковъ и находятъ время хорошо учиться стрѣльбѣ, ружейнымъ пріемамъ и шагистикѣ.. Стрѣляютъ въ цѣль хорошо; одна пріѣзжая англичанка, присутствуя при ихъ стрѣльбѣ въ цѣль, попросила себѣ заряженное ружье и съ перваго раза попала въ цѣль на 200 шаговъ, какъ говорили. У этихъ волонтеровъ маленькія кепи-шапочки (черныя) съ бѣдными зелеными пѣтушьими перьями, и одѣто что - то въ родѣ казакина. Форма довольно скромная, безъ вкуса и не казистая. Воротникъ обшитъ шелковой тесьмой, между которой видна полоса, въ палецъ ширины, краснаго сукна.

До какой высокой степени доведены здѣсь внѣшнія удобства цивилизованной жизни! Въ Вентнорѣ — этомъ

заштатномъ городкѣ, во всякій домикъ и домишко проведенъ газъ; Вентноръ всего-то основанъ лѣтъ около 30-ти. За тридцать лѣтъ тутъ стояла только одна избушка. Кушанье варятъ здѣсь на каменномъ углѣ, въ желѣзныхъ печахъ съ рѣшетками. Въ Вентнорѣ издается своя газета.

За день до отъѣзда изъ Вентнора я былъ въ концертѣ доктора Марка, который онъ давалъ съ своими маленькими учениками, составлявшими оркестръ его. Онъ имѣетъ въ Манчестерѣ музыкальную консерваторію, выпустилъ изъ нее много хорошихъ музыкальныхъ учителей и артистовъ и разъѣзжаетъ по Англіи, давая концерты. Я взялъ его адресъ, чтобъ послать ему *Собраніе русскихъ народныхъ пѣсней*, для распространенія ихъ въ Англіи. Для этого нужно составить рукописную антологію изъ русскихъ пѣсней и отослать ему въ Манчестеръ.

Политическая жизнь, это—entente cordiale желудка съ головой. Не то будетъ, что говоритъ идеалъ и абсолютная идея, а то, что порѣшатъ эти двое господъ.

САТИРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЯМБЫ,

КСЕНІИ и ЭПИГРАММЫ.

ШКОЛЬНИЧЕСТВО

одного, довольно пожилаго Коллежскаго Ассесора.

ЧУХОНСКІЯ АѲИНЫ.
1861 — 1869.

Оле безумія нашего!

Изъ „Сказанія“ Авраамія Палицына.

Необразованность ты моя, необразованность!

А. Островскій.

Πάντα χέλως.

Antologia.

Эпиграфъ къ повѣстямъ *** и къ новой „Сѣверной Пчелѣ".

Вы въ мѣхи новые налили
Все тоже старое вино,
Въ иной вы колосъ возрастили
Ѳаддея прежнее зерно.....

Вашъ ***, — что всѣмъ извѣстно, —
Доносовъ много написалъ,
Съ расколовъ разныхъ повсемѣстно
Онъ, какъ подъячій, взятки бралъ;

И, эти взятки обличая,
Опять деньгу сталъ наживать,
Когда, себя изображая,
Онъ началъ повѣсти писать.....

Но близокъ часъ,—и онъ съ «Пчелою».
Сойдетъ позорно въ міръ тѣней..
Такъ гибнетъ все здѣсь подъ луною:
Такъ сгибли Обри стаей злою,
Угасъ невинный «Атеней»
И вмалѣ опочилъ Ѳаддей.

20 Іюня, 1861.
Баденъ - Баденъ.

На кончину газеты „Вѣкъ“.

Шагаемъ мы неимовѣрно:
Гордись, о, русскій человѣкъ,
Что въ годъ Россія безпримѣрно
Переживаетъ цѣлый «Вѣкъ».

28 декабря, 1861.

Эпитафія *_*

Въ сей жизни огранивъ довольно тротуаровъ,
Отъ скорби онъ гражданской опочилъ...
О, сколько онъ извелъ фиксатуаровъ,
О, сколько онъ перчатокъ износилъ!

7 марта, 1862.

Про современное.

Какъ успѣхи наши быстры!...
Популярность нынче въ модѣ, —
Ищутъ самые министры
Мнѣнья добраго въ народѣ....

Кто-жъ народъ тотъ пресловутый
Передъ кѣмъ склоняютъ выи? —
Школьникъ, фразами раздутый.
Офицерикъ, столпъ Россіи,

Малограмотный писатель,
Съ пыломъ наглости журнальной,
Иль путеецъ, взятокъ братель,
Иль чиновникъ либеральный,

Откупщикъ — трибунъ великій,
Дѣтокъ множество взрастившій,
Ихъ на деньги черни дикой
Всѣмъ наукамъ обучившій....

Благородно эти дѣтки
Либеральничаютъ въ холѣ. —
Даже дамы, малолѣтки,
Все забредило о волѣ.....

А народъ, что пашетъ нивы,
И не знаетъ, что онъ въ-модѣ
И какъ многіе счастливы
Безпокоясь о народѣ;

И не знаютъ земледѣльцы,
Что за дѣтскія затѣи
Блага земскаго радѣльцы
Попадаютъ въ Прометеи.

Апрѣль, 1862.
С.-Петербургъ.

Редактору N. N.

Не Синкѣ *)— ли ты свободы
И Б—нъ красноты?...
Спекулянтъ ты отъ природы,
По искусству ёрникъ ты,
Въ чемъ тебя ужъ всенародно
N. N. достойный обличилъ:
Но нашелъ ты выходъ модный, —
И идеей благородной
Ты въ газеткѣ торгъ открылъ.

20 іюня, 1862.
С.-Петербургъ.

Графу Межеумкову-Безразсудко.

Ты наконецъ нашелъ свое призванье:
Оно не въ томъ, чтобъ книги издавать;
Но вотъ твое прямое дарованье —
Посланниковъ Японскихъ угощать!

24 августа, 1862.

Нигилистамъ.

Нигилисты вы тупые....
Чѣмъ же быть вамъ, господа!
Съ просвѣщеніемъ Россіи
Ваша скроется звѣзда.

---

*) *Синкѣ*— извѣстный герой остроговъ послѣдняго времени.

При познаньяхъ нашихъ узкихъ,
При отсутствіи ума,
Развилась въ болотахъ русскихъ
Отрицанія чума....

Какъ заглянемъ въ жизнь-ли, въ книги-ль,
Все намъ скажетъ, господа,
Что ex nihilo лишь nihil
Въ результатѣ завсегда.

Нигилисты по названью,
По значенью своему....
Сущій nihil вы по знанью,
Nihil истый по уму.

2 ноября 1862.
Москва.

Театральное извѣстіе.

Безумной дѣятельностію незрѣлаго юноши объемлется Русь.
Гоголь.

Все комическимъ началомъ
Пропиталось въ наши дни,
И не вѣютъ, какъ въ бываломъ,
Тяжкой грустію они....

Репетиловъ за свободу
Въ стѣны крѣпости попалъ,
Хлестаковъ Иванъ народу
Кажетъ жизни идеалъ....

Гдѣ-жъ Маниловъ соціальный,
Столь опасный для властей?
Иль ужъ сосланъ въ городъ дальный,
Онъ за Обь и Енисей?

Ребятишекъ вереница
Подняла невинный крикъ,
И комическія лица
Взяли мученниковъ ликъ;

Всѣ страданья Донъ-Кихота
Ими выпиты до дна....
Такъ полиціи работа
Школярами задана.

Разливая помраченье
И принявъ прогресса видъ,
Намъ родное просвѣщенье
Митрофанушекъ плодитъ,

И готовитъ въ нигилистахъ
На сто лѣтъ намъ дураковъ....
Русь являетъ въ гимназистахъ
Лучшихъ родины сыновъ....

Что́-жъ? — Комедіей одною,
То-есть, «Горемъ безъ ума,»
Станетъ больше подъ луною....
Боже! Что́ за кутерьма!

30 ноября, 1862.
С.-Петербургъ.

Нынѣшніе преступники.

И зачѣмъ ихъ заключили
Въ стѣны крѣпости гранитной,
Гдѣ допросы имъ чинили,
Съ важной строгостью и скрытно?

Ихъ значенье такъ ничтожно,
Иль опасно такъ для трона,
Что допрашивать-бы можно
Ихъ въ кондитерской Рабона.

Имъ купить конфектъ по фунту,
И отдать ихъ всѣ «воззванья»: —
Пусть идутъ, взывая къ бунту,
По Руси, безъ задержанья.

1 Января, 1863 г.
С.-Петербургъ.

* *
*

Я тебѣ твое значеніе
Объясню, голубчикъ мой:
Знай — твои всѣ обличенья
Отъ лакейской точки зрѣнія,
Съ Толкуна или съ Сѣнной.

24 августа, 1863.
С.-Петербургъ.

---

* *
*

Краснотой своей ливреи,
Демократствомъ водки
Отличаются лакеи
Графа Безбородки.

3 Августа, 1864 г.

Н. А. Сѣверцову въ Киргизію.

Иль не сбылись твои мечты
И тамъ — въ странѣ къ Тибету близкой:
Скажи, — уже-ль отвергнутъ ты
И Дикокаменной Киргизкой?...

28 сентября, 1864.
С.-Петербургъ.

Отчего я не женюсь.

(элегія).

Тяжко жить на свѣтѣ, други,
Въ сорокъ лѣтъ мнѣ холостымъ,
Безъ дѣтишекъ, безъ супруги,
Сирымъ сердцемъ, всѣмъ чужимъ.

Глухо плачу, скрытно стражду,
Въ мірѣ я, какъ перстъ, одинъ, —
Я жениться страстно жажду:
Но мѣшаетъ . . . . . .

Вѣдь въ любви съ подругой нѣжной
Можно дѣтокъ ожидать.
И прійдется неизбѣжно
Ихъ въ гимназію отдать.....

Оттого теперь страдаетъ
Каждый русскій гражданинъ,
Оттого-то и мѣшаетъ
Мнѣ жениться фактъ одинъ.

8 февраля, 1865.

И. С. А—въ.

Теоріи! Вы гибель для умовъ,
Вы портите строенье жизни русской
А—въ самъ,—и тотъ не безъ грѣховъ:
Онъ въ охабнѣ соціалистъ французскій,
Иль въ синей блузѣ Посошковъ.

18 марта, 1865 г.

Москва, 25 Сентября, въ „Днѣ".

Изъ русскаго нутра намъ выгнать иноземца
Аксакова лекарство помогло:—
Весь Петербургъ тошнитъ теперь отъ нѣмца,
Аксакова ужъ нѣмцемъ.....

27 октября, 1865 г.

---

* * *

Собой забавную нелѣпость
Нашъ либералъ изобразилъ:
Онъ всей душой стремился въ крѣпость,
А въ генералы угодилъ.

8 декабря, 1865 г.

Французская революція на русскій ладъ.

Доморощеннымъ гигантамъ
Должный путь мы указали,
Сообразно ихъ талантамъ
На мѣста ихъ разсажали:

Робеспьеровъ —по акцизу,
А *Маратовъ*—по контролю.....
Пусть всё рушатъ сверху, снизу,
Либеральничаютъ вволю!

Надѣлить крестьянъ землею
Мы *Бабёфовъ* разослали,
А *Барбесовъ* всей душою
Въ мировые судьи взяли.

Теруань-де-Мерикуры
Школы женскія открыли,
Чтобъ оттуда наши дуры
Въ нигилистки выходили.

Клотцы нашимъ гимназистамъ
Проповѣдуютъ науку....
Словомъ—крайнимъ прогрессистамъ
Всё теперь поплыло въ руку;

Но, средь этой благостыни,
Есть безъ жениха невѣста:—
Только *Разума Богини*
Не нашлось въ Россіи мѣста.

Іюль, 1866 г.
Старая Руса.

Sapienti Sat.

ПОДРАЖАНІЕ ФЕТУ *).

Руси дѣтское незнанье,
Флоріановская рѣчь,
Непрестанное вилянье,
Чтобы мѣсто уберечь,

*) ....Во исполненіе историческаго закона соотвѣтствія идеи съ формою, стихотвореніе это все написано безъ управляющаго глагола. Въ таковыхъ видахъ авторъ и воспользовался стихотвореніемъ Фета, не заключающимъ въ себѣ тоже *глагола управляющаго*:

Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Соннаго ручья .....»

Примѣч. *Н. Щ.*

Риги съ Вильной упованье
И отчаянье Москвы,
Недовольство и роптанье
Всей общественной молвы,

Къ Руси полное презрѣнье,
Во французѣ идеалъ,
Только къ ордену стремленье
Чтобъ онъ перси украшалъ,

Съ сильнымъ дружбы заключенье
Страсть Каткова взять въ тиски:
Вотъ твое изображенье,
О, marquis, marquis, marquis!

2 декабря, 1866.

Современное ожиданіе.

Всё ждешь какихъ нибудь исторій,
Трепещешь за свою судьбу: —
Вѣдь изъ принциповъ и теорій
Россію выпустятъ въ трубу.

13 января, 1867.

„Смерть Іоанна Грознаго“ на сценѣ.

Талантливыхъ нашихъ актеровъ навѣрное тѣмъ не обижу,
Когда-бы имъ правду въ глаза я сказалъ,
Что Павла Васильича *) видѣлъ, Василья Васильича **) вижу,
Ивана-жъ Васильича ***) я не видалъ.

9 февраля, 1867.

---

*) Павелъ Васильевичъ—Васильевъ.
**) Василій Васильевичъ—Самойловъ.
***) Иванъ Васильевичъ—Грозный.

Земская Реторика.

Наши Земскія Собранья
Классъ реторики открыли,
И ему на содержанье
Два милльона положили *).

Тяжесть хрій, фигуръ и троповъ
Вся ложится на народѣ:
Онъ содержитъ филантроповъ.
Платитъ фразамъ о свободѣ,

О сокровищахъ грядущихъ
Передъ сущими сумáми,
О рѣкахъ, млекомъ текущихъ
Межъ кисельными брегами.

12 февраля, 1867.

Послѣ чтенія Исторіи.

Вникая въ міръ и въ жизнь людей,
Ди и въ себя, какъ въ человѣка.
Я вижу дичь въ душѣ моей
И въ ходѣ общества отъ вѣка.

Всё въ небѣ стройности полно,
А намъ и смыслъ отмѣрянъ скупо:
Планеты движутся умно,
А люди движутся такъ глупо.

24 апрѣля, 1867.

---

*) По исчисленію газеты «Москва» на жалованье членамъ земскихъ управъ во всей Россіи расходуется въ годъ болѣе *двухъ* милліоновъ рублей серебромъ изъ земскихъ сборовъ. *Н. Щ.*

Графъ Межеумковъ-Безразсудко.

Россійскимъ бариномъ себя онъ показалъ:
Японцевъ и Славянъ равно онъ угощалъ.

10 Мая, 1867.

Европа и мы.

Въ прогрессѣ общества у всѣхъ одни законы,
Онъ льется и у насъ широкою струей:
Съ Бисмаркомъ возятся и Галлы, и Тевтоны,
Мы тоже возимся—съ Арсеньевымъ Ильей.

27 сент. 1867.

Рецензія.

(8-я книжка «Русскаго Вѣстника» 1867 г.)

Явился «Вѣстникъ» къ намъ, обычно
Просрочивъ множество недѣль:
Бранятъ въ немъ N. N. прилично,
Да Яковъ *) тянетъ канитель.

3 октября, 1867.

Русская Идиллія.

Вѣкъ для Россіи насталъ идиллическій...
Въ ней-то Аркадіи вся простота!
Наши вельможи, съ душой буколической,
Заняли прочно мѣста.

Нимфы здѣсь пишутъ свои резолюціи,
«Злато презрѣнное» NN извелъ,
Жаждутъ младенцы у насъ революціи,
Попъ въ нигилисты пошелъ.

Добрый NN. россійское воинство,
Этихъ дѣтей Бородинскихъ бойцовъ,
Ставитъ себѣ горделиво въ достоинство
Всѣхъ обратить въ пастушковъ.

Съ милымъ невѣденьемъ, съ дѣтскостью сладкою
Русь такъ завидно сжилась,
Что ужъ Бисмàркъ изъ-за Вислы украдкою
Смотритъ, смакуя, на насъ.

18 октября, 1867.

---

*) Полонскій.

Изъ одной проповѣди.

Что нашъ билетъ кредитный, братіе,
Съ зеленымъ цвѣтомъ и въ кружкахъ? --
Онъ,—«отвлеченное понятіе»
О настоящихъ трехъ рубляхъ.

22 октября, 1867.

Наше Богатство.

Насъ черезъ чуръ ужь осудили строго:
Мы не совсѣмъ безумно жили;
Хоть денегъ мы и растеряли много,
За то «вопросовъ» накопили.

27 октября, 1867.

И л ь ѣ.

(экспромтъ).

Свершился путь твой многотрудный
И цѣль достойная твоя:
Сидитъ въ узилищѣ Зарудный
И торжествуетъ Илія.

30 октября, 1867.

Стихи, сказанные въ сновидѣніи.

Предъ женщиной я не Тотлебенъ,
Себя-бъ отъ ней не защищалъ:
А пѣлъ-бы граціи молебенъ,
Акаѳистъ красотѣ читалъ.

4 ноября 1867.

Наше Время.

Когда былъ въ модѣ трубочистъ,
А генералы гнули выю,
Когда стремился гимназистъ
Преобразовывать Россію,

Когда, чуть выскочивъ изъ школъ,
Въ судахъ мальчишки засѣдали,
Когда фразистый произволъ
Либерализмомъ величали,

Когда могъ N. N. быть судьей,
N. N. же отъ дѣлъ отставленъ,
Какотвъ преслѣдуемъ судьбой,
А N. N. зѣло прославленъ,

Когда сталъ чиномъ генералъ
Служебный якобинецъ N. N.
И N. N. воспѣвалъ
Нашъ красный филантропъ N. N.,

Когда бездарность и прогресъ
Въ Россіи стали синонимомъ,
И здравый смыслъ изъ ней исчезъ,
Тургеневскимъ разсѣясь «дымомъ»:—

Тогда въ бездѣйствіи влачилъ
Я жизни незамѣтной бремя,—
И счастливъ, что не знаемъ былъ
Въ сіе комическое время!...

20 ноября, 1867.

Новое назначеніе.

Семь лѣтъ тому назадъ вакансій рядъ открылся,
(Ихъ ждутъ чиновники, какъ манны отъ небесъ).
Лишь только Здравый Смыслъ въ отставку удалился
На это мѣсто сѣлъ немедленно Прогресъ.

23 ноября, 1867.

Вопль Θ. И. Т.

Въ этомъ управленьи
Служба мнѣ—не манна!
Въ этомъ положеньи
Жутко мнѣ и странно!

Подписавъ рѣшенье
Въ «предостереженье»
Мужу милой Анны,—
Выйдешь, какъ изъ ванны.

30 ноября, 1867

Отечественный почетъ.

Я только предаюсь теперь одной заботѣ,
Чтобъ почестей избѣгъ житейскій жребій мой:
Ей-Богу, совѣстно въ Россіи быть въ почетѣ,
Съ тѣхъ поръ, какъ N. N. Почетнымъ сталъ судьей!

1 декабря, 1867.

Замѣтка ретрограда-пессимиста. *)

Повѣтріемъ безплодно шумнымъ
Коснулась насъ реформъ чума,
Съ либерализмомъ тупоумнымъ
И съ гуманизмомъ безъ ума.

5 декабря, 1867.

*) Этотъ господинъ, вѣроятно, вспомнилъ русскую народную пословицу: «Безъ ума торговать, лишь деньги терять.» *Н. Щ.*

Современная Элегія.

Ахъ, зачѣмъ я либералъ умѣренный,
Ахъ, зачѣмъ не крайній радикалъ!
Я бы сталъ теперь благонамѣренный,
Я-бъ чины да деньги пожиналъ,

И считался образцомъ бы честности
Я у тѣхъ, кто юнъ пль прогрессистъ,
И легко достигнулъ бы извѣстности.....
Ахъ, зачѣмъ же я не гимназистъ!

Не гораздъ я былъ писать «воззванія,»
Я студентовъ не хотѣлъ мутить,
Даже къ школамъ не имѣлъ призванія, —
Такъ ужь могъ ли дѣльнымъ я прослыть?....

Возвышаясь въ мнѣніи правительства,
Я большое-бъ жалованье бралъ,
Самъ N. N. розы покровительства,
Какъ Тиблену, мнѣ бы расточалъ,

И попалъ бы скоро въ генералы я,
Какъ одинъ хохолъ—сепаратистъ,
И стяжалъ бы выгоды не малыя... ..
Ахъ, зачѣмъ же я не гимназистъ!

8 декабря, 1867.

Тарифная Коммиссія.

Лишь только пошлину убавимъ мы на кофей, —
Въ Коммиссіи Тарифной говорятъ, —
То Сидоръ и Козьма, Матрёна и Прокофій
Развитіемъ ума, какъ Гумбольдтъ, заблестятъ....
И такъ, похеримъ мы нашъ классицизмъ ученья
И вѣдомство Толстаго упразднимъ:
Его-жъ, для вящаго финансовъ сбереженья,
Коммиссіей Тарифной замѣнимъ,
И, кофей, вмѣсто школъ, введя въ употребленье,
Мы быстро разовьемъ въ Россіи просвѣщенье.

11 декабря, 1867.

Членамъ-фритредерамъ Тарифной Коммиссіи.

Коммиссіей своей вы то намъ натворили, —
Какъ будто кофею вы никогда не пили.

13 декабря, 1867.

Теперь.

Выбросили соръ мы:
Вновь торимъ дорожку,
Дѣлая реформы
Изъ кулька въ рогожку.

18 декабря, 1867.

---

* *
*

Ихъ двое будутъ всѣмъ въ литературѣ править:
Особый имъ талантъ на то отъ Бога данъ...
Одинъ готовъ на карту Русь поставить,
Другой — продать ёё на чистоганъ.

26 декабря, 1867.

Эпиграмма на самого себя.

Вкусивъ всѣ горести, коварство и измѣну,
Негодный ни къ чему, не знаю какъ и быть:
Осталось только мнѣ вступить теперь на сцену
И Маріо собой достойно замѣнить.

28 декабря, 1867.

Наши Титаны.

«Всѣ наши таковы Мадзини, Бруты, Муціи—
N. N. провѣщалъ, съ Тибленомъ говоря:—
Вы, напримѣръ, Тибленъ, стремились къ революціи,
А кончили вы чѣмъ?—изданьемъ словаря.»

31 декабря, 1867.

Японской Академіи Наукъ

по избраніи новаго члена.

«Согласенъ въ этотъ разъ со всѣми я:
Всякъ видитъ, кто не близорукъ,
Что ты . . . . . .
Не Академія Наукъ.

6 января, 1868 г.

Редакторамъ „Искры".

Пусть кретинамъ, какъ игрушка,
«Искра» тѣшитъ взоръ и духъ....
Миръ ей!—Стихъ мой не хлопушка,
Чтобъ имъ бить подобныхъ мухъ.

12 января, 1868.

Исходъ.

Вездѣ у насъ фразёръ иль либералъ—невѣжда,
Или теоріей набитый идіотъ:—
Лишь только на тебя и есть одна надежда,
Хоть съ кругу спившійся, но умный нашъ народъ!

14 января, 1868.

Святые Безсребренники.

Не дивлюсь Косьмѣ, Демьяну,
Я, какъ русскій, не дивлюсь:
Хоть сей-часъ святымъ я стану,
Съ ними въ доблести сравнюсь....

Какъ съ своею N. N. кликой
Намъ очистилъ всѣмъ карманъ, –
На Руси святой, но дикой,
Всякъ безсребренникъ великій,
Всякъ Косьма или Демьянъ.

27 февраля, 1868.

Пустыня.

Уже-ль въ Россіи нѣтъ одной живой души,
Что только сонмъ тупицъ передовыхъ въ движеньи,
Тѣхъ, чьи идеишки въ принципѣ хороши
И такъ смѣшны и жалки въ исполненьи!...

3 марта, 1868.

---

* * *

Какъ всякій мѣдный лобъ, онъ рѣзкостью нахальной
Въ восторгъ привелъ невѣждъ, ломаясь предъ толпой:
Увлекъ онъ дураковъ шумихой радикальной
И хоть безграмотной, но красной чепухой.

7 марта, 1868.

По прочтеніи IV-го тома „Война и Миръ."

Въ его художничьей натурѣ
Какой-то странный Вавилонъ:
Онъ генералъ въ литературѣ,
А въ философіи Бурбонъ.

20 апрѣля, 1868.

Замѣтка.

Отъ нашихъ всѣхъ безсмысленныхъ мытарствъ,
Да съ этакими талейранами,
Навѣрное,—изъ первыхъ государствъ
«Въ отставку» выйдемъ мы «за ранами».

29 апрѣля, 1868.

---

* *
*

Чуждъ интриги и обмана,
Никому онъ не вредитъ,
Лишь для одного кармана
Онъ есть бочка Данаидъ.

Іюнь, 1868.
Столыпинскія Минеральныя воды.

Признаніе П. И. Я-на.

Ко всему я исполненъ холодности,—
Были-бъ штофъ, огурецъ, да селедка;
Не любилъ-бы и русской народности,
Коли-бъ съ ней не вязалася водка.

Іюнь, 1868.
Столыпинскія Минеральныя воды.

---

* *
*

Бѣдняковъ все слышу клики я,
Средь карманныхъ золъ и бѣдъ:—
«Хуже нѣтъ жида .....,
Надувательнѣе нѣтъ!....»

13 августа, 1868.
С.-Петербургъ.

Причина пьянства.

До безчувствія забыться,
Ошалѣть, тупѣть умомъ—
Вотъ мужикъ къ чему стремится
Налпваяся виномъ;

А теперь къ вину охота
Усторилась у него:
Пьетъ настойку опъ.....
И дурѣетъ отъ того.

19 октября, 1868.

Двѣ Ектеніи.

Когда-то Бога мы просили,
Въ молитвахъ пламенныхъ своихъ,
Избавить насъ отъ старой гнили —
Отъ консерваторовъ тупыхъ.

Теперь другое ужь моленье,
И смыслъ ектеніи таковъ:—
Избавь Россію, Провидѣнье,
Отъ прогрессивныхъ дураковъ!

26 октября, 1868.

З а м ѣ т к а.

Мы крестьянъ освободили:
Но, по страсти къ крѣпостямъ,
Прикрѣпить ихъ поспѣшили
Къ повсемѣстнымъ кабакамъ.

13 ноября, 1868.

Судебная реформа.

И изъ разумнаго способны сдѣлать вздоръ мы!
И нашъ шальной прогрессъ Европу лишь смѣшитъ....
На сколько-жь мы умны и наши всѣ реформы,
Какъ истый судія, Бильбасовъ разрѣшитъ.

27 декабря, 1868.

Замѣтка.

Ужь такова у насъ природа!
Претитъ намъ всякая свобода:
Намъ хочется холопомъ быть —
Народу ли, иль барамъ льстить.

10 января, 1869.

Насмѣшнику.

У насъ кресты — не за таланты,
За трудолюбіе кресты:
Тарифа-ли представилъ планъ ты, —
И будешь кавалеромъ ты....

Зачѣмъ, съ насмѣшкой горделивой.
На ордена взносить хулы: —
. . . . . .
. . . . . .

10 января, 1869.

Адвокату N. N.

Невинности моей защиту предъ судьями
Боюсь, о, N. N. тебѣ я поручить!
Своими прежними способенъ ты дѣлами
«Предубѣжденіе» въ присяжныхъ поселить....

Я—скажутъ—виноватъ, я авторъ сихъ дѣлишекъ,—
Недаромъ же тебя въ защитники избралъ:
Вѣдь такъ блистательно ты отстоялъ воришекъ,
Вѣдь ты мошенниковъ такъ ловко защищалъ.

11 января, 1869.

Литія по усопшемъ рабѣ Божіемъ N. N.

. . . . . .

Миръ тебѣ, намъ мужиковъ споившій,
Миръ тебѣ, въ адѣ средь тѣней,
Русскимъ бабамъ всё нутрò отбившій
Чрезъ посредство пьяныхъ ихъ мужей.

Фонари ты ставилъ подъ глазами,
Отъ тебя тошнило столько душъ,
И мужикъ украшенъ желваками
На подобье яблоковъ и грушъ.

Чрезъ тебя мы податей не взносимъ,
Недоимокъ пропасть наросло,
И невольно откуповъ мы просимъ,
Чтобъ къ тому вернуться, что прошло...

Чрезъ тебя—и дѣвки, и мальчишки—
Всё «*мыслете* пишетъ» по Руси....
Знать недаромъ шли тебѣ крестишки,
Такъ теперь Россія крестъ неси!

11 января, 1869.

**
*

Россійской пустотѣ, фразёрству Петрограда
Всѣ города, смѣясь, даютъ свой контингентъ:
На что ужъ Чухлома,—и та куда какъ рада,
Пославъ N. N. въ нашъ Питерскій конвентъ!

16 января, 1869.

Газетѣ.

Газета N. N. естъ двухъ-этажный домъ,
И помѣщаются два заведенья въ нёмъ:
Вверху пріютъ для всѣхъ ума лишонныхъ,
Внизу кабакъ писачекъ безпардонныхъ.

28 февраля, 1869.

Петербургская журналистика.

По высочайшему указу
На площади не свищетъ кнутъ,
И былъ онъ уничтоженъ сразу,
И палачи ужь насъ не бьютъ...

Но въ прессѣ нашей либеральной,
Среди журнальныхъ дикарей,
Еще царишь ты, кнутъ опальный,
Со всею прелестью своей!

3 марта, 1869.

Проэктъ о кочевникахъ.

Нашъ «Уставъ» о Номадахъ достану
И прочту, и скажу я въ себѣ:
Вотъ устройство киргизъ—по Констану,
А Тунгусъ по—Леру̀ и Кабѣ!

30 марта, 1869.

Юношамъ — членамъ Славянскаго Комитета.

Не въ буйномъ станѣ шайки грубой
Всеотрицающихъ невѣждъ
Намъ племя молодое любо —
Колѣно славы и надеждъ:

Оно намъ любо тамъ, гдѣ дѣло
Прямое юноша позналъ,
Въ смиреньи началъ строить смѣло,
Любовь безъ злобы показалъ.

Исполненъ юныхъ силъ богатства,
Онъ въ даль, какъ зрѣлый мужъ, прозрѣлъ,
И отдалъ сердце чувству братства,
А умъ творенью здравыхъ дѣлъ....

И свято назначенье это: —
Въ немъ русскій юноша избранъ
Вносить плоды любви и свѣта
На общій жертвенникъ Славянъ.

5 марта, 1869.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

„Сонникъ современной Русской Литературы.“ 1855 — 1856 г.г.

(Варьянты къ стр. 328—336).

Списокъ „Сонника“, принадлежащій *В. Р. Зотову* и во многихъ мѣстахъ исправленный рукою Щербины, относится къ началу 1856 года и есть одна изъ самыхъ раннихъ редакцій этой шутки, которую авторъ передѣлывалъ много разъ. „Соннику“ 1856 г. предпослано слѣдующее (на особыхъ листкахъ)

Серьезное предисловіе къ пустой и ребяческой шалости.

Писатели, эти «бичи пороковъ и благородные подвижники общественнаго дѣла», до тѣхъ поръ были предметомъ моихъ искреннихъ симпатій, пока я не узналъ ихъ лично. Приглядѣвшись къ современнымъ литературнымъ муравейникамъ и, къ несчастію, вращаясь въ ихъ удушливой сферѣ, я увидалъ на днѣ ихъ тину и безобразные осадки современнаго общества: недобросовѣстность, малограмотность, мелкоуміе, пошлый цинизмъ, сплетни, клеветы, отсутствіе нравственныхъ началъ и убѣжденій, юнкерское печоринство, пустоту, мелочность, лягушечные талантики, раздуваемые въ воловъ и все т. п. Читатель можетъ себѣ представить, какъ это должно было болѣзненно подѣйствовать на впечатлительное и любящее сердце. Писатели—это общественные врачи, цѣлящіе раны толпы изображеніемъ и воспроизведеніемъ жизни:—но когда эти врачи сами недужны, заражены нравственной проказой,—какая отъ нихъ можетъ быть польза больнымъ?

Читая ихъ сочиненія, и зная ихъ въ дѣйствительности, я невольно восклицаю: medice, cura te ipsum!

Ихъ совѣстно даже назвать литераторами: взявъ въ соображеніе благородную плеяду Карамзина и Пушкина, нашихъ современниковъ точнѣе всего можно назвать *литературщиками*. Они осмѣиваютъ недостатки всѣхъ другихъ (бо́льшею частію внѣшніе), но никто еще не попытался указать имъ на ихъ собственные недостатки, что принесло-бы пользу и литературѣ и обществу.

Человѣкъ благовоспитанный и съ нравственными правилами, въ кружкѣ молодыхъ нашихъ литераторовъ, чувствуетъ себя будто въ вертепѣ, такъ называемыхъ въ простонародьи, жуликовъ и мазуриковъ. Онъ не можетъ равнодушно вынести ихъ циническихъ разговоровъ, ихъ мизернаго юмора, плоскаго остроумія, и слышать, какъ они относятся къ другимъ, бо́льшею частію, истинно-благороднымъ личностямъ и къ жизни.

Нѣкто Новый поэтъ, въ своихъ жалкихъ фельетонишкахъ, ужъ нѣсколько лѣтъ проповѣдуетъ все пустое и мелочное нашей, и безъ того пустой и мелочной, публикѣ. Фельетоны его принесли ожидаемую пользу. Одинъ изъ тысячи провинціальныхъ молодыхъ людей, вѣрящихъ въ каждую печатную строчку и считающихъ все печатное за святое, заложилъ послѣдніе десять родовыхъ душъ, для того, чтобъ на эти деньги купить себѣ батистовое бѣлье у Лепретра и фракъ у Шармера, въ видахъ сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ. Онъ, такъ-же, какъ Новый поэтъ, не протянетъ руки на улицѣ ни одному умному, ученому и благородному человѣку, если онъ одѣтъ не по послѣдней картинкѣ модъ, приложенной къ «Современнику», за что, разумѣется, поблагодарятъ всѣ умные и благородные люди, видя себя окончательно обезпеченными на улицѣ отъ подобной компрометирующей ихъ любезности Новаго поэта.

Я, въ качествѣ доктора душевныхъ болѣзней, прописалъ когда-то нѣсколько пилюль этому больному, но, видя, что онѣ не дѣйствуютъ, посовѣтовалъ ему обратиться къ какому-нибудь ветеринару или фельдфебелю, которые владѣютъ болѣе дѣйствительными средствами, необходимыми для подобныхъ натуръ.

Я замѣтилъ, что люди, непринадлежащіе къ текущей нашей литературѣ, благороднѣе, благовоспитаннѣе нашихъ литератур-

щиковъ, которыхъ прославляемые романы и повѣсти не болѣе, какъ романы-фельетоны и повѣсти-фельетоны, подобные эфемеридамъ этого рода, тянувшимся въ фельетонахъ газетъ сороковыхъ годовъ.

Но за всѣмъ тѣмъ, между нынѣшними писателями есть истинно образованные, чувствующіе, мыслящіе и благонамѣренные люди, и если мы представимъ себѣ современную литературу какъ-бы кругомъ, то въ зенитѣ его будетъ стоять Иванъ Аксаковъ, эта отрадная, утѣшительная личность, а въ надирѣ—Иванъ Панаевъ.

Я помѣстилъ въ своемъ «Сонникѣ» нѣкоторыхъ, глубоко-уважаемыхъ мною людей, но коснулся ихъ какихъ нибудь только чисто внѣшнихъ качествъ, внѣшняго вида или обстановки жизни, не касаясь ихъ нравственнаго содержанія, которому я искренно симпатизирую. Я имъ, на собственный счетъ, далъ поводъ посмѣяться надъ моимъ дѣтскимъ простодушіемъ и аркадскимъ характеромъ, такъ несообразнымъ съ почвой Ингерманландіи, на которой я имѣю счастіе прозябать.

Можетъ быть изъ-за этого «Сонника» подымутся на меня журнальные блохи, осы, шмели и вся эта литературная метаморфоза Булгарина, только въ болѣе современной формѣ. Я буду долго слышать ихъ жужжанье противъ меня, брань, недобросовѣстные намеки, личности, клеветы, высказываемыя печатно, къ чему я такъ давно привыкъ и чѣмъ я горжусь, въ простотѣ своего аркадскаго сердца.

Это предисловіе могло-бы быть гораздо пространнѣе, но благодаря моей лѣни и врожденному скудоумію, вышло коротко, безсвязно, отрывисто, и главное, что всего для меня отраднѣе—невинно.... но впрочемъ sapienti sat.

Мартынъ Задека— сынъ изъ Аркадіи.

Аксаковыхъ *) во снѣ видѣть..... вообще означаетъ все честное, благородное и достойное подражанія для всѣхъ русскихъ писателей, которые больно хромаютъ нравственными качествами.

---

*) Здѣсь приводятся только добавленія или варьянты, безъ повторенія уже выше (328—336) напечатаннаго текста.

Арапетова, Ивана Павлова — во снѣ видѣть предвѣщаетъ возъимѣть поползновеніе къ — грѣху *).

Бенедиктова во снѣ видѣть предвѣщаетъ увидѣть на яву индѣйскаго пѣтуха.

Г — ку Ѳедора во снѣ видѣть предвѣщаетъ побывать въ звѣринцѣ....

Дружинина Александра во снѣ видѣть предвѣщаетъ столкнуться въ Средней Мѣщанской съ Мефистофелемъ XIV класса, съ денди Выборгской стороны, со львомъ средняго кружка, съ циникомъ въ палевыхъ перчаткахъ; слышать ихъ *грошевой юморъ* и видѣть ихъ копеечный развратъ. Иногда-же предвѣщаетъ угораздиться передѣлать французскій романъ на русскіе нравы, и вообще сдѣлаться чужеяднымъ растеніемъ. Дѣвицамъ предвѣщаетъ ѣсть холодную щуку. Литераторамъ—описывать аристократическій кругъ, куда ихъ не допускаютъ на пушечный выстрѣлъ.

Каткова, *Леонтьева*, *Коршей*, также *Ѳеоктистова* и всю эту литературную мелюзгу «Русскаго Вѣстника» во снѣ видѣть предвѣщаетъ щеголять предъ невѣждами прививнымъ умомъ изъ разныхъ германскихъ брошюръ и фоліантовъ; не знать Россіи, смотрѣть на нее изъ Гетингенскаго окошка или изъ предмѣстія св. Антонія; вопить заносчиво о своей добросовѣстности, съ примѣсью гордаго презрѣнія ко всему, что не подхо-

*) *Арапетовъ* помѣщенъ между литераторами только по дружбѣ съ Х. Х. Самъ-же отъ роду не писалъ, но кричалъ много. *Н. Щ.*

дитъ подъ нашъ бездарный и узкій взглядъ; глубоко уважать собственное достоинство, безъ всякихъ на это данныхъ; писать эстетическія статьи и восхищаться разбирая, напримѣръ, какую-нибудь древнюю статую, которую ты никогда не видалъ и которая находится въ пяти тысячахъ верстахъ отъ тебя, и все это благодаря томамъ Винкельмана и разнымъ другимъ германскимъ изданіямъ, темнымъ для нашей смиренно-мудрой публики и ребяческой критики; выдавать мысли, сказанныя давно въ Германіи, за свои собственныя и въ первый разъ повѣданныя міру,—да къ тому еще, вмѣсто благодарности, ругнуть горделиво нѣмецкихъ историковъ философіи: — замѣнить природное *отсутствіе таланта* и *вкуса* буквоѣдствомъ, педантизмомъ, чорствою, сухою, заскорузлою ученостью, — вычитанными теоріями и взглядами; понимать *абсолютное* значеніе и норму вещей, — что легко можно вычитать изъ множества иностранныхъ источниковъ — и не понимать ихъ *относительнаго* значенія,—для чего нужны врожденная самодѣятельность, самобытность мысли и способность соображенія; знать все, кромѣ себя и своихъ; любить и уважать все, кромѣ своего очага и, такимъ образомъ, быть мимоидущими призраками и эфемиридами въ отечественномъ дѣлѣ. — Но вообще сей сонъ означаетъ, въ простотѣ аркадской души, желать посадить пальму на лапландской почвѣ и подъ полярнымъ небомъ, близоруко, не соображаясь съ мѣстными условіями; — или-же создать себѣ кумирчиковъ въ своемъ муравейникѣ; расплодить въ немъ Добчинскихъ и Бобчинскихъ русской науки, литературныхъ подлипалъ и ученыхъ блюдолизовъ, и съ высоты своего пигмейскаго величія трубить о какихъ-то своихъ *собственныхъ* убѣжденіяхъ. — но *собственныхъ* потому только, что онѣ стоятъ на нашей

собственной полкѣ; также нерѣдко и довольно искусно и бельлетристически составлять компиляціи, глубокомысленно выдавая ихъ за свои оригинальныя произведенія, въ видахъ русскаго невѣжества. — Впрочемъ, сей сонъ весьма невиненъ.

Кроля Николая во снѣ видѣть—заболѣть нескромно.

Кукольника Нестора во снѣ видѣть предвѣщаетъ изъ романтическаго трубадура, превратиться въ черезъ-чуръ классическаго чиновника. .....

Манна видѣть во снѣ предвѣщаетъ вырости.

Некрасова во снѣ видѣть предвѣщаетъ изъ житейской необходимости войдти въ связи съ пустымъ и пошлымъ человѣкомъ, въ родѣ Ивана Панаева

Погодина во снѣ видѣть предвѣщаетъ: выгодно сбыть съ рукъ старую негодную рухлядь, или съ барышомъ продать старьевщику старыя голенища и битые штофы; но за всѣмъ тѣмъ, — сонъ хорошій, особливо въ послѣднее время.

«*Русскій Вѣстникъ*» или объявленіе объ изданіи его во снѣ читать предвѣщаетъ увидѣть на яву, какъ перо рождаетъ мышь, или какъ лягушки раздуваются въ быковъ; — иногда-же предвѣщаетъ испытать на самомъ дѣлѣ какъ легко надуть, на первый годъ, простосердечную публику великолѣпными и пустозвонными пуфами.

С..... Авдотью во снѣ видѣть предвѣщаетъ: отца и мать въ грязь втоптать — лишь-бы только плохую повѣстушку написать, или-же увидѣть, какъ русская холопка корчитъ изъ себя эманципированную Жоржъ-Сандъ.

Соловьева, профессора, и *Макарія*, епископа Виницкаго, во снѣ видѣть предвѣщаетъ увидѣть на яву первую занимающуюся зарю *самобытной русской науки*.

Сологуба графа во снѣ видѣть предвѣщаетъ: взять и не отдать; иногда-же предвѣщаетъ съ изумленіемъ увидѣть на мраморномъ пьедесталѣ роскошную севрскую вазу, наполненную болотною тиною и покрытую сверху букетами камелій.

Сальясъ графиню видѣть во снѣ предвѣщаетъ выцарапать глаза человѣку, принадлежащему къ другому литературному муравейнику, или увидѣть на яву Madame Rolland Вшивой Горки. — Иногда-же предвѣщаетъ читать длинный и довольно не глупый романъ, но съ совершеннымъ отсутствіемъ всякой поэзіи, хоть и съ присутствіемъ утилитарности.

Хотинскаго во снѣ видѣть ..... сонъ не цензурный!

Шестакова, московскаго профессора, видѣть во снѣ предвѣщаетъ въ слѣдующую ночь увидѣть во снѣ В. К. Тредьяковскаго, стоящаго на котурнахъ Софокла, закутаннаго въ софокловскій гиматій и выдающаго почтеннѣйшей публикѣ свою «Деидамію» за Софоклова: «Эдипа — царя».

Щербину видѣть во снѣ предвѣщаетъ быть обой денным чиномъ, или вообще всякое горе и неудачу. Иногда-же предвѣщаетъ заболѣть желчной лихорадкой при *всеобщемъ благоденствіи* (зри въ русскихъ газетахъ отдѣлъ: «Внутреннихъ извѣстій»).

II.

Варьянты къ стихотвореніямъ Н. Ѳ. Щербины. 1857 г.

Въ экземплярѣ «Стихотвореній Н. Щербины» (изд. 1857 г.), принадлежащемъ *В. Р. Зотову*,—есть нѣкоторые, впрочемъ немногіе варьянты отмѣченные сословъ автора, но симъ послѣднимъ не внесенные въ тотъ экземпляръ, который онъ самъ подготовилъ для напечатаннаго нынѣ посмертнаго изданія его сочиненій. Вотъ эти варьянты:

Вакханка. (Стр. 17-я, послѣ 1-го стиха снизу):

Глядѣть на тебя ненаглядно!...
Не правдаль, не даромъ, уроки
Брала у самой ты Венеры,
Разлей же восторговъ потоки,
Безумія, ласкъ и упреки,
И пылъ изступленья безъ мѣры.

Весталка. (стр. 47, стихъ 6 снизу):

Я ухожу, и прощаюсь на вѣкъ съ наслажденьемъ!

Современная дума. (стр. 140 стихъ 3 съ конца).

Довольные равной судьбой,

Женщинѣ. (стр. 141, стихъ 9 снизу):

Не человѣкомъ, но женой....

Ibid. (стр. 141, стихъ 4, снизу):

Ты о правахъ своихъ забыла

Ibid. (стр. 142, стихъ 2, съ конца):

Подвинуть міръ въ дорогѣ къ счастью,

Ямбъ. (стр. 147, стихъ 2, сверху):
Мой грустный путь безвыходно лежитъ,
Поэту. (стр. 149, стихъ 13 сначала):
Лживой власти, хоть могучей
Ibid. (стр. 150, стихъ 2 съ конца):
Въ кару власти беззаконной,
Послѣ бала. (стр. 157, стихъ 7 съ конца):
А блаженствомъ дрему иль безстрастье....
Ibid. (стр. 158, стихъ 10 снизу):
Обдуманную мысль — ребяческой мечтою,
Современная Вакхическая пѣсня. (стр. 160, стихъ 8 снизу):
И смѣшно намъ утѣшенье,
Ibid. (стр. 160, стихъ 1 снизу):
Въ свѣтѣ строгаго ума.

III.

Эпиграммы передѣланныя было для печати.

(Декабрь 1859 г.)

Такъ озаглавлена Щербиною тетрадь въ листъ (23 полулиста), куда его рукою внесено двадцать девять эпиграммъ и прочихъ сатирическихъ пьесъ. Этому списку «альбома ипохондрика» предпослано предисловіе, приведенное въ началѣ настоящаго собранія сочиненій Щербины (см. стр. XXXI). Затѣмъ слѣдуютъ: 1. «Москвитянинъ» 1856 г. (см. выше стр. 308); 2. «Нѣкая Бесѣда» (см. выше, стр. 309); 3. Газета «Молва»:

Къ «Молвѣ» названье не пристало:
Ея читателей такъ мало,
Что хоть зови её отнынѣ —
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ.
1857.

4. Еще о «Молвѣ» (см. выше, стр. 310); 5. «Піитѣ-Обличителю», 1859 г. (стр. 319); 6. «Эпитафія экстравагантному критику», 1859 г. (стр. 317); 7. Автору

«Книги Печалей», 1855 г. (см. стр. 306); 8. «Нѣкоему Піитѣ», 1855 г. Къ имени «Вико» сдѣлано въ рукописи примѣчаніе: «Вйко, знаменитый итальянскій писатель, въ сочиненіи своемъ «Scienza Nuova» (философія исторіи), между прочимъ, говоритъ, что одни и тѣже факты въ исторіи народовъ, чрезъ извѣстное пространство времени, какъ-бы круговращаясь, повторяются, въ соотвѣтствующихъ только своему времени формахъ.» Эпиграмма «Нѣкоему Піитѣ» напечатана выше, стр. 304; — «Напутствіе нѣкоему книгочію» (см. выше, стр. 299); — 10. «Ему-же» 1857 г. см. «Кто онъ?» (стр. 311); — 11. «Тмутараканскому критику», 1857 г. (см. стр. 309); — 12. «Нѣмцамъ-Славянофиламъ», 1858 г. (см. стр. 312); — 13. «Двойное горе», 1852 г. (см. стр. 293); — 14. «Современная поэзія», 1850 г. (см. выше, стр. 292); — 15. «Астрономическая Проблемма» (см. выше, стр. 306 — 308). — 16. «Фигура Поправленія или Конокрадъ Луговой». Спб. 1859 г. (см. выше, стр. 315); — 17. «Ужасающая догадка», 1859 г. (см. выше, стр. 318); — 18. Доморощенный либерализмъ», (см. стр. 318); — 19. «Любовная пѣсня», 1859 г. (см. стр. 319 — 320); — 20. «Эпитафія купцу», 1851 г. (см. стр. 292); — 21. «Отвѣтъ Грека на эпиграмму Татаръ», 1859 г. Отвѣтъ этотъ напечатанъ выше, на стр. 321; но вотъ эпиграмма, которая его вызвала:

Полу-хохолъ и полу-грекъ,
Но Нѣжинской, а не Милетской,
Скажи: къ чему ты въ злобѣ дѣтской,
Свой жалкій коротэешь вѣкъ?

22. «Литературный Вѣстовщикъ»:

Всякій слухъ меня тревожитъ
И тяжолъ душѣ моей:

Въ горлѣ мнѣ першитъ и гложетъ, —
И оно сдержать не можетъ
Ни одной изъ новостей.
1857.

23. «Невозможность эпиграммы: издателю журнала для малютокъ-идіотовъ», 1858 г. (см. выше, стр. 313); — 24. «Самое точное философическое опредѣленіе», (см. выше, стр. 344 — 346); — 25. Гегелическая «Призрачность», 1859 г. (см. выше, стр. 346—350); — 26. Автору всевозможныхъ «Пустячковъ», 1853 г. (см. выше, стр. 302); — 27. Четверостишіе, сказанное близорукой Завистью, 1853 г. (см. стр. 302); — 28. Послѣ чтенія одной критической статьи, 1854 г. (см. выше «Новое Слово», стр. 310) и 29. «Штукаревскій либерализмъ» (см. выше, стр. 318).

Имена собственныя въ эпиграммахъ передѣланы, напримѣръ: Кульковъ, Жалковъ, Тупцовъ, Торцовскій, Загорьевъ и т. п.

Рукопись процензорована и разрѣшена къ печати цензоромъ *Д. Мацневымъ*.

Вотъ еще эпиграмма Щербины, найденная въ одномъ изъ списковъ и не попавшая въ изданіе, такъ-какъ не имѣется въ его бумагахъ:

Въ нашъ вѣкъ въ фиглярствѣ самомъ быстромъ
Увы, не много барыша:
За что Державинъ былъ министромъ, —
Не видитъ.....въ и гроша!

IV.

Письма Н. Ѳ. Щербины къ Ѳ. Б. Миллеру.

1859 г.

(Дополненіе къ пародіи на стр. 317).

1.

ПАТОЛОГИЧЕСКІЙ ФАКТЪ.

(Изъ письма въ редакцію).

Я ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ пересталъ писать стихи, даже и успѣлъ позабыть, какъ они пишутся, словомъ, я оставилъ-было „это малодушество“....

Но какова сила изящнаго, какъ могущественны, какъ заразительны свойства истинной поэзіи!

Вотъ примѣръ.

Въ XII-ой книжкѣ «*Современника*», за декабрь мѣсяцъ прошлаго 1858 года, я прочиталъ замѣчательнѣйшую поэму г. Аполлона Григорьева, подъ названіемъ:

„Venezia la Bella.“

«*Дневникъ странствующаго Романтика*».

Читая это стихотвореніе, я слышалъ то будто стукъ топора, то стукъ и грохотъ пустой бочки, катящейся по кочкамъ, то, наконецъ, мнѣ казалось, что выступаетъ и заливаетъ меня вода со всѣхъ венеціанскихъ лагунъ и canaletti.

Мнѣ чрезвычайно понравились и особенно поразили меня эти стихи г. Аполлона Григорьева въ его превосходной поэмѣ:

«Изъ тѣхъ ночей особенно одна
Мнѣ памятна дождливая.—Проклятья
Достаточныя отъ меня она
Терпѣла. Въ этотъ вечеръ увидать я

Тебя не могъ,—была увезена
Куда-то ты,—но дверь отворена
Въ твой уголокъ, дышавшій благодатью,
Въ пріютъ твой дѣвственный была, и платье
Забытое, иль брошенное тамъ
Лежало на диванѣ.... Съ замираньемъ
Сердечнымъ, съ грустью, съ тайнымъ содроганьемъ
Я прижималъ его къ моимъ устамъ,—
И ночь, потомъ,—сколь это необидно—
Я самъ, какъ пёсъ, вылъ глупо и безстыдно».

(стран. 379).

Еще и прежде и послѣ этой строфы г. Григорьевъ частенько прибѣгаетъ ко псу, такъ, напримѣръ говоря:

«*То пса тоска*, то мука злыхъ духовъ!»

(стран. 390).

и потомъ въ слѣдующей строфѣ подтверждаетъ это, восклицая:

«Да! *пса* тоска.....» и проч.

Или, на той-же страницѣ онъ опять говоритъ о своемъ таинственномъ, неизбѣжномъ *псѣ*:

«*Глядишь какъ сычъ*, бывало, сердце ноетъ,
А песъ такъ глупо, дико, жалко воетъ».

(стран. 390).

Въ концѣ своего произведенія, что весьма замѣчательно, нашъ глубокомысленный поэтъ выразилъ слѣдующую, какъ видно, субъективную истину:

«Глупъ иногда бываетъ человѣкъ».

(стран. 395).

Читая эту поэму, я, послѣ каждой строфы ея, ощущалъ въ себѣ что-то похожее на *водобоязнь* (гидрофобію), а по прочтеніи всей поэмы почувствовалъ, что во мнѣ тотъ-часъ возобновился старый болѣзненный припадокъ, называемый у медиковъ—spasmus scriptatoria,—

и я невольно принялся писать поэму, и думаю что „пѣсенъ въ двадцать-пять.“

Вотъ ея начало:

Roma l'Antica.

(Одиссея послѣдняго сумасброда).

Я милую мою въ античный Римъ привёзъ:
Дремала при лунѣ всемірная столица,
И я исполненъ былъ какихъ-то дикихъ грёзъ
И глупыхъ, и больныхъ, дождемъ кропящихъ слёзъ,
Мнѣ видѣлись вездѣ трагическія лица, —
И я завылъ тогда, какъ нѣкій ярый пёсъ,
А милая моя завыла, будто псица, —
И въ вѣчномъ городѣ такой поднялся вой,
Что заревѣли вдругъ козелъ, ослица
И крикнулъ «*караулъ*» французскій часовой.

Пользуясь благодѣтельной гласностью, такъ широко развитой въ наше время, сообщаю это, какъ *патологическій фактъ* для свѣдѣнія людямъ, спеціально занимающимся Психіатріею.... Но признаться — боюсь *протеста нападокъ*.... хоть со стороны здраваго смысла положимъ. *Николáки Омега.*

1859 года, Января 14.
С.-Петербургъ.

2.

Сдѣлайте милость не печатайте моего „патологическаго факта“. Этимъ вы меня лично обяжете. Онъ написанъ въ минуту ипохондріи, и, можетъ быть, по мимо меня, вышелъ злымъ,—между тѣмъ какъ я люблю А. А. Григорьева сердечно, а эта статейка будетъ клеветою на мое нормальное чувство, тѣмъ болѣе, сколько я сознаю теперь, въ ней есть обидныя выраженія и намеки, и даже дерзскія, какъ на-примѣръ:

субъективная (!!) истина
«Глупъ иногда бываетъ человѣкъ».

Поспѣшите велѣть вынуть изъ формы въ типографіи, если она набрана и замѣните это мѣсто какимъ либо стихотвореніемъ, а я вамъ за это одолженіе для меня пришлю серьеознаго содержанія стихотвореніе...

Постарайтесь, поспѣшите устроить это дѣло, чѣмъ много меня обяжете.

Весь Вашъ

Щербина.

PS Да и притомъ эта породія явилась уже въ «Искрѣ».

27 января, 1859 г.
Петербургъ.

3.

С.-Петербургъ февраля 20 дня 1859 г.

Пріятнѣйшее письмо ваше я имѣлъ удовольствіе получить, и не могу не высказать вамъ при этомъ случаѣ всю полноту моей искренней признательности за дружеское вниманіе ваше и сочувствіе ко мнѣ.

Намѣреніе ваше предложить меня на выборахъ въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества любителей Русской Словесности я принимаю, какъ особенную честь для себя, обязывающую меня впредь своими трудами сдѣлаться болѣе достойнымъ этого почетнаго и снисходительнаго выбора, дающаго мнѣ поощрительную возможность быть въ числѣ тѣхъ лицъ, которыхъ я привыкъ уважать и которые, въ настоящее время, составляютъ лучшихъ людей нашего отечества. Это общество основано *въ Москвѣ*, и потому оно многознаменательно для Руси.

Только живя въ Петербургѣ, можно вполнѣ оцѣнить что такое Москва, по отношенію къ отечественной мысли и слову, да и вообще къ настоящему и будущему Россіи.

Еще разъ признательно благодарю васъ за лестное для меня предложеніе ваше, на которое я изъявляю полное мое согласіе.

Вотъ уже 6 лѣтъ какъ я занимаюсь изученіемъ *русскаго быта*, *исторіи*, *народной словесности* и вообще великороссійской народности. Каждый годъ четыре лѣтнихъ мѣсяца разъѣзжаю по деревнямъ для изученія народной словесности, народнаго быта и характера. Живя же въ Петербургѣ, я все это изучаю по письменнымъ памятникамъ, и по опыту знаю, что наша Русь— неисходимое море для изученія. Вотъ почему я много учусь и почти пока еще ничего не пишу.

По этой причинѣ, я теперь ничего *пока* не могу доставить для вашего журнала, но надѣюсь къ осени прислать вамъ что нибудь, чѣмъ исполню свой долгъ въ отношеніи къ вамъ.

На счетъ моего сатирическаго альбома я скажу вамъ, что, по нѣкоторымъ причинамъ, я не могу имъ распоряжаться, какъ бы хотѣлъ, ибо далъ обѣщаніе относительно его „Искрѣ". Впрочемъ, что не могло бы войдти въ нее, я современемъ, когда буду имѣть право, доставлю вамъ.

Попросите отъ меня княжну Н. П. Шаликову о доставленіи мнѣ альбома съ оказіей.

Вашъ весь *Н. Щербина.*

V.

Списокъ эпиграммъ Щербины не вошедшихъ въ полное собраніе его сочиненій.

1) Хвалебная пѣснь Евдокіи Глинкѣ..... (1852 г.).
2) Русская эпиграмма (1854 г.) «*Правой мысли цвѣтъ и сила*»...
3) *Онъ Булгаринъ въ «Арлекинѣ»....*
4) *Онъ въ «Арлекинѣ» воспѣвалъ»....* (1854 г.).
5) «*Въ Россіи странный вѣкъ насталъ*«.... (1857 г.).
6) Вопросы: *Кто ходъ людей сдержалъ отъ вѣка....* (1859 г.).
7) *Жалки намъ твои творенья...* (1859 г.).
8) Загадка.—*Подражаніе Пушкину.* (1862 г.).
9) *** *Значенье недорослямъ придалъ...* (9 апрѣля 1862 г.).
10) *Ты тупоумно, непристойно.....* (11 апрѣля 1862 г.).
11) Русская современность (1862 г.).
12) *** *Онъ Пилатъ студентской дружбы...* (1 іюня 1862 г.).
13) Политическій узникъ Петербурга. (25 октября 1862 г.).
14) Алексѣевскій равелинъ въ 1862 г. (7 декабря 1862 г.).
15) *На тупоумія магистра....* (5 апрѣля 1863 г.)
16) *** *Тупоумнымъ для забавы...* (23 мая 1863 г.)
17) *На Руси—на все есть мода....* (8 мая 1864 г.)
18) *** (28 сентября 1864 г.).
19) *** *Идеи съ формой...* (12 января 1865 г.)
20) *** *Не сердись!... Пришлося къ слову...* (21 января 1865 г.)
21) *** *Онъ доказалъ...* (24 января 1865 г.)
22) Вопросы Спиритовъ. (7 октября 1865 г.)
23) *** *Ахъ, какая онъ....* (26 апрѣля 1866 г.)
24) Энциклика. (іюнь, 1866 г. Старая Русса.)
25) Совѣтъ. (іюль, 1866 г. Старая Русса.)
26) Смерть С. С. Дудышкина. (На мотивы изъ Шиллера; 17 сентября 1866 г.)
27) *** и *** *Кэтткофъ лордъ да смердь Иванецъ...* (16 января 1867 г.)
28) *Повсюду печать кретинизма...* (7 іюня 1867 г.).
29) Палкину, (экспромтъ 28 октябрл 1867 г.)
30) Зараза. (24 октября 1867 г.)
31) «Marquis de N. N.» (4 декабря 1867 г.)
32) Русская серія. (4 декабря 1867 г.)

33) XIX вѣкъ. (9 декабря 1867 г.)
34) *Я на исторію сошлюся...* (10 декабря 1867 г.)
35) По нашей логикѣ. (Дилемма, 10 декабря 1867 г.)
36) Дополненіе къ «Русскому Толковому Словарю» В. И. Даля. *Когда въ Россіи многопьющей!...* (1868 г.)
37) Трущобнымъ зоиламъ, (3 января 1869 г.)
38) *** *Я изъ міра сего многоумнаго....* (30 марта 1869 г.).

Опечатки.

Стр.	Строки.		*Напечатано:*	*Читай:*
15	стихъ	4 сверху:	И любуясь	И любуюсь
47	—	10 снизу:	Бѣдна ты душой	Вижу бѣдна ты душой
69	—	1 сверху:	Орицаньемъ	Отрицаньемъ
74	—	3 —	душа волненье	душа твоя волненье
108	—	5 снизу:	рацвѣта	расцвѣта
152	—	5 —	руками	криками
153	—	5 сверху:	яты	ядра
207	—	3 снизу:	За что и какъ	За что, какъ
211	—	8 —	о чемъ ты вопишь, могила?	о чемъ вопишь могила?
241	—	14 сверху:	Провидѣпья	Провидѣнья
302			1854 г.	1853 г.
306			1856 г.	1855 г.
309	—	6 снизу:	Успѣнье	успенье,
310			«17 мая 1857 г.»	«1854 г.»
341	строка	3 снизу:	(coleopera)	(coleopetera)
345	—	5 сверху:	филоеовскомъ	философскомъ
546			Гегелическая «Призрачность»	Гегелическая «Призрачность» (1859 г.)
355	—	3 снизу:	ботаническіе виды	описаны ботаническіе виды.

LIBRARY OF CONGRESS
00025294609